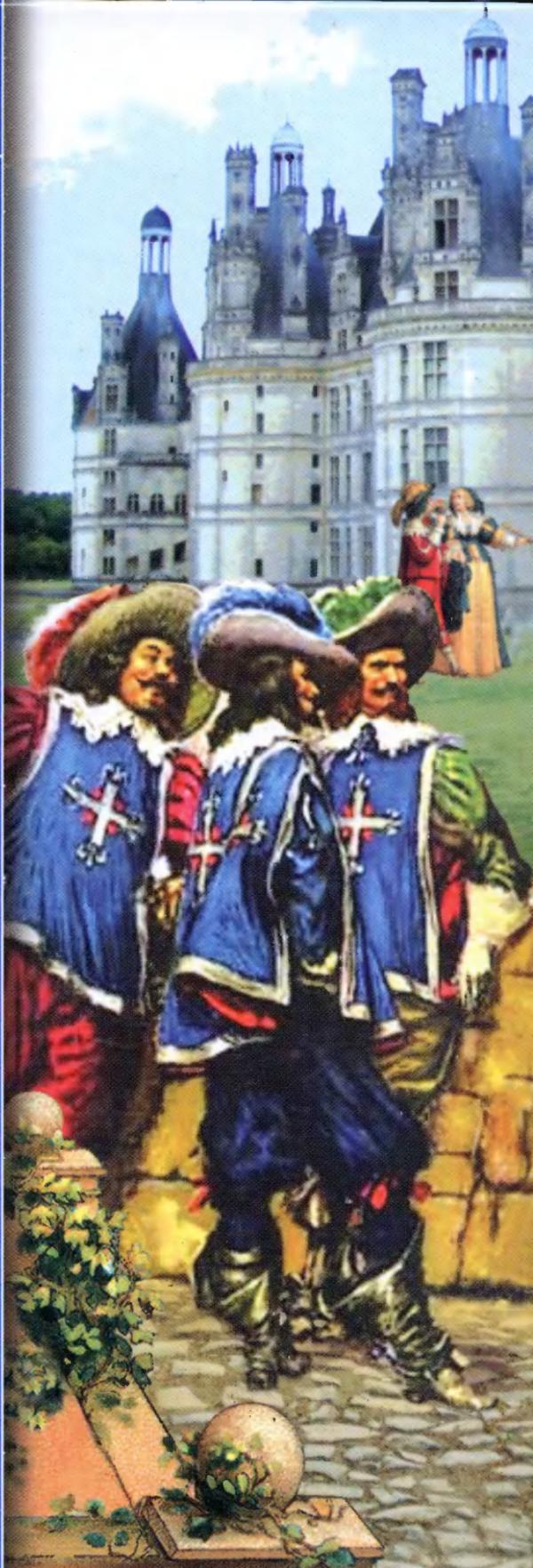

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Екатерина Глаголева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

КОРОЛЕВСКИХ МУШКЕТЕРОВ

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Екатерина Глаголева

МОСКВА

ЖИЗНЬ КОРОЛЕВСКИХ МУШКЕТЕРОВ

УДК 94(44)“15/16”
ББК 63.3(4Фра)
Г 52

Scan By Vitautus

*Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА*

ISBN 978-5-235-03161-6

© Глаголева Е., 2008
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2008

Франция создавалась мечом.

Шарль де Голль

*Я всегда был хозяином в своем дому,
а порой и в чужом.*

Людовик XIV — лорду Стэрю

«Страна, в которой то война, то революция» — эти слова как нельзя лучше характеризуют новый период в истории Франции. Кровопролитные Религиозные войны конца XVI века сменились походами против гугенотов и подавлением крестьянских восстаний, сражениями с Габсбургами, Тридцатилетней войной. Затем были Деволюционная война, Голландская война, война с Аугсбургской лигой, «драгонады» и война за Испанское наследство. Умирая, Людовик XIV завещал своему правнуку Людовику XV не повторять своих ошибок и по возможности избегать войн, однако новый век начался с войны Четверного союза, продолжился войнами за Польское и Австрийское наследство, а Семилетняя война, в которой Франция потерпела поражение, стала одной из латентных причин Великой французской революции 1789 года.

XVII век называют во Франции «великим», а «кто не жил в восемнадцатом веке, тот вообще не жил», как якобы утверждал Талейран. Великий век действительно принес стране великие перемены: из лоскутного одеяла феодалных уделов она превратилась в единое государство под властью коро-

ля, который был уже не «первым среди равных», а помазанником Божиим, абсолютным и безраздельным владыкой. Централизованное государство и режим абсолютизма сложились в период 1653—1661 годов: король сосредоточил в своих руках исполнительную, законодательную и судебную власть, обязуясь соблюдать лишь Божественный и природный законы.

Сама же Франция XVII века являла собой некий исторический феномен, достойный удивления: пережив столько напастей (к войнам и междоусобицам следует добавить эпидемии чумы и неурожайные годы), она не только не захирела, но, напротив, окрепла, превратившись в самое мощное и богатое государство Европы. В первой трети столетия население большинства ее не слишком многочисленных городов не превышало 10—20 тысяч жителей, а общее количество подданных Людовика XIII (1601—1643) составляло 12 миллионов человек. Во времена Людовика XIV (1638—1715) во Франции насчитывалось 19—20 миллионов жителей при плотности населения 38 человек на квадратный километр. Крупных городов было мало: Париж (510 тысяч жителей*), Лион (90 тысяч), Марсель (75 тысяч), Руан (60 тысяч), Лилль (55 тысяч); многочисленные малые города не слишком отличались от поселков. Однако административная карта 1700 года почти точно накладывается на современную. Несмотря на поражения во время войны за Испанское наследство, а также неудачные войны Людовика XV, к 1792 году население Парижа увеличилось примерно до 650 тысяч жителей, а население всего королевства выросло с 21 до 28 миллионов. Это было самое обширное королевство на западе Европы, с самым большим населением. Весь Старый Свет говорил по-французски, Париж был законодателем мод в одежде, интерьере, архитектуре, ландшафтном дизайне. Французы больше не умирали от голода и чумы, все войны происходили за пределами их территории, и даже детская смертность сократилась. К началу Французской революции население страны было молодым: 36 процентов — моложе двадцати лет,

* К ним следует добавить еще около 50 тысяч бродяг и провинциалов, ненадолго задерживавшихся в столице.

и только 24 процента жителей были старше сорока. Французское государство было способно противостоять всей Европе, сплотившейся против него. Заметим для сравнения, что в XX веке Франция ни в одной войне не могла обойтись без союзников.

Зачем же велись все эти нескончаемые войны?

Амбициозной целью внешней политики кардинала Ришелье, главного министра Людовика XIII, было «разместить Францию везде, где некогда была Галлия»; кардинал-герцог впервые бросил лозунг о Франции в «естественных границах», то есть рубежами страны должны были стать Арденны, Атлантика, Пиренеи, Средиземное море, Альпы и Рейн. Кроме того, он хотел сделать Францию крупным игроком на международной арене, с которым приходилось бы считаться другим государствам. Времена, когда французское посольство отказывались принять в некоторых немецких княжествах, а курфюрст Саксонский с издевкой осведомлялся у посланника, правит ли еще во Франции король, о котором что-то давно ничего не слышно, должны были окончательно отойти в прошлое. Такая позиция неминуемо привела бы к столкновениям с соседями — Испанией, Священной Римской империей, Италией, Англией, которые к тому же не упускали случая ослабить Францию изнутри, поддерживая мятежников всякого рода, от жаждущих автономии гугенотов до плетущих заговоры вельмож.

Великий кардинал делал главную ставку на дипломатию, придерживая пушки как «последний довод королей». В Тридцатилетнюю войну, бушевавшую в Европе с 1618 года, Франция вынужденно вступила лишь в 1635 году, и эта война, начавшаяся как религиозный конфликт между католиками и протестантами и столкновение династических интересов, превратилась в политическую борьбу между Францией и Габсбургами. Главной задачей изначально было завоевание Испанских Нидерландов (современная Бельгия), но по ходу военных действий Франция укрепила свои позиции и на юге, в Руссильоне. В итоге по окончании войны в 1648 году расстановка политических сил в Европе изменилась коренным образом: Вестфальские мирные соглашения

были подписаны в разоренной стране, которой потребуется несколько десятков лет, чтобы поднять голову; в Испании начался период упадка, а Франция, хоть и финансово обескровленная, вышла победительницей и вскоре уже смогла заявить о своей гегемонии.

Тем не менее к тому моменту, когда на французском троне утвердился Людовик XIV, Франция не владела ни Савойей, ни графством Ницца, ни Корсикой, ни Папской областью и княжеством Оранским в Провансе, ни Мюлузой, ни Лотарингией, за исключением Трех Епископств*, то есть ее территория была меньше 500 тысяч квадратных километров**. С юга, севера и востока страну обступали владения враждебно настроенных Габсбургов. К 1661 году на западе, юге и почти по всей своей протяженности на востоке границы королевства уже соответствовали природным, и только северная равнина и долины рек Маас, Мозель, Эн и Марна оставались «голыми», открывая дорогу на Париж. Воспользовавшись сменой власти в Мадриде, Людовик XIV предъявил права своей супруги на некоторые территориальные владения, подкрепив юридические доводы военными. Согласно договорам, заключенным в Ахене (1668) и Неймегене (1678), Франция приросла за счет части Фландрии (Испанские Нидерланды), почти всего Эльзаса, Франш-Конте (граничившей со Швейцарией) и нескольких городов-крепостей. Лилль, Страсбург и Безансон стали французскими. Границы королевства передвинулись на северо-восток на 200 километров. 8 января 1688 года король писал маркизу де Виллару: «Расширять свои владения есть наиболее достойное и самое приятное занятие государей».

Войны времен Людовика XIV способствовали созданию новой национальной территории. До тех пор и еще долго после того границы европейских государств отражали причудливый рисунок феодальных уделов.

* Три епископства (Мец, Туль, Верден) были приобретены Генрихом II в 1552 г., однако официально стали частью французской территории в 1648 г. по Вестфальскому мирному договору, положившему конец Тридцатилетней войне.

** Территория современной континентальной Франции (без заморских владений) составляет 551 500 км².

Понятие «французского парка», вытянутого по струнке и расчерченного по квадратам, не применялось к границам. Французский же Король-Солнце придавал им особенное значение. Инженер Вобан, рассуждая как «технар», предлагал монарху придать королевству четкую и ясную квадратную форму, поскольку «смещение дружественных и недружественных городов было ему совсем не по душе». Король заказал итальянскому картографу Кассини новую карту Франции, к которой предлагались десятки рельефных планов «железного пояса», охватывавшего территорию страны. Этими макетами, изображавшими оборонную мощь Франции, Людовик любовался в галерее Тюильри.

Некогда могущественная Испания теперь разваливалась. Из врага она стала союзницей, когда ее хилый правитель Карл II скончался в 1700 году, завещав свою империю Филиппу Анжуйскому — внуку Короля-Солнце. Англия в правление Стюартов хорошо ладила с Францией, но после революции 1688 года, когда к власти пришел бывший штатгальтер Голландии Вильгельм III Оранский, заклятый враг Людовика XIV, Франции пришлось постоянно сражаться с туманным Альбионом, естественным союзником Соединенных провинций, желавшим властвовать на всех морях и завладеть колониальным наследством Испании. Что же касается Голландии, традиционной союзницы Франции на протяжении почти целого столетия, то она превратилась в ее постоянного врага, когда преемник Ришелье кардинал Мазарини, водивший рукой несовершеннолетнего Людовика XIV, поставил себе целью полностью завладеть Испанскими Нидерландами. Кроме того, голландцы, нация торговцев-протестантов, мешали воплощению в жизнь новой торговой стратегии Франции, требуя снять таможенные барьеры. Австрийские Габсбурги поначалу были слишком поглощены угрозой со стороны турок, что позволило Людовику XIV довольно глубоко проникнуть в немецкие земли. В Меце, Брейзахе и Безансоне он учредил палаты воссоединения, которые должны были документально подтвердить права французской короны на те или иные земли. Имперский город Страсбург был внезапно занят французскими войс-

ками в 1681 году без объявления войны (Южный Эльзас отошел к Франции еще раньше — по Вестфальскому договору). Тогда же французский флот бомбардировал Триполи, а в 1684 году — Алжир и Геную. Только союз Голландии, Испании и Австрии заставил Людовика заключить в 1684 году в Регенсбурге двадцатилетнее перемирие и отказаться от дальнейших «воссоединений». Но Австрийский дом, уладив проблемы с турками на Дунае, вскоре перешел к активной политике на Западе. Габсбурги возродили давнюю мечту — воссоздать империю Карла V; столкновение двух имперских устремлений привели к войнам за передел карты Европы, продолжавшимся почти весь XVIII век и приведшим к тяжелым экономическим и политическим последствиям для Франции.

Помимо завоеваний на континенте, в XVII—XVIII веках Франция создавала свою колониальную империю: сфера ее интересов отныне простиралась далеко за океан. Освоение новых земель, которым поначалу занимались искатели приключений и лучшей жизни, стало направлением государственной политики. В 1604 году французские крестьяне из Бретани, Нормандии и Пуату основали Акадию (ныне это Новая Шотландия в Канаде), в 1608 году Самюэль Шамплен заложил в устье реки Святого Лаврентия крепость Квебек (Новая Франция). При кардинале Ришелье, поощрявшем деятельность торговых компаний, французы основали поселение на северо-восточном побережье Южной Америки (Гвиана), в 1627 году заняли часть острова Сент-Кристофер, а в 1635 году — Мартинику, Гваделупу и Доминику. Из Ла-Рошели корабли отплывали в Новую Францию и Акадию, из Нанта большинство судов направлялось на Антильские острова (деловому человеку там было нетрудно разбогатеть). Не осталась без внимания и Африка: в 1638 году в устье реки Сенегал появилось поселение Сен-Луи, в 1642 году французы построили Форт-Дофин на южной оконечности острова Мадагаскар и высадились на острове Бурбон (Реюньон) в Индийском океане. Жан-Батист Кольбер, министр финансов Людовика XIV, способствовал активному проникновению французов на полуостров Индостан, где были со-

зданы торговые фактории (Сурат в 1668-м, Масулипатам в 1669-м, Чандернагор в 1673 году); в 1674 году французская Ост-Индская компания основала форт-факторию Пондишери — центр французской экспансии в Индии. А в 1682 году исследователь Робер Кавалье де Ла Саль открыл земли на берегу Мексиканского залива и назвал их Луизианой в честь короля Людовика XIV. Войны, которые Франция вела в Европе, нанесли удар именно по ее колониальной политике: в результате войны за Испанское наследство (1701—1713) Людовик сохранил за своим внуком Испанию, однако отдал Англии часть Канады (Акадию, Новую Шотландию, остров Ньюфаундленд) и остров Сент-Кристофер; Франция также лишилась факторий в Сурате и Масулипатаме. А неудачная Семилетняя война (1756—1763) привела к тому, что Франция утратила большую часть своих заморских владений в Индии, Канаде и Вест-Индии, лишившись Луизианы и почти всего Сенегала.

В ходе всех этих войн, имевших в целом династический характер и не приносивших народу никакой сиюминутной выгоды, оборачиваясь для него чередой трагедий и бедствий, во Франции, несмотря ни на что, возникло еще одно важное явление: зарождение национального чувства.

В Средние века вассал протягивал своему сюзерену сложенные руки, признавая тем самым его главенство над собой и принося ему клятву в покорности. Этой клятве, впрочем, он мог изменить, найдя себе другого господина. Национальные причины были тут ни при чем; во время Столетней войны четыре гасконских графа во главе с графом Арманьяком отказались поддерживать английского короля (своего сюзерена, поскольку тот носил титул герцога Аквитанского) и сделали выбор в пользу французского монарха, хотя французами себя не считали. В 1627 году мятежные гугеноты Ла-Рошели обратились за защитой к Лондону. Только сила принудила их признать над собой главенство французского короля — одной с ними крови, но другой веры. «Я думаю, что лучше иметь господином короля, который сумел взять Ла-Рошель, чем короля, который не сумел ее защитить», — сказал Питон, мэр ка-

питулировавшей крепости. Во время волнений Фронды (1648—1653) юному королю пришлось бежать из Парижа, а принц Конде, сам претендовавший на трон, заключил союз с испанским королем Филиппом IV — тем самым, войска которого менее десяти лет тому назад разбил при Рокруа. Маршал Тюренн влюбился в сестру Конде герцогиню де Лонгвиль и по этой причине тоже вступил в стовор с испанцами и даже стал главнокомандующим испанскими войсками. К счастью для Франции, герцогиня его разлюбила и Тюренн решил принять сторону французского короля.

Личная преданность человеку, а не стране, превалирование личных интересов над национальными (например, бретонцы соглашались сражаться с англичанами, но отказывались идти против австрийцев) были чреваты самыми тяжелыми и плохо предсказуемыми последствиями. Великий политик Ришелье не мог этого не понимать; именно в его речах и докладных записках королю впервые появилось понятие «отечество». Людовик XIV, вознамерившийся единолично править страной, пошел еще дальше, пытаясь приобщить свой народ к своим великим замыслам. Во время последней затеянной им войны во всех приходах королевства священники зачитали с кафедр обращение короля к народу от 12 июня 1709 года: «Хотя я отношусь к моим народам с не меньшей нежностью, чем к собственным детям; хотя я разделяю все невзгоды, которые война несет моим верным подданным, и показал всей Европе, что искренне желаю доставить им радости мира, я убежден, что они сами воспротивились бы условиям, равно противоречащим как справедливости, так и чести имени француза».

Людовик XV, не отличавшийся воинственным характером, предпочитал спокойно править своим королевством, а не расширять его границы. После блестящих побед французского оружия он подписал в 1748 году мирный договор... вернув Австрии завоеванные Южные Нидерланды. По его словам, он поступил «как король, а не как торгаш». Этот широкий жест приветствовали в Европе, но дома «глупый мир» приняли в штыки. После этого французы простили Людовику XIV непо-

мерные налоги, бесчисленных внебрачных детей и роскошь Версаля, поскольку он утверждал на поле битвы национальные интересы. По мнению историков, именно в 1748 году во Франции зародилось «общественное мнение» — мнение французской нации.

И все же война по-прежнему оставалась делом короля и армии, а не народа. «Нет другого народа в мире, столь мало способного к войне, как наш», — с горечью отмечал Ришелье. Доля иноземных наемников в войсках составляла в среднем 15—20 процентов. Во времена Людовика XIV 12,6 процента генерал-лейтенантов и 13,8 процента маршалов Франции были иностранцами. Некоторые войска, например кавалерийские корпуса венгерских или хорватских гусар, набирали из иностранцев-дезертиров. Их задачей были преследование беглецов, разведка и связь. Французских крестьян загоняли в армию палкой и заставляли служить под угрозой смерти или каторги. В XVIII веке только треть солдат была из горожан, да и то в основном бывших крестьян, не нашедших себе в городе работы. В армию вербовались должники и преступники, стремившиеся избежать наказания; добровольцы часто покидали ее ряды до истечения шестилетнего срока службы, купив себе замену. Эта недисциплинированная и порой плохо обученная масса была слишком ненадежна, чтобы использовать ее как орудие для осуществления честолюбивых замыслов. Для этой цели требовались верные, бесстрашные и умелые люди, которые сделали бы войну своим ремеслом, а защиту короля и его интересов — священным долгом. Такой элитой стали дворянские роты, образовывавшие военную свиту французских королей, в число которых входили и королевские мушкетеры.

Дворяне и духовенство вместе взятые составляли всего два процента населения Франции. Дворяне были привилегированным сословием: не платили почти никаких налогов, имели исключительное право занимать высшие должности в армии и при дворе, жили доходами со своих поместий (дворянам принадлежала четверть французских земель), взимая с крестьян оброк деньгами или натурой. Но и само дворянское сословие

не было однородным: богатые и влиятельные вельможи вели разорительную и праздную жизнь при дворе, наслаждаясь всеми ее благами; министры, председатели провинциальных парламентов, интенданты использовали свое положение в целях личного обогащения (хотя над ними и висел дамоклов меч королевского гнева и опалы); а мелкопоместные дворяне в провинциях цеплялись за свои привилегии, выколачивая последние деньги из крестьян или возглавляя их мятежи, чтобы улучшить с их помощью свое существование.

Дворянин не имел права заниматься физическим трудом, не уронив своего достоинства; ремесла и торговля были для него под запретом (Ришелье тщетно пытался переломить эту ситуацию). Чиновничьи должности, как правило, были продажными и стоили немалых денег, поэтому дворянину, не чувствующему в себе призвания к роли помещика (или не имеющему возможности ее исполнять), оставался выбор: посвятить себя Церкви или служить в армии.

Армейские чины тоже продавались за деньги; тем не менее в эпоху постоянных войн армия была тем общественным стартом, где можно было сделать карьеру без «стартового капитала», проявив свои незаурядные качества. Но такими качествами должны были быть личное мужество, сила, выносливость, честолюбие и самоотверженность, то есть все те свойства, которыми наделяла своих детей Гасконь, бывшая на протяжении веков кузницей кадров для французской армии.

Гасконь находилась во Франции на особом положении. С VII по XII век это была отдельная страна с автономным правительством в лице графов, а затем маркизов и наследных герцогов, со своими обычаями, верованиями и народом. За эти пять веков Гасконь выковала свою индивидуальность, которая несмотря ни на что сохранилась и позже, когда она сделалась частью княжества Аквитанского, что привело ее к раздробленности и упадку. Гасконцы были потомками иберийских племен, а не галлов и франков, как остальные французы; укрываясь за стеной Пиренеев, о которую раз за разом разбивались волны завоевателей-германцев, они сохраняли свою самобытность, поддержива-

ли чистоту своей расы и шли своим путем. Ловко сочетая дипломатию и стойкость, они сформировали свой особый характер.

Не вдаваясь в географические подробности, скажем, что Гасконь расположена между Пиренеями и Гаронной, между Беарном и Сентонжем, между горами и равниной. У всех протекающих там рек и речушек один берег высокий, обрывистый, а другой — пологий. Исходя вдоль и поперек свою родину, гасконцы приобрели стальные икры и были неутомимыми путниками, что являлось важным обстоятельством в те времена, когда исход сражений решала пехота. Плодородной гасконскую землю не назовешь; чтобы жить, нужно было отправляться на чужбину и пробиваться там любой ценой, используя хитрость, дипломатию, а чаще шпагу; приспособливаться к любой среде. История и природа сделали гасконцев воинственными и практичными, жаждущими славы. Если нужно преодолеть трудности или завоевать чью-то симпатию — гасконец в своей стихии. Вынужденный рассчитывать только на себя, он проявляет смекалку и упорство и в конце концов добивается своего. Впрочем, гасконец всегда мог опереться на плечо земляка: взаимовыручка была одним из правил поведения, узаконенных в XIV веке, а на самом деле восходящих к седой древности; его точно сформулировал Александр Дюма: «Один за всех, и все за одного!»

Папа Павел III называл гасконцев орудием, посланным Богом для ведения войны. Французы считали Гасконь кузницей солдат, питомником армий, поставляющим цвет дворянства шпаги, отборных воинов. Уже со второй половины XIII века в любом полку, собиравшемся во Франции, было несколько рот, целиком состоявших из гасконцев. Бывало, что к настоящим гасконцам пристраивались ложные, старательно имитировавшие их акцент, чтобы погреться в лучах озарявшей это племя военной славы. В XVI веке боевым кличем французской армии был: «Беарн и Гасконь!» «Вся наша история полна их подвигов и свершений, я не могу назвать ни одной стычки, драки или сражения, осады, штурма, обороны или взятия города, при которых не отличились бы гасконцы», — писал в 1643 году Франсуа де Па-

ви, барон де Фуркево, в «Жизнеописании величайших французских военачальников». Полтора века спустя Наполеон воскликнул: «Дайте мне армию из настоящих гасконцев, и я пройду через сто лье сплошного огня!»

Роль Гаскони как поставщика солдат и военачальников была обусловлена и особенностями местного законодательства. Приобретая земельные владения, разбогатевший торговец или мастеровой присовокуплял к своему имени название поместья с дворянской частицей «де» и переходил в высший общественный класс, предоставляя своим детям прославить это новое имя, дабы ни у кого не возникло сомнения в справедливости их притязаний на дворянство. Во избежание дробления земельных наделов все имущество семьи отец должен был передать одному из детей, которому не приходилось делиться со своими братьями и сестрами. Своим наследником родители делали того, кто, как им казалось, больше способен к управлению имением; это необязательно был старший сын, как в других провинциях, унаследовать все могла даже младшая дочь. Этим Гасконь тоже отличалась от остальной Франции (исключая Бургундию), где главенствовал салический закон, утверждающий права мужчины в ущерб женщине. Остальным детям приходилось покинуть родительский дом и искать счастья на стороне, унаследовав лишь горячую кровь своих предков.

Чтобы пробиться наверх, путь был один: в Париж, а оттуда, под грохот выстрелов и барабанный бой, — в Италию, Испанию, Германию, Голландию, чтобы, если повезет, вернуться к себе в Беарн богатым и знатным, доживать остаток жизни помещиком или губернатором, а если не повезет — остаться лежать где-нибудь под Нердлингенем или Маастрихтом, завещав новоприобретенный титул детям, которых, возможно, и не видел. В результате гасконцы не только вписали имя своей родины в военную историю Франции, но и оказали влияние на французский язык: слово «кадет» (*cadet*), означающее младшего сына, происходит от гасконского «*capdet*» — «капитан», «военачальник».

С легкой руки беарнца Генриха IV гасконцы начали активное проникновение в политику и высшее воен-

ное командование. Не было такого гасконского кадета, который не мечтал бы стать маршалом, благо за примерами далеко ходить не приходилось. В XVII веке они уже были повсюду, образовав настоящую «мафию». Во французской гвардии были целые роты, составленные сплошь из гасконских кадетов; немало их облачилося и в голубые плащи королевских мушкетеров — элитного подразделения, капитаном которого считался сам король.

Франция, молодое (в политическом плане) государство, укрепляла свои позиции с помощью молодежи: Людовик XIII умер, не дожив до сорока трех лет; его сын Людовик Богоданный провозгласил себя «своим собственным главным министром», когда ему было двадцать три года; будущий военный министр Лувуа получил должность государственного секретаря четырнадцати лет от роду. Мушкетеры, врывавшиеся со шпагами в руках во вражеские рavelины, вселяли ужас во врага еще и тем, что были порой безусыми юнцами — семнадцати—двадцати лет. Самых отчаянных храбрецов награждали крестом Людовика Святого; среди кавалеров этого ордена был Этьен дез Эшероль, ставший солдатом в девять лет, а в двенадцать попавший в плен из-за ранения саблей в лицо; впоследствии он был ранен еще семь раз, стал полковником кавалерии и получил жалованное дворянство. Рядом с молодыми находились ветераны, сохранившие юношеский задор: юных мушкетеров вел в бой под Маастрихтом шестидесятитрехлетний д'Артаньян, а маршал де Виллар в последний раз скакал в конную атаку в восемьдесят один год.

Начиная с Ришелье и Людовика XIII, французские монархи и министры непрестанно занимались реформой армии. В 1640 году Ришелье ввел новую систему комплектования войск: теперь все города Франции были обязаны поставлять по разнарядке определенное число новобранцев, которые помимо обычного жалования получали прибавку в размере 12 ливров — немалая сумма. Кроме того, был сокращен срок службы (до шести лет), что облегчало задачу рекрутирования. Старослужащим, соглашавшимся остаться на «сверхсрочку», пре-

доставляли льготы. В условиях массовой нищеты солдатская жизнь, несмотря на смертельный риск, многим крестьянам представлялась сытой и обеспеченной. При Людовике XIV, в период между Деволюционной войной и войной за Испанское наследство, личный состав королевских войск, включая регулярные и вспомогательные (ополчение), вырос втрое. Франция одна могла выставить почти столько же солдат, сколько все страны Европы вместе взятые. (Правда, этот солдат получал жалование два су в день, серый хлеб, пинту вина или пива, в зависимости от того, в каких краях находился, и, будучи за границей, жил за счет местного населения.)

Армия начала обзаводиться казармами, складами, арсеналами, постепенно превращаясь из «частной лавочки» в «государственное предприятие». Всем необходимым — хлебом, вином, соломой, фуражом, одеждой, обувью, оружием, боеприпасами — ее обеспечивали, заключая договоры с частными снабженцами. Наконец-то при воинских частях появились санитарные службы, корпус военных врачей; изувеченные солдаты теперь находили приют в Доме инвалидов и не были обречены на нищенство. Военные министры и сам король занимались перевооружением армии, принимали энергичные меры для утверждения дисциплины в войсках. В крупных городах открывались военные академии для обеспечения армии кадровыми офицерами из дворян. Действовала система поощрений в виде награждения чинами и орденскими лентами. Но все равно победы вырывали отчаянной отвагой, а не тщательной подготовкой и военным искусством. В XVIII веке мотовство, воровство, некомпетентность и безалаберность сделали свое дело: после нелепо закончившейся войны за Австрийское наследство следующую — Семилетнюю — войну Франция проиграла и, обремененная долгами, так и не успев восстановить свои позиции, оказалась ввергнута в пучину смуты, гражданской войны и иностранной интервенции.

Короли воспринимали войну как развлечение и отправлялись туда со всем двором, включая дам, захватив с собой художников, чтобы запечатлеть самые прекрасные моменты сражений. Простые люди твердили молитву: «Господи, отведи от нас голод, чуму и войну!» Войны

действительно велись с большой жестокостью. Пускай в истории есть примеры великодушия и даже галантности*, проявленных теми или иными полководцами, в целом войны несли с собой смерть, горе и разорение. Обескровленная Лотарингия, захваченная французами, не могла восстановиться на протяжении двух поколений. Во время войны Аугсбургской лиги французские войска стремительно овладели Пфальцем, причем им было приказано использовать «самые грубые меры» и не вести переговоров. Но поскольку Франция не располагала достаточными силами, чтобы оставить гарнизон в каждом завоеванном городе, было решено стереть их с лица земли. Кафедральный собор Вормса сгорел вместе с женщинами и детьми, искавшими в нем убежища...

Одновременно с внешними в стране происходили внутренние войны — бесконечные восстания по экономическим и политическим (отмена свободы вероисповедания) причинам, причем та самая армия, которая с легкостью побеждала на внешних фронтах, несла большие потери на внутренних. В 1668 году войска под командованием Конде за три недели захватили Франш-Конте; ровно столько же времени им понадобилось, чтобы подавить восстание крестьян в области Виварэ в 1670 году.

Народные восстания никогда не были направлены против короля, от которого «дурные советники скрывали правду»; в основном народная злоба обрушивалась на сборщиков налогов. Почти все французские короли вводили «чрезвычайные» налоги для покрытия военных расходов, каждый раз обещая отменить их, когда позволят обстоятельства. Но обстоятельства все не позволяли, а на военных нуждах очень многие грели руки. Тот самый король, «отец, кормилец и судья», который объявлял своей главной обязанностью заботиться о своем народе и метал громы и молнии против тех, кто наживается на на-

* После победы при Рокруа 19 мая 1643 г. Конде спас жизнь многочисленным испанцам, которых его солдаты хотели перебить. Жарким летом 1647 г. его отправили на осаду неприступной испанской крепости Лерида. Комендант крепости, гордый тем, что имеет дело с самим Конде, каждый день посылал ему лимонад, лед и коричневую воду. Французские солдаты, которым не создавали таких условий, дезертировали, и осаду пришлось снять.

родном горе, твердой рукой посылал войска на расправу с голодающими крестьянами, отладив и усовершенствовав машину военно-полицейских репрессий.

История двух великих веков как в зеркале отразилась в истории королевских мушкетеров: рота конной охраны короля, вооруженная кавалерийскими мушкетами, была создана в 1622 году и окончательно распущена 1 января 1816 года. В ней не числилось «мертвых душ»: все мушкетеры были отважными воинами, способными сражаться как в пешем, так и в конном строю и почитавшими для себя высшей честью первыми ринуться в бой ради вящей славы своего короля. Красавцы в голубых плащах, на серых или черных скакунах были равно хороши в бою и на параде; они стали своего рода символом Франции, воплощая собой бесстрашие, мужество и непреклонность, а также особый французский шик и элегантность. Из рядов мушкетеров вышли не только крупные военачальники, но и дипломаты, администраторы, литераторы. И хотя многие на этом пути погибли в бою, пали на дуэли или умерли от болезней, не их судьба была примером для новых и новых юношей из Гаскони, Прованса, Лангедока и других окраинных провинций, седлавших коней, чтобы отправиться в столицу: им светила звезда де Тревиля и д'Артаньяна, а крест с лилиями, вышитый на голубом плаще, казался солнцем в небе... Насколько реальны были эти мечты и какой ценой приходилось платить за их осуществление, как и на какие средства жили королевские мушкетеры, на что тратили свой досуг и какую роль играли в жизни общества, мы и расскажем в этой книге.

ЭЛИТНЫЕ ВОЙСКА

*Военная свита короля. — Королевские мушкетеры. —
Гвардейцы кардинала. — Младшие мушкетеры. —
«Серые» и «черные». — Гасконские кадеты. —
Происхождение и заслуги. — «Из грязи в князи». —
Королевские ордена. — Люди и судьбы. — Символ чести*

Маркиз. Он знатен?

*Г и ж и. Гм... Достаточно, пожалуй:
Он служит в гвардии.*

Э. Ростан. Сирано де Бержерак

Военная свита французских королей начала формироваться в XV веке, когда Карл VII — тот самый, кого Жанна д'Арк привела к коронации в Реймс, — в 1445 году обзавелся личной охраной из сотни шотландских лучников. В 1563 году была образована французская гвардия для охраны Карла IX, чье имя неразрывно связано с резней гугенотов во время Варфоломеевской ночи. Военная свита Генриха III состояла из рот личной охраны, привратной стражи, полевой жандармерии, Ста швейцарцев (парадной гвардейской роты), рослых алебардчиков и полка французской гвардии. Двести дворян, вооруженных бердышами, нарушили присягу и почти все перешли на сторону католической Лиги, возглавляемой герцогом де Гизом и враждебной королю. Генрих III был убит в 1589 году подосланным Лигой монахом Жаком Клеманом, и его свита перешла по наследству к Генриху Наваррскому, воссевшему на французский трон под именем Генриха IV. В 1593 году он присовокупил к своей военной свите роту легкой кавалерии (карабинеров),

которую сформировал, будучи еще королем Наварры, а для своего старшего сына Людовика создал роту «жандармов дофина».

В 1610 году Генрих IV в свою очередь пал жертвой религиозного фанатика Равальяка. Уже на следующий год юный король, десятилетний Людовик XIII, включил в свою военную свиту своих жандармов. Прирожденный военный, любящий солдат, смотря, парады и учения, он расширил свою лейб-гвардию, дополнив ее в 1616 году полком швейцарских гвардейцев, который сформировал из ветеранов, служивших его отцу, а в 1622-м — ротой конных мушкетеров, преобразованной из отряда карабинеров. До 1629 года она подчинялась капитан-лейтенанту легкой кавалерии, а потом обрела самостоятельность. С 1634 года ее капитаном стал сам король, а капитан-лейтенантом — господин де Тревиль.

Вот как рассказывает о создании роты королевских мушкетеров господин де Пюисегюр в своих «Мемуарах»:

«После [капитуляции Монпелье] король пошел прямо на Авиньон и во время перехода забрал у своей роты карабинеров карабины, выдав им мушкеты, и передал командование ею, оставшейся без командира после смерти капитана, господину де Монтале, сделав его заместителем г-на де Лаверня, корнетом — г-на де Монтале, носившего то же имя, что и его дядя г-н де Монтале, который умер от яда в Негрепелисе, будучи капитаном карабинеров, и тоже ставшего потом, после г-на де Монтале, капитаном мушкетеров. Его Величество попросил у г-на д'Эпернона [командовавшего полком гвардейцев] шесть гвардейцев для перевода в оную роту; он пожелал и, не побоюсь этого слова, заставил меня надеть плащ мушкетера. Я противился не по незнанию того, что состоять в роте — великая честь, просто я сильно опасался, что это отдалит меня от должности прапорщика, обещанной мне при Монпелье; Его Величество заверил меня, что это от меня не уйдет и что он переводит меня в мушкетеры, потому что знает, что я храбрый человек, участвовавший в славных делах. Он был полон решимости составить эту роту только из

дворян, которых возьмет из числа своих гвардейцев, а также нескольких солдат, выслужившихся в офицеры, но не станет брать тех, кто не служил и не был в деле, желая затем, когда они послужат некоторое время в роте, забрать их оттуда и рассеять в старых и малых полках и даже сделать прапорщиками и лейтенантами в гвардии; когда они получают какое-либо из этих званий, он их не обидит, ежели освободятся должности ротных командиров, а мне позволено будет стать прапорщиком; так и случилось через полтора года после моего вступления в роту мушкетеров».

Людам свойственно настороженно относиться ко всему новому: Пюисегюр, прекрасно сознавая, что быть королевским мушкетером — «великая честь», в 1622 году всё же, наверное, предпочел бы должность гвардейского прапорщика. Через 36 лет капитан французских гвардейцев д'Артаньян без сожаления расстанется со своей должностью, чтобы стать подпоручиком королевских мушкетеров.

Итак, в начале XVII века военная свита короля подразделялась на внутреннюю охрану Лувра, в которую входили четыре роты лейб-гвардии, Сто швейцарцев и привратная стража, и внешнюю охрану, состоявшую из жандармов, легкой кавалерии, королевских мушкетеров и конных гренадер, а также полка французских гвардейцев и полка швейцарских гвардейцев. Все это были отборные части, составленные из людей, зарекомендовавших себя храбрецами, безраздельно преданными королю. За право командовать ими ожесточенно спорили самые знатные люди в королевстве.

Жан Арман дю Пейре, будущий граф де Тревиль, был впервые представлен Людовику XIII в 1621 году, после осады Монтобана. «Там сильно отличился Тревиль, баскский дворянин, носивший мушкет в полковой роте, — вспоминал потом маршал Франсуа де Баскомпьер. — Я попросил у короля пожаловать ему чин прапорщика в Наваррском полку*. Но когда я вез его в Пикекос (ставку короля), чтобы поблагодарить Его Ве-

* Наваррский полк изначально назывался полком гвардейцев короля Наварры, его задачей была охрана Генриха Наваррского.

личество, он отказался от этой должности, говоря, что не оставит гвардейский полк, где служит уже четыре года. И если король счел его достойным быть прапорщиком Наваррского полка, в будущем он заслужит и получит от Его Величества такой же чин в гвардейском полку». В самом деле, Тревиль заслужил этот чин уже на следующий год, а три года спустя, в 1625 году, отличившись при осадах Сент-Антонена и Монпелье, был назначен корнетом роты мушкетеров. В 1629-м, при штурме города Сузы, он был подпоручиком, а в 1632-м стал лейтенантом. Наконец, с 1634 года он являлся капитан-лейтенантом мушкетерской роты, которой командовал сам король.

Мушкетеров набирали исключительно из гвардейцев: переход в мушкетеры был повышением, позволял приблизиться к королю. Кроме того, покидавшие мушкетерскую роту назначались прапорщиками или лейтенантами в гвардейские роты или получали офицерские должности в армейских полках (такая должность стоила немалых денег, поэтому подобный перевод являлся ценной наградой). О военной выучке и преданности королю каждого из 150 мушкетеров судил сам монарх на основе личного представления; с этой целью устраивали смотры.

Шарль Ожье де Бац де Кастельмор, взявший себе впоследствии имя д'Артаньян, явился в Париж около 1638 года с рекомендательными письмами к де Тревилю (два его старших брата, Поль и Жан, служили в мушкетерах), однако тот для начала определил его кадетом во французскую гвардию, в роту своего шурина Франсуа де Гийона Дезэссара. Там уже служил Исаак де Порто. По одной из версий, свое боевое крещение оба приняли во время осады Арраса в 1640 году, затем еще два года участвовали в разных сражениях с испанцами и лишь после того были приняты в мушкетеры. Такой же путь проделал друг д'Артаньяна Франсуа де Монлезен (де Бемо).

Во второй половине XVII века личная охрана короля состояла из четырех рот знатных дворян — одной шотландской и трех французских, всего 400 человек, парадным вооружением которых был серебряный протазан.

Их называли «синей свитой» по цвету курток — синих с красной отделкой и серебряным галуном. Только они имели право облачаться в мундиры такого цвета. В мирное время они несли караульную службу внутри дворца, а потому на ногах у них были туфли на невысоком каблуке, а не сапоги с раструбами, как у мушкетеров, которых во внутренние королевские покои не допускали. В лейб-гвардию принимали мужчин приятной наружности, ростом не менее 175 сантиметров, зрелого возраста, благородного происхождения и католического вероисповедания. Даже младших офицеров набирали исключительно из числа потомственных дворян, причем их род должен был восходить к 1400 году. Капитанами же лейб-гвардии всегда были маршалы Франции, принадлежавшие к княжеским родам: Ноайль, Бетюн-Шаро, Монморанси-Люксембург. Жандармы и легкая кавалерия составляли «красную свиту» — по цвету своих камзолов. Французская гвардия была весьма многочисленна: в 1630 году гвардейский полк состоял из двадцати рот по 200 человек в каждой. Офицеры гвардии должны были быть дворянами в пятом поколении. Одевались гвардейцы великолепно, все были отчаянными храбрецами и пользовались правом идти впереди войск при вступлении в завоеванный город.

По своему статусу в свите короля мушкетеры стояли ниже личной охраны и жандармов, но наравне с гвардейской легкой кавалерией. О том, насколько почетно было служить в этом подразделении, говорит хотя бы тот факт, что в период несовершеннолетия Людовика XIV в королевских мушкетерах некоторое время состоял Ян Собеский — польский полководец, избранный четверть века спустя, в 1674 году, королем Речи Посполитой.

Королевские мушкетеры носили голубые плащи с большим серебряным крестом и повсюду следовали за королем, даже сопровождали его на охоту, поскольку должны были охранять его, когда тот находится вне своих резиденций. Личной охраной обладали и другие высокопоставленные особы: члены королевской семьи, принцы крови. Гвардейцев тоже набирали из числа дворян, чей род обладал не менее чем двухсотлетней исто-

рией; служить в таких частях было почетно, а офицеры могли со временем претендовать на высокие должности. Капитан гвардейцев королевы-матери (Марии Медичи) де Темин убил на дуэли Анри де Ришелье (брата будущего кардинала), сочтя себя несправедливо обойденным, когда того назначили губернатором Анжера. В 1629 году возникла необходимость в личной охране и для кардинала Ришелье: узнав, что против королевского министра замышляется покушение (уже третье по счету), Людовик XIII выделил для обеспечения его безопасности 50 конных аркебузирова, а кардинал, со своей стороны, нанял еще 30 гвардейцев. Охрана должна была постоянно находиться при кардинале во всеоружии; в каждой резиденции Ришелье отводилась особая комната для капитана гвардейцев; только являясь в Лувр, кардинал должен был оставлять свою охрану за воротами. К 1634 году на службе кардинала состояла рота легкой кавалерии из 120 человек, рота из 100 жандармов и 100 мушкетеров-пехотинцев — их число к 1642 году увеличили до 200, и охрана кардинала составляла уже 420 человек, тогда как рота королевских мушкетеров — всего 150.

«Гвардейцами кардинала» называли только конную роту. Ее набирали из тщательно проверенных людей, по рекомендации лиц, хорошо знакомых Ришелье. Претендент должен был быть не моложе 25 лет и отслужить не меньше трех лет в армии. Офицеры были по большей части бретонцами, тогда как королевских мушкетеров поставляли Гасконь и Беарн. Кардинал платил жалованье гвардейцам из собственного кармана, причем регулярно и щедрой рукой, тогда как королевским мушкетерам скудное жалованье нередко задерживали. Личная охрана Ришелье первой облачилась в униформу — красный плащ-пелерину из четырех клиньев, который можно было носить нараспашку или застегивать на пуговицы, с белым греческим крестом спереди и сзади; костюм дополняла широкополая шляпа с белым султаном и сапоги. Королевские мушкетеры должны были одеваться за свой счет. Между двумя элитными подразделениями мгновенно возникло ожесточенное соперничество, но в глазах общественного мнения мушкете-

ры пользовались преимуществом: они участвовали во всех войнах, проявляя доблесть в кровопролитных сражениях практически «ради славы», тогда как гвардейцы кардинала являлись, по сути, представительским корпусом, «солдатами из передней», и при этом их кошельки были туго набиты. Тем не менее в случае необходимости Ришелье бросал своих гвардейцев в бой, и те вели себя достойно.

Людовик XIII благоволил к капитану мушкетеров де Тревилю, которого ценил за храбрость, честность и прямоту. Ришелье же опасался его, и не без основания: в 1630 году де Тревиль предлагал свои услуги участникам очередного заговора против кардинала, намереваясь устранить его физически. В 1642 году, после раскрытия заговора Сен-Мара, Ришелье, чувствуя, что де Тревиль, претендовавший на место королевского фаворита, не отказался от своих убеждений, целый месяц вел осаду короля и добился отставки капитана мушкетеров. Правда, кардинал вскоре скончался и де Тревиль снова занял свой пост.

Преемник Ришелье кардинал Мазарини не доверял неуправляемым королевским мушкетерам. Следуя тактике своего предшественника, он старался расставить на ключевых постах своих родственников и верных людей. Должность капитана королевских мушкетеров он присмотрел для своего племянника Филиппа Манчини, однако де Тревиль не соглашался оставить ее добровольно. Кардинал нашел управу на упрямого гасконца: он распустил мушкетерскую роту в 1646 году. Однако отсутствие элитного военного подразделения, преданного королю, быстро дало себя знать во время Фронды: Тюренну, сражавшемуся под стенами Парижа с Великим Конде, перешедшим в оппозицию к власти, очень не хватало мушкетеров. Рота была воссоздана в 1657 году в составе 150 человек, и кардинал отдал-таки ее под начало Филиппа Манчини, герцога де Невера. Чтобы сгладить неопытность молодого герцога, роту сформировали сплошь из ветеранов. Король лично проводил с нею учения и пожелал, чтобы все мушкетеры гарцевали на серых лошадях с длинным хвостом. Однако этим дело не ограничилось: в том же году муш-

кетеры сопровождали короля в Седан и участвовали в осаде Стенэ. Герцогу де Неверу тогда оказал неоценимую помощь старый солдат Исаак де Баас, служивший в роте в чине подпоручика, а также прапорщик Жозеф Анри де Тревиль, сын знаменитого капитана и товарищ по играм юного короля. Затем король отправлял своих мушкетеров с одного поля битвы на другое, «дабы они не упустили ни единого случая покрыть себя славой». После осады Дюнкерка в 1658 году Исаак де Баас ушел на покой по состоянию здоровья, и Мазарини отдал его должность Шарлю де Бац де Кастельмору, более известному как д'Артаньян, — он находился там же вместе с ротой французских гвардейцев. К тому времени д'Артаньян уже исполнил несколько ответственных поручений кардинала и теперь должен был «помогать» его племяннику. Новоиспеченному подпоручику королевских мушкетеров было около сорока лет; для него теперь началась новая жизнь, в которой тяготы войны перемежались развлечениями придворной жизни.

Еще в 1650 году Мазарини обзавелся ротой мушкетеров для собственной охраны, нарядив ее в алые куртки под цвет своей мантии. Командование ею он доверил Франсуа де Бемо, гасконцу, другу д'Артаньяна (после роспуска мушкетерской роты они оба поступили на службу к кардиналу Мазарини «для особых поручений»). Десять лет спустя, предчувствуя скорую смерть, кардинал передал свою роту Людовику XIV. В августе 1660 года состоялось торжественное вступление короля и королевы в Париж; «за ротой мушкетеров, которую Его Высокопреосвященство подарил королю, под командованием гг. де Марсака и де Монгайяра следовала рота старых мушкетеров».

В 1661 году кардинал Мазарини скончался, и двадцатитрехлетний Людовик XIV решил сам стать своим главным министром, лично занимаясь всеми делами королевства. Особое внимание он уделял реорганизации армии, которую проводил с помощью военного министра Летелье, а затем его сына Лувуа. Главной целью реформы было сокращение расходов, однако король хотел сохранить офицерский состав. Часть офицеров он перевел в жандармские роты и в легкую кавалерию,

часть определил в мушкетеры, а всех прочих отправил в отставку, назначив им пенсию. Таким образом, французский монарх окружил себя лучшей гвардией в мире и располагал на случай необходимости большим количеством хорошо обученных военных, готовых ему служить. Он справедливо полагал, что бывшие офицеры лучше новых наведут порядок в войсках.

Во Франции тогда царил мир (редкий случай), и вторая мушкетерская рота не находила себе применения в деле до 1663 года (мушкетеров первой роты король использовал в политических целях). А в 1663 году Людовик отправил «младших мушкетеров» в Лотарингию вместе со «старшими», но те не оправдали его ожиданий. Господин де Марсак счел себя обесчещенным и продал свою капитанскую должность графу де Молеврие, брату королевского министра Кольбера и капитану гвардейского полка.

Тогда Людовик XIV, считавшийся капитаном «старой» роты мушкетеров, отправил на улицу Шарантон, где квартировала новая рота, своего комиссара, снял с должностей всех офицеров, да и самих мушкетеров и реорганизовал роту по образу и подобию первой, став и ее капитаном тоже; господина де Молеврие сделали капитан-лейтенантом. Разумеется, это событие было отмечено пышными церемониями. «Вступление графа де Молеврие в должность капитан-лейтенанта прошло весьма торжественно. Все шестьсот королевских мушкетеров, построившись в боевом порядке во дворе старого Лувра, ждали, не шелохнувшись, короля и придворных. Черные мушкетеры облачились по такому случаю в свои новые плащи, их строй был безупречен. Каждый держал мушкет у правого бедра, дулом вверх, а другой рукой в перчатке из буйволового кожи удерживал дрожащего от нетерпения коня, — не без труда, ибо фитили мушкетов, прикрепленные к оголовью уздечки между ушей, беспокоили лошадей. Напротив выстроились двадцать музыкантов в длинных голубых плащах: двенадцать барабанщиков и восемь гобоев. Впервые они сыграют без флейт и труб, как приказал король, уже прославленный марш старших мушкетеров. <...> С суровым видом Людовик XIV проходит перед строем эскад-

ронов и встает в центре двора. По его приказу Молеврие встал во главе первой роты, и за ним проследовали все мушкетеры как единое целое. Затем он один командовал замысловатыми перестроениями бригад. Длинные шеренги всадников бесконечно проходили одна сквозь другую и поворачивались, образуя блестящую карусель».

Официально между обеими ротами не должно было существовать различий, но на деле офицеры первой мушкетерской роты обладали правом старшинства и привилегией командовать мушкетерами второй роты, оставаясь в том же чине.

Как только фактическим командиром второй роты королевских мушкетеров стал брат могущественного министра, все знатные семейства в спешном порядке стали пристраивать туда своих сыновей. В результате вторая рота своим блеском даже затмила первую, но та не пожелала уступать, и постепенно, в результате ожесточенного и весьма дорогостоящего соперничества, они выровнялись.

В 1667 году Филипп Манчини отказался от своей должности капитан-лейтенанта королевских мушкетеров, и Кольбер развернул бурную деятельность, чтобы и эта должность, «которую можно сравнить только с должностью обер-камергера», досталась его брату. Однако король сделал капитан-лейтенантом д'Артаньяна, воздав должное его многочисленным заслугам. Тем более что Людовик XIV вовсе не разделял мнения своего министра о том, что должность командира старших мушкетеров — «сплошное развлечение».

Теперь в мушкетеры поступали рано, в шестнадцать-семнадцать лет. Обе роты славились тем, что были несравненной школой кавалерии, а также кузницей офицерских кадров: наиболее отличившиеся мушкетеры быстро переводились в лучшие полки в чине лейтенанта. Пройдя обучение в роте в течение двух-трех лет, двадцатилетний юнец становился командиром и мог рассчитывать на блестящую карьеру.

Восьмидесятишестилетнему Клоду де Сен-Симону, оставшемуся фавориту Людовика XIII, пришлось приехать в Версаль из гасконского города Блай, губернатором кото-

рого он был и в котором собирался умереть, чтобы лично просить короля о зачислении его шестнадцатилетнего сына в роту королевских мушкетеров. Юный Луи де Рувруа де Сен-Симон получил хорошее гуманитарное образование, параллельно с обучением в коллеже занимался верховой ездой и фехтованием и очень хотел служить в армии: почти все его ровесники, включая племянника короля, отправились в 1691 году на осаду Монса. Богатые родители знатных юнцов могли купить им полк, однако король положил за правило для всех таких юношей, выбравших для себя военную карьеру, прослужить хотя бы год в одной из мушкетерских рот, сделав исключение только для принцев крови и своих внебрачных детей. Луи де Сен-Симон показался ему слишком уж хрупким и юным, на что отец возразил, что он тем дольше прослужит его величеству. Клод де Сен-Симон предпочел отдать сына в первую роту, поскольку ею командовал его друг Мопертюи, а король регулярно справлялся у обоих капитанов о знатных молодых людях, служащих в мушкетерах, и их рекомендации имели большое значение. Уже в следующем, 1692 году Сен-Симон участвовал в качестве мушкетера в сражении при Намюре (последнем, происходившем в присутствии Людовика XIV), и после года службы король бесплатно передал под его командование третью кавалерийскую роту Рояль-Русильон, состоявшую из кирасиров, как только освободилась должность ее капитана. Еще через год Клод де Сен-Симон умер, Луи в 18 лет стал герцогом и пэром, купил полк Королевских карабинеров, стал бригадным генералом и с июля 1694 года засел за свои мемуары.

Если у мушкетера не было богатого отца, приходилось пробиваться самому. Например, шевалье Шарль Франсуа Габриэль де Алленкур, маркиз де Дромениль, в 1727 году в возрасте 27 лет поступил рядовым в первую роту королевских мушкетеров; через пять лет он был корнетом легкой кавалерии дофина, а еще через два года смог купить чин поручика жандармов, откуда перешел в роту легкой кавалерии Анжу в чине капитан-лейтенанта. В 1744 году он стал бригадиром кавалерии, через четыре года — полковником, и только смерть, наступившая его годом позже, оборвала его карьеру.

Звание мушкетера было хорошим заделом для продвижения вверх, особенно если человек был знатного происхождения и имел большие связи в высших сферах. Вот несколько записей из дневника маркиза де Данжо, который он вел в 1684—1686 годах:

«Король дал 100 000 франков г-ну де Шеврезу за одну из новых должностей, созданных им в легкой кавалерии, и подарил эту должность г-ну де Мюрсе — мушкетеру, племяннику г-жи де Ментенон» (госпожа де Ментенон была фавориткой, а впоследствии морганатической супругой Людовика XIV). «Полк драгун королевы, который король купил за 20 000 экю у де Нонвиля, отдал младшему из Мюрсе, племяннику г-жи де Ментенон; она и не просила у короля о такой милости для него; он уже год служил в мушкетерах».

Между двумя этими записями прошло несколько дней.

Если в 1657 году в состав мушкетерской роты входило 120 человек, то уже через шесть лет ее численность возросла до 300, правда, в 1668 году, после завоевания Франш-Конте, вновь сократилась — до 250 человек. В военное время в роту набирали столько людей, сколько пожелают служить. Каждая рота представляла собой отдельную армейскую единицу, имея в своем составе священника, аптекаря, хирурга, кузнеца, шорника, оружейника, казначея, трех каптенармусов и шестерых квартирмейстеров.

Сначала между двумя ротами не было никаких внешних различий. Чтобы исправить это положение, в 1665 году Людовик XIV решил посадить первую роту на серых в яблоках или белых лошадей, а вторую — на вороных, поэтому первая рота стала называться «серыми мушкетерами», а вторая — «черными». Внук Короля-Солнце герцог Бургундский являлся мушкетером с семи лет и, чтобы не вызывать зависти и раздоров, поочередно носил форму обеих рот. Во время военных походов обе роты размещались как можно ближе к палатке короля: «черные» — по левую руку, «серые» — по правую. В отсутствие французских и швейцарских гвардейцев, на которых была возложена охрана монарха, эту роль исполняли мушкетеры, неся караульную службу вблизи королевской резиденции.

Помимо частого лицезрения короля мушкетеры обладали почетным правом первыми идти в атаку, причем могли сражаться как в конном, так и в пешем строю. В 1667 году они снискали восхищение всей армии, первыми ринувшись на штурм Валансьена как простые пехотинцы. К концу царствования Людовика XIV они чаще участвовали в конных атаках, а при Людовике XV окончательно превратились в кавалерийскую часть.

Элитные подразделения, охранявшие французских королей, вызвали массу подражаний в Европе. Практически каждый правитель желал обзавестись такой же ротой и посылал своих офицеров на обучение во Францию. В 1672 году епископ Кёльнский, один из союзников Людовика XIV, получил разрешение набрать во Франции роту из 120 мушкетеров, которым французский король выдал такую же форму, как своим собственным.

Начиная с XVI века, гасконские дворяне отправляли младших сыновей (кадетов) служить во французскую армию. Пару лет юноши (иные отправлялись в погоню за славой уже в 14 лет) обучались владению шпагой, пикой и мушкетом, состоя на довольствии полка, после чего могли получить низший офицерский чин — стать ефрейтором, капралом или сержантом. Должность прапорщика, лейтенанта, а уж тем более капитана была нищим гасконским кадетам заказана, но они могли отличиться в двух-трех военных кампаниях и, обратив на себя внимание короля, поступить в мушкетеры или в лейб-гвардию, а то и получить вожденную должность из королевских рук. Так, Жан Арно де Террид в 18 лет поступил на службу в роту кардинала Мазарини, позже стал капитаном в полку Тюренна, а затем и сам сделался полковником. Арман де Комиа-Беленкс в 1697 году поступил в первую мушкетерскую роту и был назначен капитаном полка Монлеврие всего три года спустя. «Черный мушкетер» Анри Бернар, граф де Лон, ставший затем маркизом, в 1701 году был назначен капитаном драгунского полка, а через шестнадцать лет стал наместником короля в Наварре и Беарне. Филипп Матье Мари, граф и маркиз де Лон, поступил в первую мушкетерскую роту в 1753 го-

ду пятнадцати лет от роду, уже два года спустя был назначен капитаном драгун, а умер он в 1819 году в чине генерал-лейтенанта королевской армии и командора ордена Людовика Святого. Впрочем, можно было сделать карьеру, и не расставаясь с мушкетерским плащом. У гасконцев были два ярких примера для подражания: де Тревиль и д'Артаньян, выслужившиеся из кадетов в капитан-лейтенанты мушкетеров. Луи де Мелен, маркиз де Мопертюи, вступил в мушкетеры сержантом в 1661 году, был корнетом, прапорщиком и поручиком, полковником кавалерии с 1674 года. В 1677 году он отличился во время осады Валансьена, во главе роты мушкетеров захватив укрепления врага, и был произведен королем в бригадиры прямо на поле боя. В 1684 году он стал капитан-лейтенантом первой роты, в 1693-м — бригадным генералом, затем генерал-лейтенантом, заслужив всеобщее уважение своей доблестью, справедливостью и добротой. Похожий путь проделал Франсуа де Порталес: лейтенант гвардейских гренадеров, он в 1741 году был назначен вторым корнетом 1-й мушкетерской роты, затем стал первым корнетом, вторым прапорщиком, первым прапорщиком, вторым подпоручиком, первым подпоручиком, лейтенантом и, наконец, капитан-лейтенантом к 1776 году — но тут, увы, мушкетерские роты были распущены.

Разумеется, уроженцы Беарна и Гаскони всячески поддерживали земляков; эта традиция повелась еще с карабинеров Генриха Наваррского. Большинство гвардейцев и мушкетеров-гасконцев состояли между собой хоть в дальнем, но все же родстве. Родственниками де Тревиля были Дезэссар, Атос и Анри д'Арамиц (Арамис у А. Дюма); его сын Жозеф Анри, о котором мы уже упоминали, еще при жизни отца стал корнетом мушкетеров. Д'Артаньян добился у короля должности поручика мушкетеров для своего двоюродного брата Жана Луи Кастераса де Ла Ривьер; два других его кузена, Пьер и Жозеф де Монтескью, служили под его началом; оба его сына состояли в гвардии, а внук Луи Габриэль тоже начинал свою карьеру в мушкетерах. Существовали и другие мушкетерские династии. Так, в 1624 году в мушкетерах служил Жак де Террид; при штурме горного ущелья

при городе Сузы он был ранен мушкетной пулей в левое плечо и остался калеккой. О Жане Арно де Терриде 1639 года рождения мы уже говорили. Этьен де Террид служил с 1667 года во второй роте мушкетеров и два года спустя погиб в сражении при Кандии от пули в голову. Жан де Террид, 1665 года рождения, долгое время служил в первой роте, куда был принят и его сын Пьер де Террид, сложивший свою голову на поле боя. Наконец, Жак де Террид служил в мушкетерах в 1710—1725 годах.

Список первой мушкетерской роты за 1668 год начинался так: «Король — капитан, Шарль де Кастельмор, г-н д'Артаньян — лейтенант, г-н де Ла Ривьер — подпоручик, г-н де Жовель — прапорщик, г-н де Мопертюи — корнет», среди мушкетеров были де Сен-Мартен, де Ла Плань, де Виньоль, д'Артаньян, де Лабади, де Сент-Колломб, еще один де Ла Плань, де Лавардак, де Борд и другие — все они являлись родственниками, знакомыми или земляками командира.

Впрочем, попасть в мушкетеры стремились не только гасконцы: такую цель перед собой ставили молодые дворяне из Лангедока, Бретани, Прованса. В XVIII веке в голубых плащах щеголяли многие уроженцы Антильских островов: их родители, как правило, бывшие военные, предпочли славе богатство, однако дети рассудили иначе. Среди них был, например, Шарль Франсуа Луи де Девезо де Ранкунь, родившийся в 1705 году на Сан-Доминго и в двадцать три года ставший мушкетером. Заслужив крест Людовика Святого и чин капитана кавалерийского полка, он получил от короля титул маркиза д'Эрбо, женился и уехал обратно на Сан-Доминго. Его сын Шарль Франсуа, родившийся во Франции, тоже служил в мушкетерах до самого роспуска своей роты; он состоял в родстве с Таше де Ла Пажри — одна девушка из этого рода, Жозефина, впоследствии выйдет замуж за еще одного королевского мушкетера, уроженца Мартиники Александра де Богарне.

Далеко не все мушкетеры изначально принадлежали к высшей знати. Знаменитый Жан Арман дю Пейре, граф де Тревиль, происходил из рода разбогатевших буржуа, из поколения в поколение занимавшихся

ремеслом каменщика. Но его отец, став торговцем, женился вторым браком на Марте д'Арамиц, дочери дворянина. В 1607 году Жан купил в родном Беарне поместье Тревиль и таким образом стал принадлежать к благородному сословию, поскольку в Стране Басков дворянский титул привязан к земле.

Прадедом Атоса (который был вовсе не благородным графом де Ла Фер, каким его представил А. Дюма, а скромным беарнским кадетом) тоже был торговец. Он приобрел поместья Атос и Отебель и стал именоваться «господином д'Атосом». Его отец Адриан де Силлег женился на дочери торговца дю Пейре, породнившись, таким образом, с семейством де Тревиля. Родившийся от этого брака Арман де Силлег д'Атос был младшим сыном в семье и не мог наследовать родительские земли, а значит, ему оставалось выбирать между «красным и черным» — служить в армии или стать священником. Являясь дальним родственником де Тревиля, Атос в 1640 году поступил в роту мушкетеров, предварительно послужив в гвардии.

Отец Исаака де Порто был генеральным нотариусом в Беарне — важная птица. Он тоже купил земли и стал дворянином. Его жене покровительствовал знаменитый маршал де Ла Форс. Их младший сын, которого Дюма-отец окрестил Портосом, поступил во французскую гвардию, в роту Дезэссара. Как мы помним, в эту же роту поступил д'Артаньян — вернее, Шарль де Бац де Капельмор, тоже сын «облагородившегося» разночинца: чтобы иметь больше шансов быть представленным ко двору, он взял себе фамилию матери, Франсуазы де Монтеस्कю-д'Артаньян. Род Монтеस्कю имел славную историю, однако был небогат; Артаньян — это небольшая деревушка, занимающая 494 гектара; ее название происходит от кельтских «*arto*» (медведь) и «*antim*» (владение), иными словами — «медвежий угол». Из знаменитой четверки мушкетеров только Арамис, то есть Анри д'Арамиц, действительно принадлежал к дворянству шпаги. Его отец Шарль д'Арамиц был дядей де Тревиля по матери и к моменту поступления своего сына Анри в мушкетеры (в том же самом 1640 году) дослужился до чина сержанта под командованием своего

племянника. Некто Савиньен Сирано, чтобы поступить в роту гасконских гвардейцев, прибавил к своему имени «де Бержерак», мало заботясь о том, что к тому времени его отец уже несколько лет как продал это поместье.

Зато очень часто мушкетеры оставляли свою службу, будучи гораздо знатнее и богаче, чем когда приехали в Париж. Согласно эдикту от 1600 года, дополненному в 1750 году, чин капитана, лейтенанта и прапорщика, звание генерал-полковника кавалерии и маршала Франции, а также должность губернатора приносили заслужившему их наследственное дворянство со дня вступления в должность. Друг д'Артаньяна Франсуа де Монлезен унаследовал небольшой хуторок, затерянный в лесах, — Бемо, или Беземо. На гасконском диалекте «*у besi mau*» означает «никак не разгляжу». Став губернатором Бастилии, Монлезен добился, что Людовик XIII сделал Бемо маркграфством! Сын новоиспеченного маркиза стал знаменосцем королевских жандармов; когда он женился на Маргарите Женеьеве Кольбер де Вилласер (родственнице королевского министра Кольбера), отец подарил ему на свадьбу 42 тысячи ливров земельной ренты.

Капитан-лейтенант «серых мушкетеров» Луи де Мелен был маркизом де Мопертюи. По свидетельству Сен-Симона, его командир искренне верил в свою принадлежность к знатному роду де Меленов, хотя последний не признавал этого родства. Зато в 1714 году Людовик XIV специально для него восстановил герцогство Жуайез, что позволило маркизу де Мопертюи стать герцогом и пэром (род Жуайезов к тому времени угас).

Надо заметить, что градация дворянских титулов «по старшинству» появилась только в конце XVI века. Выше всех стояли принцы крови, то есть члены королевской семьи, за ними шли герцоги, маркизы, графы, видамы (наместники епископа по юридической или военной части), виконты, бароны, шевалье (кавалеры) и простые дворяне. Слово «барон» изначально имело смысл «свободный человек, воин»; неслучайно большинство гасконских кадетов носили именно баронский титул. Кроме того, существовало различие между титулом, отнесенным к земельным владениям, и рангом (принц,

шевалье, дворянин), связанным с отдельным человеком. (Впоследствии французы переняли у немцев правило, по которому одни и те же земли становились герцогством, маркграфством, графством, виконтством, баронством в зависимости от того, сколько детей было у их владельца.) Старший сын герцога де Грамона был не графом де Грамоном, а графом де Гишем, средний — графом де Тулонжоном, младший — шевалье де Грамоном. Таким образом, чтобы стать графом, дворянин должен был обладать поместьем, возведенным в ранг графства; продав его, он лишался графского титула. Но получить титул, связанный с поместьем, могли только люди благородного происхождения, а разночинцы, сумевшие приобрести баронство, виконтство, графство или маркграфство, становились не баронами, виконтами, графами или маркизами, а всего лишь «господином баронства такого-то» и т. д.

Впрочем, для сильных мира сего нет ничего невозможного. После кончины Людовика XIII в 1643 году его вдова Анна Австрийская возвела поместье Тревиль в ранг графства и верный слуга ее покойного мужа сделался графом. Он же, со своей стороны, еще в 1637 году купил имение Пейр, чтобы заменить благородным «де Пейр» свое буржуазное «дю Пейре». С 1665 года Шарль де Бац де Капельмор во всех документах именовался «графом д'Артаньяном» (у него даже имелся герб), хотя замок и земли д'Артаньянов принадлежали его кузену Жозефу де Монтескью. Разоблачение «ложных аристократов» (дворян, которые не могли представить доказательств древности своего рода), проводившееся в правление Людовика XIV, его не коснулось. Его внук Луи Габриэль уже прозывался «графом де Бац д'Артаньян, шевалье, маркизом де Капельмор, бароном де Сент-Круа и де Люпиак». В 1716—1720 годах первой мушкетерской ротой командовал Жозеф де Монтескью, граф д'Артаньян. Под его началом служил прапорщик, а затем поручик Арман Жан де Мон-Реаль, граф де Тревиль, маркиз де Монен, виконт де Тарде, барон де Монтори, господин Домезена, Баркюса и других мест, великий сенешаль Наварры, капитан замка Молеон и губернатор области Суль.

Богатство и знатность доставались худородным дворянам и потомкам разночинцев потом и кровью. Мушкетерские роты отнюдь не были парадными: в военное время они всегда находились на передовой, и тогда уж никакие связи не помогут — отсидеться в тылу не удастся. Впрочем, к этому никто и не стремился: война — самый верный путь к продвижению по службе. На смертном одре Людовик XIV Великий признался, что слишком любил войну. Эту любовь он действительно пронес через всю жизнь: из пятидесяти четырех лет его фактического пребывания у власти двадцать девять были отданы войне, а с учетом предыдущих кампаний в XVII веке Франция воевала сорок семь лет! Страшно себе представить, сколько людей было принесено в жертву Молоху, тем более что французы традиционно ставили безрассудную храбрость выше осторожной рассудительности. Например, прапорщик первой роты королевских мушкетеров Лоран де Требон прослужил в своей части верой и правдой пятьдесят лет. Во время осады Монса в марте 1691 года он был ранен мушкетной пулей, но, не дожидаясь приказа, возглавил оборону одного из рavelинов и защищал его в буквальном смысле слова до последнего человека. Удрученный бессмысленной гибелью элитного подразделения, король велел арестовать де Требона за неповиновение, однако потом, вспомнив о его долгой и преданной службе, почтил его своим визитом, наградил пенсиями и сделал командором ордена Святого Лазаря.

Если бы военная свита короля состояла исключительно из родовитых дворян, к концу его царствования таковых бы просто не осталось. В апреле 1693 года Людовик XIV создал королевский военный орден Людовика Святого, чтобы отмечать им заслуги самых доблестных офицеров, причем не обязательно из дворян. Чтобы заслужить право на эту награду, претендент должен был быть католиком и прослужить в офицерском чине более десяти лет. К ордену прилагался пенсион. Красная ленточка этого ордена — бело-золотой мальтийский крест с лилиями на концах и изображением Людовика Святого в центре — была пределом мечтаний для честолюбивых буржуа: они становились военными

и храбро сражались, лелея мысль о том, что, став кавалерами ордена, передадут дворянство своим детям. Военный министр Короля-Солнце Лувуа четко сформулировал правило: заслуги ставятся выше выслуги лет, а долгая служба — выше происхождения.

Дофин, главный управляющий королевскими галереями, адмирал и маршалы Франции автоматически становились членами ордена, так что доблестные разночинцы оказывались в неплохой компании. Вскоре после учреждения ордена срок офицерской службы увеличили с десяти до двадцати лет. Военных, представленных к ордену (их было немало среди мушкетеров), посвящали в рыцари в ходе особой церемонии: они должны были принести присягу королю и католической церкви. С 1693 по 1700 год церемонию проводил сам король, после чего право посвящать в рыцари получил дофин, а еще пять лет спустя — принцы крови, маршалы Франции и все высшие офицеры, являющиеся членами ордена. Число кавалеров ордена было неограниченным, командоров было двадцать четыре, а кавалеров Большого креста — всего восемь.

Члены ордена получали пенсию: от 800 ливров до двух тысяч ливров для некоторых кавалеров, от трех до четырех тысяч ливров для командоров и по шесть тысяч — за Большой крест. С 1750 года членов ордена из числа разночинцев освободили от податей, а заслуженное вместе с орденом дворянское звание становилось наследным в третьем поколении кавалеров. Орден Людовика Святого, ставший прототипом всех современных почетных орденов (его красная ленточка перешла к ордену Почетного легиона), снискал чрезвычайную популярность во Франции, однако, если говорить начистоту, очень мало разночинцев пополнили ряды дворян с его помощью. Согласно эдикту от ноября 1750 года дворянином мог стать внук кавалера ордена Людовика Святого, если кавалерами ордена были также его отец и он сам, причем все трое должны были прослужить не менее тридцати лет, из них либо двадцать в чине капитана, либо восемнадцать в чине подполковника, либо шестнадцать в чине полковника, либо четырнадцать в чине бригадного генерала.

Среди уроженцев гасконского городка Вик-ан-Бигорр (сыновей местной буржуазии — судей, адвокатов, врачей, нотариусов, нотаблей), ставших офицерами, было много кавалеров ордена Людовика Святого, и поэтому они присоединяли к своей фамилии дворянскую частицу «де», считая себя отныне свободными от уплаты налогов. Эта мода приняла такой размах к концу XVII века, что в городишке не осталось практически ни одного жителя не из «благородных». Муниципальные советники, на которых была возложена задача по сбору местных налогов, потребовали представить доказательства дворянства — сам король, начиная с 1690 года, предпринял перепись дворянских семейств по всему королевству, чтобы пополнить государственную казну. Бригадному генералу Доминику де Монда потребовалось больше двадцати лет хождений по инстанциям, чтобы его дворянское происхождение было наконец официально подтверждено. Но его случай стал скорее исключением из правила. Одного лейтенанта, уличенного в подделке документов, приговорили к штрафу в две тысячи ливров и возмещению ущерба в 400 ливров.

Кавалером ордена Людовика Святого был, в частности, младший сын «Портоса», Жан де Порто, служивший во флоте. Филипп де Риго де Водрей, кавалер ордена Людовика Святого, стал губернатором Монреаля, а затем Новой Франции, за успехи на этом посту его наградили Большим крестом этого ордена; его старший сын Луи Филипп стал генерал-лейтенантом французского военного флота и получил Большой крест ордена Людовика Святого; третий сын Жан, служивший в мушкетерах, стал генерал-лейтенантом сухопутных войск и тоже удостоился Большого креста.

Но все же красная лента была ничем по сравнению с голубой, которую носили «кавалеры королевских орденов», то есть ордена Святого Михаила и ордена Святого Духа. Первый был основан в 1469 году Людовиком XI в честь архангела Михаила, святого покровителя Франции, и в противовес бургундскому ордену Золотого руна. Изначально в него входили всего тридцать шесть дворян, пятнадцать из которых избирал сам король,

Великий магистр ордена; Карл IX увеличил их число до пятидесяти, а затем французские короли, стремясь привлечь к себе сторонников, начали раздавать его направо и налево, и орденскую цепь из двадцати трех золотых ракушек прозвали «ошейником». К моменту воцарения Генриха III орден Святого Михаила, включавший уже 500 рыцарей, настолько обесценился, что новый король основал в 1578 году новый орден — Святого Духа, куда принимали только самых знатных особ, а также монархов и вельмож иностранных католических держав. Кавалеров ордена было всего сто, все они принадлежали к высшей знати, по меньшей мере в третьем поколении, и уже являлись кавалерами ордена Святого Михаила. Рыцари ордена Святого Духа носили крест с королевскими лилиями на концах и изображением голубя (символ Святого Духа) в центре на широкой муаровой ленте небесно-голубого цвета через плечо, за что и получили прозвище «голубые ленты». Кроме того, крест Святого Духа был вышит на груди их парадных одежд. В 1661 году Людовик XIV реорганизовал орден Святого Михаила, сократив число его кавалеров с полутора тысяч до ста и заменив цепь черной муаровой лентой через плечо с золотым крестом с королевскими лилиями и изображением архангела Михаила, поражающего дракона. Кавалеры этого ордена отныне должны были являться аристократами в третьем поколении, а ордена Святого Духа — в четвертом.

Кавалерами королевских орденов были члены королевской семьи, принцы крови, герцоги, некоторые иностранные государи, например Ян Собеский — король Польши и великий герцог Литовский. Голубой ленты удостоивали маршалов Франции, капитанов лейб-гвардии и Ста швейцарцев, полковников французской гвардии; знатность ставилась выше заслуг. Луи де Сен-Симон был принят в орден в качестве герцога и пэра, как и его отец. Филипп Жюльен Мазарини Манчини, герцог де Невер, вступил в него в 1661 году, а Жан де Пейр, граф де Тревиль, был кандидатом на вступление в орден в 1658 году, однако умер, так и не получив заветных лент. В 1724 году кавалерами стали Пьер де Монтескью д'Артаньян, маршал Франции и губерна-

тор Арраса, Жозеф де Монтескью, граф д'Артаньян, генерал-лейтенант королевской армии и капитан-лейтенант первой роты королевских мушкетеров, а также Жан де Монбуасье, граф де Каниллак, генерал-лейтенант королевской армии, капитан-лейтенант второй роты королевских мушкетеров, губернатор Амьена и Корби*. Правда, короли, желавшие покрепче привязать к себе нужных людей, оставили для себя узенькую лазейку: четырьмя офицерами ордена могли стать люди, получившие дворянский титул из их собственных рук. Так, в 1688 году украсил себя голубой лентой Эдуард Франсуа Кольбер, граф де Молеврие, дослужившийся до чина генерал-лейтенанта (он и его брат Жан Батист происходили из рода торговцев, однако выдумали себе благородных шотландских предков — обычное дело по тем временам).

Умирая, Людовик XIV завещал своему преемнику — пятилетнему Людовику XV, который приходился ему правнуком, — разумнее управлять страной, не тратя сумасшедших денег на «дворцы и войну»: «Вы должны по возможности избегать войны, это погибель народов». Новый король не последовал его совету, и мушкетеры продолжали доблестно гибнуть на полях сражений, а в мирное время залезали в долги, чтобы не ударить лицом в грязь.

При Людовике Возлюбленном военная свита короля включала 1200 всадников лейб-гвардии, каждый из которых имел чин лейтенанта кавалерии, 150 конных жандармов, столько же гвардейцев легкой кавалерии, две роты королевских мушкетеров по 200 человек в каждой и 130—150 конных гренадер — всего 2030 всадников плюс 134 высших офицера, то есть тринадцать эскадронов. В целом это были элитные и хорошо оснащенные войска, однако дорогостоящие и громоздкие в походе из-за огромного обоза, который они тащили с

* Его преемник Филипп Клод де Монбуасье-Бофор-Каниллак, маркиз де Монбуасье, не желал расставаться со своей должностью, несмотря на преклонный возраст (80 лет), пока не получит заветного ордена. Голубой ленты он так и не дождался, зато его сын, граф де Монбуасье, последний капитан-лейтенант «черных» мушкетеров, стал кавалером королевских орденов.

собой, храбрые, но плохо обученные, разленившиеся воины. Они были не пригодны ни к какой службе, зато могли устроить блестящую атаку в день решающей баталии, как при Фонтенуа в 1745 году.

В 1776 году умевший считать Людовик XVI упразднил роты королевских мушкетеров из экономии. Однако к тому времени одно имя мушкетеров внушало страх врагам на поле битвы; эти роты стали своего рода символом — чести, благородства, верности, отваги, поэтому их попытались возродить в революционном 1789 году, но они были распущены Республикой в ноябре 1792 года.

Судьбы некоторых бывших мушкетеров вплелись яркими нитями в причудливый узор, созданный драматическими событиями Великой французской революции, якобинского террора и наполеоновской Империи. Так, всего за год до роспуска этого подразделения королем в первую роту королевских мушкетеров вступил пятнадцатилетний виконт Александр де Богарне, прибывший с Мартиники. Перейдя в чине поручика в пехотный полк и за четыре года дослужившись в нем до капитана, он женился на Мари Роз Жозефе Таше де Ла Пажри, более известной под именем Жозефины де Богарне, — будущей императрице. В 1788 году его избрали депутатом от дворянства в Генеральные штаты, а затем в Учредительное собрание; во время бегства короля в Варенн он занимал кресло председателя этого собрания. По окончании его работы Богарне отправился в Северную армию и сражался довольно успешно: в 1792 году он бригадный генерал, в марте 1793-го — дивизионный генерал, уже через два месяца — главнокомандующий Рейнской армией, а еще через две недели — военный министр (правда, от этой должности он отказался). После потери Майнца он подал в отставку и вернулся к семье. Но тем временем власть переменилась: наступил период якобинской диктатуры. В январе 1794 года Богарне был арестован, предстал перед революционным трибуналом по обвинению в измене и соучастии в заговоре, был приговорен к смертной казни и гильотинирован.

Еще один бывший королевский мушкетер, Тома

Франсуа де Трейль де Пардайян, чья семья принадлежала к «новому» дворянству, с самого начала событий 1789 года с головой окунулся в политическую жизнь; ему было уже 35 лет. Избранный делегатом от Сен-Понса представителями всех трех сословий, он представил проект конституции, а затем выдвигал законопроекты по организации армии, выступив с инициативой предавать смерти офицеров из числа эмигрантов. Именно он предложил Законодательному собранию учредить военную награду — предшественницу ордена Почетного легиона. Дипломатический комитет, членом которого он являлся, развязал войну с европейскими державами, на фронтах которой сражался Александр де Богарне. В 1794 году, во время Террора, Пардайяна тоже арестовали и бросили в парижскую тюрьму Сен-Лазар; он чудом избежал гильотины: его признали «умеренным». Когда к власти пришла Директория, он основал общество по снабжению армий Республики. В 1800 году, совершенно разорившись, он примкнул к режиму Бонапарта, но был вынужден бежать от должников в Милан; там он узнал, что поместье Пардайян было экспроприировано... его родным братом Александром. Но бывший мушкетер не пал духом: после реставрации Бурбонов он вернулся на родину и стал мэром коммуны Пардайян. Умер он в своем родовом замке, выкупленном его женой.

Житие Франсуа Анри де Франкетто, герцога де Куаньи, более типично для воина из «красной свиты». Он надел мушкетерский плащ в пятнадцать лет и получил боевое крещение во время Семилетней войны (1756—1763), был храбрым воином и верно служил королю. После революции он решил эмигрировать и в 1791 году примкнул к армии, воевавшей с «восставшей чернью». Он командовал военной свитой короля, пока та не была распущена в 1792 году. Находясь в эмиграции, провозгласивший себя королем Людовик XVIII неоднократно давал Куаньи дипломатические поручения, а затем он перешел на службу Португалии, где получил чин капитан-генерала. В 1814 году, в 77 лет, он вернулся во Францию вместе с королем, восстановленным на престоле, стал пэром Франции и был назначен управляющим Домом инвалидов. В июле 1816 года он полу-

чил маршальский жезл, а пять лет спустя скончался и был погребен в соборе Дома инвалидов.

После реставрации Бурбонов правительство, сильно сократившее армию (более 20 тысяч офицеров уволили в отставку), с большими затратами организовало королевскую гвардию из солдат Конде (роялистов, сражавшихся вместе с интервентами против республики), повстанцев из Вандеи и эмигрантов; 6 июля 1814 года мушкетерские роты были восстановлены. Королевская гвардия с первых же дней вызвала к себе жгучую ненависть со стороны ветеранов Наполеоновских войн, и армия вскоре стала главным оплотом недовольных новым режимом. Опасаясь беспорядков, король упразднил «красную свиту» 1 января 1816 года.

Это решение монарха отозвалось болью в сердце одного из самых последних мушкетеров — Нарцисса Ахилла де Сальванди, который считал себя преемником мушкетеров Людовика XIV и написал пылкую речь во славу королевской свиты, клянясь от имени всего народа в любви и верности французским королям. Сальванди родился в 1795 году, через два года после казни Людовика XVI, и происходил из бедной семьи ирландского происхождения. Однако его детство прошло в департаменте Жерс, образованном в 1790 году из нескольких гасконских областей, и это наложило определенный отпечаток на его восприятие французской истории. В 1813 году, восемнадцати лет, он вступил в почетную гвардию Наполеона, а после возвращения Бурбонов был зачислен в роту «черных мушкетеров» военной свиты Людовика XVIII. Новый красный мундир ему пришлось носить недолго: с 22 июля 1814 года по 31 декабря 1815 года; после роспуска своей роты он получил компенсацию в виде креста ордена Почетного легиона.

Всего через месяц после своего вступления в Париж Людовик XVIII распорядился создать комиссию для присвоения наград верным роялистам, боровшимся с революцией в рядах королевских войск. На заседании 30 июля 1816 года королевская комиссия утвердила макеты наградного оружия — шпаг, ружей, сабель. Унтер-офицеры и солдаты, служившие в кавалерии, должны

были получить саблю по образцу той, что состояла на вооружении у королевских мушкетеров, только вместо креста с лилиями на рукояти будет помещен герб Франции. Из Венсенского замка извлекли хранившиеся там сабли, изготовленные версальской оружейной мастерской для второй мушкетерской роты, заменили крест медальоном с гербом Франции (три желтые лилии на синем фоне) и выгравировали на клинке: «Да здравствует король». Наградное оружие вручали 25 августа 1824 года, в день святого Людовика.

Так завершилась славная двухвековая история королевских мушкетеров.

МУШКЕТЕРЫ В УЧЕНЬЕ

Уроки фехтования. — Академия Плювинеля. — «Школа кавалерии» Ла Гериньера. — Военные училища. — Рота королевских мушкетеров — школа офицеров

Вам следует усовершенствоваться в искусстве владеть оружием — это необходимо дворянину. Я сегодня же напишу письмо начальнику Королевской академии, и с завтрашнего дня он примет вас, не требуя никакой платы. Наши молодые дворяне, даже самые знатные и богатые, часто тщетно добиваются приема туда. Вы научитесь верховой езде, фехтованию, танцам.

Вы завяжете полезные знакомства...

А. Дюма. Три мушкетера

Как мы помним, изначально в мушкетеры принимали только тех, кто уже отличился в деле и прослужил несколько лет в гвардии, то есть опытных воинов, закаленных в сражениях. Со временем мушкетерские роты стали пополняться знатными юнцами, которые постигали азы воинской науки, уже находясь на службе. Но каким бы высоким ни было их происхождение и какими бы они ни обладали связями при дворе, совершенного неуча в роту бы не зачислили: не сегодня завтра — на фронт, а там — шпаги наголо и вперед...

Шпага была неразлучной и необходимой спутницей каждого дворянина, самим указанием на его принадлежность к благородному сословию. Даже в XVIII веке какой-нибудь разорившийся захудалый дворянчик, отправляясь пешком на рынок, чтобы продать там кошелку яиц, гордо бренчал длинной шпагой, волочившейся по земле.

Разумеется, шпагой надо было научиться владеть. Возможностей для этого открывалось много: от част-

ных уроков до посещения школ фехтования и обучения в академиях. В небогатых семьях навыки фехтования передавались в буквальном смысле от отца к сыну, те же, кто познатнее и побогаче, могли себе позволить брать уроки у профессионалов.

Учитель фехтования был одним из «парижских типов», о чем свидетельствует гравюра из соответствующей серии Никола и Жана Батиста Боннаров (1676). На ней изображен мужчина с рапирой в руке, в первой оборонительной позиции. На нем штаны до колен, башмаки, перчатки с раструбами, кожаный нагрудник, элегантная шляпа, из-под которой торчит косица парика, на щеке — кокетливая мушка. Учителя фехтования были дворянами, но при этом занимались ремеслом — примечательное нарушение сословного кодекса. Оно возникло в XVII веке благодаря эдикту Людовика XIV от 1656 года, возводившему в дворянство шестерых самых заслуженных мастеров цеха фехтовальщиков.

Официально обучать фехтованию могли лишь немногие титулованные мастера. В Париже их количество за два века не изменилось, несмотря на прирост населения; таким образом, в XVII веке в столице был один мастер-фехтовальщик на двадцать тысяч жителей, а к концу XVIII — уже один на тридцать тысяч. Примерно такое же соотношение существовало в Бордо и Дижоне, но в пограничных городах, где владение оружием являлось жизненной необходимостью, практиковало больше мастеров, официально допущенных к преподаванию. Разумеется, тех, кто занимался этой деятельностью без разрешения, было несоизмеримо больше. Это естественно: ведь каждый из двадцати парижских мастеров на протяжении своей карьеры (примерно тридцать лет) мог подготовить пять учеников (период обучения продолжался шесть лет). К этому числу следует добавить сыновей мастера, обладавших привилегиями. Если ученику не удавалось пробиться в мастера, ему оставалось только открыть свою школу без разрешения или попытаться счастья в провинции. Впрочем, и учителей-самозванцев, пользующихся людской доверчивостью и всеобщим стремлением обучиться навыкам фехтования, было множество, а потому в XVIII веке против них велась решительная борьба.

Вывеска школ фехтования представляла собой изображение руки, держащей шпагу. Такие школы помещались на первом этаже жилого дома и являли собой более-менее просторное помещение с земляным полом и с парой окошек, сквозь которые проникал свет. Мебели в нем не было, только стул для учителя и деревянный «козел» для обучения фехтованию верхом, да еще подставка для рапир. Бывало, что в том же зале обучали танцам.

В очень редких случаях школы фехтования устраивали в специально отведенных для этого местах. Например, Бернар Тейягори выстроил специальный павильон в Тюильри, обошедшийся ему в 2400 ливров. Преподаватели фехтования старались открывать свои школы в аристократических кварталах: в Париже это были Сен-Жермен, Марэ, окрестности Лувра и Пале-Кардиналь (впоследствии Пале-Рояль), остров Сен-Луи, в Бордо — приходы Святой Евлалии и Святого Элоя.

На уроки допускались зрители, для которых это было развлечением. Плата за обучение в XVII веке составляла три ливра в месяц помимо вступительного взноса (жалованье рядового мушкетера составляло 300 ливров в год). Серьезные люди, обладающие достатком, предпочитали брать уроки на дому. Считалось, что дворянин должен скрывать, каких усилий и затрат ему стоило обучиться фехтованию. И те и другие были велики. Тот же Бернар Тейягори давал частные уроки маркизу де Крюссолю и его друзьям — по два урока в день — и брал с них по три луидора (то есть 72 ливра) за первый месяц занятий и по два луидора (48 ливров) за второй. Таким образом, один урок обходился в два ливра и восемь су — почти столько же, сколько месяц обучения в обычной школе фехтования; цена на отдельные занятия была еще выше — четыре ливра. Но учитель добросовестно отработывал эти деньги, обучая знатных клиентов не только обычным приемам нападения и защиты, но и особой технике, «секретам», гарантирующим победу в стычке.

Впрочем, учителя, обучавшие кадетов в военных академиях (за казенный счет), втолковывали своим ученикам, что для хорошего фехтовальщика не существует

неотразимых ударов: в крайнем случае от удара можно увернуться. Никаких «тайных приемов» не существует: это сказки шарлатанов, предназначенные для ленивых и невежественных школяров, не желающих постоянно работать над собой и мнящих, будто за несколько занятий можно усвоить пару приемчиков и стать неуязвимыми. Эту мысль отражает Т. Готье в «Капитане Фракассе»: главный герой, молодой барон де Сигоньяк, учился фехтованию у своего слуги, бывшего солдата Пьера, однако оказался достойным соперником богатому и заносчивому герцогу де Валломбрезу:

«Валломбрез в глубине души все еще не мог вполне отрешиться от презрения к Сигоньяку, ожидая встретить слабого фехтовальщика, и был крайне удивлен, когда, небрежно прощупав его умение, вдруг встретил ловкую, твердую руку, с необычайной легкостью парирующую удары противника. Он стал внимательнее, затем несколько раз попытал ложный выпад, тотчас же разгаданный. Стоило ему открыть малейший просвет, как туда проникала шпага Сигоньяка, и нужно было немедленно отбить атаку. Он попробовал наступать; его шпага была умело отстранена, оставив его самого без прикрытия, и, не отшатнись он назад, клинок противника попал бы ему прямо в грудь. Для герцога картина боя явно менялась. Он думал направлять его по своему усмотрению и, после нескольких выпадов, ранить Сигоньяка, куда ему заблагорассудится, с помощью приема, до сих пор безотказного. А сейчас он совсем не был господином положения и нуждался во всей своей сноровке, чтобы защищаться. Как ни старался он быть хладнокровным, злоба обуревала его, он терял над собою власть, давал волю нервам, меж тем как Сигоньяк оставался невозмутим и, казалось, дразнил его своей безупречной позитурой».

Единственное «тайное оружие» — это неожиданность, нестандартность, действие вразрез с академическими правилами. Например, в школах фехтования не обучали рубящему удару шпагой, и при определенных условиях такой удар мог стать «секретным приемом».

В обучении шли от простого к сложному. Начинали с упражнений у стены, разрабатывали кисть, трениро-

вали руки, ноги; отрабатывали повороты шеи и всего тела; учились делать выпады. Затем следовали кварталы, терции, полукруги, выпады, парады, приемы нападения и защиты: простые и двойные финты, полувольты, удары по шпаге, уход в сторону, перехват шпаги, обезоруживание противника. В конце занятия был «спарринг»: учитель нападал, а ученик должен был обороняться.

Механистической теории фехтования посвящали свои работы лучшие умы той эпохи. Основатель научного кружка отец Мерсенн (между прочим, лицо духовное) консультировался с Рене Декартом (бывшим офицером и известным дуэлянтом) о том, на какую часть шпаги движение оказывает наибольшее воздействие, и обсуждал с ним трактат Гоббса под названием «Как сравнить силу двух шпаг, пришедших в соприкосновение». Сам Декарт написал небольшой трактат «Искусство фехтования», дополнивший собой многочисленные теоретические труды, которые с XVI века пользовались большой популярностью у читателей. Господин де Лианкур, «звезда» королевских балетов и признанный мастер-фехтовальщик, в 1686 году опубликовал трактат, включавший пособие для учителей фехтования «на пользу всему благородному сословию и в особенности дворянам, именуемым кадетами». По Лианкуру, настоящее искусство учителей состоит в том, чтобы исправить просчеты природы и «придать новую форму неуклюжему телу».

Помимо фехтования дворянин был обязан уметь ездить верхом. В Париже первая академия верховой езды была основана в 1594 году Антуаном де Плювинелем. О том, какое значение придавалось этому учебному заведению, свидетельствует тот факт, что королевская казна выделяла на каждого ее студента от 800 до тысячи экю в год. Прежде французское дворянство было вынуждено ездить для обучения в Италию, подвергая свои семьи серьезным расходам. Сам Плювинель отправился туда в десятилетнем возрасте и обучался у знаменитого наездника Пиньятели. Тот дал своему ученику блестящие рекомендации, благодаря которым молодой человек стал оруженосцем Генриха III, верно ему служил, а по восшествии на престол Генриха IV сохра-

нил и приумножил свои должности: камергер, помощник гувернера дофина Людовика, наставник герцога де Вандома и т. д.

Академия была его мечтой. Плювинель творчески переработал методы итальянской школы, отказавшись от грубого обращения с лошадьми и стараясь сформировать у своих учеников навыки дрессуры, которые, как в случае его выдающегося ученика Людовика XIII, пригодились бы и для «укрощения людей». Выпускники академии на всю жизнь приобрели настоящую кавалерийскую посадку: грудь вперед, ноги вытянуты, пятки вывернуты наружу. При этом в академии обучали также танцам и другим искусствам и, разумеется, фехтованию. Плювинель занимался и «воспитательной работой», формируя личность своих учеников, среди которых были герцог Devonширский Уильям Кавендиш и маркиз де Шиллу (будущий кардинал де Ришелье), согласно канону «благородного человека». В обществе вырисовывался новый аристократический идеал, в котором прирожденные качества дворянина соединялись с добродетелями образованности и культуры. Воспитанников академии учили также выдержке и самообладанию — главному оружию фехтовальщика. В провинции первое учебное заведение такого типа открылось в Тулузе в 1598 году.

Академии должны были приобщить дворянство шпаги к культуре и подготовить их к службе королю. Наставник Людовика XIII Давид Римо де Флеранс набросал портрет дворянина, обучающегося в академии: «Недостаточно обладать мужеством, надлежит владеть искусством его применять и использовать таким образом, чтобы даже враги его оценили: обмениваясь ударами, нужно уметь разговаривать как мужчина с мужчиной, причем как мужчина образованный, ловкий, учтивый и утонченный». Ришелье старался повсюду учреждать такие учебные заведения. В грамоте об основании академии в предместье Тампль кардинал-министр напоминает о том, что военная наука и образованность неразделимы и в равной степени необходимы, чтобы управлять делами внутри государства и защищать его за его пределами. Следовательно, после двухлетнего обу-

чения «оныя дворяне будут обязаны прослужить королю еще два года в гвардейском полку, на кораблях или иначе, по его соизволению». Выпускником Военной академии на улице Тампль был знаменитый принц Конде, победитель в битве при Рокруа, принятый на обучение пятнадцати лет.

Апогей учреждения академий пришелся на 70—80-е годы XVII века: в Париже только в одном аристократическом квартале Сен-Жермен действовало семь академий, восьмая находилась на правом берегу Сены, на престижной улице Сент-Антуан; в провинции (Лилле, Анже, Блуа, Безансоне, Риоме, Страсбурге, Бордо, Эксе) их было полтора десятка. Во время войны Аугсбургской лиги (1688—1697) число учеников академий резко сократилось: молодые дворяне отправлялись сразу на фронт, чтобы уже на месте приобрести необходимые навыки. В столице к 1691 году остались только две академии, зато слава их в XVIII веке стала поистине мировой. Одна располагалась на левом берегу Сены, на нынешней улице Медичи, неподалеку от Люксембургского сада. Ее руководитель Франсуа де Ла Гериньер, прибывший в Париж из Нормандии, где он заведовал Канской академией верховой езды, снискал репутацию несравненного наездника и преподавателя, благодаря чему в 1730 году получил назначение в Королевский манеж при Тюильри. Ученики приезжали туда со всей Европы, а произведение Ла Гериньера «Школа кавалерии» считалось «Библией верховой езды».

Между учителями и их благородными учениками возникали дружеские и доверительные отношения. Ученикам академий даже советовали заручиться дружбой наставника, чтобы через него завязать связи с его клиентами. Преподаватели академий влились в аристократическое общество и были способны составить протекцию молодому дворянину.

Общей программы преподавания не было. В Кане (Нормандия) в академии обучали только верховой езде, в Экс-ан-Провансе — фехтованию, вольтижировке и обращению с пикой, полупикой, ружьем и знаменем (в атаку шли с развернутыми знаменами и штандартами, в каждой мушкетерской роте были свои знаменосцы). Но

в большинстве учебных заведений следовали программе Плювинеля: верховая езда, танцы, фехтование, математика (основы фортификации, которые пригодятся при осаде и штурме крепостей), гимнастика, рисование. Таков, например, был курс Военной академии на улице Бонзанфан в Париже, которую окончил будущий маршал Тюренн. В некоторых случаях к этим дисциплинам добавлялись еще музыка, история или иностранные языки. Гуманитарные науки не приветствовались: Ришелье был уверен, что «увлечение науками... в короткий срок опустошило бы армию, которой благотворно скорее суровое невежество, нежели мягкость книжного чтения». В 1691 году в обеих парижских академиях утро посвящали верховой езде, а вторую половину дня — остальным предметам. В XVIII веке в академии Дюгара утром преподавали фехтование, а также теорию и практику верховой езды (большую пользу приносило упражнение с кольцами, которые надо было снять пикой на всем скаку). Курс обучения был рассчитан на два года. Пансионеры вносили вступительный взнос в размере десяти ливров помимо платы за обучение. Экстерны ежегодно выплачивали преподавателям от двух до пяти ливров каждому.

Когда в 1666 году в Париж приехал из Гаскони Жозеф де Монтескью, он был пятнадцатилетним подростком, не получившим практически никакого образования. Его кузен д'Артаньян, командовавший ротой «серых мушкетеров», определил его в академию господина де Форестье — и не ошибся. Уже через несколько месяцев Жозеф стал отличным наездником и фехтовальщиком, умел обращаться с пикой и стрелять из мушкета. Помимо этого, он усвоил начала математики и картографии (умел снимать план местности), научился танцевать и рисовать. Через два года его приняли в роту мушкетеров, а к концу XVII века он стал капитан-лейтенантом «серых мушкетеров», губернатором Нима, генерал-лейтенантом и кавалером королевских орденов.

Заметим справедливости ради, что в теории все было задумано великолепно, но на практике идеала удавалось достичь не всегда. Молодые дворяне зачастую

посещали занятия в академиях по принуждению и без всякого желания, далеко не все их наставники обладали педагогическими талантами Плювинеля и могли подсказать своим воспитанникам, на что можно с пользой употребить свое время. В результате дворянские недоросли шатались без толку по городу, затевая драки и пропивая отцовские денежки. Доходило до трагикомических ситуаций: кадету из знатного рода Ла Колони грозил суд за дуэль. За него заступились учителя математики, ибо Ла Колони защищал честь этой науки перед другими кадетами, пренебрегавшими ею и презиравшими ее.

Будущей военной элите, обучавшейся в академиях, конечно же преподавали правила чести, которые следует соблюдать во время поединков; главным из них было — никогда не нападать первым. Но, разумеется, на поле боя об этих правилах можно было забыть. Как и еще об одном правиле: не использовать шпагу как кинжал. В реальном сражении клинок недрогнувшей рукой вонзали в грудь обезоруженного противника.

В условиях реального боя могут возникнуть самые разные ситуации, и будущих гвардейцев учили не теряться, если, например, один из соперников окажется вооружен шпагой, а другой — мушкетом. Поскольку обычный мушкет тогда был очень тяжелым и его ставили на сошку, фехтовальщику рекомендовали бежать прямо на мушкетера, петляя зайцем, чтобы тот не успевал взять его на мушку. Довольно эффективным приемом было перебросить шпагу в левую руку, чтобы сбить с толку своего врага, или схватить ее обеими руками, чтобы с удвоенной силой отбить клинок противника (это называлось «мужицким ударом»). Кстати, мушкетерам, которых посылали подавлять крестьянские восстания, приходилось иметь дело и с мужиками. На этот случай был предусмотрен вариант поединка фехтовальщика с крестьянином, вооруженным кнутом. В 1736 году в Париже был издан «Новый трактат о совершенстве во владении оружием, посвященный Королю, написанный господином П. Ж. Ф. Жираром, бывшим морским офицером, и обучающий тому, как сражаться на шпагах, всем зарубежным позициям за-

щиты, бою на эскадронах, пиках, алебардах, примкнутых штыках, кнутах и палках; с приложением описания достоинств полупики, ружья и гранат, каковые используются ныне во французском военном искусстве».

Королевские мушкетеры должны были одинаково хорошо владеть и холодным, и огнестрельным оружием (мушкетом, пистолетами, ружьем), однако представление о том, что «пуля — дура, штык — молодец», сохранялось на протяжении почти всей истории мушкетерских рот: ружья нередко давали осечку, да и скорострельность их оставляла желать лучшего. Из кавалерийских ружей в мишень за 80 шагов попадало три четверти пуль, за 160 шагов — половина. Стрельба из гладкоствольных ружей с расстояния в 400 шагов признавалась бесполезной. При стрельбе из пистолета с лошади в цель удавалось попасть лишь с тридцати шагов, да и то случайно. Кроме того, со шпагой в руке можно было нагляднее доказать свою доблесть.

При обучении верховой езде в XVII веке учитывали распространенную тогда тактику конного боя — карекопирование: эскадрон, выстроившись в несколько рядов, скачет рысью; каждый ряд в упор разряжает свое оружие во врага, после чего разъезжается в стороны и вновь выстраивается сзади, на ходу перезаряжая мушкет или пистолет. Такой маневр можно осуществить только на хорошо вышколенных лошадях: если животные испугаются, ряды смешаются и враг не замедлит этим воспользоваться. Пугливая лошадь вообще могла погубить своего хозяина: Сен-Симон рассказывает, как во время сражения при Неервиндене в 1693 году лошадь его бывшего гувернера закусил удила и дважды уносила всадника в ряды врагов; тот погиб бы, если бы его коня не остановили свои. В следующем столетии, после неудач в Семилетней войне, в частности — поражения при Россбахе в 1757 году, в школе верховой езды произошли коренные реформы: в обучении с рыси перешли на галоп. При таком аллюре групповые маневры надо было выполнять быстро и слаженно, а всаднику требовались недюжинная храбрость и ловкость.

Из программы военных академий была исключена выездка, считавшаяся развлечением аристократов.

Вместо этого ученик должен был освоить три аллюра: шаг, рысь, галоп, научиться маневрировать, в том числе в группе, и владеть всеми видами оружия (мушкетом, саблей, пистолетом), сидя верхом, чтобы его лошадь тоже привыкла к такому поведению всадника, не пугалась шума выстрелов и взрывов, а также непривычных запахов.

С академиями конкурировали пажеские корпуса, школы кадетов (1682—1694) и эфемерные военные училища (например, «Школа Марса» шевалье де Люссана), дававшие такое же образование. Военный министр Людовика XIV Лувуа создал девять кадетских школ, в которых существовал строгий распорядок и надзор за учащимися. В 1729 году во всех четырех существовавших тогда в столице академиях обучалось только 44 пансионера и 38 экстернов.

В 1748 году закончилась война за Австрийское наследство. Франция вышла из нее победительницей, однако сражения показали, что королевские войска не отличаются хорошей подготовкой. Маршал Саксонский посоветовал Людовику XV основать Королевское военное училище, и тот издал соответствующий эдикт 22 января 1751 года. В училище предполагалось принять пятьсот молодых дворян, родившихся неимущими, отцы которых погибли на войне. Дело было задумано с размахом, однако на осуществление грандиозных планов не хватало денег: если котлован под фундамент Военного училища, напоминающего по размерам собор Святого Петра в Риме, вырыли уже в 1751 году, то к сооружению служебных построек приступили только в 1754-м. Чтобы не затягивать с открытием, было решено в первое время принять лишь двести кадетов, переделав служебные помещения под дортуары и классы, что и произошло в 1756 году. В 1760-м король решил перевести часть кадетов в Королевскую коллегию Ла-Флеш в Анжу, основанную в 1603 году Генрихом IV для обучения 124 молодых дворян или детей офицеров из королевской свиты. В 1764 году Людовик XV преобразовал знаменитую коллегию (руководившие ею иезуиты были изгнаны из Франции двумя годами раньше) в Школу кадетов, или «Подготовительное военное училище

при Военном училище Марсова поля». Здание Военного училища было завершено только в 1780 году, к тому времени само учреждение действовало уже более двадцати лет и подготовило множество кадетов, в числе которых был Наполеон Бонапарт.

Кроме того, при королевском дворе было три пажеских корпуса, в которых представителей знатных родов, имеющих не менее чем двухсотлетнюю историю, обучали специально отобранные учителя. Пажи входили также в свиту королевы и принцев крови. Крупные вельможи тоже набирали пажей, давая им образование по программе академии (верховая езда, фехтование, танцы, математика, рисование). Существовала традиция воспитывать в качестве пажей детей своих вассалов или клиентов. Будущий маршал Франции Клод Луи де Виллар, окончив ораторианскую коллегию в Жюйи, поступил в пажеский корпус Большой конюшни, в которой получали военное образование отпрыски аристократов. В восемнадцать лет он уже отправился служить в армию, а к двадцати одному году стал полковником кавалерии. Несколько раньше пансионером того же учебного заведения был Пьер де Монтескью, который затем поступил в пажи Малой конюшни, а оттуда — в кадеты и, наконец, после нескольких месяцев «практики», — в мушкетеры, под начало своего кузена д'Артаньяна. Впоследствии он стал маршалом Франции.

В том, что касается начального образования и общей культуры, позиции, конечно, были неравны. Богатые и знатные люди нанимали своим детям хороших учителей. Виконт де Тюренн, состоявший в родстве с домом принцев Оранских-Нассау, в четырнадцать лет читал в оригинале Квинта Курция, Юлия Цезаря и Сенеку, прекрасно говорил по-фламандски. Кроме того, выходцы из привилегированных слоев общества могли получить среднее образование в коллегиях (коллежах), которые основывали монашеские ордены иезуитов и ораторианцев, а также церковные деятели в своих епархиях. Самые знаменитые коллегии находились в Жюйи и Ла-Флеш. В коллегиях преподавали латынь, грамматику, риторику, философию, математику (механику, оптику, навигацию) и геометрию с фортификаци-

ей — ее прикладным вариантом (в XVI веке итальянцы произвели переворот в искусстве фортификации, поставив его на геометрическую основу).

Все образование Жана Армана дю Пейре (будущего графа де Тревиля) сводилось к тому, что он овладел французским языком: без этого уроженцу Беарна не имело смысла соваться в Париж. Д'Артаньяна же учил грамоте дядя Даниель, настоятель Люпиакской церкви, единственный ученый человек в этом поселке, а навыки фехтования и верховой езды ему привил отец. Восемнадцати (а может быть, двадцати трех лет) он явился в Париж и поступил в гвардейскую роту кадетов, исполнявшую роль военного училища. Затем де Тревиль определил его в гвардейскую роту Дезэссара, стоявшую в Фонтенбло. Молодой гасконец в общем-то был малограмотен, да и потом он за всю жизнь не мог написать и одной фразы, не сделав в ней пяти ошибок; его речь изобиловала диалектизмами, а на письме он руководствовался собственными представлениями об орфографии*. Но не это главное: он был храбр, умен, превосходно владел шпагой и был предан королю. Став ка-

* В 1768 г. грамматист Дегруз опубликовал ученый труд под названием «Исправленные гасконизмы, сочинение для пользы всех лиц, желающих говорить и писать правильно, в особенности для юношей, еще не завершивших своего образования». В этой книге он с ужасом отмечает, что парижская молодежь сыплет гасконизмами и на каждом шагу делает грамматические ошибки. Автор добавляет, что вовсе не ставит себе целью научить гасконцев правильно изъясняться по-французски, а хочет лишь предостеречь от подражания им молодых дворян, рискующих осрамиться при дворе. На это сочинение Майоль ответил в 1771 г. «Письмами к гасконцам об их хороших качествах, недостатках и смешных сторонах; об их удовольствиях в сравнении с развлечениями жителей столицы». Он пишет: «У гасконцев живой ум, доброе сердце, горячая голова. Возможно, им не хватает просвещения, вкуса и любезной и непринужденной учтивости, которая, по правде говоря, встречается лишь в Париже и при дворе». И далее: «Что касается душевных качеств и познаний, гасконец перенял их в равной мере от француза и от испанца: он невежественный, беспокойный, зачастую неучтивый за недостатком образования, которому его родители не придавали цены; тщеславный, высокомерный, расхваливающий сам себя, не понимая, что это смешно... но с развитым воображением, чуткий, живой, предприимчивый, пылкий, не научившийся заглушать в себе голос природы и родной земли; наконец, всегда готовый противоречить и идти наперекор тем, кто не разделяет его страстей, его предрассудков или даже мыслей...»

питаном королевских мушкетеров, он превратил свою роту в офицерскую школу, где молодых дворян обучали военному делу. «Забойтесь всегда о том, чтобы рота была в хорошем состоянии, и не упускайте случая заставить ее как можно чаще упражняться, дабы новые мушкетеры стали столь же искусны, как и старые», — писал д'Артаньяну Людовик XIV в октябре 1665 года. Через три-четыре года службы, включавшей в себя занятия, учения, смотры, можно было при наличии необходимых средств получить должность лейтенанта, а то и армейского капитана. Те же, кто предпочитал остаться в мушкетерах, входили в состав «стариков» — пятидесяти двух ветеранов роты, лучших из лучших.

Похоже, что после героической смерти д'Артаньяна во время осады Маастрихта в 1673 году мушкетеров уже не так муштровали и школили: Луи де Сен-Симон, принявший свое боевое крещение во время сражения при Намюре (1692), заявляет, что во время занятий в роте «учат только разбиваться по эскадронам». Но даже благодаря таким занятиям мушкетеры оказывались в привилегированном положении по сравнению с армейскими офицерами. В обычных кавалерийских полках капитан, являвшийся собственником лошадей, беря их и не позволяя им перетрудиться: в редком полку лошадей седлали дважды в неделю в летнее время, а такие, где их выводили из конюшен зимой хотя бы раз в неделю, вообще были исключением из правил. Откормив лошадей и поставив их в конюшню, капитаны затем урезывали их паек, чтобы прикарманить деньги, отпущенные на фураж, и лошади выглядели упитанными лишь потому, что стояли в конюшнях без движения. Их не седлали, чтобы прежде времени не сносились сбруя. Кавалеристы превращались в конюхов, даже офицеры утрачивали навыки верховой езды (за исключением тех, кто мог себе позволить иметь собственного коня); к 1733 году таких горе-наездников во французской армии было три четверти.

Впрочем, и элита не слишком от них отличалась: граф де Шабо в своей «Записке о кавалерии» говорит о лейб-гвардии как о «корпусе дурных кавалеристов, храбрых и обычно на хороших лошадях»: «Их ко-

ни ростом от 4 футов 9 дюймов до 5 футов и были бы очень хороши, если поддерживать их в хорошей форме, однако они простаивают три четверти года, когда гвардейцев нет на службе, а конюхи почти никогда их не седлают и не выгуливают, что губит хороших лошадей более, нежели частые упражнения». Королевские мушкетеры, которые при Людовике XIV должны были обязательно уметь ездить верхом, при Людовике XV не слишком отличались от лейб-гвардии, а конных гренадер вообще набирали из разночинцев, которых еще предстояло обучить верховой езде. Только гвардейская легкая кавалерия (эскадрон в 150 сабель) выгодно от них отличалась, превратившись в школу для молодых дворян. «Это элитный эскадрон, отменной храбрости, на хороших лошадях и прекрасно обученный», — писал Шабо.

Один король сменял другого, а войны все не кончались. На обучение оставалось мало времени, новобранцев отправляли прямо на фронт, а воевали в основном числом, а не умением. Опыт Людовика XIII, проводившего межвойсковые учения во время осады Ла-Рошели в 1627 году, оказался благополучно забыт. Преподаватели академий не могли одобрять такой подход. В одном из учебников по фехтованию, изданном в Лангедоке, сказано: «Если французские войска всегда одерживали победу со шпагой в руке, то своей славой они частично обязаны ловкости нескольких офицеров, и осмелюсь сказать, что если бы все были так умелы, как должно, то и в пешем, и в конном бою, на поле сражения и на крепостной стене они творили бы чудеса, уже не порожденные одной лишь доблестью».

МУШКЕТЕРЫ НА ПАРАДЕ

*Мушкетерский стиль в моде XVII века. —
Представительская роль. — «Война кружев». —
Мушкетерские плащи. — Первые мундиры. — Знамена
и музыка. — Военная форма XVIII века. —
Кони на параде. — Последний наряд*

Если бы Господь спустился на землю, ему не нужно было бы гвардии лучше этой!

Слова, сказанные испанским министром доном Луисом де Харо при виде мушкетерской роты

Рота королевских мушкетеров была создана в силу военной необходимости. Ее «крестный отец» Людовик XIII был королем-воином, причем в большей степени интендантом, чем стратегом. Он следил за тем, чтобы войска были хорошо обучены, одеты и накормлены, а всяких «излишеств» не поощрял. Придворные праздники и развлечения он считал бесполезной тратой времени и денег и в повседневной жизни, по свидетельству современников, одевался «как простой мушкетер».

Мундиров тогда не было, и единственным отличительным знаком королевских мушкетеров служил короткий (выше колен) голубой плащ с серебряными крестами спереди и сзади. При необходимости его можно было превратить в одежду с длинными рукавами при помощи многочисленных застёжек (до 150 пуговиц и петель). В остальном военные носили то же, что и штатские.

В первой трети XVII века мужской костюм состоял из сорочки, чулок, колета или камзола, штанов, курт-

ки, накидки или плаща, сапог и шляпы. В повседневной одежде преобладало сочетание желтого и коричневого цветов, более нарядным было сочетание синего и красного. Белый цвет являлся прерогативой короля.

Сорочка из белого холста была просторной и длинной, выполняя роль и нательной рубахи, и кальсон. Она проглядывала в разрезы рукавов и ниспадала на пояс. Состоятельные люди украшали манжеты сорочки кружевами.

Колет не стеснял движений, вверху застегивался на несколько пуговиц, спускался до пояса, где его полы расходились, и был снабжен прорезьями на рукавах. Суконный камзол к 1643 году едва достигал пояса; его рукава были разрезаны вдоль с внутренней стороны и плотно охватывали запястье; по низу шла короткая баска. Спереди камзол застегивали на множество пуговиц или завязывали шнурком; рукава тоже могли застегиваться на пуговицы; в баске иногда проделывали отверстия, чтобы можно было привязать к камзолу штаны. В середине XVII века в большой моде были ленты, которые повязывали бантами везде — на камзол и штаны, на воротник и шляпу и даже на сапоги. Концы лент и шнурков украшали металлическими подвесками или помпонами; богатые люди могли себе позволить вставить в подвески бриллианты. Элегантным аксессуаром являлась широкая расшитая перевязь через плечо.

Воротник был отложным; его надевали отдельно и завязывали спереди, украшали вышивкой или кружевами (или и тем и другим). К середине века его перестали крахмалить.

В зимнее время поверх камзола надевали онгрелин — подбитую мехом приталенную одежду из кожи или сукна, с четырьмя широкими басками, с просторными или короткими рукавами и без ворота; спереди онгрелин застегивали на пуговицы или зашнуровывали.

Штаны спускались ниже колен, уходя в сапоги, парадные были просторнее и короче, открывая красные чулки. Зимой надевали несколько пар шелковых или вязаных чулок — для тепла, подвязывая их под коленом шнурками или лентами. После 1635 года штаны шили более узкими и облегаяющими, их стали называть

панталонами по имени персонажа итальянской комедии — Панталоне. По бокам их часто украшали пуговицами или лентами, спереди в петлях ширинок повязывали банты с подвесками. Сзади штаны тоже были на шнуровке, пояс спереди застегивался на три пуговицы.

Сапоги носили высокие, на каблуке, с отворотами и накладками в области подъема в виде кожаных язычков или перемычек. Находясь в помещении, шпоры не снимали, а только загибали кверху, чтобы ненароком не зацепить за подол и не испортить платье даме. Носки сапог были квадратными, а сама обувь, чаще всего, длиннее ступни. У парадных сапог шпоры были золочеными, а раструбы отделаны изнутри кружевами, они раскрывались, подобно вазам. Людовик XIII предпочитал сапоги с голенищами, облегающими ногу и доходящими до середины бедра, — наверняка они были удобнее для верховой езды.

Шляпы — мягкие и широкополые или с небольшими полями, но с высокой тульей — непременно украшали пышными страусовыми перьями, которые нужно было уметь правильно завивать. На крайний случай могло сойти и фазанье перо. Мужчины носили волосы до плеч, расчесанные на прямой пробор и иногда завитые на концах, тонкие усики и бородку. Пушок на подбородке, образывавший «запятую», прозвали «мушкетеркой».

В современном французском языке до сих пор существуют термины «мушкетерский воротник» (широкий отложной воротник с заостренными концами), «мушкетерская манжета» (отворачивающаяся и застегивающаяся запонкой), «мушкетерские перчатки» (краги) и «мушкетерские сапоги» (с отворотами) — напоминание о моде первой половины XVII века.

Король одевался много скромнее некоторых своих подданных, но его пример не вызывал подражания. Королевские министры пытались обуздать непомерные расходы двора, принимая «законы против роскоши». Эти законы запрещали носить одежду из золотой и серебряной парчи, украшать ее вышивками, шнуром, золотой нитью, одеваться в бархат, атлас или тафту с

золотым шитьем*. Но, как это обычно бывает, запреты вызвали прямо противоположную реакцию, способствуя контрабанде и играя на руку иностранным производителям. Людовик XIII повел дело иначе: своими эдиктами он запретил использование кружев и безделушек заграничного производства, чтобы поощрять развитие отечественной индустрии роскоши. В результате кавалеры вслед за дамами стали рядиться в парчу и бархат, украшать себя кружевами, лентами и позументами. Производство тканей начало приобретать промышленный характер; шелк производили в Лионе, тонкие шерстяные ткани — в Руане. В моде были также атлас, тафта, муар с орнаментом в стиле барокко: крупные орнаментальные завитки, листья аканта, плоды граната и винограда, ромбовидная сетка с розетками, короны, вазы, корзины и т. д. По торжественным случаям король мог блеснуть пышным нарядом, но таких случаев было немного, да и скончался монарх рано: в сорок два года.

Сменивший его на троне Людовик XIV был красив, воспитан женщинами и придавал большое значение внешнему облику. В его правление мужской костюм сохранил «военные черты», мужчина должен был обладать хорошей выправкой, быть стройным и подтянутым, однако о спартанской простоте уже не было и речи. Сорочек теперь носили две: узкую нижнюю и широкую верхнюю из тонкого белого полотна, которая выглядывала в прорези рукавов и между лапами колета. Ее богато украшали гофрированными оборками и кружевом. Короткую куртку-весту с рукавами по локоть тоже украшали кружевами и лентами; поверх парадных панталон надевали складчатую юбку — ренграву. На поясе, по боковым швам и по подолу ренгравы штаны украшали рюшами, оборками, бантами. Все эти одежды непременно должны были иметь в своем гардеробе члены военной свиты.

* Закон был достаточно суров, но малоэффективен, о чем свидетельствует такой случай: однажды капитан Наваррского полка Шарль де Фонтене возвращался в Париж из армии; на нем были шитые золотом одежды, а золото уже несколько дней находилось под запретом. Судебный пристав хотел препроводить его в тюрьму, однако Фонтене пришел в ярость и рассек ему плечо ударом шпаги.

Своими мушкетерами король забавлялся, как любимой игрушкой, обучал их дисциплине, проводил учения, делил на эскадроны. После воссоздания мушкетерской роты: в 1657 году парижане и «гости столицы» часто отпраплялись, как на праздник, посмотреть на парад мушкетеров в Венсене или в Нейи, стараясь подгадать к тому дню, когда командовать ими будет сам король. Маркиз де Данжо не раз сообщает в своем дневнике, что после обеда его величество велел устроить смотр обеих мушкетерских рот в боевом порядке в самом Версале. Именно при нем мушкетерские роты стали играть «представительскую» роль.

В 1659 году Людовик отправился в Сен-Жан-де-Люс на бракосочетание с испанской инфантой и проследовал через всю Францию и обратно во главе пышного кортежа, в который входили мушкетеры. По такому случаю все они нарядились в роскошные одежды, шитые золотом, которые сверкали на солнце, и шляпы с роскошным плюмажем; офицеров было не отличить от принцев крови. Полюбоваться этим зрелищем в маленький городок, затерянный на юге Франции, съехалась вся провинция Бигорра, вдоль пути следования свадебного кортежа толпа стояла в несколько рядов. Торжественная церемония состоялась 9 июня 1660 года. Поохотившись в местных лесах, Людовик вернулся в столицу. Вот как описывали газеты того времени «Великолепный и роскошный въезд Короля и Королевы в город Париж»: «В четверг двадцать шестого августа Их Величества вступили в Париж... Кортеж продолжали мушкетеры, дефилировавшие по четверо двумя разными ротами. Первыми ехали малые мушкетеры под командованием г-на лейтенанта де Марсака в сопровождении двух офицеров... В роте было шесть конных барабанщиков: четверо впереди и два сзади. Плащи двухсот всадников, вооруженных мушкетами, были из голубого сукна с красным подбоем, с галуном по швам и белыми крестами с лилиями спереди и сзади.

Второй ротой конных мушкетеров из королевской гвардии командовал господин д'Артаньян; она выступала в четыре ряда со своими барабанщиками и старшими офицерами в бархатных плащах, впереди и сзади;

примечательным было то, что костюмы старых мушкетеров из того же сукна и тех же цветов выглядели гораздо богаче из-за обилия позументов, крестов из лилий, вензелей и корон, вышитых золотом и серебром, а кони их были белыми. Помимо этого различия была еще одна особенность, по которой сама эта рота подразделялась на четыре бригады. У первых семидесяти шести лошади были украшены султанами из белых перьев; у следующих семидесяти двух — из белых, желтых и черных перьев; султаны третьей бригады из пятидесяти двух человек были бело-сине-черными, наконец, у последних шестидесяти — бело-зелеными; чепраки у большинства лошадей были под цвет перьев. Каждую бригаду возглавлял капрал, а в середине ехал прапорщик со значком».

Другой автор сообщает нам еще кое-какие подробности:

«За лейб-гвардией короля следовала рота мушкетеров, которую Его Высокопреосвященство подарил Его Величеству: на добрых конях, в голубых плащах, расшитых серебряным галуном, с вензелем Его Величества, вышитым на рукавах и в четырех углах. Ими командовали господин де Марсак и маркиз де Монгайяр; первый ехал впереди, одетый в дорогие златотканые и сребротканые одежды, на красивом сером коне в лентах, а второй позади, в золотой парче и серебряных кружевах, на испанском гнедом со златотканым чепраком, тоже сплошь покрытым серебряными кружевами». Впрочем, господин д'Артаньян «на дорогом скакуне» не уступал им в роскоши.

Кружева были важным атрибутом парадного костюма. Поначалу их импортировали из Фландрии, где их производство прочно встало на ноги в конце XVI века; шитым кружевам с геометрическим узором пришли на смену плетеные на коклюшках. Особенно славились тонкие плетеные кружева «бенш», «валансьен», «малин» (названные так по городам, в которых они производились), с орнаментом, образованным плотным переплетением нитей, на фоне из узорных сеток. Из-за Тридцатилетней войны и последующих военных конфликтов импорт прекратился, пришлось наладить отечествен-

ное производство. К 1669 году во Франции трудилось больше тридцати тысяч кружевниц. Шитый гипюр с изящным узором (мелкий растительный орнамент, фигурки людей, амуров и др.) изготавливался в Алансоне, Аржантане, Седане. Мастерницы из Кана, Шантийи, Байё, Ле-Пюи делали плетеные тюлевые кружева типов «блонды» (из золотистых и черных несученых шелковых нитей) и «шантийи» (из белых и черных крученых шелковых нитей). Обычно для плетеных кружев использовалась хлопковая или льняная нить, но в них иногда вплетали и золотую канитель. Стоили кружева очень дорого: так, в XVII веке за один кружевной платок, который держали в руке, просили 200 дукатов (700 граммов золота), а в XVIII веке Казанова заплатил за сорочку с манжетами, вышитыми мережкой, 50 луидоров (500 ливров, тогда как жалованье рядового мушкетера составляло 300 ливров в год). Но короля это беспокоило мало.

Когда у второй мушкетерской роты сменился командир, она быстро сделалась любимицей двора и всего Парижа. Композитор Люлли сочинил для нее марш. Граф де Молеврие, который был себялюбив, фатоват и довольно богат, вступил в соперничество с первой ротой под командованием д'Артаньяна, снабжая своих мушкетеров дорогими одеждами. Со своей стороны, «серые мушкетеры» залезали в долги, чтобы не уступать в роскоши «черным». Даже на войну отправлялись «при всем параде», что уж говорить про смотры в мирное время, которые сливались в один бесконечный конный балет.

В марте 1665 года король устроил общий смотр мушкетеров на Пре-о-Клер; в апреле того же года обе роты продефилировали в Сен-Дени перед всем двором и тридцатью тысячами зрителей. Итальянец Себастьяно Локателли так описывает это зрелище в своем сочинении «Путешествия по Франции»:

«За швейцарцами следовали старшие мушкетеры числом пять сотен, великолепно восседавшие на прекрасных лошадях, почти все из которых были белые или серые в яблоках. На мушкетерах были плащи из голубого сукна, украшенные серебряным галуном, обра-

зующим на спине и груди два креста с шитыми золотом лучами, и королевский вензель; эти кресты несколько напоминают кресты мальтийских рыцарей. Их украшенные и расшитые плащи... были надеты поверх прекрасных камзолов из голубого камлота с серебряным шитьем. Попоны их лошадей были красно-фиолетового цвета, и на них по четырем углам были вышиты четыре солнца, поскольку король взял своей эмблемой солнце с девизом "*Ubique solus*" («Всюду единственный». — *Е. Г.*). На шляпах у них были прекрасные султаны из перьев».

В феврале 1669 года Людовик XIV устроил смотр своим войскам в Булонском лесу, в марте — в долине Сены близ Коломба, чуть позже мушкетеры отправились в лагерь у окраины Сен-Жерменского леса, где после традиционного парада был устроен грандиозный праздник для придворных дам.

Смотры мушкетерских рот были ежегодными; по воле короля мушкетеры либо маршировали пешком, либо гарцевали на лошадях. Во время последних войн смотры всегда проводили в конном строю. «Последний большой парад свиты короля в апогее славы» состоялся в 1683 году под Безансоном, когда Людовик XIV вместе со своими мушкетерами отправился инспектировать военные укрепления в Эльзасе.

После осады Маастрихта в 1673 году король повелел, чтобы мушкетеры обеих рот одевались одинаково, только у первой галуны были золотые, а у второй — серебряные.

Парадная одежда отличалась от повседневной не только отделкой: например, знаменитые мушкетерские плащи для парада шили короткими, едва доходившими до седла. Именно в таких плащах мушкетеры щеголяли во время торжественного въезда Людовика XIV в Париж в 1660 году. Сразу после этого мушкетеры отправились на войну, и тогда уже их плащи были значительно длиннее — ниже колена. На плащах были четыре креста: сзади, по бокам и спереди.

Цвет мушкетерского плаща не был постоянным: он менялся в зависимости от праздников, в которых принимали участие королевские мушкетеры. Если король

желал устроить какой-нибудь особенно яркий парад, он сам отдавал распоряжения относительно формы одежды. Например, однажды он велел, чтобы все мушкетеры облачились в костюмы из буйволового кожи, а те, кто побогаче, украсили рукава бриллиантами. В другой раз было приказано нарядиться в черный бархат, в третий — в серые мундиры, отделанные золотым галуном. Разумеется, на мушкетерское жалованье такие наряды справить было невозможно, приходилось занимать денег, обращаться к родственникам и друзьям*. «Когда Вы узнаете, что нам приказали достать бархатные камзолы и попоны и что мне следует одеться в черное и пошить себе костюм из дрогета и еще один для моего слуги, Вы поймете, что никто никого даром не одевает», — писал восемнадцатилетний Жозеф де Монтескью своему наставнику господину д'Озону. Парадные костюмы затем можно было продать или передать по наследству. В посмертной описи имущества д'Артаньяна перечисляются его многочисленные наряды: бархатные колеты, парчовые куртки, штаны из замши и голландского сукна, камзол из золотой парчи с цветочным узором и подкладкой из алого шелка с золотой нитью, коричневые замшевые перчатки с кружевами, плащи и накидки из черного бархата или испанского сукна, пряжки, ленты, шелковые чулки...

В плащах было неудобно выполнять боевые приемы в пешем строю, а в конном бою мушкетеры обычно забрасывали плащи за спину, поэтому их отличительные знаки не сразу можно было разглядеть. В 1685 году король приказал мушкетерам носить супервесты — голубые кафтанчики без рукавов, украшенные, как и плащи, двумя крестами из белого бархата: спереди и сзади;

* Из этой нелегкой ситуации существовал и еще один выход: вместо настоящих бриллиантов можно было использовать качественные имитации из стекла, которые пользовались большим спросом в XVII в.: ими украшали траурные королевские наряды, а также делали из них украшения для детей. В 1630-е гг. Жакен де Пари изобрел метод изготовления фальшивого жемчуга: он покрывал полые стеклянные шарики, для крепости заполненные воском, лаком, смешанным с переливчатой рыбьей чешуей. Благодаря этому методу Париж более чем на двести лет стал главным центром изготовления фальшивого жемчуга.

кресты были обшиты серебряным галуном, а по концам их вышиты лилии. Передняя и задняя части супервестов скреплялись по бокам застежками.

Такую накидку полагалось носить всем мушкетерам, даже младшим капралам, капралам и сержантам, только старшие офицеры могли обходиться без нее. Плащи и накидки первой роты отличались тем, что кресты на них у концов были украшены тремя алыми лучами, а у второй — «листьями» с пятью желтыми лучами. Кроме того, первая рота носила шляпы с золотым галуном, а вторая — с серебряным. Шляпы были черные, с черной же кокардой. Плащи и накидки выдавались из казны, и по выходе в отставку мушкетер был обязан их сдать.

В 1689 году в мушкетеры вступил внук короля, семилетний герцог Бургундский. Тогда роты были расквартированы в Версале; юный герцог участвовал в упражнениях в присутствии короля, а маркиз де Кенси, младший капрал второй роты, держал его за руку. Принцу больше нравилась первая рота, но, чтобы не вызывать ревности со стороны второй, он обзавелся двумя мундирами, которые носил попеременно, и «нейтральной» накидкой.

В конце XVII века появился новый вид одежды — жюстокор: облегающий расширенный книзу камзол с поясом-шарфом и застежкой на множество мелких пуговиц. Рукава были узкими, с широкими отложными манжетами. Воротника не было, его заменял широкий галстук из белой ткани с кружевными концами.

Использование галстуков в армии восходит к 1635 году. Во Францию его принесли хорватские наемники-кавалеристы, и французские офицеры быстро переняли эту моду: галстук был гораздо удобнее в полевых условиях, чем накрахмаленные брыжи. Людовик XIV галстуки очень любил и даже ввел особую придворную должность хранителя королевских галстуков; король изображен в галстуке на монете в пол-экю, чеканившуюся в его правление. Галстуки делали из батиста или муслина с кружевами на концах; богатые люди носили полностью кружевные галстуки. Его оборачивали вокруг шеи один-два раза и завязывали спереди, иногда украшая узел разноцветными лентами. Повязывание кру-

жевного галстука отнимало довольно много времени. В 1692 году во время войны Аугсбургской лиги французские позиции при Стенкеркене были внезапно атакованы англичанами; офицеры выскочили из палаток, наспех завязав галстук простым узлом и засунув один конец в петлю весты (шестую сверху). Узел «стейнкерк» оставался в моде до конца правления Людовика XIV, а затем уступил место «стоку» — прямоугольнику из белого муслина, который складывали узкой полоской, оборачивали вокруг поднятого ворота сорочки и закалывали булавкой. «Сток» туго сдавливал шею, затрудняя дыхание, но позволял держать голову высоко и прямо, поэтому такие галстуки (черного цвета) были приняты в большинстве европейских армий.

В жюстокоре впервые появились прорезные, низко расположенные карманы. Под жюстокор надевали камзол без рукавов и воротника, который был короче на 10—15 сантиметров и контрастировал с ним по цвету, а также кюлоты (штаны до колен) из бархата, шелка или шерсти, тоже с прорезными карманами, штанины внизу застегивались на пуговицу или пряжку.

Пуговицы при Людовике XIV превратились в предмет роскоши: их использовали как драгоценные украшения. Разорившиеся вельможи продавали пуговицы со своей одежды, чтобы свести концы с концами. В XVIII веке пуговицы стали настоящим произведением искусства: они были стеклянными с изображенными в глубине фигурками, пейзажами, нимфами, амурами и насекомыми; были из вышитого шелка или в виде хрустальных ларчиков, внутрь которых помещали насекомых или засушенные цветы. Ювелир Страсс ввел в моду стразы, которые получили широкое распространение и продавались в специальных лавках. Не меньший восторг вызывали пуговицы из полированной стали, блестящие, точно самоцветы. Севрская мануфактура изготавливала фарфоровые пуговицы, а уже при Наполеоне появились перламутровые. Ту же роль играли старинные монеты в золотой оправе... Но мы слишком увлеклись.

Офицеры мушкетеров облачались в алый жюстокор с золотыми галуном, пуговицами и петлями, такую же

куртку и короткие штаны. На каждом рукаве было по три золотые пуговицы, а карманы камзола украшали семь пуговиц. Чепраки и пистолетные сумки отделялись вышивкой. Мягкие широкополые шляпы со страусовыми перьями приобрели треугольную форму.

Изначально мушкетеры носили грубые кавалерийские сапоги, но с 1683 года по желанию короля их заменили на черные ботфорты из выделанной коровьей кожи со шпорами. Король также приказал, чтобы, заступая в караул, королевские мушкетеры обували короткие сапоги: поступь в них была легче. Сапоги (как, впрочем, и коня) мушкетер должен был покупать на собственные средства.

Офицеры, как уже говорилось, не носили супервест, однако в бою надевали двойную кирасу (на грудь и на спину). Это понятно: ведь они всегда шли впереди, увлекая за собою солдат. Рядовые же мушкетеры не носили кирасы, под которой одежда быстро истиралась и приходила в негодность.

С 1693 года рота королевских мушкетеров состояла из капитан-лейтенанта, двух поручиков, двух прапорщиков, двух корнетов, шести знаменосцев со штандартом (при перемещении верхом), одного знаменосца со знаменем (для передвижения в пешем строю), восьми сержантов, четырех капралов, шестнадцати младших капралов и рядовых. О чине можно было судить по ширине галунов: чем они были шире, тем выше должность. Кроме того, офицеры носили нашейник — белый платок, свободно повязанный вокруг шеи, а старшие командиры — белый шарф через плечо.

Пресловутыми мушкетами обе роты вооружались только для парадов; в обычной жизни их оружием были ружье, шпага и пистолеты. Мушкетами (пока они состояли на вооружении) их снабжал король, ружье приходилось приобретать самим.

Мушкетерские знамена были меньше пехотных, белого цвета. Белый цвет — символ французских королей. Белые знамена с 1616 года выдавали самым верным воинским частям, чтобы другие брали с них пример. Знамя и четыре штандарта каждой роты хранились у короля, их охраняли двенадцать мушкетеров, сменявшиеся

каждые пять дней. И знамя, и штандарты были сделаны из белого атласа, обшитого золотом и серебром, и несли на себе эмблему полка. На квадратном штандарте первой роты был изображен фугас, вылетевший из жерла пушки и падающий на город, и девиз: «*Quo ruit et lethum*» («Куда падет — там смерть»). На штандарте второй роты были изображены двенадцать оперенных дротиков острием книзу и девиз: «*Alterius Jovis altera tela*» («Такой же Юпитер, такие же стрелы»), то есть король присовокупил вторую роту к первой, и она поможет ему разить врага.

В составе роты были шесть барабанщиков и четыре гобоиста. Последние носили перевязи, как у трубачей из королевской свиты. Во время парадов мушкетеры ехали верхом, по два или по четыре в ряд; впереди выступали барабанщики в парадной королевской ливрее, трубачи и флейтисты (до 1663 года). Барабаны мушкетеров — выкрашенные в голубой цвет и украшенные гербом Франции — были меньше, чем у пехоты, но гремели гораздо веселее: королевские мушкетеры были единственным подразделением военной свиты короля, не имевшим трубачей и литавр. Зато только у них были барабаны: впервые во французской армии появились барабанщики-кавалеристы!

Военная форма, впервые введенная Людовиком XIV, не претерпела серьезных изменений вплоть до 1760 года.

Армейские полки, принадлежавшие принцам и дворянам, носили мундиры серого цвета, королевские полки — синего, мушкетеры — красного, поверх которой надевали форменный супервест с крестами.

Мундир был широким, но приталенным, с двумя рядами пуговиц; под него можно было надеть нагрудник из буйволово́й кожи. Отвороты пристегивались пуговицами. На один мундир уходило два с половиной аршина (три метра) сукна плюс еще четверть аршина на отвороты и обшлага, три аршина саржи на подкладку, тридцать восемь больших пуговиц и четыре маленьких. Необходимую длину определяли следующим образом: полы мундира должны отстоять на один дюйм от земли, когда его хозяин стоит на коленях. Когда он садился верхом, полы мундира поднимали и пристегивали

пряжками и крючками, пришитыми к подкладке в двух дюймах от углов, на кусочках сукна в форме сердечек.

К «французскому» мундиру полагался кисейный галстук с лентами, дважды охватывающий шею, стягивая воротник высотой в дюйм; края галстука были подбиты холстом.

Поверх мундира носили суконную шинель того же цвета, с подкладкой из саржи. Под мундир надевали куртку из буйволово́й кожи. Ее рукава, отороченные красным сукном, застегивали на пуговицы по всей длине. Во время упражнений кавалеристы оставались в одних кожаных куртках, а также надевали кожаные штаны с двойным поясом, доходившие до икр, а поверх — штаны из красного панбархата на холщовой подкладке.

На кожаную куртку надевали португепю, к которой цеплялась шпага. Ремни следовало отладить таким образом, чтобы, если опустить руку вдоль туловища, рукоять шпаги сама ложилась в ладонь. Португепя длиной три фута шесть дюймов тоже была из буйволово́й кожи и спереди затягивалась пряжкой. Кожаный ремень мушкетона был такой же ширины, что и пояс; в королевских войсках он был белого цвета, в прочих — желтого.

До 1737 года кавалеристы носили ботфорты, а затем в употребление вошли гетры.

При королевском дворе в моде были высокие напудренные парики, но в армейских условиях следовать ей было невозможно. Мушкетеры по-прежнему носили длинные волосы, иногда заплетая их в косичку, стягивая в хвост или убирая в сетку; правда, офицеры на парад надевали парики с косицей сзади, перевитой черной лентой. Чтобы парик не сбивался, использовали особый галстук «солитер», позаимствованный у англичан: узкая черная полоска ткани, повязанная поверх галстука-«стока», прихватывала волосы сзади. Усы и бороду было принято брить.

Шляпа с позументами весила 13—14 унций (примерно 390—420 граммов). До 1750 года внутри нее заключалась железная чашка, которую затем заменили ободом, чтобы шляпа не теряла формы. Чашка крепилась к тулье кожаными ремешками, в ней имелись три отвер-

стия для шнурков, которыми подворачивали поля шляпы. Ее назначение заключалось не только в поддержании формы шляпы, но и в защите ее владельца: во время сражения при Неервиндене в 1693 году железная чашка спасла жизнь принцу де Конти, получившему удар саблей по голове. В XVIII веке шляпы носили уже не широкополыми, а в форме треуголки: передний угол должен был быть на дюйм короче двух остальных. Шляпу надвигали на лоб с таким расчетом, чтобы передний «угол» находился над левым глазом. Кокарду делали из черной шелковой ленты. Входя в помещение, треуголку полагалось снимать и держать под мышкой. Кожаные перчатки надевали только на парад.

По галуну, окаймлявшему края шляпы, можно было судить о чине ее владельца: у сержантов и офицеров он был вдвое шире, чем у рядовых. В остальном офицеры одевались так же, как и их подчиненные, разве что сукно их мундира было лучшего качества, а из-под рукавов выступали гофрированные манжеты тонкой батистовой сорочки. Кроме того, у офицеров были шпаги с позолоченной гардой. До 1759 года к петле на плече, сквозь которую пропускали ремень мушкетона, пришивали серебряную бахрому: для младших офицеров — простую, для командиров — в виде витого шнура. Эполеты, служащие для различения чинов, были введены только в 1763 году.

Серебряные позументы, обрамлявшие конские чепраки, тоже были разной ширины: для высших офицеров — 30 линий (6,75 сантиметра), для прочих — 24 линии (5,4 сантиметра), для знаменосцев — 18 линий (4,05 сантиметра) и т. д. Кстати, лошади были полноправными участниками парадов, и их соответствующим образом наряжали. Обычно мушкетерские кони были среднего роста — примерно четыре фута восемь дюймов (около 145 сантиметров) в холке, не моложе пяти, но и не старше шестнадцати лет. Особым ордономсом от 25 сентября 1680 года предписывалось, чтобы у всех лошадей был длинный хвост. Для смотров их гривы заплетали и прилаживали кокарду за правое ухо. Хвост тщательно расчесывали и у самого корня украшали большой розеткой из широкой ленты.

В XVIII столетии в парадах тоже не было недостатка, они входили в список придворных развлечений. Людовик XV упорядочил состав военных оркестров, дополнив традиционные флейты, гобой и фаготы кларнетом и рожком, а также ударными инструментами. Музыка должна была не только задавать темп во время марша, но и сопровождать представление знамени, вступление короля в город, военные молебны и т. д.

Коронация Людовика XVI 11 июня 1775 года стала, возможно, последней торжественной церемонией с участием королевских мушкетеров: годом позже обе роты были распущены.

В XIX веке мода испытывала сильное влияние Англии. Воссозданные мушкетерские роты обрядили в облегающие мундиры алого бархата с фалдами и голубым кантом. Ворот-стойка, два ряда пуговиц с мушкетерским крестом, подкладка из шелка цвета слоновой кости, эполеты с бахромой. На голове — треуголка из черного фетра с черными же перьями; кокарда из белых и серебряных нитей, петлица из золотого (или серебряного) галуна и пуговица с отчеканенным на ней крестом. На ногах — белые лосины, высокие черные сапоги со шпорами... Но щеголять в новой форме мушкетерам пришлось недолго: до 1 января 1816 года.

МУШКЕТЕРЫ НА СЛУЖБЕ

*Будни. — Деньги. — Жалованье. — Ростовицки
и ломбарды. — Жилье. — Гигиена. — Слуги. — Оружие:
шпага, мушкет, пистолеты, штык. — Кони. — Дороги. —
Чины и расценки*

Когда имеющий небольшое жалованье мушкетер тратит свои 300 ливров жалованья на бесполезные украшения, то на какие деньги он собирается жить в течение года? Получается, что добровольно или недобровольно его расходы должен будет взять на себя хозяин дома, где он квартирует.

Из служебной записки Кольбера. 1667 г.

Рядовой мушкетер, капрал или сержант должен был служить шесть месяцев в году, распределяя время службы по своему усмотрению. В военное время он полностью находился в распоряжении короля, не рассчитывая на отпуск (в армейских полках, где рядовыми были не дворяне, а рекруты из крестьян, солдатам разрешалось вместо жалованья возвращаться домой на время уборки урожая). Офицерам полагалось служить четыре месяца в году в мирное время и вставать в строй во время военных кампаний. Капитан-лейтенант был обязан находиться на службе три месяца в году. Он мог по своему усмотрению отправить свою роту в военный поход или давать особые поручения своим людям.

Мушкетерская рота подразделялась сначала на две, а затем на четыре бригады. Пока две-три бригады сражались на фронтах, остальные находились в Сен-Жермене или Версале для «ординарной охраны» короля. (С 1734 года охранять короля оставались по сто мушкетеров от каждой роты, а остальные сто пятьдесят от-

правлялись на войну.) Мушкетеры, находясь при дворе, заступали в караул по одному от каждой роты в форменном обмундировании и сапогах. До введения супервеста они носили мушкетерский плащ на левом плече. Двенадцать мушкетеров, как уже говорилось, охраняли знамя роты. Караульная служба в казармах тоже была необременительной: там постоянно находился дежурный офицер — от старшего сержанта до младшего капрала, — которому доносили о происшествиях. В конюшнях для ухода за лошадьми дежурил младший капрал с четырьмя мушкетерами, которые для этой цели облачались в рабочие блузы и надевали специальные колпаки. Они проводили ночь на посту и сменялись утром. Остальные готовились к смотрам, упражнялись в фехтовании и верховой езде — и занимались своими делами, которые далеко не всегда были столь увлекательными, как описывает Дюма. Для большинства мушкетеров самой главной из повседневных забот была — где раздобыть денег.

Прежде чем мы начнем потряхивать звенящими кошельками, проясним ситуацию относительно денежной системы того времени. В 1640 году Людовик XIII ввел в обращение луидор, весивший 6,75 грамма золота и равнявшийся десяти ливрам (столько же стоил один пистоль). На аверсе был изображен профиль самого короля в лавровом венке, на реверсе — щит с гербом Франции. Луидор находился в обращении до 1789 года, а слово «луи» до 1915 года означало золотую монету в двадцать франков. Его чеканили по усовершенствованной технологии, с применением балансира. В 1641 году был выпущен «серебряный луи» — экю массой 27,45 грамма из серебра 917-й пробы, равнявшийся трем ливрам или шестидесяти су. Годом позже в обращении появились монеты в половину экю, в четверть экю и в одну двенадцатую экю. Что касается медных денег, то это были су и денье. Один су, или соль, равнялся двенадцати денье, двадцать су составляли один ливр. В 1667 году парижский ливр (равнявшийся 300 денье, или 600 оболам) был заменен турецким ливром, чеканившимся в Туре (240 денье, или 480 оболлов). Эдиктом от 1709 года была учреждена монета под названием «мускетэр», рав-

ная тридцати денье или шести бланам. Ее чеканили в 1709—1713 годах в Меце и Лионе для французской Канады, где она служила разменной монетой вплоть до 1760 года. На аверсе были изображены две буквы «L» и корона, на реверсе — крест и четыре лилии. Таких денег ходило много, а проба их была невысока, поэтому уже в 1738 году их стоимость равнялась восемнадцати денье. Напомним, что бумажные ассигнации стали считаться денежными знаками только в 1791 году, так что практически всю свою историю королевским мушкетерам приходилось платить звонкой монетой — или, что бывало чаще, подписывать долговые расписки.

Капитан-лейтенант получал 600 ливров в месяц от короля, который считался капитаном мушкетерской роты и уступал командование ею за эту сумму, и еще 300 ливров как лейтенант; кроме того, он получал пенсию в 600 ливров в год. Поручики, прапорщики и корнеты вплоть до знаменосца также получали и жалованье, и пенсию соответственно своему чину: жалованье корнета или прапорщика составляло тысячу ливров в год, жалованье поручика — полторы тысячи.

Кроме того, все офицеры были освобождены от уплаты королевских налогов, поскольку платили свой налог кровью на поле боя.

Жалованье рядового мушкетера составляло 300 ливров в год. Капрал получал 500 ливров в год, сержант — 700. Для сравнения: ломовой извозчик имел доход 30 ливров в месяц, пастух — 28 ливров, слуга — 12,5 ливра. Таким образом, мушкетеры практически содержали себя сами. Кстати, в этом и заключался весь смысл создания дворянских воинских подразделений.

В 1688 году Людовик XIV установил сумму в 11 тысяч 250 ливров для распределения между пятьюдесятью двумя старшими мушкетерами, то есть по 300 ливров каждому из десяти первых в списке, по 250 ливров каждому из пятнадцати следующих и т. д. Эти пенсии сначала выплачивались из личных средств короля, а после его смерти — из государственной казны.

Молодые мушкетеры выпрашивали деньги у родственников, занимали и перезанимали друг у друга. Огромной опасностью было попасть в лапы ростовщика.

Ростовщичеством во Франции с конца XIV века могли заниматься евреи, ломбардцы и «кагорцы» (вероятно, уроженцы города Кагор в Аквитании). Королевский ордонанс от 1360 года устанавливал процентную ставку для займов под залог: четыре денье с ливра в неделю (то есть 86 процентов в год) для евреев и 43 процента в год для ломбардцев. Если залог не был выкуплен по прошествии одного года и одного дня, ростовщик имел право его продать. Впоследствии ростовщичеством считалось одалживание денег под процент, превышающий 15 процентов. С конца XVI века монахи-францисканцы основали в нескольких итальянских городах и в Папской области с центром в Авиньоне учреждения, которые мы теперь называем ломбардами: там выдавали беспроцентные ссуды (или под небольшой процент) под залог даже не очень ценных вещей. О необходимости таких филантропических учреждений во Франции (ломбарды предназначались в основном для бедного населения) говорилось в наказе королю Генеральных штатов 1614 года; в 1626 году Людовик XIII даже издал соответствующий ордонанс, но через год отозвал его. Учреждению ломбардов во Франции способствовал врач-филантроп Теофраст Ренодо; в 1643 году король предписал основать 58 ломбардов во всех «верных городах королевства», однако они появились только в шести городах. Между тем эрцгерцог Альберт, губернатор Испанских Нидерландов, еще в начале века велел учредить ломбарды во всех городах Брабанта, Фландрии, Артуа и Эно, где есть конторы ростовщиков. Ломбарды появились в Брюсселе, Аррасе, Антверпене, Генте, Турне, Камбре, Монсе, Намюре; руководство ими было поручено генеральному сюринтенданту. После завоевания Фландрии и Артуа Людовик XIV сохранил ломбарды в Камбре и Аррасе, передав их под надзор канцлера Франции. В самом королевстве такие заведения появились в Монпелье (1683) и Марселе (1696), а в Париже — только в 1777 году. Клиентами ломбардов были по большей части бедняки и мелкие торговцы, однако случалось, что их услугами пользовались и люди других сословий, оказавшиеся в стесненных обстоятельствах, а такое могло случиться и с мушкетера-

ми, особенно если они находились в поездке по личной или служебной надобности.

Рядовой мушкетер должен был жить на 39 су в день, получая от казны только куртку с крестами. (В XVIII веке средняя дневная оплата мастерового составляла один ливр.) Одежду из алого сукна с золотыми или серебряными пуговицами и петлицами он должен был справить себе сам. Шпагу, два пистолета и ружье тоже приобретал на свои деньги. (Раньше король выдавал своим мушкетерам мушкеты, но к XVIII веку это оружие использовали уже только на парадах, а потом и вообще от него отказались.) Между прочим, комплект из мушкета, шпаги и повседневной одежды стоил около 250 ливров (костюм за 50 ливров считался дешевым). Хорошая лошадь, да еще и подходящей масти, тоже обходилась в несколько сотен. Кроме того, каждый мушкетер был дворянином, а потому просто обязан был иметь слугу, которому полагалось платить жалованье. Зато рядовые и унтер-офицеры жили в казарме, а значит, были избавлены от квартирной платы.

Строить казармы первым распорядился военный министр Лувау, служивший Людовику XIV. Прежде солдатам приходилось снимать квартиры в городе на свои средства. Д'Артаньян когда-то снимал комнату на улице Старой голубятни (Вье Коломбье) у бывшего сержанта и, как рассказывают, состоял в нежных отношениях с его женой (однажды ему пришлось выпрыгнуть в окно, когда супруг-рогоносец, застав его в постели с неверной женой, чуть не пристрелил его из пистолета). Получив должность капитана-смотрителя королевского вольера в Тюильри, он смог с шиком поселиться в служебной квартире в двух шагах от Лувра*.

* Структура парижских улиц радиально-кольцевая. Сена делит город пополам, через нее переброшено несколько мостов; один из них, Новый мост с конной статуей Генриха IV, соединяет оба берега реки и остров Сите, на котором стоит собор Парижской Богоматери. Лувр находится на правом берегу Сены; в XVII в. он превратился из средневековой крепости в королевский дворец; к нему примыкал дворец Тюильри с большим парком. На этом же берегу, к востоку от Лувра, находятся Ратуша, Шатле, Королевская площадь (ныне площадь Вогезов) и квартал Марэ, который, с легкой руки Генриха IV, начали заселять придворные вельможи. К центру (если считать центром остров

Гораздо более занятная история приключилась с другим мушкетером, тоже гасконцем, — Жаном Шарлем дю Козе де Назелем, проживавшим в Париже в квартале Пикпюс на правом берегу Сены, к востоку от острова Сите. Он снимал комнату в пансионе философа Франциска ван ден Эндена, преподававшего латынь и мертвые языки. Молодого мушкетера (ему было около двадцати пяти лет) заинтересовали таинственные ночные посещения дома вельможами, которые окружали свои визиты тысячей предосторожностей. Оказалось, что хозяин принимает у себя заговорщиков: шевалье де Рогана, Жилия де Латреомона и маркизу де Виллар, затевающих государственный переворот. Роган намеревался поднять восстание в Нормандии с помощью англичан и голландцев, которые должны были высадиться в порту города Кийбеф, расположенного в устье Сены, основать там независимую нормандскую республику и свергнуть, а то и убить Людовика XIV, захватив дофина в качестве заложника. Ван ден Энден составил конституцию для будущего правительства республики, поддерживал связи с голландцами, публикуя рекламные объявления в «Газетт де Пари», которые служили шифром. 31 августа 1674 года Назель сообщил о том, что ему удалось узнать, военному министру Лувуа. Король велел господину де Бриссаку, подчиненному шефа полиции Ла Рейни, арестовать Рогана в Версальском замке после мессы и заключить в Бастилию. Его судили и обезглавили на Гревской площади вместе с маркизой де Виллар. Латреомон был убит при аресте в сентябре 1674 года, а ван ден Эндена повесили в ноябре.

В декабре 1661 года Людовик XIV, заботясь о кошельке своих мушкетеров, приказал им объединяться по двое и селиться в предместье Сен-Жермен — «престижном районе» на левобережье Сены, где жили в ос-

Сите) сходятся улицы Сент-Оноре, Монмартр, Сен-Дени, Сен-Мартен, Тампль, Сент-Антуан. Во времена Людовика XIV каждой из них соответствовало предместье; их соединяла дорога, построенная на месте бывшей городской стены Карла IX (теперь это Большие бульвары). На левом берегу Сены находятся Латинский квартал, выстроенный вокруг Парижского университета, разные монастыри, Люксембургский дворец, построенный Марией Медичи. Главная улица Сен-Жак — прямое продолжение улицы Сен-Мартен.

новном монахи, профессора Университета и королевские особы, например Маргарита Наваррская (первая жена Генриха IV), выстроившая себе особняк с огромным парком. Одна из широких аллей этого парка ныне превратилась в улицу Лилль. Домовладельцы должны были предоставить каждому мушкетеру комнату с двумя постелями: одну для господина, другую для его слуги, а также место в конюшне для двух лошадей. Разместить мушкетеров на постой могли и насильно, но жители предместья имели право избавиться от этой «чести», уплатив особый налог купеческому старшине — «мэру» Парижа.

В первой трети XVII века в этом малонаселенном районе, где всего несколько домов лепились у подножия городских стен и Нельской башни да простирались владения «королевы Марго», началось активное строительство. С 1622 по 1630 год на одной только набережной Малаке выросло полдюжины особняков. Некто Барбье спекулировал земельными участками, окружавшими крытый рынок Пре-о-Клер, и выстроил деревянный мостик взамен парома, связывавшего этот квартал с Тюильри. В 1632—1637 годах на улицах Сен-Доминик и Бак (Паромной) поселились послушники французских монашеских орденов, а затем Мазарини призвал из Италии театинцев, которые построили монастырь на набережной, получившей их имя (ныне набережная Вольтера). На углу улицы Бак и набережной стоял дом, владельцем которого в 1635 году был мастер-кровельщик Пьер Юло. Его сын Никола сдавал комнату беспокойному жильцу — кавалеру д'Артаньяну.

Д'Артаньян приобрел этот дом в личную собственность в 1665 году. Дом был большой, четырехэтажный и с флигелем, построенный по «типовому проекту» того времени. Просторный двор окружала высокая глухая стена с двустворчатыми воротами, в которые полагалось стучать подвесным молотком. На нижнем этаже размещались кухня и буфетная, там же, поблизости от «рабочего места», жила служанка. Второй этаж — парадный: из передней можно было пройти в спальню с парадной кроватью из орехового дерева и гобеленами на стенах, а оттуда — в маленькую гардеробную. В XVII

веке гостей, просителей и им подобных принимали именно в парадной спальне. Третий этаж, собственно, был жилым: передняя, где стоят диван, стол, несколько стульев и два шкафа, спальня хозяина и будуар. На стенах — фламандские гобелены: напоминание о том периоде, когда д'Артаньян был губернатором Лилля. Кровать уже не была снабжена парадным балдахинном, а всего лишь пологом — правда, из парчи с шелковой подкладкой и крепом. Зато у стены стояло зеркало высотой три фута (0,9 метра) — предмет роскоши: столь большие зеркала во Франции появились только в «великую эпоху» Короля-Солнце. Верхний этаж — для гостей: проходная каморка, большая комната и чердачок во флигеле. Д'Артаньяну нередко приходилось привечать у себя бедных родственников, явившихся покорять Париж. Окна передних выходили во двор, а окна комнат — на реку. К сожалению, этот дом не сохранился: его снесли в 1881 году; однако его описание уцелело в Национальных архивах Франции.

Выбор квартиры подпоручиком, а затем капитан-лейтенантом «серых мушкетеров» был неслучаен: его роту с 1656 года разместили по соседству, выстроив на месте рынка Пре-о-Клер, между нынешними улицами Лилль, Бак, Верней и Бон, два больших трехэтажных корпуса, один из которых выходил на улицу Бак, а другой — на улицу Бон; между ними находился большой двор с коновязью. В 1780 году на месте этой казармы открыли рынок Буленвилье, который был снесен в 1843 году.

«Черные мушкетеры» квартировали сначала в Немуре, неподалеку от королевской резиденции Фонтенбло, а в 1699—1701 годах архитектор Робер де Котт выстроил для них по планам знаменитого Жюль Мансара просторный особняк на улице Шарантон в Сент-Антуанском предместье Парижа. Здесь проходил «свои университеты» Лафайет, будущий герой Гражданской войны в Америке, но с 1775 года здание было заброшено, и в 1780 году в бывшую казарму перевели больницу для слепых. От первоначального здания сохранились лишь портик с пилястрами и треугольным фронтоном да часовня (дом 26—28 по улице Шарантон).

Надо отметить, что этот квартал был начисто лишен источников воды, и лишь в 1719 году здесь соорудили четыре фонтана, один из которых находился как раз напротив «Дома мушкетеров». Впрочем, отсутствие воды не расценивалось военными как большое неудобство: пили вино, грязное белье отдавали в стирку прачкам, а ежедневно мыться было не принято. Считалось, что вместе с водой в тело через поры кожи проникают болезни и что вода уменьшает мужскую силу. Вместо мытья полагалось несколько раз на дню менять рубашки, но и этим зачастую пренебрегали. Во французском языке до сих пор сохранилось выражение «устроить стирку по-гасконски»: это значит попросту надеть грязную сорочку наизнанку. В лучшем случае водой ополаскивали руки и лицо. Бани на улице Нёв-Монмартр использовались в медицинских целях, как последнее средство врачевания. Чтобы заглушить запах немытого тела, поливались духами (считалось, что они проникают внутрь организма, оберегая его от заболеваний), дыхание освежали анисовыми пастилками. Мыла не было: парижскую мыловарню еще в 1627 году преобразовали в ковровую мануфактуру, а марсельские могли обеспечить своей продукцией (предназначавшейся исключительно для стирки) только сам Марсель и его окрестности. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло: война с Испанией положила конец импорту мыла и марсельцам пришлось развивать собственное производство. К 1660 году в Марселе было уже семь фабрик; мыло (зеленого цвета) продавали брусками по пять килограммов или кусками по двадцать килограммов, не только снабжая им север Франции, но и отправляя на экспорт — в Голландию, Англию и Германию. В 1673 году Людовик XIV объявил чистоту общественно полезной, но только в 1761 году, почти век спустя, некий Пуатевен установил в Париже, у Королевского моста, ведущего к Лувру, «банный корабль» с ванными. Судя по всему, гигиена была личным делом каждого, в казармах не устраивали «банный день». Любопытный факт: в 1761 году была разоблачена некая Маргарита Гублер, называвшая себя Жаном и отслужившая почти год в королевском кавалерийском полку. Все это время она

проживала в казарме со своими товарищами, которые догадались о ее половой принадлежности совершенно случайно, во время... танцев.

Канализации, как можно догадаться, не было вовсе: для физиологических нужд использовали «ночные вазы», которые потом опорожняли в повозку золотаря, каждый день проезжавшую по улицам с колокольчиком. Отбросы и нечистоты сваливали за городом, не слишком от него удаляясь. В 1750 году, уезжая из Парижа, Руссо в сердцах бросил: «Прощай, город грязи!» Парижская грязь была особенной: черной, жирной и вонючей, она отдавала серой и даже прожигала ткань при попадании на одежду. Кое-какой порядок удалось навести только Габриэлю Никола Ла Рейни (1625—1709), возглавлявшему парижскую полицию: он заставил-таки горожан платить налог «на грязь и фонари», учрежденный еще в 1506 году. Этот налог подлежал к уплате каждые двадцать лет, им облагались домовладельцы, а полученные средства использовались для вывоза мусора с улиц и уличного освещения. До 1756 года улицы французской столицы освещали восемь тысяч фонарей, которые часто задувало ветром, да и света от них было далеко не достаточно. Но вернемся к мушкетерам.

Итак, за жилье платить не надо, но остаются пропитание, одежда, оружие, лошадь (плюс вьючное животное для перевозки грузов во время похода), да и всякие мелкие расходы... О том, как выглядело парадное обмундирование мушкетера, мы уже имеем представление. Во время «войны кружев» между двумя ротами д'Артаньян безрассудно одалживал своим людям деньги из собственного жалованья, лишь бы те не ударили лицом в грязь перед соперниками. В повседневной жизни приходилось довольствоваться малым. Слуги мушкетеров часто не получали жалованья, но в те времена слуга был в большей степени «товарищем по несчастью», делившим все горести и радости своего господина (дворянин даже в тюрьму отправлялся вместе со своим слугой), а потому довольствовался тем, что ел с его стола и носил его обноски. Обычно соискатели мушкетерского плаща являлись в столицу уже со слугой, забрав его из отчего дома. Антуан де Грамон, граф де Гиш, родовитый

дворянин из Беарна, будущий полковник французской гвардии и маршал Франции, явился в Париж с несколькими су в кармане, но зато в сопровождении управляющего своим именем, слуги и лакея-баска. Нанять слугу можно было и добравшись до места. В частности, врач Теофраст Ренодо открыл в 1630 году на острове Сите «Бюро адресов и встреч» — своего рода контору по трудоустройству. Разорившиеся крестьяне (а население Франции на 80 процентов состояло из крестьян) часто приходили в города наниматься в услужение.

О том, что могло быть на столе у мушкетера, мы поговорим особо, а сейчас остановимся на оружии и лошадях.

С 1530 года принадлежностью дворянского костюма была рапира. Само это слово происходит от испанского «*espada ropera*», то есть шпага, прилегающая к костюму: у нее был длинный, тонкий и гибкий клинок, изготавливаемый обычно в Толедо или Золингене и предназначенный для колющих ударов, а также изящный эфес. Специально для рапиры были разработаны сложные системы фехтования. Это оружие идеально подходило для дуэли (в комплекте с рапирой продавали кинжал, служащий для отражения колющих ударов), однако клинок длиной 110 сантиметров был великоват для рукопашной схватки в ходе сражения, а его толщина (шесть миллиметров) оказывалась недостаточной, чтобы выдерживать удары кавалерийской шпаги. Поэтому с 1630 года рапиру окончательно вытеснила шпага, остававшаяся в моде до 1780 года.

Уже в XVI веке приобрести шпагу не составляло труда. Оружейники имелись в каждом городе и, как правило, торговали своим товаром на особых улицах: в Марселе это была улица Фабр, в Амьене — улица Фурбисри (Оружейников), в Туре — улица Сельри (Шорников) и площадь Королевской Ярмарки. В Париже лавки оружейников находились в квартале Марэ: люди победнее отправлялись за покупкой на улицу Омри или Лагарп у Малого моста, а те, что побогаче, — в предместье Сен-Виктор. Торговля шла бойко. Некоторые шпаги могли стоить невероятных денег — от 25 до 60 турских ливров: они были из стали хорошего качества и украша-

лись драгоценными камнями; их ножны делали из бархата и золота. Разумеется, стальной клинок с насечкой стоил много дороже, чем железные, а то и медные рапиры, изготовленные сельским кузнецом, которые порой гнулись и ломались от первого же удара.

В описи имущества д'Артаньяна, сделанного после его смерти, упомянуты две шпаги: одна с поцарапанной золотой гардой и латунной рукоятью, другая — из черневшего железа.

Изготовление шпаги было сложным, трудоемким процессом, требовавшим большого мастерства и разнообразных навыков: мало выковать клинок, нужно еще соединить его с рукояткой, снабдить эфесом, украсить. Мастера-оружейники старались поспевать за эволюцией фехтования: к 1620 году шпага стала длиннее, ее клинок — тоньше, а вместо предохранительных колец, именовавшихся «ослиными подковами», появились две чашки, защищавшие руку от колющих ударов. К середине XVII века клинок стал еще длиннее (примерно 106 сантиметров) и получил треугольное сечение с острыми гранями, защищая от рубящих ударов и препятствуя «захвату», гарда была снабжена дужкой. В XVIII веке шпагу, наоборот, укоротили, чтобы увеличить скорость фехтования: теперь ее средняя длина была 60—70 сантиметров, а вес не превышал 300 граммов. Сечение клинка стало четырехугольным. Впрочем, пехотная шпага не подходила кавалеристам. Так, около 1760 года немецкая и английская кавалерия использовала длинные шпаги в 37 дюймов (почти метр), и французские всадники, вооруженные шпагами в 33 дюйма (89,1 сантиметра), не могли дотянуться до врага во время конной атаки.

Мушкетерам же требовалось особое оружие, с широким и крепким клинком, ибо они первыми шли на штурм оборонительных сооружений. Для удобства гарда эфеса была снабжена дужкой, а ручка — большой головкой, чтобы шпагу сложнее было выбить из рук, над чашкой укрепляли «ослиную подкову» для захвата шпаги противника. Шпаги такого типа находились на вооружении обеих рот до середины XVIII века и получили название «мушкетерских». Их эфесы были украшены

мушкетерскими крестами (выгравированными по обе стороны уплощенной головки); у первой роты гарда была позолоченной, у второй — посеребренной. Клинки поставляла мастерская Золингена (офицеры предпочитали вороненые); на клинке помещалось клеймо: «1-я (или 2-я) рота королевских мушкетеров». Пряжка ремня, к которой прикрепляли ножны, тоже была снабжена мушкетерским крестом.

Последней битвой, во время которой мушкетеры покрыли себя славой, стало сражение при Фонтенуа 12 мая 1745 года. После этого мушкетеров использовали практически только для охраны или особых поручений, тем не менее они по-прежнему носили шпаги с плоским мощным клинком длиной 34 дюйма (92 сантиметра), шириной 14 линий (32 миллиметра) и толщиной 4 линии (9 миллиметров). После восстановления мушкетерских рот в 1815 году их вооружили саблями.

Как мы помним, рота королевских мушкетеров сменила собой королевских карабинеров, вооруженных карабином (оружием карабинов, то есть бандитов из Калабрии), — аркебузой с нарезным стволом и большей точностью стрельбы. Карабин мог пробить латы. Ствол кавалерийского карабина был длиной всего 40 сантиметров, его стали называть пистолетом. Пистолет заряжали с дула, а его рукоять была снабжена тяжелым металлическим набалдашником: если единственный выстрел не достигнет цели (а шансов на попадание было мало), можно успеть приблизиться к противнику и оглушить его.

На смену карабинам пришли кавалерийские мушкеты и мушкетоны — легкое (2,8—3,2 килограмма) оружие с коротким (18 дюймов, то есть около 45,7 сантиметра) расширяющимся стволом, облегчавшим зарядание во время движения верхом. Такое оружие предназначалось для стрельбы почти в упор, а потому не имело мушки. При езде мушкет висел у ноги всадника дулом вверх, чтобы пуля не могла выкатиться из ствола от тряски; особая скоба, прикрепленная к стволу, по которой свободно передвигалось железное кольцо с продетой сквозь него перевязью, позволяла стрелять, не снимая мушкетон с плеча.

Мушкетеры Людовика XIII были вооружены мушкетами с фитильным замком, и это оружие использовали довольно долго. В «Описании путешествия в Париж в 1657—1658 годах» сказано: «19 января 1657 года мы отправились посмотреть на вступление короля (Людовика XIV. — *Е. Г.*) через Сент-Антуанские ворота с его новыми ста двадцатью мушкетерами, которые служат ему также охраной... Они вооружены мушкетами и привязывают фитиль к оголовью уздечки между ушами коня». В руках мушкетеров фитильное оружие было весьма эффективным. В июне 1658 года во время осады Дюнкерка королевской армией под командованием Тюренна Конде и дон Хуан Австрийский попытались спасти город, бросив ему на помощь испанские войска. Принц Конде направил кавалерийский полк между дюнами, где могли проехать только двадцать всадников в ряд. Мушкетеры остановили их выстрелами и повергли в смятение, а затем продолжали выкашивать войска принца прицельным огнем.

Кремневый замок был изобретен в 1610 году. При спуске курка кремнь бил по кресалу, одновременно откидывая крышку полки и открывая запальный порох. Зарядание кремневого мушкета было непростым делом и совершалось в несколько этапов: 1) разорвать зубами патрон (их первыми стали использовать шведы); 2) заправить полку порохом; 3) зарядить порох и пулю в ствол; 4) уплотнить заряд; 5) взвести курок; 6) прицелиться и выстрелить. Скорострельность мушкетов составляла два выстрела в минуту, попадание можно было гарантировать с 70 метров. Конные мушкетеры использовали тактику караколирования: первый ряд делал выстрел и разъезжался в разные стороны, открывая поле обстрела второму ряду всадников. Пистолеты, также снабженные кремневым замком, были такого же калибра (18—20 миллиметров). Ввиду частых отказов при стрельбе пистолеты носили всегда по два; оружейники даже изготавливали их парами, стараясь добиться полной идентичности.

Новые кавалерийские мушкеты были оснащены колесцовым замком; стоили они дорого, поскольку точный механизм следовало изготавливать из качественных материалов. Однако с заводным ключом

приходилось повозиться. В начале XVII века колесцовый замок был вытеснен замком оружейника Марена де Бурже, объединившего скользящую крышку полки с огнивом. Этот узел называли батареей, а сам замок — батарейным, или французским. Кроме того, Бурже сделал спусковой крючок перемещающимся не горизонтально, а вертикально, что облегчило спуск. Этот наиболее совершенный тип кремневого замка просуществовал на огнестрельном оружии более двух с половиной веков, хотя и он не был идеальным: часто давал осечки. Кроме того, мушкет снабдили ложем с уплощенным прикладом, гребнем для опоры щеки и вытянутой шейкой, удобной для охвата рукой. Он тоже получил название французского и приобрел популярность.

Вслед за изобретением колесцового замка пришлось изобрести предохранитель, чтобы оружие не выстрелило случайно. Несчастные случаи не были редкостью: маркиз Данжо в своем дневнике рассказывает, как один мушкетер, «брат шевалье д'Оппеда», был опасно ранен, находясь в строю, своим товарищем, «баловавшимся» с пистолетом.

К 1650 году оружие с фитильным и колесцовым замком было вытеснено кремневыми ружьями. Само французское слово *fusil* (ружье) происходит от итальянского *fugile* (кремень). Ружья заряжали с дула, в большинстве своем они были гладкоствольными, нарезные являли собой исключение из правила. Скорострельность такого оружия, ставшего с 1671 года обязательным для королевских мушкетеров, по-прежнему составляла два-три выстрела в минуту, механизм нередко давал осечку, поэтому в 1717 году личная охрана короля была по-прежнему вооружена мушкетонами.

Термином «мушкет» во Франции еще долго обозначали кавалерийское оружие, не снабженное штыком. Штыки в армии ввел Вобан в 1647 году, позаимствовав идею у пиренейских крестьян. Это был багинет «пробкового типа», вставлявшийся прямо в дуло ружья: таким образом, стрелять из ружья было уже невозможно. Длина клинка, как и рукояти, составляла 30 сантиметров, в результате общая длина ружья со штыком была около двух метров, не уступая пики, и пехотинец мог

обороняться от всадника. Около 1680 года стали готовить багинеты с наружной трубкой, не препятствовавшие стрельбе. В результате в 1691 году штыковая атака французов на позиции англичан стала большим сюрпризом для последних, не ожидавших, что наступающие цепи будут еще и стрелять. С XVIII века штыками снабдили также мушкетон и карманный пистолет: штык был несъемный и откидывался благодаря специальной пружине.

В бытность свою губернатором Лилля д'Артаньян заинтересовался изобретением швейцарского капитана Грожана — гранатой, которая взрывалась от удара о землю, а не от подожженного фитиля. Капитан-лейтенант мушкетеров просил военного министра Лувуа принять это изобретение на вооружение и заказать такие гранаты для его подчиненных. Дело закончилось докладной запиской на имя короля, которой, похоже, так и не дали хода.

В 1661 году во Франции не было крупных оружейных мастерских. Лувуа писал: «Мало иметь много солдат. Нужно, чтобы они были хорошо обучены, хорошо одеты и хорошо вооружены». В начале правления Людовика XIV капитаны приобретали оружие непосредственно у ремесленников Парижа, Сент-Этьена, Лиона и т. д. Французские оружейники закупали клинки в Италии, Испании, Германии, а также в крупных центрах военного производства — голландских Маастрихте, Бреде и Утрехте; первенство в производстве огнестрельного оружия удерживал Льеж. Естественно, когда Франция оказалась в состоянии войны с этими странами, о закупках не могло быть и речи. Лувуа и министр финансов Кольбер создали французский «военно-промышленный комплекс». В Париже появился Арсенал; огнестрельным оружием французскую армию обеспечивали две мануфактуры: в Шарлевиле и Сент-Этьене. Затем склады и мануфактуры появились в Мобеже и Тюле.

К 1763 году полный комплект вооружения королевского мушкетера состоял из шпаги, штыка в отдельных ножнах, пистолетов и ружья. В Бастилии располагался королевский склад холодного и огнестрельного оружия, которое король закупал для своих полков:

его выдавали капитанам для вооружения рот. На таких мушкетах, ружьях, шпагах и саблях стояло клеймо: «Королевский склад».

Если раздобыть себе оружие не составляло проблемы, то с лошадьми дело обстояло иначе. В то время в Западной Европе, в том числе и во Франции, практически не занимались разведением верховых лошадей. Впрочем, лошадей не хватало не только для армии, но и для крестьянских работ. Приходилось отправляться за лошадьми все дальше и дальше и платить за них все дороже и дороже.

В 1636 году вся королевская конница составляла 21 тысячу лошадей (против 172 тысяч пехотинцев), но уже к 1678 году это число возросло втрое. В два последних десятилетия правления Людовика XIV Франция только для нужд кавалерии закупила больше 330 тысяч лошадей, потратив на это более ста миллионов ливров. Закупки делались в основном в арабских странах. Одновременно вывоз лошадей из Франции был строжайше запрещен. Воспроизводство лошадей в самой стране велось бесконтрольно, «по воле природы»: жеребца запускали к кобылам и предоставляли ему свободу действий. В результате далеко не все лошади годились для использования в кавалерии.

Мысль о создании государственных конезаводов впервые пришла в голову Генриху IV, однако ему не удалось ее осуществить. Затем, начиная с 1626 года, эта идея постоянно носилась в воздухе, но лишь экономному Кольберу, всеми силами пытавшемуся сократить расходы, удалось в 1665 и 1668 годах «пробить» два постановления королевского совета, положивших начало французским конезаводам. Система была такова: король предоставлял каждому заведению такого рода жеребца-производителя. Людовик XIV сам увлекался коневодством и даже добился кое-каких успехов на своих личных заводах — в Сен-Леже и Шамборе.

Король-Солнце славился своей экстравагантностью и любовью ко всему красивому и необычному. Для своей свиты он выписал жеребцов из Испании и скрестил их с нормандскими кобылами, чтобы получить грациозных животных, изящно поднимающих ноги во вре-

мя упражнений выездки. При Версале были основаны Школа верховой езды и государственный конезавод. Когда дело наладилось, в королевских конюшнях насчитывалось до 600 лошадей — «низкорослых, но крепких, со стальными бабками, с густой гривой, развевающейся на ветру, с ясным и живым взглядом, маленькими подвижными ушами, неутомимых под седлом, ласковых, привязчивых, безошибочно находящих дорогу в конюшню».

Правда, о породах лошадей и селекции речи еще не шло. Маркиз де Бранка, ставший маршалом Франции в 1740 году, делил лошадей на «красивых» — способных ходить в упряжке или под кавалерийским седлом — и всех остальных. Разведением лошадей славились Нормандия и Франш-Конте: в Мэше была одна из крупнейших конских ярмарок, а в Безансоне — знаменитая академия верховой езды, пользовавшаяся популярностью среди европейской аристократии.

Заповедью кавалериста было: «Каков конь — таков и всадник». Однако Франция не могла похвастаться хорошими лошадьми. В 1781 году барон де Боган утверждал, что французский конь «труслив, вял и безобразен». Таких поставляли в армию, а военачальники и знать раздобывали себе «штучный товар» за большие деньги.

«Дорогая матушка, — писал домой шестнадцатилетний Жозеф де Монтескью, — я с нетерпением ожидаю прибытия коня, надежду на получение которого вы во мне пробудили, ибо нет ни одного достойного человека, который не имел бы коня». Королевскому мушкетеру требовался конь определенной масти — серый, белый или вороной, что усложняло задачу. Д'Артаньян продал нескольких собственных коней своему кузену Пьеру д'Артаньяну (Монтескью), а тот уступил затем одного из них кузену Жозефу за 40 луидоров.

Для коня надо было еще раздобыть сбрую. В 1788 году одно только кавалерийское седло стоило около 70 ливров; надо полагать, ранее цены были несколько ниже. Все французские кавалеристы должны были пользоваться «королевскими» седлами (за исключением гусар, использовавших «венгерские»), которые, как и прочая сбруя, должны были быть изготовлены из черной кожи.

Конь требовался мушкетеру не только для парадов и сражений, но и для выполнения особых поручений. В XVII веке почтовая служба, учрежденная еще в XV столетии, находилась в плачевном состоянии, изрядно пострадавшая от религиозных и междоусобных войн. Конюшни при почтовых станциях были разграблены рейтарами и наемниками, и даже после воцарения мира порядок удалось навести не сразу, а только после деклараций 1681 и 1692 годов, подписанных Людовиком XIV. Кроме того, дороги во французском королевстве находились в ужасном состоянии. В карете или дилижансе путешественникам удавалось покрыть за день не более 30 километров, и это притом что почтовые станции стояли друг от друга всего на два лье (восемь километров). Только в окрестностях Парижа, где уделяли больше внимания ремонту дорог, можно было проехать за день 75—80 километров. В середине XVIII века за дороги взялись как следует, обязав крестьян отработать определенное количество дней на их строительстве и ремонте. Страна покрылась сетью дорог, связавших самые крупные города, однако основными транспортными артериями по-прежнему оставались реки. Поездка из Парижа в Бордо занимала восемь дней, поскольку из Блая до пункта назначения добирались водным путем. Мушкетерам «с особым предписанием» нужно было спешить — и они путешествовали верхом. Лошадь, пущенная рысью, развивает среднюю скорость в 10—11 километров в час, галопом — 16—18 километров в час; почтовый же дилижанс в XVIII веке даже по самой хорошей дороге тащился со скоростью 12 километров в час.

Казанова в своих «Записках» называет французские дороги «бессмертным творением Людовика XV». Действительно, в правление этого монарха в данной области удалось достичь существенных успехов. В одном официальном документе 1740 года сказано, что, например, в провинции Франш-Конте есть «75 000 аршин превосходных дорог, так что отныне можно ехать рысью в любом направлении через горы и болота, которые прежде были непроходимы с трудом и лишь несколько месяцев в году». К концу XVIII века во Франции было 9 тысяч 500 километров дорог с 1200 почтовыми станциями; доро-

га Париж—Лион с 58 станциями считалась лучшей в Европе (путешествие по ней в дилижансе занимало пять дней). «Мне очень понравилась красота проезжей дороги, — делился Казанова воспоминаниями о 1750 годе, — чистота постоянных дворов, еда, которую там подавали, быстрота, с какой нас обслуживали, прекрасные постели, скромный вид особы, прислуживавшей нам за столом...» Почтовые станции, представлявшие собой большие дома у края дороги, обозначенные вывеской в виде охотничьего рога, с большим мощеным двором и конюшнями, играли в те времена роль «мотелей»: там можно было остановиться на ночлег «конному и пешему». Постояльцам отводили комнаты на втором этаже. Возможно, мушкетеры пользовались таким пристанищем на ночь, а поутру отправлялись в путь, обгоняя почтовые кареты, крестьянские повозки и пеших путников — паломников или бедняков, идущих в город в поисках работы, — в подбитых железом башмаках.

В конце XVII — середине XVIII века хорошая рабочая лошадка стоила около 80 ливров — втрое больше быка. Но кавалерийский конь в четыре фута шесть дюймов в холке мог потянуть на все 300 ливров. В военное время стоимость лошадей, в особенности обученных, еще увеличивалась. В армии капитан, купивший свою роту, являлся собственником лошадей (рота состояла из 25—50 всадников; две роты составляли эскадрон, два три эскадрона — кавалерийский полк). К этому следует добавить сбрую и расходы на фураж, вот и выходило, что конь — дорогое удовольствие. Содержанием и обучением лошадей должен был заниматься капитан-лейтенант; в XVIII веке ему на это отпускали из казны 800 ливров в год. Но данных средств было явно недостаточно, и при ответственном подходе к делу командиры несли большие расходы, чтобы поддерживать роту на должном уровне. Понятно, почему офицерские должности стоили так дорого.

Армия была участным предприятием: офицерские должности покупались за деньги, каждый сражался своим оружием, в своей одежде, и даже на войне жены с детьми часто следовали за своими мужьями-военными. Офицеры должны были содержать себя и своих людей,

получая из казны вспомоществование на выплату жалования, пропитание, фураж и т. д.

Должность армейского капитана стоила 40 тысяч ливров, должность подполковника — вдвое больше. Д'Артаньян, начавший свою военную карьеру в гвардейском полку и к 1652 году дослужившийся до лейтенанта, давно мечтал о капитанской должности, но помимо денег нужна была еще свободная вакансия. Кстати, своим лейтенантским чином он был обязан покровительству Мазарини: на должность лейтенанта претендовал прапорщик Каргрес, опытный и храбрый человек, героически сражавшийся во время осады Армантьера, где ему пришлось командовать шестью гвардейскими ротами, поскольку все остальные офицеры выбыли из строя. Гвардейцы были на стороне Каргреса и оказали «любимчику кардинала» весьма холодный прием.

В 1656 году вакансия освободилась: непосредственный начальник д'Артаньяна капитан Фуриль решил купить должность подполковника, стоившую 80 тысяч ливров, однако потребовал столько же за свою собственную. Чтобы набрать нужную сумму, д'Артаньяну пришлось продать свою должность лейтенанта гвардейскому прапорщику Фрасси, свою должность капитана-консьержа королевского вольера — губернатору Мезьера д'Эстраду, да еще занять недостающие четыре тысячи у Кольбера. Д'Артаньян сохранял за собой командование ротой французской гвардии вплоть до кончины кардинала Мазарини, занимаясь при этом делами мушкетеров. Окончательно перейдя на службу к королю, он задешево продал свою капитанскую должность знаменосцу гвардии Мазарини и поступил в роту «серых мушкетеров» в чине подпоручика. В самом деле, лучше было быть подпоручиком королевских мушкетеров, чем капитаном гвардии.

В мушкетерских ротах расценки были гораздо выше: должность капитан-лейтенанта стоила больше 200 тысяч ливров. Д'Артаньян, который фактически являлся командиром «серых мушкетеров» (племянник Мазарини числился им чисто номинально), смог купить чин капитан-лейтенанта только в 1667 году (погиб он в 1673 году в чине бригадного генерала).

После гибели д'Артаньяна должность капитан-лейтенанта «серых мушкетеров» досталась майору лейб-гвардии шевалье де Форбену с жалованьем в 50 тысяч ливров в год, «но поскольку он многократно обкрадывал собственную роту, его уже не любили так, как его предшественника».

Филипп Клод де Монбуасье-Бофор-Каниллак, маркиз де Монбуасье, начинал в 1692 году мушкетером второй роты. Через десять лет, все так же будучи мушкетером, он получил от короля позволение сформировать пехотный полк и стал полковником. В 1712 году он стал вторым корнетом «черных мушкетеров», уплатив 35 тысяч ливров вдове поручика де Отфора. Затем он купил у капитан-лейтенанта своей роты маркиза де Вена чин поручика мушкетеров за 50 тысяч эку: 10 тысяч уплатил сам, а остальные 40 получил от господина де Кроза, купившего его должность корнета. В 1729 году он сам стал капитан-лейтенантом второй мушкетерской роты, сменив своего родственника Жана де Монбуасье-Бофора-Каниллака, графа де Каниллака. Эта должность приносила ему 21 тысячу 880 ливров в год, включая 16 тысяч 800 ливров твердого жалованья. Когда в 1754 году встал вопрос о ее продаже, маркиз, которому стукнуло 80 лет, запросил за нее 350 тысяч ливров и еще две тысячи пожизненной ренты. Умер он в 91 год.

Позже Людовик XIV начал дарить офицерские должности сержантам и положил за правило, что вакантные должности корнетов будут поочередно отдавать сержанту мушкетеров и полковнику кавалерии (такая же система применялась к должности прапорщика в лейб-гвардии); до окончания царствования Короля-Солнце сержанты из числа королевских мушкетеров почти всегда получали должность корнета в дар. Что же до армейских офицерских чинов, то король предоставлял мушкетеру возможность подняться по служебной лестнице, купить роту или даже полк только в том случае, если в характеристике, выданной ему капитан-лейтенантом, не было никаких нареканий, а одни лишь похвалы. Такое отношение монарха постоянно поддерживало в роте дух здорового соперничества.

МУШКЕТЕРЫ ЗА СТОЛОМ

За королевским столом. — «Французская система» сервировки. — Два тира Франсуа Вателя. — Обед в богатом семействе. — Гасконская кухня. — Десерты, пряности, соусы. — «Русская сервировка». — «Высокая кухня». — «Серебряная башня». — Шоколад, чай, кофе. — Цены на продукты. — Вино. — Таверны

Когда... д'Артаньян спросил своих друзей, как лучше употребить свою часть сорока пистолет, Атос посоветовал ему заказать хороший обед в «Сосновой ишишке», Портос — нанять слугу, а Арамис — обзавестись достойной любовницей.

А. Дюма. Три мушкетера

«Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты» — это правило действует во все времена. Заглянув в тарелку к мушкетеру, можно было понять, откуда он родом, к какой общественной страте принадлежит и какими средствами располагает.

«Завтракай, как король, обедай, как принц, и ужинай, как нищий» — эту народную мудрость не всегда и не всем удавалось соблюдать на практике. Нередко завтракать или обедать приходилось куском хлеба или парой сырых яиц, в лучшем случае — омлетом, и утешаться другой пословицей: «Кто спит — обедает».

В XVII веке еду готовили в печи или в очаге, а далеко не каждый дом был снабжен этим приспособлением. По утрам хозяйки спешили к булочнику — воспользоваться жаром его печи, еще не остывшей после выпечки хлеба, чтобы приготовить суп или поджарить мясо. Слуги мушкетеров скорее всего покупали уже готовую еду в трактирах; только богатые аристократы могли позволить себе роскошь иметь собственных поваров.

В Париже было множество приживалов, сотрапезников и прихлебателей, которые ходили по богатым домам, где держали открытый стол, и питались там «на халяву». Вполне возможно, что и мушкетеры из числа бедных дворян этим не брезговали. Зато во время военных походов старшие офицеры мушкетерских рот имели право обедать за королевским столом.

«Большой королевский стол» был ритуалом, соблюдавшимся со времен Средневековья. Ужин за большим королевским столом подавали в десять часов вечера в передней апартаментов короля или королевы; на нем присутствовали сам король, королева, их дети и внуки. Стулья монархов ставили спиной к камину; кроме них, сидеть могли только герцогини, складные стулья для которых расставляли полукругом. Позади них стояли придворные и все прочие гости. Людовик XIII отдавал дань традиции, при Людовике XIV такие трапезы устраивали чуть ли не ежедневно, при Людовике XV — гораздо реже, а при Людовике XVI — только по праздникам и воскресеньям: Мария-Антуанетта не скрывала своей скуки, присутствуя за столом, и даже не снимала перчаток.

В XVII веке во время званых обедов на стол ставили блюда, и гости должны были отрезать куски и класть себе на тарелку или просить соседей о любезности, если не могли дотянуться (индивидуальные тарелки ввел в обиход кардинал Мазарини, их так и называли — «мазаринки»). Посуда все еще была металлической: серебряной и золотой, а в простых домах — оловянной. Из столовых приборов использовали ложку и нож; вилку ввели в употребление еще в 1575 году, что стоит поставить в заслугу королеве Екатерине Медичи, однако в XVII веке ее по-прежнему считали вредной новинкой и высмеивали в сатирических произведениях. Король-Солнце запрещал пользоваться этим предметом в своем присутствии, священники проклинали эту «дьявольскую выдумку» и не разрешали пользоваться ею в монастырях. «Французская система» сервировки стола была хороша для холодных блюд, салатов и десертов, но не приспособлена для рыбных и мясных блюд, которые полагается подавать прямо с огня, пока они еще

не пережарились или не остыли. В результате большое распространение получили паштеты и пироги: эстетика стояла выше вкусовых качеств. Чтобы блюда не успевали совсем остыть, их подавали в следующем порядке: первая перемена — супы и рыба; вторая перемена — основное блюдо; третья перемена — жаркое, птица, дичь; затем закуски, сыры, фрукты, десерты, варенья.

Закуски подавали на всем протяжении трапезы: они сопутствовали блюдам.

Людовик XIV не пробовал всех блюд, подававшихся на стол, их было слишком много. Он всегда ел несколько супов, клал себе добавки птицы или дичи, иногда пропускал несколько блюд, но объедался соусом. В соусы тогда крошили поджаренный хлеб, он становился густым, и король, практически не пользовавшийся столовыми приборами, предпочитал есть руками.

7 августа 1661 года Людовик XIV в сопровождении мушкетеров и гвардейцев прибыл в замок Во-ле-Виконт, принадлежавший сюринтенданту финансов Никола Фуке. По такому случаю Франсуа Ватель — кондитер, метрдотель и распорядитель торжеств — устроил грандиозный пир, накрыв восемьдесят столов и приготовив тридцать буфетов. Гостям подали пять перемен блюд из фазанов, куропаток, перепелок и овсянок на золотой посуде, а на десерт Ватель приготовил сюрприз: изобретенные им взбитые сливки. Самолюбие короля было задето: он не мог себе позволить так сорить деньгами, поскольку был вынужден переплавить собственную драгоценную посуду, чтобы покрыть расходы на Тридцатилетнюю войну. Людовик пообещал хозяину замка, что тот «о нем еще услышит», не остался ночевать и вернулся к себе в Фонтенбло, а 5 сентября д'Артаньян арестовал Фуке по приказу монарха, который заменил чересчур богатого и могущественного министра, приговоренного к пожизненному заключению, Жаном Батистом Кольбером. Ватель не знал, что король намеревается взять всю обслугу Во-ле-Виконта в недавно построенный Версаль, а потому бежал в Англию, опасаясь тюрьмы, и впоследствии поступил на службу к принцу Конде.

Принц, находившийся в опале, поскольку с оружием в руках выступил против юного короля во время Фронды, потратил последние деньги на реконструкцию замка Шантильи и 21 апреля 1671 года пригласил туда Людовика со всем двором — три тысячи человек, включая шестьсот придворных и множество слуг. Великолепные празднества продолжались три дня и три ночи; каждый вечер устраивали роскошный пир. У Вателя было всего две недели на их подготовку. В первый вечер для почетных гостей накрыли двадцать пять столов, но за двумя из них не хватило холодного супа, подававшегося на закуску*, — там оказались «лишние» люди. Ватель решил, что задета его честь. В довершение несчастья, на следующий день поутру в замок не доставили заказанную рыбу и моллюсков из Булонь-Сюр-Мер, расположенного в двухстах километрах от Шантильи. Этого Ватель уже не пережил и закололся шпагой в тот самый момент, когда рыбу все-таки привезли, причем в достаточном количестве. В отличие от ужина Вателя спасти не удалось; его тихо похоронили, чтобы не испортить настроения королю, которому принц Конде из любезности проиграл своего метрдотеля в карты. Этот пир закончился для принца совсем иначе, чем для Фуке: он получил прощение короля и поправил свои финансы, одолжив монарху свою армию (одну из самых мощных в королевстве) для войны с Голландией.

В знатном и богатом семействе обычный обед состоял как минимум из трех перемен по три блюда в каждой (их ставили на стол одновременно): например, три супа, три основных блюда, три жарких; три супа, три рыбных блюда, три «вторых»; три супа, три рыбных блюда, три жарких, а потом еще закуски, фрукты, сыры, десерты.

Главенствующее место в меню отводилось густым супам, маринадам и паштетам.

Надо отметить, что одной из основ французской на-

* Речь идет о крестьянской похлебке, которую принято было есть летом: поджаренные ломти хлеба размельчали и заливали водой с кусочками льда, затем добавляли сахарную пудру и красное вино. Похлебку готовили за несколько часов до подачи на стол и ели перед ужином, чтобы освежиться после жаркого дня.

циональной кухни стала кухня гасконская, основанная на древних традициях Аквитании и Пиренеев. Гасконцы отличались завидным долголетием*, несмотря на то, что любили плотно поесть; считалось, что этому способствует использование для жарки утиного и гусиного жира, в отличие от средиземноморской кухни, предпочитающей растительное масло, или северной, где используют сливочное. Помимо этого для гасконской кухни характерно употребление чеснока, петрушки, лука, овощей (в том числе гасконского сладкого перца), большое место отводится грибам, дичи**, морепродуктам (устрицы) и рыбе (угри, миноги, сельдь; в департаменте Жиронда добывали даже черную икру), а также овечьему сыру.

В Париже д'Артаньян не чувствовал себя оторванным от родины: меню обедов в обществе его супруги в марте 1659 года, кардинала Мазарини в 1646-м или барона де Кадиллака весной 1659 года (упоминания о них сохранились в архивах) не слишком отличалось от трапез в Кастельморе.

Свежая рыба поступала в столицу из Дьеппа или Онфлера. Карпы и угри соперничали с лососем (который был сезонным деликатесом). Угрей наделяли определенными целебными свойствами (они якобы давали мужскую силу), а потому они удерживали первенство. Паштет из угрей, запеканка из лосося, блюда из карпа по старинным рецептам вступали в конкуренцию с миногами и сельдью. У первых трех видов рыбы было то преимущество, что они дольше хранились.

* Уроженец Бордо герцог де Ла-Форс (Жак Номпар де Комон), маршал Франции, имевший восьмерых сыновей, повторно женился в 90 лет (правда, вскоре после этого умер). Его старший сын Арман де Комон, тоже ставший маршалом и участвовавший во множестве сражений, прожил 95 лет, а его брат Анри Номпар де Комон, маркиз де Кастельно, — 96 лет. Исаак де Порто дожил до 95 лет и умер от апоплексического удара. Франсуа де Бемо, комендант Бастилии, умер примерно в 86 лет, на год пережив своего сына. Пьер де Монтескью, доблестно сражавшийся и дослужившийся до маршала Франции, скончался в возрасте 80 лет. Д'Артаньяну на момент гибели было около 63 лет: его сразила пуля, когда он бежал (!) на штурм вражеского равелина.

** Предпочтение отдавали мелкой птице: овсянкам, которых приходилось откармливать 15—20 дней, прежде чем съесть, жаворонкам, которых ловили в силки, и диким голубям.

Из мясных блюд популярностью пользовались фаршированные телячьи или свиные ножки и холодец. Дичь ели с душиком (опять же трудности с хранением).

При Людовике XIV, проводившем колониальную политику, на столе у вельмож появились редкие продукты из заморских владений Франции: ананасы, ром, тростниковый сахар, финики, лимоны, жаркое из цесарки, суп из морской черепахи.

Сахар был дорог и даже продавался в аптеках, как лекарство, а потому десертами лакомилась только аристократия. Они были многочисленными и очень сладкими: пирожные с кремом, засахаренные цветы (фиалки, розы), экзотические фрукты — свежие или сушеные, фруктовое мороженое, особенно в летнюю жару. О мороженом во Франции узнали в XVI веке благодаря Екатерине Медичи, супруге короля Генриха II: оно представляло собой фруктовый сироп на основе малины, апельсинов или лимонов, замороженный с солью. Рецепт мороженого считался государственной тайной, он стал частью приданого сестры Людовика XIII Генриетты-Марии, вышедшей замуж за английского короля Карла I. Французский кондитер Жерар Тирсен додумался добавлять в мороженое молоко и сливки. Около 1643 года появилось ванильное и шоколадное мороженое, а Ватель удивил королевских гостей, подав им «сладкий ледяной сюрприз, твердый, как мрамор». Во второй половине XVII столетия король своим декретом предоставил цеху изготовителей лимонада привилегию на изготовление фруктового и цветочного мороженого в обмен на уплату пошлины.

С XVII века во Франции начала угасать любовь к пряностям, которой пока еще не изменила вся остальная Европа. В кулинарии теперь использовали только перец, гвоздику, корицу и мускатный орех в ограниченных количествах. Изменились и ароматные приправы: вместо иссопа, руты, майорана и мяты в еду добавляли тимьян, лавровый лист, петрушку, лук, эстрагон и розмарин.

С того же времени запрет на употребление сливочного масла в пост стал менее строгим, чему немало обрадовались жители тех мест, где не произрастали мас-

личные культуры. Масло быстро проникло во все соусы и наравне с трюфелями стало одной из отличительных черт «высокой кухни». С 1635 года использование сливочного масла привело к созданию слоеного теста, заново изобретенного Клодом Желле из Туля (слоеное тесто было известно древним грекам). На столе теперь красовались многочисленные слоеные пироги с разными начинками.

Соусы были жирными и пряными. В них использовали топленое сало, растительные масла, а теперь еще и сливочное масло. С рыбой полагалось подавать «белый соус», кисловатый из-за уксуса, но густой благодаря маслу. Сметаной повара пока еще пренебрегали. Все остальные соусы делали на основе жира, стекавшего с мяса в поддон под вертелом, смешивая его с соком незрелого винограда в соотношении один к четырем и добавляя муку, яичные желтки, хлеб и масло, поджаренное на огне. Рагу для аристократа приправляли миндальным молоком с зернышками граната, артишоками, кусочками гусиной печени и т. д. В XVIII веке маршал Ришелье привез из города Маон на Балеарских островах соус «маоннез», название которого со временем преобразилось в «майонез». Соусы хранили в отдельных емкостях для использования в процессе готовки.

С начала XVIII века «французская система» подачи блюд была заменена «русской»: разные блюда приносили по очереди и ставили непосредственно перед гостем. Кушанья заранее разрезали на куски на кухне, они не успевали остынуть. Перед тарелками гостей теперь расставляли бокалы для вина, ликеров, шампанского: они составляли часть сервировки. Фаянсовая посуда постепенно вытеснила собой металлическую. К 1750 году столовые приборы обрели свою окончательную форму; к ним добавилась десертная ложечка. Кроме того, в обиход вошла новая утварь: половник (суповая ложка), ложечки для соли, горчицы, рагу, специй, сахара; соусник, горчицница, кувшинчики для растительного масла, уксуса; масленка, сахарница, солонки и перенницы.

В 1740 году обычный обед в буржуазном доме состоял из каши, тушеной телятины, закусок, овощей, сала-

та, сливок, сыра, фруктов и варений. Было только три перемены блюд. Вместо кофе после еды пили гвоздичную настойку. В аристократических кругах в моде была «высокая кухня», отличавшаяся множеством экстравагантных приготовлений. Впрочем, она не всем приходилась по вкусу. Вольтер писал графу д'Отре: «Я не переносу сладкого мяса, плавающего в соленом соусе, который на 15 линий покрывает этот жалкий кусочек мяса. Я не могу есть мешанину из индейки, зайца и кролика, которую мне преподносят как один вид мяса. Я не люблю ни голубей с чистецом, ни хлеба без корочки». Однако мода переменчива, и очень скоро в аристократические столовые проникла «новая кухня», основанная на гармонии разных блюд. Между сладким и соленым проводили четкое разделение, а естественность и качество пищи теперь ставились выше изобилия.

Изобретением середины XVIII века стало «горячее-холодное» блюдо — заливное из дичи. Кардинал де Роган привез в Версаль из Эльзаса фуа-гра — паштет из гусиной печенки, снискавший большую популярность, а в Нормандии прославилась некая Мари Марель из деревушки Камамбер, которая готовила сыр всем на обедение.

Даже французская знать, имевшая в своем услужении поваров, не ограничивалась домашней кухней. В 1582 году замечательный кулинар Рурто основал элитное заведение «Серебряная башня» в центре Парижа, с великолепным видом на Сену и собор Парижской Богоматери (современный адрес: набережная Турнель, 15—17). Своим названием его ресторация была обязана блестящим слюды, осыпавшим здание, в котором она располагалась, — башню в стиле ренессанс. Французский король Генрих III стал ее завсегдатаем и часто заглядывал туда после охоты, чтобы отведать курицу в горшочке или паштет из цапли. В XVII веке туда зачастил кардинал Ришелье, которому подавали гуся со сливами. А Людовик XIV являлся туда обедать со всем двором из самого Версаля. Для герцога де Ришелье (внучатого племянника кардинала) там готовили говядину тридцатью различными способами, а маркиза де Севинье заходила туда выпить шоколаду. «Серебряная башня» оставалась

лучшим французским рестораном вплоть до революции 1789 года, когда ее разгромил восставший народ.

Французские придворные пристрастились к шоколаду благодаря Анне Австрийской, супруге Людовика XIII. Чай завезли во Францию голландцы; с 1650 года в медицинских кругах бушевали споры по поводу того, полезно ли для здоровья употреблять этот напиток, который, однако, постепенно завоевал популярность. О кофе во Франции узнали в 1657 году: в Европу его завезли венецианцы, а его путь в Париж лежал через Марсель. Мода на кофе распространилась очень быстро; медики встревожились, но к их мрачным предсказаниям никто не прислушивался. В 1669 году посол Магомета II привез во Францию большое количество кофе, который тем не менее стоил очень дорого: до сорока эку за фунт. В 1676 году один армянин по имени Паскаль открыл кофейню на ярмарке Сен-Жермен, а затем перенес ее на набережную Сены; его заведение пользовалось большим успехом.

Через десять лет сицилиец Франческо Прокопио Деи Кольтелли, принявший французское имя Франсуа Прокоп, открыл в квартале Сен-Жермен-де-Пре заведение, где подавали кофе. Три года спустя на той же улице обосновалась «Комеди Франсез», и клиентура Прокопа пополнилась за счет людей, близких к театру. Впоследствии его завсегдатаями стали Вольтер и Руссо, превратив заведение в первое литературное кафе.

Слово «ресторан» вошло в обиход после 1765 года, когда некто Буланже открыл небольшой кабачок на улице Пули (сегодня улица Лувра), где подавал клиентам укрепляющие бульоны — *restaurants*. Словечко понравилось. Буланже подавал также вареную птицу и свежие яйца. Он не имел права продавать рагу или блюда под соусами, поскольку не являлся трактирщиком.

Сколько примерно стоил обед? Об этом можно составить приблизительное представление на основе цен на исходные продукты. В XVIII веке в Иль-де-Франс фунт (489 граммов) говядины стоил 4 су; фунт свинины — 2,5 су; дюжина колбас — 50 су; целый молочный поросенок — 2 ливра 10 су; пара голубей — 8 су; целая курица — 7 су; кролик — 12 су; индюшка — 23 су; гусь — 22 су; куропат-

ка — 9 су; заяц — 1 ливр; косуля — 5 ливров; одно яйцо — 14 денье; фунт масла — 10 су; сотня селедок — 6 ливров; сотня раков — 12 су; сотня лягушек — 3 су и 6 денье; щука длиной 35 сантиметров — 15 су; фунт соленого лосося — 9 су; пучок моркови — 9 су; две дюжины огурцов — 1 ливр 3 су; дюжина артишоков — 25 су; пинта (0,93 литра) фасоли — 4 су; фунт сахара — 15 су и 6 денье; соль (мера в 156 литров) — 45 ливров и 15 су; 2 фунта перца — 3 ливра 10 су; бочонок оливкового масла — 55 су; сотня яблок — 25 су; фунт вишен — 12—15 су; 4 лукошка клубники — 7 ливров 10 су; дыня — 12—15 су; полдюжины апельсинов — 1 ливр; фунт шоколадных пастилок — 2 ливра; 2,5 фунта меда — 12 солей 6 денье; голландский сыр (голова в 12 фунтов) — 5 ливров 11 су и 6 денье; 12 фунтов сыра бри — 9 ливров; 4 фунта кофе — 9 ливров 22 су; пинта водки — 22 ливра; бурдюк вина (180 литров) — 50 ливров; 8 фунтов хлеба — 8 су 6 денье.

Рядовые мушкетеры, которым приходилось жить на 39 су в день, вряд ли могли баловать себя кулинарными изысками. В современных французских кулинарных книгах можно отыскать рецепт «баранины по-мушкетерски»: нарезать тонкими ломтиками остатки (!) бараньего окорока, нашинковать грибы и пожарить их в масле, слегка посыпав мукой, посолить, поперчить. Полить баранину этим соусом и обложить шкварками.

Когда д'Артаньян состоял на службе у известного скряги Мазарини, денег ему часто не хватало даже на омлет, приходилось довольствоваться куском хлеба и простой водой. Нельзя сказать, чтобы такое положение не ранило самолюбия, но изменить что-либо было невозможно. Странно, но те, кто сами остро переживали нехватку денег, всегда были готовы уколоть того, кто еще беднее. Однажды бывший мушкетер Пуллен де Сен-Фуа, сидя в трактире, увидел королевского гвардейца, который заказал себе чашку кофе с молоком и хлебец. Известный задира Сен-Фуа воскликнул: «Вот так дрянной обед!» — причем повторил это несколько раз. В конце концов гвардеец разозлился и вызвал его на дуэль. Они сразились, Сен-Фуа был ранен, но не унялся. «Вы можете меня убить, — сказал он своему противнику, — но обед ваш все равно дрянной».

Возможно, brave герои в голубых плащах ели не досыта, зато уж в выпивке себе не отказывали. Выражение «пить, как мушкетер» сейчас уже несколько подзабыто, но каких-нибудь два века назад было широко известно и всем понятно: это значит пить много и со знанием дела и только самые лучшие вина. В доме д'Артаньяна имелся погреб, а в услужении у него находился виночерпий. Почему же мушкетеры прослыли знатоками вина? Вероятно, дело в том, что самые лучшие напитки производили в Гаскони, в окрестностях Бордо, на берегах Дордони, Гаронны и Тарна, в предгорьях Пиренеев и в прибрежных Ландах, а многие знаменитые мушкетеры были родом из этих краев.

Бордоские вина не оставляют во рту винного запаха, не ударяют в голову и укрепляют желудок благодаря содержащимся в них танинам: любители говорят, что такое вино можно пить бочками. Его даже рекомендуют больным и выздоравливающим. Кроме того, подобно мушкетерам, которых судьба забрасывала далеко от родного дома и заставляла терпеть всяческие лишения, бордо не боится долгих переездов и температурных колебаний, чем выгодно отличается от бургундского. А еще французы говорят о бордо, что это вино «не слишком задирает нос», намекая на сравнительно невысокую цену при отменном качестве.

Лучшие красные вина Бордо производятся в местности, лежащей между Гаронной и побережьем Бискайского залива. На берегах Дордони получают легкие вина бержерак — мягкие, приятные, с фруктово-ягодными нотками. Бархатистые полусладкие вина с берегов Тарна (гайяк, кюсак, кезаге), отличающиеся превосходным букетом, отправляли напрямик в Париж. Бордо славится и своими знаменитыми сотернскими винами — белыми и естественно сладкими. Их получают из винограда сортов «семильон» и «совиньон», пораженного особым грибом, который вызывает «благородную гниль», или «плесень». Рассказывают, что, когда Людовику XV дали отведать такого вина, он восхищенно воскликнул: «Во Франции плесень — и та благородна!» Ягоды собирают вручную, поэтому вина с пометкой «благородные ягоды» стоят дорого. Белые

вина производят также в Пюжоле, Люпиаке (на родине д'Артаньяна) и в Нижних Пиренеях. Беарнец Генрих Наваррский, ставший французским королем Генрихом IV, вырос на бархатистых винах Жюрансона, которые при всем своем отменном вкусе все же слишком крепкие и хмельные.

С начала XV века белые вина Гаскони, произведенные в Ландах, дистиллировали для изготовления арманьяка — крепкого (40 градусов) напитка янтарного цвета с приятным цветочно-ореховым букетом и карамельно-медовым вкусом. Из неперебродившего виноградного сока и молодого арманьяка делали «гасконский флок» (*floc* — «букет цветов») — напиток для возбуждения аппетита. Наконец, городок Кагор, расположенный неподалеку от Пиренеев, прославился своим десертным вином, который во Франции называют «вареным» (в процессе приготовления его нагревают до температуры 75—80 градусов в течение 18—24 часов). Кагор пьют подогретым, небольшими дозами, как лекарство, и в самом деле, он прекрасно помогает при простудах, желудочных болезнях и других недугах.

В Гаскони вином запивали даже густой овощной суп, служивший повседневной пищей, особенно для крестьян. Остатки супа разбавляли красным вином. К жареным каштанам на десерт подавали молодое сладкое вино, которое продавали в незакупоренных бутылках.

Французская пословица утверждает: «Бургундское — для королей, бордо — для дворян, шампанское — для герцогинь». По мнению знатоков, если бордо, попадая в организм, находит дорогу прямо к печени (символ здоровья), то бургундское стремится к сердцу. Впрочем, во времена мушкетеров бургундское не пользовалось большой популярностью в Париже: парижанам оно казалось чересчур кислым, терпким, а порой крепленым, хотя являлось совершенно натуральным. Между тем французские вина вообще были преимущественно сухими; отправляясь, например, в Италию, французы жаловались, что там нечем утолить жажду: итальянские вина слишком сладкие, в них нет кислинки, острого вкуса. Один путешественник отмечал в своих записках: «Вопреки тому, что говорят французы, итальянское

вино очень вкусное. Разумеется, мне понадобился год или два, чтобы к нему привыкнуть, но привыкнув, я уже не мог пить французского вина: на мой вкус, бургундские и шампанские вина были просто кислятиной». В Провансе тоже делали терпкое вино, которое прекрасно дополняло собой местную кухню с преобладанием сладкого и соленого.

Кстати, о шампанском: во времена мушкетеров оно сильно отличалось от того напитка, к которому привыкли мы с вами. Удалять осадок из бутылки тогда не умели (до этого додумалась только вдова Клико в начале XIX века), поэтому создатель игристого напитка Дом Периньон наливал его в узкий или плоский непрозрачный фужер, в котором осадок не был заметен. Поначалу бутылки закупоривали деревянными пробками-кочерыжками, но от заезжих испанцев монах узнал о корковой пробке, не пропускающей в бутылку воздух. С тех пор французы стали ввозить пробки для шампанского из Испании и Португалии. Шампанское стоило дорого: восемь ливров за бутылку.

В XVII веке большой популярностью пользовался гипокрас — средневековый напиток, сладкое красное вино с добавлением корицы, миндаля, мускуса и амбры. Его стали делать из фруктов — яблок, апельсинов. Людовик XIII приготавливал его по собственному рецепту, и Людовик XIV тоже был до него большой охотник. Гипокрас преподносили в качестве ценного подарка и пили после еды, а вот перед едой употребляли «лечебные» настойки с добавлением ароматных трав, например шалфея.

И здесь, в области аперитивов, снова впереди оказался Бордо: в 1755 году Мари Бризар основала со своим племянником товарищество, которое стало производить анисовый ликер «анизетт» с добавлением одиннадцати трав по рецепту одного моряка с Антильских островов. Бордо был портом, куда приходили суда из французских колоний, груженные фруктами и пряностями — какао, кориандром, корицей, ванилью, которые и послужили сырьем для изготовления ликеров.

Вино пили в кабаре, которые можно уподобить современным клубам. Обычно такое заведение состояло

из главного зала, окруженного отдельными «кабинетами», которые снимали группы клиентов. Там можно было спокойно поговорить, не опасаясь быть подслушанным. С учетом того, что мушкетеры нередко исполняли «особые поручения», они вполне могли назначать деловые встречи в кабаре. С другой стороны, в кабаре часто вспыхивали ссоры и драки, чему способствовало выпитое вино. В первой половине XVII века драки было не избежать, если в одно кабаре случайно заходили королевские мушкетеры и гвардейцы кардинала.

Таверны (где можно было еще и поесть) и питейные дома играли важную роль в жизни Парижа: о человеке можно было судить по тому, какое заведение он посещает. На улице Старой голубятни (Вье Коломбье), где одно время квартировал д'Артаньян, находилось кабаре «Зеленый лис». На острове Нотр-Дам (теперь Сен-Луи) — «Рекрутирующий сержант», одна из самых знаменитых таверн Парижа, вполне пристойное место. Название современных улиц Эшарп и Паради в квартале Марэ происходит от некогда находившихся там кабаре «Эшарп бланш» («Белый шарф») и «Паради о Марэ» («Рай в Марэ»). Громкой славой пользовалось кабаре «Сосновая шишка», находившееся на улице Жюиври неподалеку от собора Парижской Богоматери, напротив церкви Святой Магдалины. Его посещал еще Франсуа Вийон, а Франсуа Рабле писал там своего «Гаргантюа». В первой половине XVII века среди его завсегдатаев были поэты Теофиль де Вио и Гильом Коллете. Интересно, что Мари Грюэн, внучка владельца «Сосновой шишки» Филиппа Грюэна, в 1667 году вышла замуж за графа Франсуа де Монброн, поручика второй роты королевских мушкетеров, который позже стал капитан-лейтенантом. Надо полагать, такой брак не считали мезальянсом. У них было двое детей: сын Шарль Франсуа, маркиз де Монброн, и дочь, вышедшая замуж за графа де Суастра.

Граф д'Аркур, герцог де Рец, Пюилоран (фаворит Гастона Орлеанского), поэт Сент-Аман, историк Фаре, писатели Буаробер, Коллете, Вуатюр, Тальман де Рео и примкнувший к ним Мольер образовали «общество обжор» и кочевали из «Кормье» на улице Фоссе-Сен-Жер-

мен-Осеруа в «Пти Мор», из «Львиной ямы» на улице Па-де-ла-Мюль, где торговали «безумием в бутылках», в «Королевский меч». Весной они отправлялись по берегу Сены в Сен-Клу, где имелись свои питейные заведения. В кабаках можно было встретить представителей всех сословий, — разумеется, если они были в состоянии расплатиться.

Кабаре и таверны зачастую открывали за стенами Парижа, если их владельцы не желали (или не были в состоянии) платить ввозную пошлину на продукты питания, вино и строительные материалы (эта пошлина была отменена только во время революции, а потом опять восстановлена).

В начале XVIII века на месте нынешних парижских кварталов Сен-Жорж, Шоссе-д'Антен, Монмартр и Рошешуар простиралась поля, а улица Шоссе-д'Антен называлась дорогой «Большой Пинты»: она извивалась у подножия холмов между полями, болотами и садами от Монмартра до злочного квартала Птит-Полонь (Малая Польша, ныне район вокзала Сен-Лазар), а вдоль нее стояли кабаре, где подавали молодое вино. Вино с виноградников вокруг Парижа, а также из северных областей Франции плохо хранилось, его полагалось выпить в том же году, когда оно было произведено. От этого вина ноги сами пускались в пляс, поэтому кабаре за городской чертой были «дансингами»: туда приходили не только поесть и выпить, но и потанцевать. Все они строились на один манер: войдя, посетители пересекали огромную кухню, где у вулканических размеров очага жарились телячьи языки, окорока, огромные куски говядины и баранины, и попадали в большой зал. Вдоль стен стояли столы, на которых плотными рядами выстроились бутылки, винные кувшины и тарелки, опустошаемые посетителями с пугающей быстротой. За ужин на шестерых, состоявшийся, например, из гигантской индейки, могли запросить пятьдесят су: это считалось дорого, однако клиенты, поломавшись, все же платили. Середину зала занимали танцующие, которые отплясывали контрданс и котильон под истошные вопли скрипок, дудок и кларнетов.

На углу улиц Орейон и Сен-Мор, которые и в современном Париже считаются окраинными, в XVIII веке стояло кабаре «Под каштанами», и его название соответствовало действительности. Оно пользовалось популярностью, потому что там можно было поиграть в кольца, покачаться на качелях, узнать свою судьбу у гадалки. Это кабаре купил в 1760-х годах виноторговец Жан Рампонно и назвал свое приобретение «Королевский барабанщик». В округе было много похожих заведений с «военными» названиями, ориентированных на соответствующую публику. Поблизости находилась «конкурирующая фирма» — кабаре «Пистолет», где по вечерам устраивали танцы (в 1770 году на его месте построили казарму Куртиль). Но ловкий Рампонно продавал пинту вина (0,952 литра) на одно су дешевле, чем его конкуренты (белое вино — за три с половиной су вместо четырех с половиной), сделав своим девизом «Деньги решают все». В результате народ валил туда валом, даже снаружи стояла очередь! «Раскрутив» кабаре, Рампонно уступил его своему сыну, а сам приобрел таверну «Першерон». К 1778 году зал этого заведения вмещал 600 человек — крестьян, возчиков, рабочих, французских гвардейцев, а также знатных дам, наряженных субретками, которым нравилось кокетничать с мускулистыми рабочими и красавцами-военными. Вечером, когда было уже темно, загулявшим клиентам таверны продавали на выходе факелы, пропитанные смолой, чтобы они могли отыскать дорогу в Париж. Впрочем, полиция быстро это запретила, опасаясь пожаров. Кабаре пользовались огромной популярностью. В те времена говорили: «Приехать в Париж и не побывать в “Першероне” — все равно что приехать в Рим и не увидеть папу».

Отпрыски знатных родов, временно облаченные в голубые плащи, могли позволить себе самые разнообразные развлечения. Но и простым мушкетерам во время мирного «простоя» не приходилось скучать, поскольку они пользовались определенными льготами.

МУШКЕТЕРЫ НА ДОСУГЕ

Театр. — Парижские улицы. — Праздники. — Карусели. — Торжества в Версале. — Танцы. — Ярмарки. — Казни. — Игорные дома. — Игра в мяч, кегли, бильярд. — Салоны. — Пале-Рояль. — Средства передвижения. — Табак. — Газеты и журналы

Небрежно одетые, подвыпившие, исцарапанные, мушкетеры короля... шатались по кабакам, по увеселительным местам и гульбищам, орали, покручивая усы, бряцая шпагами...

А. Дюма. Три мушкетера

В начале своей истории рота королевских мушкетеров состояла из людей отчаянных и храбрых, опытных военных, закаленных в боях, но при этом по большей части малограмотных и некультурных. Их образование сводилось к необходимому минимуму: навыкам чтения, письма и счета. В дальнейшем, после создания второй роты, вобравшей в себя весь цвет французского дворянства, общий культурный уровень королевских мушкетеров значительно возрос: из их рядов выходили писатели, мемуаристы, дипломаты. Соответственно, и культурные запросы мушкетеров разных эпох сильно различались.

Одним из доступных развлечений был театр. На протяжении XVII века французский театр заметно эволюционировал: от низкопробных фарсов, разыгрываемых бродячими комедиантами на ярмарках, площадях и в залах для игры в мяч, он возвысился до классической трагедии и оперы. К моменту создания роты королевских мушкетеров любимцами парижской публики были итальянские актеры комедии дель арте, часто

игравшие и для короля Людовика XIII. В 1629 году в «Бургундском отеле» обосновалась первая постоянная французская труппа, впоследствии прославившаяся постановками трагедий Пьера Корнеля и Жана Расина. В 1634 году у нее появились конкуренты — труппа театра Марэ, перешедшая от комедий и трагедий к зрелищным спектаклям-феериям с использованием хитроумных театральных машин. В 1658 году в Париж прибыла из провинции труппа Мольера, получившая в свое распоряжение от Людовика XIV зал Пале-Рояля и представлявшая там комедии на злобу дня. В 1680 году труппы «Бургундского отеля» и Пале-Рояля объединились, образовав «Комеди Франсез»; этот театр получил от короля монополию на театральные представления в Париже. Другой такой же монополией, но уже на музыкальные спектакли, пользовалась Опера, созданная в 1669 году королевским любимцем Жаном Батистом Люлли. В XVIII веке этим монополиям пришел конец: уже в 1732 году в Париже и его окрестностях существовало более пятидесяти театров, многие из которых были выстроены для частных лиц, а наряду с Оперой, создавшей жанр музыкальной трагедии, действовала «Комическая опера».

О спектакле возвещали афиши на перекрестках. Они были небольшими, примерно сорок на пятьдесят сантиметров, у «Бургундского отеля» — красными, у театра с улицы Генего (бывшего театра Марэ) — зелеными, у Оперы — желтыми; на них значились только название пьесы и имя автора, исполнители ролей не указывались.

Обычными днями работы театров были вторник, пятница и воскресенье, премьеры, как правило, давали по пятницам. Бывали и исключения: чтобы максимально использовать успех новой пьесы, играли во внеочередной день, часто удваивая цену за билеты; итальянская труппа, делившая зал Пале-Рояля с Мольером, всегда давала спектакли в понедельник, среду, четверг и субботу. Начиная с 1680 года «Комеди Франсез», обладавшая исключительной привилегией в Париже, давала представления ежедневно. Разумеется, в Великий пост, в дни траура и по некоторым церковным праздникам

театры были закрыты. Тем не менее было подсчитано, что за год парижская публика могла увидеть восемьсот драматических и оперных представлений.

Полицейским приказом от 1609 года начало спектаклей было назначено на два часа дня, чтобы в любое время года представление заканчивалось до ночи, столь щедрой на неприятные сюрпризы. Но на деле спектакли всегда начинались с большим опозданием, поскольку замешкавшихся зрителей было принято терпеливо ждать. Во второй половине века начало спектаклей перенесли на четверть шестого. Как правило, представляли две пьесы: основную — трагедию или комедию и дополнительную — одноактную комедию или фарс.

До 1673 года члены королевской свиты, включая мушкетеров, имели право посещать театры бесплатно. Вот довольно верная с исторической точки зрения картина, воспроизведенная Э. Ростаном в «Сирано де Бержераке»:

«В Бургундском отеле.

П р и в р а т н и к. А деньги за билет? Не то прошу обратно.

К а в а л е р и с т. Без рассуждений, ты! Я прохожу бесплатно.

П р и в р а т н и к. Позвольте, почему?

К а в а л е р и с т. Молчи, негодный плут!

Служу я у его величества в конвое.

П р и в р а т н и к (*другому кавалеру*). Билет пожалуйста?

К а в а л е р. Ну ты! Какие тут

Билеты? У меня здесь место даровое.

Когда же я плачу?

П р и в р а т н и к. Но как?..

К а в а л е р. Я мушкетер!

П р и в р а т н и к. Вот вам и денежки!.. Хоть не пускай в партер!»*

В партере зрители стояли; сюда пускали слуг, пажей, мушкетеров, рейтар, ремесленников, студентов, раскислых из лавки, многие из которых, пользуясь тол-

* Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

котней у входа, проскальзывали в зал, не платя. Тут же шныряли воры, мошенники, гулящие девки. Эта публика перекликалась, осыпала других зрителей насмешками и порой затевала настоящие драки, требовавшие вмешательства караула. Часто прямо в театральном зале принимались играть в карты или кости. Как только поднимался занавес, именно из партера доносился «бругага» — гул голосов, аплодисменты или свистки; зрители, сидевшие в глубине зала, плохо видели происходящее на сцене и едва могли слышать актеров. Зал наполнялся шумом, и зрители с верхних рядов амфитеатра тоже вносили свою лепту в этот гомон. С течением времени буйная публика слегка пообтесалась, но ее так и не удалось заставить соблюдать тишину. Даже на исходе века в театре вспыхивали скандалы и драки.

Литератор Шарль Сорель в 1642 году писал: «Партер весьма неудобен из-за давки, которую устраивают там тысяча негодяев и даже порядочные люди, которым они порой наносят оскорбления, а затеяв ссору из-за пустяка, хватаются за шпагу и прерывают весь спектакль». В том же году поэт Гильом Коллете говорил о «скандальных вызовах», которые устраивают в партере, «не считаясь со стыдливостью дам», а также о происходящих там «ссорах и драках» и даже убийствах.

Вероятно, тогда же в речь вошло выражение «мушкетерские манеры», применимое к хвастливому, грубому и наглому поведению.

В XVII веке в военную свиту короля входило множество гасконцев. Когда они не сражались на поле битвы, то наводняли собой Париж, шумели, балагурили, дрались на дуэлях, пировали в тавернах. Столичное общество коробило от их своеобразного акцента, грубых шуток и бахвальства. Не смея открыто выступать против любимцев короля, литераторы выводили гасконцев в карикатурном виде в пьесах. С конца XVII века гасконец стал традиционным персонажем комедий-фарсов, а в XVIII веке его литературный облик сложился окончательно: это ложный дворянин, ревниво относящийся к вопросам чести, жадный до денег, ловкий и хитрый, болтун, лгущий от избытка воображения и из любви к искусству старающийся преподнести правду как можно

неправдоподобнее. Сами же гасконцы говорили: «Быть гасконцем значит счастливо сочетать в себе добродетели и приятные недостатки. В нас нравится все, вплоть до несовершенства». Что касается гасконского акцента, с которым так и не расстались ни Генрих IV, ни капитаны королевских мушкетеров де Тревиль и д'Артаньян, его высмеивали, возможно, лишь потому, что боялись перенять. И только в конце XVIII века гасконцы постепенно сошли со сцены политической и общественной жизни — а заодно и с театральной.

Театр был местом встреч — деловых и романтических; по свидетельству одного современника, в зрительном зале закручивались любовные интриги, которые ни в чем не уступали тем, что разыгрывали актеры на сцене. Мушкетеры без стеснения пялились из партера на красивых и богато одетых женщин в ложах; впрочем, ложи запирались и были снабжены занавесями, чтобы знатные господа могли в них уединиться.

Места на сцене, в плетеных креслах, занимали разряженные маркизы в шелках и лентах. Появляясь в театре с опозданием, они порой вносили путаницу в ход действия, поскольку актеры, изображавшие античных и мифологических героев, в те времена одевались так же, как придворные. Только в XVIII веке зрителей со сцены удалили.

После реорганизации парижских театров во второй половине XVII века бесплатные билеты стали выдавать только драматургам, актерам и некоторым привилегированным особам; члены военной королевской свиты не входили в их число. Королевские мушкетеры вызвали серьезные беспорядки, отказываясь платить за вход. Королю пришлось принять в 1673 году особый ордонанс, оглашенный под звуки труб на всех перекрестках, чтобы заставить воинственных мушкетеров платить за билет, подобно мещанам.

Пришлось искать другие бесплатные развлечения, благо их было предостаточно.

По словам госпожи де Севинье, Париж сам являл собой нескончаемый спектакль. На узких мощеных (и не мощеных) улочках, пестрящих яркими вывесками (таблички с названиями ввели только в конце XVII сто-

летия), можно было встретить носилки со знатными дамами, хорошеньких служанок, спешащих по делам, разносчиков и разносчиц, расхваливающих свой товар зычными голосами, господ и слуг, чиновников и военных, богатых буржуа и нищих*; здесь порой происходили стычки, которые могли окончиться убийством, если проходим не удавалось разнять драчунов, и встречи, служившие завязкой или развязкой романов. По вечерам из темных переулков порой доносились крики «караул!», и туда устремлялся полицейский патруль. Шеф полиции Никола Ла Рейни хорошо знал свое дело — «обеспечивать покой жителей Парижа, очищать город от всех источников беспорядков, споспешествовать изобилию и тому, чтобы каждый жил согласно своему званию». Людовик XIV, учредивший его должность эдиктом от 1667 года, сформулировал его задачу кратко и четко: «Чистота, ясность, безопасность».

Находясь при особе короля, мушкетеры могли присутствовать на самых разнообразных праздниках с участием его величества, а только церковных праздников католики отмечали пятьдесят. 1 января служили мессу кавалеров ордена Святого Духа. 3 января парижане чествовали свою святую покровительницу — святую Женевьеву: по городу возили ковчег с ее мощами, а король следовал за ним с непокрытой головой. В первый четверг после Троицы праздновали день Тела Господня: устраивали пышную процессию, и король смиренно шествовал за Святыми Дарами. 23 июня, в Иванов день, на Гревской площади было не протолкнуться: король лично зажигал «Иваново дерево», народ веселился, танцевал, пел и пил. 15 августа отмечали день Успения Богородицы; 25-го чествовали святого Людовика: с лодок на Сене и с берегов запускали шутихи.

Помимо постоянных праздников были еще королевские свадьбы, рождение наследников, победы в сра-

* В отличие от России, где позволялось просить милостыню только на паперти или у ворот церкви, во Франции нищие побирались везде. Тальман де Рео рассказывает, как Нинон Ланкло (в будущем известная куртизанка) выбежала на улицу, чтобы объяснить со своим возлюбленным; к ним прицепился нищий, который так донимал их просьбами о подавании, что Нинон бросила ему свой платок с кружевами — лишь бы отвязался.

жениях и т. д. В такие дни служили молебны, на всех перекрестках зажигали потешные огни, на Гревской площади в Париже палили из пушек, а народ танцевал и пил.

В сентябре 1638 года, когда у Людовика XIII наконец родился долгожданный наследник, во всех городах палили пушки. Губернатор Парижа и купеческий старшина приказали закрыть все лавки и зажечь праздничные огни. В богатых домах устраивали фонтаны из вина, из которых могли пить все желающие. В соборе Парижской Богоматери отслужили молебен, на Гревской площади 6 сентября устроили фейерверк, во всех церквях была иллюминация, повсюду салютовали из пушек и ружей. Менее пяти лет спустя король скончался, и парижане высыпали смотреть на переезд двора из Сен-Жермена в Лувр (15 мая 1643 года): впереди маршировали французские и швейцарские гвардейцы, трусили верхом королевские мушкетеры де Тревиля и легкая кавалерия, печатали шаг оруженосцы королевы, привратная стража, французские солдаты и рота Ста швейцарцев. Позади выступали жандармы короля, фрейлины, шотландские гвардейцы и снова французы и швейцарцы, окружавшие пустую карету покойного короля, которую везли его любимые лошади.

Знатные военные могли быть не только зрителями, но и прямыми участниками некоторых увеселений, например каруселей, пришедших на смену турнирам. На каруселях всадники, поделенные на отряды, выполняли различные упражнения, в перерывах между которыми давали аллегорические балеты и театральные представления. Во Францию карусель принесли итальянцы: само слово «карусель» происходит от итальянского *carosello* или *garosello* — «шум». Это были «военно-спортивные» праздники, участники которых состязались в ловкости, снимая пикой подвешенные кольца, попадая копьем в «дупло» и т. д. Важной частью таких забав были «конные балеты» со сложными перестроениями, где можно было проявить чудеса дрессуры, и театрализованные штурмы крепостей.

По примеру турниров карусели сначала устраивали в честь дам или радостных событий и памятных проис-

шествий — свадеб, рождения наследников, побед. «Взятие Кипра», «Суд Флоры», «Триумф Солнца» — вот лишь некоторые из их сюжетов. Если карусель должна была изображать сражение, открывающий его заявлял о своем намерении, бросая вызов и зачитывая картели, в которых указывал имена своих противников, место и способ сражения и свой девиз. Картели были составлены в «прециозном», то есть выпретенном стиле. Участники карусели делились на кадрили — группы по четыре—двенадцать человек, во главе которых стоял король или принц. Каждая группа отличалась одеждой. В игре участвовали пажи, герольды и прочие, разодетые в яркие и богатые костюмы. На хитроумных машинах выезжали нимфы, амур и другие аллегорические фигуры, и это было самым неожиданным и роскошным моментом каруселей.

Людовик XIV был большим любителем развлечений такого рода, которые использовал не только для собственного удовольствия, но и для укрепления своей власти. Во время карусели 1656 года двадцативосьмилетний монарх появился в греко-римском наряде, изображая Аполлона, бога Солнца. Он сделал своим девизом итальянское *Ne più ne par* («Нет ничего более великого и подобного ему»), давая таким образом понять, что воплощает собой божественное право. Самая знаменитая карусель состоялась с 3 по 5 июня 1662 года в садах Великой Мадемуазель (Анна Мария Луиза Орлеанская, герцогиня де Монпансье; 1627—1693), напротив Тюильри, — в первый и единственный раз в присутствии публики. Праздник устроили в честь рождения дофина. На площади соорудили деревянный амфитеатр на пятнадцать тысяч мест. В конном спектакле участвовали пять кадрили, каждая в своих костюмах. Король возглавлял римскую кадрили, красуясь в костюме из серебряной парчи, расшитой золотом и драгоценными камнями. Его брат Филипп возглавлял персидский отряд, принц Конде — турецкий. Сын принца Конде, герцог Энгиенский, был главой индийцев, а герцог де Гиз — американских дикарей. После этих грандиозных торжеств площадь перед Тюильри назвали площадью Карусель. Однако очень

скоро карусели вышли из моды: последняя состоялась в Гренобле 26 мая 1667 года.

Людовик XV тоже привлекал свою военную свиту к участию в разного рода торжествах; так, две гравюры XIX века изображают благотворительный праздник в Клермон-Ферране с участием Людовика Возлюбленного, сопровождавшийся «комической кавалькадой».

Конные состязания входили в программу и другого знаменитого празднества эпохи Короля-Солнце — «Увеселения Зачарованного острова», которое он устроил в Версале в 1664 году в честь своей фаворитки Луизы де Лавальер. Кроме этого, присутствующие на празднике услаждали свой слух и взор стихами, выступлениями актеров, музыкантов, танцоров (совместное творчество Мольера и Люлли), а также фейерверком. Пьер д'Артаньян участвовал в этом действе, еще будучи пажом: в ливрее огненного цвета он выступал впереди других пажей, неся копье и щит, на котором блистало солнце, выложенное из самоцветов, и королевский девиз *Nec cesso, nec erro* («Не медлю и не ошибаюсь»).

Французский историограф Андре Фелибьен так описывал празднества в Версале в Великую эпоху: «На огромном пространстве более чем в триста аршин мы видели то, что уже не было ни огнем, ни воздухом, ни водою. Сии стихии настолько перемешались, что их нельзя было распознать, из них родилась новая, совершенно необычайной природы. Казалось, она состоит из тысячи огненных искр, которые, точно густая пыль или, вернее, бесконечное множество атомов золота, блистали на ярком свете».

Летом 1674 года был устроен грандиозный праздник в честь завоевания Франш-Конте, он длился шесть дней. Люлли превзошел самого себя; актеры сыграли «Много больного» Мольера (великий драматург скончался годом раньше). На этом празднике король в последний раз танцевал на публике.

В XVII веке танцами увлекались все сословия, причем народные танцы разных французских провинций танцевали и на королевских балах. Людовик XIII, например, отплясывал бергамаску. Когда аристократы посещали сельские праздники, они не оставались сторон-

ними наблюдателями. Госпожа де Севинье писала своей дочери госпоже де Гриньян о своей поездке в Бретань: «После ужина были танцы: мы протанцевали все паспье, все менуэты, все куранты, не пропустив ни одной игры. Наконец, пробило полночь: наступил Великий пост».

Людовик XIV писал в своих мемуарах: «Все наши подданные рады видеть, что мы любим то, что любят они... Таким образом мы можем завладеть их умом и их сердцем, и порой гораздо крепче, чем наградами и милостями». Король-Солнце не ограничивался простыми танцами на балах, как его отец, он участвовал в театральных представлениях, соперничая с лучшими танцовщиками королевства. В 1654 году он танцевал в балете «Свадьба Пелея и Фетиды» в зале дворца Малый Бурбон, перед тридцатью тысячами парижан.

Благородный человек просто обязан был уметь танцевать: дворян обучали танцам наряду с фехтованием и верховой ездой, эта дисциплина входила в программу преподавания в военных академиях. Следовательно, все королевские мушкетеры владели этим искусством.

В начале XVII века танцы еще не приобрели устойчивой формы. Они состояли из двух-трех частей с повторами, порой на протяжении танца менялся ритм. При дворе были в моде павана, бранль, сарабанда, бурре, гальярда, гавот. Бранль стал обобщающим названием для нескольких танцев, поскольку свои варианты бранля имелись в Бургундии, Пуату, Шампани, Пикардии, Лотарингии, Бретани. Всего их насчитывают девятнадцать, причем этот танец часто исполняли под народные песни, изображая выводимых в них персонажей. Разновидности бранля объединяли в сюиты и выстраивали в следующем порядке: бранль двойной, бранль простой, бранль веселый, монтиранде и гавот; впрочем, этот порядок мог меняться, но гавот (веселый хороводный танец, который был популярен и в следующем веке) всегда шел в конце. Кстати, название этого танца происходит от *gavoto*: так в Провансе называли жителей провинции Овернь. Из Оверни же пришел бурре, исполнявшийся в быстром темпе. Другим быстрым танцем был паспье, очень популярный в Бретани.

Это живой, грациозный танец, требующий определенных навыков. В Провансе танцевали ригодон — парный танец, особенностью которого является то, что различные па исполняют не сходя с места, подпрыгивая и выделывая ногами антраша.

Во Франции охотно перенимали и заграничные танцы. Так, куранта и гальярда пришли из Италии, чакона и сарабанда — из Испании. Гальярда состояла из быстрых движений и разнообразных прыжков и пируэтов; итальянская куранта во французском варианте превратилась из быстрого танца в медленный. Во времена Людовика XIV курантой открывали балы: пары перемещались скользящими шагами по диагонали, двигаясь на три счета и исполняя ряд обязательных фигур. В XVIII веке куранту сменил менуэт. Такая же метаморфоза произошла с сарабандой: изначально это был подвижный и, как бы сейчас сказали, «сексуальный» танец; Людовик XIII танцевал его с кастаньетами. При дворе же Людовика XIV он стал медленным, величественным и изящным.

В XVIII веке в моду вошли контрданс (прародитель кадрили) и котильон. Контрданс пришел из Англии, его название происходит от *country dance* — «деревенский танец». Однако около 1740 года французы преобразили его по-своему. Это был веселый и жизнерадостный танец на незамысловатую мелодию, использующий шаги из бурре и гавота, а также другие, произвольные фигуры, которые объявлял распорядитель бала.

Контрданс, как и бранль, — название собирательное. Оно объединяет огромное количество танцев, в которых четыре пары стоят друг против друга. Постепенно техника танца все более усложнялась. Молодежь, посещавшая балеты, перенимала движения сценических танцев и в упрощенном виде исполняла их на балах и вечеринках.

Котильон был вариантом контрданса, исполнявшимся в конце бала. Одна пара показывала фигуры, другие их повторяли. Этот танец пользовался большим успехом, потому что количество фигур в нем было ограничено, а сами фигуры просты.

Фигуры из бурре и ригодона использовали в тамбурине — провансальском танце, исполнявшемся под бу-

Жан Арман дю Пе́йре, граф де Тревиль

Мушкетеры на параде

Выплата жалованья

Кортеж Людовика XIV

Комическая кавалькада в Клермон-Ферране с участием Людовика XV

Карусель 1662 года

Людовик XIII

Кардинал Ришелье

Людовик XIV

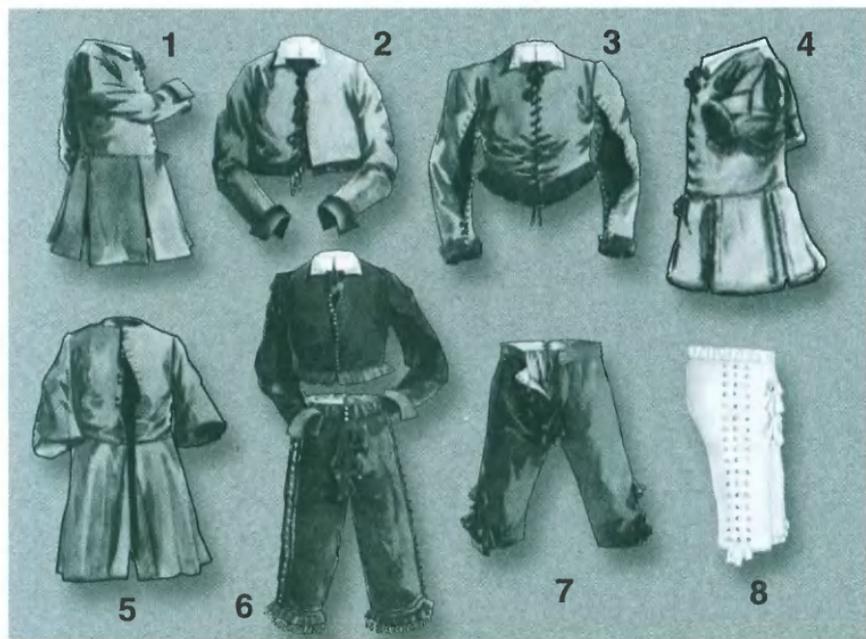
Кардинал Мазарини

Наряд мушкетера.
XVII в.

Элементы мужского костюма:

- 1 — онгрелин из буйвололовой кожи;
- 2 — камзол;
- 3 — камзол с разрезными рукавами;
- 4 — онгрелин на меху с короткими рукавами;
- 5 — онгрелин с фалдами;
- 6 — камзол и штаны (комплект);
- 7, 8 — штаны

Казармы первой
мушкетерской роты

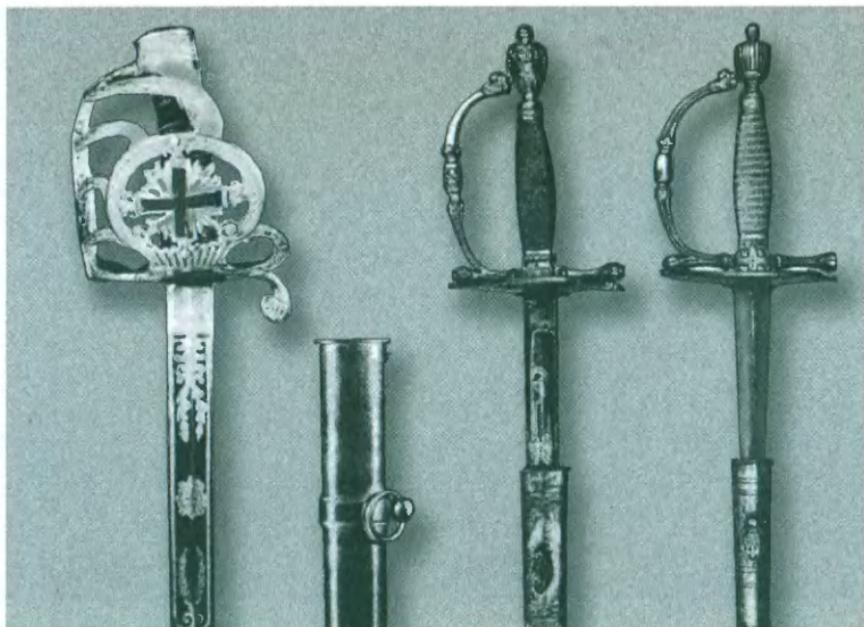
Офицер в галстук
«стейнкерк»

Кавалерийские упражнения

Мушкетеры в 1737 году

Эфесы мушкетерской шпаги

Вооружение мушкетера в XVIII веке:
шпага, штык, пистолеты в сумках, ружье

Смотр мушкетеров в 1729 году

Людовик XIV на полях сражений Деволуционной войны. 1667 г.

Сражение
под Маастрихтом.
1673 г.

Смерть д'Артаньяна

Маршал Тюренн

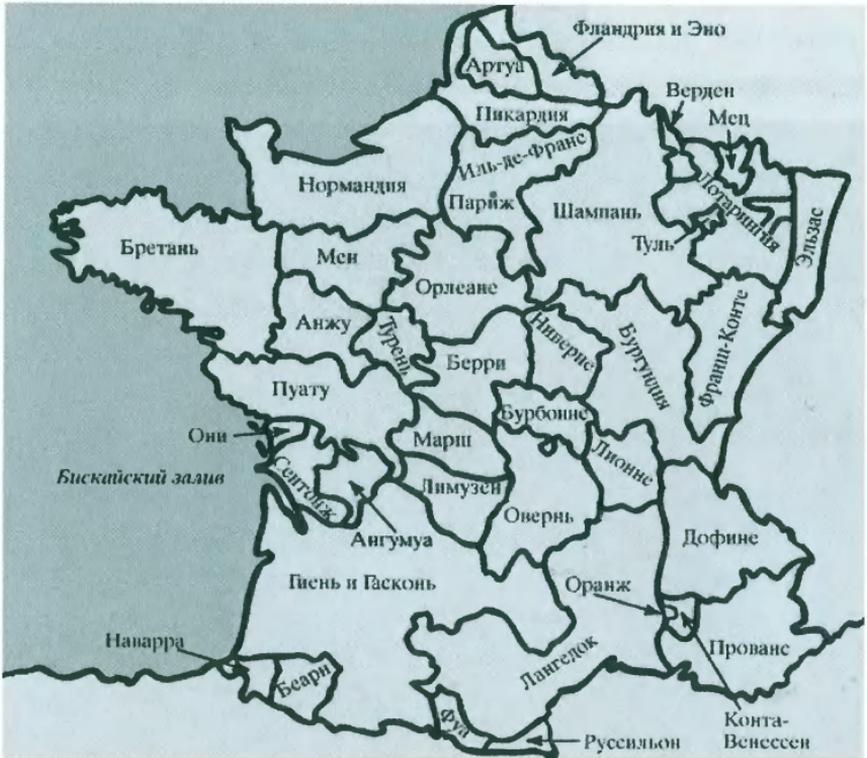
Великий Конде

Взятие Денена. 1712 г.

Крест ордена
Людовика Святого

Провинции Франции
в 1789 году

Арест Фуке

Драгонады

Шеф-повар

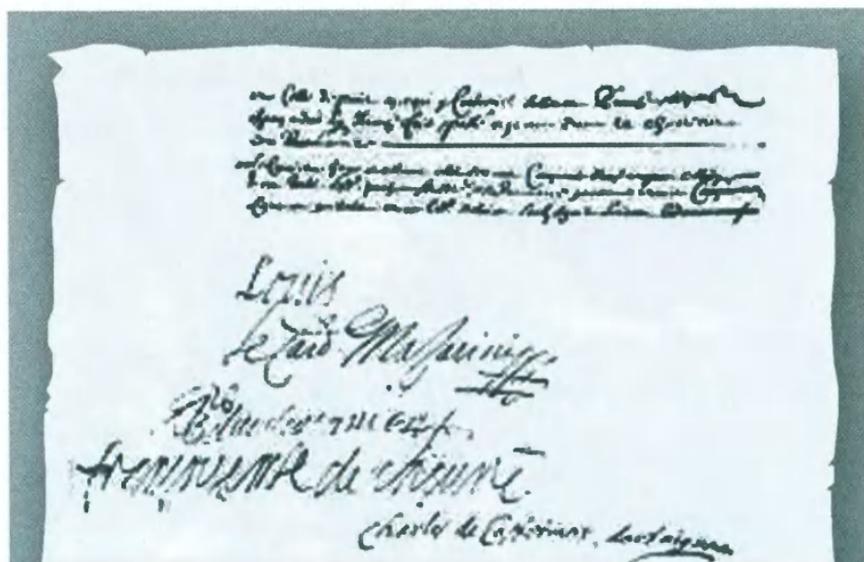
Великосветский салон
XVIII века

Филипп Орлеанский

Брачный контракт
д'Артаньяна
с подписью Людовика XIV

Великая
Мадемуазель

Медицина XVII века
(карикатура)

бен и свирель. Вообще бубны, деревянные барабаны и дудки были главными инструментами сельских оркестров, игравших на праздниках, и большинство танцев исполнялось под них. Придворные балы проходили под звуки струнных оркестров, праздники под открытым небом — под гром барабанов и медь духовых оркестров Большой и Малой конюшен.

Если у мушкетера было свободное время (но не было денег), он мог, например, пойти потолкаться на Новом мосту или на ярмарке. Каждый год в Париже устраивали две большие ярмарки: весной — в Сен-Жермен-де-Пре, летом — в Сен-Лоране. Среди лавок и лотков со всякого рода товарами посетителям предлагались и многочисленные увеселения: послушать зазывал в стиле скомоухов Табарена и Мондора, посмотреть на акробатов и канатоходцев, покататься на карусели и поглазеть на уродов, великанов и карликов, экзотических и дрессированных животных, на кукол и восковые фигуры. Ярмарочные представления во всем своем разнообразии заменяли современный цирк. И тут без казусов не обходилось: Сирано де Бержерак принял обезьянку Фаготена, наряженную лакеем, за слугу, который нагло строит ему гримасы, и пронзил ее шпагой. С тех пор каждый кукольник на ярмарке считал своим долгом завести себе обезьянку и назвать ее Фаготеном.

К числу бесплатных зрелищ относились и казни. Подобное развлечение нам сейчас кажется отвратительным, но в те времена женщины и дети старались пробиться в первые ряды, чтобы лучше видеть, и зеваки нередко разбирали останки казненных «на сувениры».

За мелкие преступления подвергали унижительным наказаниям, главным из которых было выставление у позорного столба. Осужденного, связав ему руки спереди и привязав их к повозке палача, вели к позорному столбу, установленному в центре главной городской площади (в Париже — на Гревской площади перед Ратушей). К столбу была прикреплена цепь, с которой свисал железный ошейник шириной в три пальца; его защелкивали на шее осужденного и навешивали замок. Иногда на грудь провинившегося вешали табличку с указанием его преступления: ростовщик, должник и т. д.

Горя желанием выразить свою преданность королю, судейские расстарались: Дамьена приговорили к публичному покаянию, а затем к четвертованию на Гревской площади. На эшафоте ему вырвали щипцами груди, куски мяса из рук и ног, правую руку, которой он пытался совершить «отцеубийство», сожгли серным огнем, раны залили расплавленным свинцом, кипящим маслом и смолой, а затем разорвали его четырьмя лошадьми, останки сожгли, а пепел развеяли по ветру. Казнь продолжалась полтора часа.

Желая угодить королю, знатные и богатые дамы за большие деньги (три луидора) покупали места у окон домов, выходящих на Гревскую площадь, чтобы наслаждаться этим зрелищем. Но Людовик XV испытал лишь отвращение. Более того, он назначил пенсию ни в чем не виновным родственникам Дамьена — отцу, жене и дочери, которых изгнали из Франции на пятнадцать лет, отобрав все имущество и запретив возвращаться в страну под страхом смертной казни.

Не менее жестокой казнью было колесование. Приговоренного привязывали к двум доскам, сколоченным в виде креста, палач перебивал ему железным прутом руки, ноги и грудину, потом клал его на обычное тележное колесо, поднятое на столбе. Преступник умирал, глядя в небо, а его переломанные конечности свисали вниз. Этой казни подвергали за отцеубийство, разбой на большой дороге и некоторые иные преступления. Кроме того, отцеубийце перед казнью палач отрубал правую руку. В 1721 году колесованию подвергли знаменитого разбойника Картуша, бывшего вербовщика солдат для королевской армии, который и свою шайку организовал по армейскому образцу.

Картуш начал свою преступную карьеру в игорных притонах: в Париже их было множество, и азартным играм предавались все сословия. В таких заведениях играли в карты, в кости, реже — в кегли; иногда в них практиковали игру наподобие современной рулетки.

В первой половине XVII века бережливый Людовик XIII, считавший азартные игры неразумной и преступной тратой денег, пытался покончить с ними. Игра в кости была под запретом; если чиновники, следившие

за исполнением этого положения, застигали кого-либо за запрещенной игрой, ставки изымались в пользу бедных. В Париже закрыли сорок семь игорных домов. В 1629 году король издал ордонанс против игры, содер­жавший полторы сотни статей. Там, в частности, гово­рилось следующее:

«Мы запрещаем всем нашим подданным принимать в своих домах собрания игроков, которые называют академиями, а также сдавать или предоставлять свои дома для этой цели. Сим объявляем всех, кто ослу­шается и станет предаваться сему пагубному занятию, недостойными людьми, неспособными исполнять ко­ролевскую службу; предписываем всем нашим судьям навсегда изгонять их из тех городов, где они будут ули­чены в нарушении настоящего уложения.

Желаем также, чтобы оные дома были отъяты у их владельцев, ежели будет доказано, что оные занятия проходили в них шесть месяцев кряду, если только они сами не донесут на таких жильцов.

Объявляем все долги, сделанные в игре, недействи­тельными, а все обязательства и обещания, сделанные ради игры, какими бы замаскированными они ни были, пустыми и недействительными, не влекущими никаких обязательств, гражданских или природных. Позволяем отцам, матерям, бабкам и дедам и опекунам возвращать себе все суммы, проигранные их детьми или несовер­шеннолетними, отымая их у тех, кто их выиграл».

Этот ордонанс был подтвержден постановлением парламента, выдержанным в том же духе.

Закон законом, но карточный долг продолжал счи­таться долгом чести, и гасконские юнцы, облачивши­ся в голубые плащи мушкетеров, слали домой письма с просьбой выслать денег «на непредвиденные расхо­ды» или отправлялись на Пре-о-Клер оплачивать свой долг кровью.

Кардинал Ришелье ввел налоги на карты и на игру вообще. Но тут и возникла дилемма: если игра — источ­ник налоговых поступлений, то зачем ее запрещать? К тому же это было практически невозможно. В Пари­же по-прежнему играли не только в карты и кости, но и в «наперсток» (используя три небольших стаканчи-

ка). Ришелье позволял себе «перекинуться в картишки», а его протеже Джулио Мазарини, благосклонно принятый королем и поселившийся в королевском дворце, всегда был счастлив в игре. Однажды ему особенно «шла карта», и придворные сбежались целой толпой, чтобы поглазеть на гору золота, скопившуюся перед ним. Пришла даже Анна Австрийская. Мазарини поставил на кон все — и выиграл. Свой успех он приписал присутствию королевы и в благодарность подарил ей пятьдесят тысяч золотых экю, раздав остальное придворным дамам. Королева сначала отказывалась, но потом приняла подарок. Несколько дней спустя Мазарини выиграл еще большую сумму, чем роздал. С этого дня к нему стал благоволить не только король, но и весь двор, не говоря уже о королеве, которая много позже, овдовев, стала его тайной супругой.

В эпоху Людовика XIV и Людовика XV про запреты на игру вообще никто не вспоминал, поскольку оба монарха подолгу сживали за столиками с зеленым сукном. Бывший фаворит Короля-Солнце граф де Лозен, выйдя из заточения в Пиньероле и получив разрешение жить в Париже, играл в карты целыми днями, причем очень счастливо, и сильно обогатился. Наскучив столицей Франции, он попросил разрешения у короля отправиться в Англию и продолжал играть уже в Лондоне.

Из спортивных игр дворяне практиковали игру в мяч (прообраз большого тенниса), кегли и бильярд. В каждом более-менее значимом французском городе обязательно имелся зал (а то и несколько залов) для игры в мяч, который в случае необходимости можно было переделать под театр для выступлений заезжей труппы.

В 1604 году в Англии вышла книга сэра Роберта Даллингтона «Впечатление о Франции». Англичанин был поражен повальным увлечением спортивными играми среди заморских соседей: его соотечественники считали их пустой тратой времени. «Французы рождаются с ракеткой в руке... Эта страна усеяна залами для игры в мяч, которых больше, чем церквей, а игроки многочисленнее, чем любители пива в Англии», — писал он. В самом деле, только в Париже в то время было не меньше

тысячи восьмисот залов и открытых площадок для игры в мяч, между собой состязались представители четырех школ этой игры: голой рукой, рукой в перчатке, битой и ракеткой. В игре не было арбитра, счет вели зрители. Игрокам было строжайше запрещено гневаться и предписано менять сорочку после каждого сета. Если один из игроков был уже не в силах продолжать игру, ее останавливали. Победитель издавал насмешливый возглас в адрес соперника (*scrogneugneu*) и поворачивался к нему спиной.

В 1610 году игроки в мяч образовали свой цех, установив правила для изготовления мячей и ракеток и закрыв множество залов, где допускались нарушения: так, некоторые мошенники набивали мячи камнями, что могло обернуться трагедией — брат Монтеня погиб именно таким образом. Игра в мяч была игрой королей, но уже Людовик XIII установил определенные ограничения. К 1657 году в Париже оставалось сто четырнадцать залов для игры в мяч, а Людовик XIV, хоть и отдал дань традиции, выстроив зал при Версальском дворце, совершенно не интересовался этой игрой, которая при нем пришла в упадок.

Игра в кегли была распространена на юго-западе Франции — в Беарне, Ландах, Бигорре, так что есть все основания предположить, что королевские мушкетеры из числа местных уроженцев владели ее навыками. Эта игра требовала хорошего глазомера, ловкости и точности движений: на квадратном поле расставляли девять кеглей, и игрок должен был опрокидывать их в определенном порядке с помощью специального мяча.

Бильярд изначально был разновидностью крокета, и лишь в правление Людовика XI (вторая половина XV века) в него стали играть на столе, который делали из дуба. Поэтому правила игры тогда были несколько иными: шары нужно было пропускать через воротца. В XVII веке в бильярд можно было играть в некоторых залах для игры в мяч, получивших на то особое разрешение. Около 1630 года в Париже насчитывалось около ста пятидесяти таких залов. Большим любителем бильярда был кардинал Ришелье, который велел обучать этой игре молодых офицеров из Королевской акаде-

мии. Выпускники академии должны были сдать особый экзамен на владение навыками бильярда, что давало право поступить в роту королевских мушкетеров. На бильярде играли не только офицеры, но и знатные дамы; Людовик XIII был мастером этой игры, а Людовик XIV увлекался ею с пятнадцати лет.

Выезжая на природу, аристократы играли в кольца, шары (род крокета) и волан (прообраз бадминтона). Среди салонных игр были распространены шашки, шахматы, реверси.

Один из биографов д'Артаньяна утверждает, что тот познакомился со своей будущей женой в одном из салонов Марэ, «которые усердно посещал». Честно говоря, в это верится с трудом. В посмертной описи имущества командира «серых мушкетеров» не упомянуто о том, чтобы в его доме была хоть одна книга, тогда как парижские салоны имели литературную направленность — как, например, знаменитый салон маркизы де Рамбуйе, где можно было встретить весь первый состав Французской академии, или литературно-научную — как салон Мадлены де Слюдери. Там обсуждали модные романы, устраивали поэтические турниры, спорничали в остроумии и оригинальности мысли. Это были аристократические клубы для узкого круга. Трудно представить себе бравого вояку в окружении «прециозниц» — «смешных жеманниц», высмеянных Мольером, а главное — их кавалеров, злоупотребляющих румянами, мушками и духами, в длинных париках, с экстравагантными перьями на шляпах, с воротниками до середины спины и в штанах с кружевными оборками в три ряда. Впрочем, эти салоны были не единственными, а маркиза де Севинье в своих письмах упоминает о д'Артаньяне как о хорошем знакомом.

Светскими кружками заправляли дамы, кавалеры играли роль их поклонников и должны были развлекать хозяек (кормивших гостей ужином). Такие правила игры принимали не все. Маршал Жан де Гассион, прозванный Ришелье «Война», но вместе с тем довольно образованный человек (он владел испанским и немецким языками, а со шведским королем Густавом Адольфом разговаривал на латыни), говорил: не понимаю,

как можно убить целый день на разговоры с женщиной. Но вот сын де Тревиля, тоже служивший в мушкетерах и раненный в сражении при Кандии (1669) в двадцать семь лет, не захотел связывать свою судьбу с воинской службой и решил посвятить себя литературе и искусству. Он, кстати, был очень образованным человеком, и вполне возможно, что салоны посещал. А Филипп Клод де Монбуасье-Бофор-Каниллак, капитан-лейтенант «черных мушкетеров» в 1729—1754 годах, слыл интеллектуалом и даже заявлял, что не будет принимать в свою роту мушкетеров без степени магистра искусств, намереваясь впоследствии всех их пристроить во Французскую академию.

Салон маркизы де Рамбуйе противостоял двору Людовика XIII: этот король не интересовался поэзией, из книг предпочитал сочинения об охоте и о военном деле; ему бы и в голову не пришло разглядывать карту «страны Нежности». Людовик XIV перенес двор в Версаль, и там образовались свои салоны — по парижскому образцу. К XVIII веку прециозные салоны парижского района Марэ пришли в упадок; центр светской жизни переместился в предместье Сен-Жермен, где к 1775 году существовало двадцать восемь салонов, а также в Пале-Рояль, на Шоссе д'Антен и в предместье Сент-Оноре. Этими кружками, собиравшими аристократов, финансистов, ученых, артистов и литераторов, опять заправляли женщины: госпожа Жоффрен, ее дочь маркиза де Ферте-Эмбо, госпожа Дюдефан, Жюли де Лепинас, герцогиня де Прален и др. Однако они лишь играли роль радушных хозяек, а тему разговоров отныне задавали мужчины — герцоги де Бирон и де Ришелье, барон де Бретейль и др. Их же интересы лежали в основном в сфере политики. Существовали и «мужские» салоны — герцога Орлеанского и принца Конти, министров Неккера и Шуазеля. Важные разговоры велись не за общим столом, а по углам, наедине. С другой стороны, в салонах делились новостями, музицировали, играли в карты (макао, фараон, вист, бостон) и другие игры и... подготавливали браки.

Чтобы быть принятым в аристократическом салоне, необходимо было иметь соответствующие рекоменда-

ции и знакомства. Мушкетерам, не принадлежавшим к знатым родам, вход туда был закрыт. По счастью, существовал Пале-Рояль.

Людовик XIV подарил его своему брату Филиппу. Его сын, бывший регентом при малолетнем Людовике XV, устраивал там знаменитые оргии. В 1773 году дворец сгорел, но новый владелец, Луи Филипп Орлеанский (будущий Филипп Эгалите), отстроил его, разбил рядом сад и разместил там лавки, театры, кафе... Сады Пале-Рояля были открыты для публики и превратились в место злословия, вольнодумства, клеветы и распутства. Там встречались люди, принадлежавшие ко всем условиям; там царили самые свободные нравы, поскольку полиция не имела права наводить порядок во владениях принца. Вокруг дворца выросли многочисленные игорные дома.

Дворы особняков были снабжены коновязью; в стены таверн и игорных домов были вделаны кольца, к которым можно было привязать лошадь; иногда для этой цели использовали попросту деревья. Большинство посетителей таких заведений передвигались пешком или верхом, собственный экипаж могли себе позволить только состоятельные люди.

В начале XVII века самым распространенным средством передвижения в Париже были носилки: сначала их использовали для больных, а потом для всех, в особенности дам. Около 1617 года Никола Соваж, служивший на Амьенской почте, придумал заменить носилки наемными каретами. К 1640 году его «депо» из двух десятков карет находилось на улице Сен-Мартен, напротив отеля Святого Фиакра, поэтому и сами экипажи стали называть фиакрами. В январе 1662 года герцог де Руане, маркизы де Сурш и де Кренан получили патент на использование в Париже карет,двигающихся по определенному маршруту. Инициатором этого проекта выступил Блез Паскаль, который основал со своим другом де Роане предприятие «Кареты за пять су» — предтечу общественного транспорта. Конечными пунктами маршрутов были Люксембургский дворец, ворота Сент-Антуан, Сен-Рок, Монмартр и Бастилия. Кареты должны были выполнять рейсы по расписанию и от-

правляться каждые четверть часа с конечной станции, даже без пассажиров. Плата за проезд составляла пять су, однако парижский парламент запретил пользоваться этими каретами «солдатам, пажам, лакеям и прочим людям физического труда». В результате этого запрета предприятию не хватало клиентов, и в 1679 году его пришлось закрыть.

Действительно, люди привилегированных социальных групп передвигались либо верхом, либо в собственных экипажах. В каретном сарае д'Артаньяна, например, их было целых два: большая карета, обитая зеленым бархатом, со златоткаными сиденьями и подушками и четырьмя окнами, застекленными венецианским стеклом, и маленькая, красная, с одним сиденьем и одним окном впереди. В 1664 году на столичных улицах появились четырехместные коляски, запряженные лошадьми, — первый городской экипаж, который потом использовался для почт, а с 1671 года Париж заполнили кареты, кабриолеты, берлины, ландо. В XVIII веке разборная коляска-одиночка о трех окошках, на двух колесах и на рессорах стоила около сорока луидоров. Движение в столице было таким интенсивным, что на самых оживленных улицах и мостах часто возникали заторы. Кроме того, карету могли и угнать, пока ее владелец, например, находился в театре, а кучер отлучился, чтобы пропустить стаканчик.

В молодости мушкетеры вели бурную жизнь, стараясь познать все ее грани, не упустив ни одной возможности развлечься: попойки, кутежи, ночные прогулки, полные опасных приключений... Разумеется, казарма никогда не была таким местом, где хотелось бы находиться как можно дольше. Но с возрастом, заслугами, чинами они обзаводились собственным домом, семьей. Почему бы не побыть там в часы досуга? В посмертной описи имущества д'Артаньяна упомянут зеленый «турецкий» халат. Почему бы нет? Хотя биограф знаменитого мушкетера Ж.-К. Птифис не может себе представить своего героя у камина в халате и домашних туфлях.

В этой же описи названа и табакерка: скорее всего, д'Артаньян предавался этой слабости именно дома. Во

времена Людовика XIII табак в основном нюхали: этой привычке был привержен сам король. Угостить понюшкой табаку из своей табакерки было проявлением хорошего тона. Кардинал Ришелье обложил в 1629 году таможенным сбором табак, импортируемый из Америки, и с 1637 года первые плантации табака появились в гасконском Клераке, на берегах Гаронны. Впоследствии это растение, которому приписывали самые разнообразные целебные свойства, выращивали также в Лотарингии и Нормандии.

С легкой руки англичан табак начали курить (якобы для «очищения мозга от дурных примесей»). Поэт Сент-Аман уверял, что курение пробуждает в нем образное мышление, и, сочиняя стихи, не расставался со своей трубкой. К концу XVII века целебное действие табака поставили под вопрос, и его стали продавать не в аптеках, а в табачных лавках — плитками. Табак теперь считался возбуждающим средством; его жевали, чтобы убить время. В 1719 году выращивать табак было запрещено под страхом смертной казни (исключение составляли Франш-Конте, Фландрия и Эльзас), но уже в 1720 году была восстановлена государственная монополия на его производство. Солдаты, не имевшие трубок, курили табак, завертывая его в пьжи от патронов, и только в XIX веке появились сигареты.

Образ мужчины в халате и с трубкой в зубах удачно дополняет газета, которую он читает, удобно устроившись в кресле. Как мы уже знаем, книг д'Артаньян не читал. Но, возможно, газетами он не брезговал?

В начале XVII века во Франции вообще не существовало никаких периодических изданий, новости распространялись из уст в уста, королевские указы и постановления парламента доводили до сведения населения, оглашая их на всех перекрестках. Только в 1614 году вышло первое издание «Меркюр франсе», в котором перечислялись все основные события года (в основном речь шла о жизни двора). Врач Теофраст Ренодо, путешествуя по Европе, заинтересовался информационными листками, которые продавали на улицах Венеции по скромной цене в одну «гадзетту». Вернувшись во Францию, он основал в 1630 году «Адресное бю-

ро» — контору по трудоустройству, куда могли обращаться люди в поисках работы и работодатели. Затем ему пришло в голову выпускать еженедельник с «рекламными объявлениями» — вестник этой конторы. Первый выпуск «Газеты» вышел 30 мая 1631 года.

Но оказалось, что идея посетила не только его: еще в январе 1631 года книгоиздатели-протестанты Вандом и Мартен стали издавать первую французскую газету «Вести из разных мест». После появления конкурирующего издания они подали жалобу, однако королевский совет принял сторону Ренодо и даже предоставил ему привилегию на публикацию информационного вестника — при условии, что там будут публиковать статьи Ришелье. Кардинал использовал газету, чтобы давать отпор памфлетистам и сообщать подданным короля информацию «из первых рук», преподнося ее в нужном ключе. С 1635 года «Газета» стала официальным печатным органом, имеющим ежемесячное приложение, а в число ее редакторов помимо Ренодо входили сам король и «серый кардинал» Жозеф Трамбле — разумеется, анонимно.

Если первый выпуск «Газеты» состоял из четырех листов, то к моменту смерти Ренодо в 1653 году она выходила уже на тридцати двух полосах. Благодаря разветвленной сети корреспондентов, находившихся в главных деловых центрах всего мира, «Газета» быстро стала «информационно-политическим» изданием международного уровня. Из нее можно было почерпнуть самые разнообразие сведения. Так, в номере 121 от 31 декабря 1633 года рассказывалось об осуждении Галилео Галилея римской инквизицией. Следует отметить объективность издателя, который приводит и суть учения Галилея, и доводы Церкви.

С 1638 года, после смерти отца Жозефа, Ренодо взял на себя руководство и «Меркюр франсе», который вскоре поглотила его «Газета». Благодаря модернизации почтовой службы тираж еженедельника вскоре достиг восьмисот экземпляров.

В 1649 году, во время Фронды, королевское семейство бежало из столицы. Ренодо последовал за ним в Сен-Жермен и продолжал издавать там официальную

«Газету», в то время как его дети оставались в Париже и выпускали «Французский вестник», симпатизирующий фрондерам.

При Людовике XIV «Газета», ставшая еженедельником, подробно информировала читателей о ходе военных действий, осад и т. д. «Газета» выходила в нескольких крупных городах Франции, и их население могло почерпнуть для себя полезную информацию. В 1762 году детище Ренодо стало называться «Газетт де Франс».

Оно не было единственным периодическим изданием, хотя, конечно, стояло особняком в сравнении с многочисленными «листочками», которые сегодня назвали бы «бульварной прессой».

В 1651 году Жан Лоре стал издавать рифмованную «Историческую музу» для развлечения своей покровительницы герцогини де Лонгвиль. Он рассказывал о мелких происшествиях, случившихся за неделю. Об этой газете можно составить представление на основе «газеты Сирано» из пьесы Ростана:

Итак, суббота прошлая: король,
За сутки восемь раз отведав винограда,
Смотреть на подданных изволил безотрадно
И ощутил желудочную боль.
Но доктором, который был при этом,
Печали их величества деля,
Болезнь была проколота ланцетом
За покушение на особу короля.
На бале королевы, в воскресенье,
Горело восемьсот четырнадцать свечей.
Пять колдунов казнили во спасенье
Души какой-то, но не помню, чьей.
Разбит наш авангард эрцгерцогом австрийским
И отступает с переменным риском.
Собачка госпожи д'Атисс
Взяла клистир... *

С этой рифмованной болтовни снимали списки, которые пользовались большим спросом. Лоре даже позволял себе иметь свое мнение: так, он пожалел Никола Фуке, попавшего в опалу и посаженного в тюрьму, поскольку тот некогда пожаловал ему ренту в двести пятьдесят экю.

* Перевод Вл. Соловьева.

«Историческая муза» просуществовала до 1659 года, но у Лоре были многочисленные последователи и подражатели. Так, о назначении д'Артаньяна на должность «смотрителя охоты с гончими на косуль» в 1666 году сообщили Лаграветт де Майола, снабжавший придворными новостями герцогиню Немурскую, и Сублиньи в послании к дофину:

Месье д'Артаньян, воюющий ловко,
Чьи предусмотрительность, доблесть, сноровка
Равны его верности службе и рвению,
С каким он вершит короля повеленья,
Своих мушкетеров представил отменно
И нынче назначен своим сувереном
На пост капитана искусных собачек,
Без коих в охоте не будет удачи...*

Первым французским журналом стал «Журналь де саван» («Ежедневник ученых»), вышедший в 1665 году. Его основал советник парламента де Салло, посвятив свое детище рассуждениям о литературе и науках. Ему на смену пришел более легкий для чтения и менее претенциозный «Меркюр галан» драматурга Донно де Визе (1672), издававшийся сначала ежеквартально, а потом ежемесячно и состоявший из трехсот страниц. Его главной идеей было установить связь между Парижем и провинцией, и это издание уже тогда включало все основные рубрики современных иллюстрированных журналов: светскую хронику, информацию о моде, рассказы о захватывающих судебных процессах, театральные рецензии, «разное», «новости одной строкой» (например, назначение герцога де Ла Фейяда полковником французской гвардии) и даже отрывки из литературных произведений («История девушки-солдата»). В этом же журнале печатали загадки и шарады, чтобы читатели могли поупражнять свой ум. Стараясь быть не только занимательным, но и информативным, журнал посвящал статьи серьезным вопросам и поддерживал литературные состязания. Не имея конкурентов, он приобрел еще большее значение в XVIII веке и стал называться «Меркюр де Франс».

* Перевод Э. Драйтовой.

В XVIII столетии ассортимент французской прессы значительно расширился: «Журнал» Треву, посвященный научным трудам, «Спектатер франсе» («Французский зритель») Мариво с аналитическими заметками, «За и против» аббата Прево, созданный по образцу лондонской периодики, то есть с объективным изложением фактов. Это издание просуществовало с 1733 по 1740 год и состояло из компиляций и переводов по большей части самых невероятных историй.

Первая ежедневная газета «Журналь де Пари», созданная по образцу английских, появилась только в 1777 году и была встречена довольно скептически: сама идея о ежедневном издании казалась чем-то невысказанным.

Наряду с официальной прессой существовал «самиздат» — переписывавшиеся от руки листки самого разного содержания. Чаще всего они являли собой сводку новостей, предназначенных для узкого круга. Свой «газетчик» входил в штат прислуги знатного дома. Кроме того, появились целые информационные бюро со своими подписчиками, регулярно получавшими рукописные сводки новостей, если только с их автором не приключалось какого-либо несчастья. Ибо власти сурово расправлялись с «самиздатчиками»: сажали в Бастилию, запирали в железную клетку в Мон-Сен-Мишель, даже казнили. Некоторые подверглись публичной порке, других сослали на галеры, третьих силой определили в армию. Несмотря на все эти жестокости, самодельных журналистов меньше не становилось.

Итак, вполне возможно, что мушкетеры читали газеты, — пусть даже чтобы полюбоваться сообщением о своем назначении на новую должность. Но Птифис, конечно, прав: вряд ли д'Артаньян облачался в халат, чтобы отдохнуть в кресле у камина. В XVII веке мужчина накидывал халат ночью, направляясь в спальню своей жены.

МУШКЕТЕРЫ И ЖЕНЩИНЫ

*Проститутки и содержанки. — «Кавалерист-девицы». —
Стандарты красоты. — Содомия. — Законы
о браке. — Семейная жизнь. — Женское воспитание. —
Любовь и брак. — Развод*

*Разлука для любви — что ве-
тер для огня: слабую она гасит, а
большую раздувает.*

Роже де Бюсси-Рабютен

*Женитьба — это яд, а прида-
ное — противоядие.*

Французская пословица

Юнцы, поступившие в мушкетерские роты, торопились жить на полную катушку; родительские денежки уходили не только на вооружение и обмундирование, но и на кутежи и содержание бойких девиц. Кстати, мужчине было просто необходимо показываться с женщинами, чтобы у окружающих не возникло никаких подозрений по поводу его «сексуальной ориентации», и если он не обзаводился официальной любовницей, то регулярно посещал «веселые дома». Подружек можно было найти в самом центре Парижа, на острове Сите и Сен-Луи. Проституток самого низкого разбора называли «девицами с Нового моста»: именно там они находили клиентов и порой под тем же мостом их обслуживали. Официально публичных домов тогда не существовало, но имелись так называемые «лавки чести»: в том смысле, что честью здесь торговали. Благодаря Тальману де Рео мы имеем некоторое представление о расценках первой половины XVII века: однажды поэт Ракан обратился к сводне, чтобы та привела ему «барышню». Сторговались за один пистоль (десять ливров). Однако когда Ракан увидел, кого ему

привели, сводня получила на руки лишь монету в четверть пистоля, поскольку «барышня» на поверку оказалась «горничной». Публика высшего порядка посещала куртизанок, например Марион Делорм и Нинон Ланкло — гетер XVII века. Такое позволяли себе даже люди духовного звания, например кардинал Ришелье и аббат Буаробер. Марион Делорм (1611—1650) одно время была соседкой Ришелье по Королевской площади; говорят, что она трижды приходила к кардиналу, переодевшись в мужское платье. Обычно Делорм брала плату «натурой» — дорогими нарядами, украшениями и т. п.; за три визита она получила от его преосвященства кошелек с сотней пистолей — и со смехом выбросила его в окно. Среди любовников Нинон были плательщики (которые содержали ее — иногда даже безвозмездно), мученики (которые ее любили) и фавориты (которых любила она сама и даже порой содержала на свои средства).

В конце XVII и в XVIII веке содержанками часто становились «девушки из Оперы» — хористки и танцовщицы, однако они предпочитали людей знатных и богатых. Казанова в своих «Мемуарах» рассказывает о посещении отеля «Руль», славившегося на всю Европу. «Хозяйка обставила его с большим вкусом и содержала там двенадцать-четырнадцать отборных нимф, со всеми удобствами, каких только можно желать». Победать с девушкой стоило шесть франков, переспать — двенадцать, полное обслуживание, включая ужин и ночь, — один луидор (двадцать франков).

В интересующую нас эпоху строгость нравов была понятием позабытым, а то и неведомым. Эпоху Возрождения, поклонявшуюся природе и считавшую прекрасными все ее призывы, сменила эпоха Религиозных войн: за эти тридцать шесть лет люди приучились жить сегодняшним днем, и нравы стали не только вольными, но и грубыми. Генрих IV, известный своей любвеобильностью и галантными похождениями, и его первая жена Маргарита Наваррская не могли подать своим поданным пример иного поведения. Людовик XIII резко отличался от отца своим благочестием и целомудрием, однако насаждать в обществе новые правила мора-

ли начали только после 1624 года — с приходом к власти Ришелье. До того в дворянской и интеллектуальной среде царила полная распущенность, еще усугубляемая философским вольнодумством, развившимся на фоне религиозного кризиса. Среди населения, и так уже порядочно сократившегося в результате войн и прочих бедствий, начали распространяться «нехорошие» болезни, которые тогда лечили ртутью — выжить можно было только чудом. Нужно было срочно принимать меры.

В 1627 году Анри де Леви, герцог де Вантадур (1595—1680), основал Братство Святого Причастия — тайное общество, которое видело своей задачей «творить всевозможное добро и изгонять всевозможное зло». Его создание было поддержано кардиналом Ришелье, Людовиком XIII и папой римским, в число его членов входили многие влиятельные люди: Жак Бенинь Боссюэ, французский проповедник и писатель, епископ Мо; святой Винсент де Поль и принц Конти; Анна Австрийская, министр финансов Никола Фуке и первый председатель парижского парламента Гильом де Ламуаньон. Братство проповедовало строгие правила морали, современники видели в нем преемника инквизиции. Боссюэ так определил его цель в 1652 году: «Воздвигнуть Иерусалим посреди Вавилона». Братья клеймили богохульников, сквернословов, дуэлянтов, распутников, sostenителей кабаков; они осуждали использование табака, непристойные песни, чересчур открытые платья. При этом все средства борьбы были хороши: доносы поощрялись.

Но полностью оздоровить общественную мораль оказалось делом практически невыполнимым. В Париж съезжались молодые провинциалки в тайной надежде разбогатеть и стать куртизанками. В провинции торговали собой по большей части замужние женщины, даже имеющие детей, и вдовы; средний возраст проституток был выше, чем в столице. Большинство девушек снимали комнату и приводили клиентов к себе домой; редко они использовали дома свиданий на окраинах города. Своих кавалеров они находили в людных местах — в кабаках и на постоялых дворах, на ярмарках, возле церквей и казарм, даже в полях, лесах, садах и ви-

ноградниках. Установленных расценок не существовало, и бывало, что девушки отдавались за еду и вино или за квартирную плату. Впрочем, в те времена продажные женщины были в большей степени содержанками, чем проститутками в нашем понимании: как правило, у них имелся постоянный любовник, с которым они проводили время, вместе обедали, ходили на танцы и т. д. Многих девушек привлекали в такой жизни свобода, финансовая и моральная независимость, отсутствие подчинения родителям, мужу, опекуну и пр.

Власти пытались бороться с проституцией, карая гулящих тюремным заключением или изгнанием. Однако борьба больше велась на бумаге. В 1658 году Людовик XIV приказал сажать в тюрьму Сальпетриер всех женщин, уличенных в проституции, блуде или супружеской измене, пока специально назначенные священники или монахини не убедятся, что те раскаялись и исправились. Впервые в Европе тюрьма стала служить для отбывания наказания: прежде в нее заключали обвиняемых до начала процесса или осужденных на казнь или каторгу. С 1684 года проститутки помещали в странноприимный дом — *Hôpital général* — наряду с нищими и увечными: политика Короля-Солнце в этой области сводилась к изоляции «антиобщественных элементов». Однако заключение длилось не больше трех—шести месяцев. Изгнанию же подвергались только иногородние.

Все эти меры оказывались неэффективными, поскольку в обществе к проституткам относились снисходительно. Местные церковные и светские власти могли сделать «девушке легкого поведения» внушение, даже прогнать ее с квартиры или изгнать из прихода, но не заявляли на нее в полицию, если, конечно, она не вела себя чересчур вызывающе и не устраивала скандалов. В результате накануне Французской революции в Париже насчитывалось до тридцати тысяч «дешевых» проститутки и до десяти тысяч «дорогих», то есть тринадцать процентов всего женского населения. В эту эпоху было опубликовано сочинение «Парижские серали, или Жизнеописания и портреты дам Пари, Гурдан, Монтиньи и прочих сведен с описанием их сералей, интриг и проч.», в котором описывались сто-

личные бордели и жизнь девиц, в том числе «содержанок самого высокого ранга».

Очень много женщин следовало за армией, что во Франции, что в других странах. Проститутки проникали в ряды военных, нарядившись в мужское платье. В 1687 году был издан королевский ордонанс о военных лагерях: продажным девкам, застигнутым с солдатами на расстоянии двух лье от Версаля и лагерей на реке Эр, полагалось отрезать нос и уши. Ордонанс от 1 июля 1727 года запрещал любому военнослужащему, каков бы ни был его чин, брать на содержание развратную женщину под страхом тюрьмы или понижения в звании. Девоч, захваченных «на месте преступления», изгоняли, а то и били кнутом. Те же, что распутничали с кавалеристами и драгунами, должны были провести три месяца в тюрьме, а затем в работном доме.

Но переодевались в мужское платье не только потаскушки: порой среди солдат оказывались «кавалерист-девицы», которых жизнь поставила в такие условия, что они решили пойти на войну, чтобы заработать денег. Против них никаких мер предусмотрено не было, хотя это и не приветствовалось. Впрочем, с середины XVII века во Франции один за другим появлялись романы о женщинах-воинах, служившие средством королевской пропаганды. Моду на такие сочинения ввела госпожа де Вильдьё, опубликовав «Воспоминания о жизни Генриетты Сильвии де Мольер», за которыми последовали романы Барбена «Мемуары госпожи де Равезан» (1677), «Мемуары мадемуазель Дельфос» (1695) и «Мемуары графини де М.» (1697). Описываемые в них женщины-героини, в основном из далеких провинций, наряжались в мужское платье и записывались в армию Великого короля, чтобы служить Франции. В числе таких романов был и «Мушкетерская героиня, или Подлинная история мадемуазель Кристины, графини де Мейрак» Жана де Прешака; героиня романа была родом из Беарна. В реальной жизни таких героинь были единицы, и служили они в основном в армейских полках, а не в гвардии. После разоблачения их отправляли домой, выдав существенную денежную компенсацию.

Подобные истории заставляют задуматься о том, какие стандарты мужской и женской красоты существовали в «галантный» век. Женщина должна быть миниатюрной, с гладкой и прозрачной кожей, с тонкой талией, затянутой в корсет; загорелая девица кавалерийского роста (то есть 170 сантиметров и выше) с лицом, побитым оспой, вполне могла сойти за мужчину; даже отсутствие растительности на лице было легко замаскировать (с конца XVII века мужчины гладко брились, а волосы носили ниже плеч), а мужская одежда, более свободная, чем женская, скрывала все особенности женской фигуры. Нательные сорочки были длиннополыми и с длинными рукавами; в условиях войны спали часто не раздеваясь, к тому же в те времена мужчинам нередко приходилось спать на одной кровати, если, к примеру, на постоянных дворах не оказывалось свободных комнат, и они приобрели привычку не нарушать чужое интимное пространство. С другой стороны, мужчины, считавшиеся красавцами, были несколько женоподобны; в XVIII веке, во время балов-маскарадов, они нередко наряжались женщинами, а половая принадлежность знаменитого шевалье д'Эона, шпиона Людовика XV, до сих пор вызывает споры среди историков. Тальман де Рео рассказывает такую историю о куртизанке Нинон Ланкло. Однажды в компании маршала де Грамона она увидела симпатичного молодого человека — герцога де Навайля (будущего маршала Франции), который был еще не женат; он ей понравился, и она привела его к себе домой. После ужина Нинон уложила своего кавалера в чистую постель и велела ждать, однако тот, верно, сильно устал, потому что вскоре заснул. Дама забрала его одежду и ушла спать в другую комнату, а поутру надела его костюм, прицепила к поясу шпагу и ворвалась в спальню с громкими ругательствами. Навайль увидел перед собой разъяренного мужчину и, полагая, что это ревнивый муж, сказал, что готов дать ему сатисфакцию. Нинон весело рассмеялась.

Великая Мадемуазель, дочь Гастона Орлеанского (брата Людовика XIII), в двадцать один выглядела «драгуном без усов», жевала и нюхала табак и обладала «командирским голосом». Брат Людовика XIV

Филипп Орлеанский, по воспоминаниям Сен-Симона, всегда наряжался как женщина, весь в кольцах, браслетах, в длинном черном парике, обсыпанном пудрой, и с бантами везде, где только можно их повязать; при этом он отличался неслыханной храбростью. Тот же Сен-Симон рассказывает, как в пылу сражения при Неервиндене герцог де Ла Фейяд, назначенный бригадиром взамен убитого офицера, куда-то исчез на полчаса, после чего явился напудренным и в красном сюртуке, расшитом серебром: теперь он мог приступить к своим обязанностям. При дворе Короля-Солнце пудрились шафраном и цветочной пылью, придававшей лицу яркий цвет; придворные Людовика XV, мужчины и женщины, белились, подсинивая рисунок вен, румянились и залепляли мушками прыщи и оспины. Они поливались духами на основе амбры, жасмина, нарцисса, мускуса и корицы, использовали притирания — «флорентийскую помаду», «испанский воск», «генуэзскую эссенцию» — и душистую пудру для одежды, лица и париков. Волосы пудрили и не мыли: грязные волосы не рассыпаются, им легче придать необходимую форму. Впрочем, в полевых условиях это редко применяли.

Казармы начали строить поздно, Людовик XIV издал соответствующий ордонанс только в 1692 году, и процесс этот шел медленно. В Пьемонте в XVIII веке солдаты даже в казармах жили с семьями (пятнадцать процентов военнослужащих были женаты). В Париже военнослужащим, проживавшим в казармах, было запрещено жениться и работать, однако французские гвардейцы, например, начали соблюдать это правило только с 1764 года, да и то не слишком строго. Капитан-лейтенант д'Артаньян стал крестным отцом множества детей мушкетеров и солдат.

У этого «недостатка», однако, были свои положительные стороны: например, в «семейных» казармах не отмечалось случаев содомии, которая к середине XVIII века приняла угрожающий масштаб; в гарнизонном Меце, где казарма была построена на личные средства архиепископа, процветали «такие же нравы, как в Древнем Риме». Ранее за мужеложство карали смертью на костре, но уже во времена Людовика XIV, который, од-

нако, терпеть не мог этого «итальянского порока», ограничивались изгнанием, а то и попросту старались забыть скандальное дело. Во времена же регента Филиппа Орлеанского, известного своей распущенностью и устраивавшего настоящие оргии в Пале-Рояле, на такие вещи смотрели много проще. После Великой французской революции гомосексуализм официально перестал считаться преступлением.

Отчаянные храбрецы, умеющие за себя постоять, и в то же время франты, близкие к высшим сферам и приобретшие некий светский лоск, мушкетеры пользовались неизменным успехом у представительниц прекрасного пола всех сословий. В «Сирано де Бержераке» Ростана Лиза, супруга кондитера Рагно, сбежала с мушкетером. Мушкетер Гассо стал любовником Эмили де Мариньян, жены Оноре Габриеля де Мирабо (будущего трибуна Великой французской революции), она даже забеременела от него. Обаятельный мушкетер пленил сердце графини своей обходительностью и участливостью. Сестра Мирабо, будучи замужем за стариком, тоже имела любовника-мушкетера — статного красавца де Бриансона.

Мушкетеры никогда не отличались дисциплинированностью, а уж в мирное время вообще пользовались полной свободой: Гассо, например, видался с Эмили во время частых отлучек из гарнизона. Среди любовных приключений мушкетеров встречались и довольно романтические истории. Так, у маркиза де Монье, жившего в Понтарлье, была дочь, которая в девятнадцать лет влюбилась в мушкетера Ле-Бёф де Валдаона. Поскольку отец противился браку, мадемуазель де Монье имела смелость принять воздыхателя в своей постели, которая стояла рядом с кроватью ее матери. Отец прибежал на шум, захватил одежду любовника и отнес в канцелярию суда, потом подал жалобу о похищении и соблазнении. Виновный бежал в соседнюю Швейцарию, откуда прислал письмо в свое оправдание (над этим письмом рыдали все дамы Понтарлье, не изведавшие в своей жизни большой и чистой любви; утверждали даже, что к нему приложил руку Жан Жак Руссо). Мадемуазель де Монье заперли в монастырь до достижения

двадцати лет, после чего она против воли овдовевшего отца вышла замуж за господина де Валдаона. Такая верность в любви, приобретшая законные формы, изменила общественное мнение, ранее сочувствовавшее отцу, в пользу дочери; господин де Монье прослыл в округе тираном и деспотом.

Каноническое право определяло брачный возраст двенадцатью годами; впрочем, сын бывшего мушкетера Франсуа де Бемо женился на одиннадцатилетней девочке. При этом, по причудам французского законодательства, мужчина становился совершеннолетним только в двадцать пять лет, когда зачастую уже являлся отцом семейства. С 1556 года согласие родителей на брак (без которого он превращался в похищение, а за это карали смертью) было необязательно для мужчин старше тридцати лет и женщин старше двадцати пяти лет; молодежь же в выборе своей «половины» была вынуждена покориться родительской воле, хотя официально жених и невеста должны были вступать в брак по добровольному согласию (одной из причин, по которой Генрих IV смог добиться расторжения брака со своей первой женой Маргаритой Валуа, стал тот факт, что Маргариту выдали за него по принуждению).

Препятствием к браку было родство; разрешение на брак двоюродных брата и сестры мог дать только сам папа римский. Допустимой степенью родства считалось «четыре на четыре», то есть между внуками двоюродных братьев и сестер. После заключения брака родители супруга становились родственниками первой степени, такими же, как родные отец и мать, поэтому если, допустим, вдовец хотел жениться на племяннице своей покойной жены, он должен был получить разрешение Церкви, поскольку девушка считалась его родной племянницей. Примечательно, что те же правила распространялись и на внебрачные связи: так, мужчина не смог бы жениться на дочери женщины, которую некогда соблазнил, даже если эта дочь была от другого. Крестные отец и мать тоже считались родственниками и не могли вступать в брак. При расторжении помолвки нельзя было жениться на сестре бывшей невесты (она считалась родственницей), требовалось особое разре-

шение Церкви. Если вдовец и его невеста жили в блуде, требовались разрешение из Рима и клятва в том, что это преступление не послужило причиной смерти прежней супруги. Чтобы совершить бракосочетание в приходской церкви, нужно было прожить в этой епархии не меньше года.

Обращение к церковным властям за разрешением на брак было довольно частым делом. В своем прошении жених и невеста должны были привести причину, по которой заключение брака желательно. «Пристойными» причинами считались следующие: если путем заключения брачного союза будет покончено с давней враждой или судебными тяжбами между семьями; если податели прошения являются уроженцами мест, жители которых почти сплошь состоят между собой в родстве (для гасконских гвардейцев это было актуально); если невеста бесприданница и выходит замуж за богатого родственника; если девушке уже больше двадцати четырех лет, а она так и не нашла себе ровню. К порочащим причинам относилась интимная связь до брака. К прошению прилагались акты о проведении приходского расследования с показаниями не менее четырех свидетелей и письменное уведомление о согласии епископа. Разрешение на брак предоставлялось не бесплатно: тарифная сетка была довольно широкой, от 45 до 4500 ливров, и рассчитывалась по сложной системе с учетом социального положения просителей, степени их родства и того, насколько уважительны приводимые ими причины. Надо полагать, проблема в основном упиралась в деньги, и если ее удавалось снять, все остальные препятствия устранялись очень легко. Например, маршал де Креки, погибший в бою в 1638 году, женился по очереди на двух дочерях герцога де Ледигьера — Мадлене и Франсуазе де Бонн.

Помимо вышеперечисленных случаев разрешение на брак требовалось, если свадьбу хотели сыграть в запретное время: в Рождественский или Великий пост. С такой просьбой обращались в основном военные, поскольку зимой они отдыхали от ратных дел и улаживали свои собственные, а летом, с возобновлением военных действий, им было не до свадеб.

Прежде чем идти в церковь, следовало опубликовать официальное уведомление о бракосочетании. После 1680 года дворяне довольно часто ходатайствовали о том, чтобы их избавили от этой обязанности: к тому времени обедневшие потомки славных родов не гнушались родниться с богатыми буржуа, однако не стремились объявлять об этом во всеуслышание.

В правление Людовика XIV было отменено право женщины выбирать себе мужа; в провинциях, где не было принято принижать роль женщины (например, в Бретани), этот запрет был воспринят весьма болезненно. Овдовевшие молодые помещицы нередко брали в мужья своих управляющих. Во время крестьянских восстаний 1675 года одним из требований, выдвигаемых повстанцами, было именно разрешить смешанные браки между дворянами и крестьянами, чтобы дворянка могла выбрать себе мужа-простолюдина.

Чувства в большей степени принимались в расчет у людей низшего сословия; буржуазия и аристократия заключали браки по расчету. Брачный союз был союзом двух родов, двух состояний, которыми предстояло распоряжаться сообща и передать их по наследству. Епископ Люсонский (будущий кардинал Ришелье) выдал свою племянницу Мари Мадлен дю Пон де Курле замуж за господина де Комбале, разорвав ее помолвку с другим. Комбале, конечно, служил в мушкетерах, но главное — он был племянником королевского фаворита Альбера де Люиня. Этот союз просуществовал недолго: через два года Комбале был убит во время осады Монпелье; его вдова так больше и не вышла замуж. Еще одну свою племянницу, Клер Клеманс де Майе-Брезе — двенадцатилетнюю карлицу, к тому же помешанную, — кардинал пристроил за восемнадцатилетнего герцога Энгиенского — будущего Великого Конде (молодой герцог, влюбленный в Марту де Вижан, не был на собственной свадьбе, затем устроил трехнедельную голодовку и еще два года всячески пытался добиться развода, не прикасаясь к своей жене). Луи де Сен-Симон, ища руки одной из дочерей герцога де Бовилье, откровенно писал в своих мемуарах: «Я хотел жениться не на его дочери, которой в глаза не видел, а на нем самом». В ко-

нечном счете он пошел под венец с Мари Габриэль дю Дюрфор Делорж, старшей дочерью маршала Делоржа, мать которой, хоть и принадлежала к третьему сословию, обеспечила дочь порядочным приданым.

Брак был сделкой, оформленной по всем правилам, и сам этот расчет был одним из условий «честной игры». У маршала де Грамона был ординарец дю Тертр, который однажды попросил его содействия в похищении девицы. На вопрос маршала, замешана ли тут любовь, тот отвечал, что никоим образом, просто девица довольно богата. Тогда де Грамон посоветовал ординарцу похитить герцогиню де Лонгвиль, которая не в пример богаче, и прогнал его с глаз долой*.

Впрочем, и сами дамы порой оказывались весьма предприимчивыми. Восемнадцатилетний Поль Франсуа Бенуа д'Эскубло, единственный наследник двух знатных родов (отца и матери), лишился своего отца, едва закончив военную академию, и был вынужден на некоторое время удалиться в фамильный замок, чтобы привести в порядок дела. Там он попался на крючок своей дальней родственницы и ближайшей соседки, которой к тому времени исполнилось тридцать пять лет и которая уже обладала большим опытом в любовных делах и гораздо менее солидной репутацией. Юнец попался в ловко расставленную ловушку: соседка залучила его в гости, спрятав в соседней комнате нотариуса. Его матери с большим трудом удалось добиться, чтобы подписанный брачный договор признали недействительным; соблазнительница удалилась в монастырь, а Поль д'Эскубо поступил во вторую роту королевских мушкетеров и погиб при Неервиндене двадцати четырех лет от роду.

Антуан Фюретьер (1620—1688) в своем «Буржуазном романе» приводит шуточный «тариф», в котором обозначено, на какого жениха может претендовать невеста в зависимости от своего приданого. Низшая ступень — две—шесть тысяч ливров: на это позарится разве что судебный пристав, стряпчий, сержант; высшая —

* В начале 1600-х гг., в правление Генриха IV, похищение девиц на выданье приводило к возникновению настоящих войн между кланами, что требовало военного вмешательства короля.

шестьсот тысяч ливров: тут уж подавай председателя парламента, настоящего маркиза, сюринтенданта или даже герцога и пэра.

Но этот «прейскурант» действовал в Париже. Когда отец д'Артаньяна, Бертран де Кастельмор, женился на Франсуазе де Монтескью, ее отец, бывший офицер французской гвардии, дал в приданое за дочерью всего 1600 ливров: у него были и другие дети, которых предстояло пристроить. Впоследствии Бертран разорился и погряз в долгах, однако сумел выдать всех трех своих дочерей за отпрысков местных дворянских родов. Сам д'Артаньян, еще будучи поручиком мушкетеров, сделал просто невероятную, сказочную партию, женившись на Анне Шарлотте Кристине де Шанлеси, баронессе де Сент-Круа — дочери сельского дворянина и бездетной вдове капитана кавалерии, убитого при осаде Арраса. Состояние баронессы оценивалось более чем в восемьдесят тысяч ливров: помимо баронства Сент-Круа, приобретенного ее отцом Шарлем де Шанлеси в 1626 году, она располагала шестьюдесятью тысячами ливров ренты от герцога д'Эльбефа, восемнадцатью тысячами ливров наследства от дяди и прекрасной мебелью стоимостью в шесть тысяч ливров. Пятого марта 1659 года в Лувре был заключен брачный договор, на котором стояли подписи Людовика XIV, Мазарини, Антуана де Грамона — герцога и пэра, маршала Франции, и Франсуа де Бемо — губернатора Бастилии. А через месяц пара торжественно обвенчалась в парижской церкви Сент-Андре-дез-Ар; свидетелем со стороны жениха выступал его верный друг Бемо. Опытная баронесса позаботилась о том, чтобы брачный договор был составлен «правильно»: в совместное владение супругов перешла сумма в тридцать тысяч ливров, а также меблировка замка, находившегося в ее владении; баронство Сент-Круа оставалось в личной собственности Шарлотты, а ее супруг мог оставить за собой доходы от своих должностей... что в общем-то не было подарком, поскольку на эти доходы он содержал свою роту. Свои личные расходы, равно как и долги, сделанные до брака, д'Артаньян должен был оплачивать из собственного кармана, а в случае его смерти вдове полагались четыре тысячи ливров

ренты, обеспечиваемые нынешним и будущим движимым и недвижимым имуществом супруга.

Семейная жизнь д'Артаньяна отнюдь не была счастливой. Во-первых, он не мог наслаждаться домашним уютом, поскольку постоянно находился в разъездах по делам службы и лишь изредка навещался в Сент-Круа, родовое имение жены, чтобы уладить кое-какие дела. Впрочем, он и не рвался к своей жене, которая не была молода и красива, да к тому же обладала мстительным и сварливым характером и обожала судиться со своими родственниками. Во-вторых, сам мушкетер как супруг тоже был не подарок: его ветреность, легкомыслие, мотовство и романы на стороне быстро отвратили от него жену, которая покинула Париж уже через несколько месяцев семейной жизни. В 1665 году она отказалась от совместного владения имуществом, чтобы сохранить за собой все, чем владела до вступления в брак. Проживая в Шалоне, она и узнала о смерти своего супруга во время осады Маастрихта.

Несчастливая семейная жизнь была нормой. По мнению госпожи де Ментенон, морганатической супруги Людовика XIV, две трети людей несчастливы в браке. «Любовь можно унести с собой в могилу, но она не перешагнет порога церкви, — писала госпожа де Скюдери, горько заметив: — Женятся, чтобы ненавидеть». Монтень в целом был с ней согласен: «Женятся не для себя, а больше для потомства, для своей семьи... Хороший брак отвергает наличие любви...»; а католические проповедники добавляли: «Нет ничего более недостойного, чем любить супругу как любовницу».

Отношение к женщине было предвзятым, во многом продиктованным религиозной установкой о том, что именно женщина стала причиной грехопадения человека. Врач и философ Марен Кюро де ла Шамбр (1594—1669), занимавшийся и оккультными науками, считал, что женский темперамент подвластен влиянию холода и сырости. «Будучи холодна, она слаба и, следовательно, робка, малодушна, подозрительна, недоверчива, хитра, скрытна, лстлива, лжива, обидчива, мстительна и жестока в своей мести, несправедлива, скупа, неблагодарна, мнительна. Сырость же порождает то,

что она переменчива, легкомысленна, неверна, нетерпелива, легковерна, жалостлива и болтлива».

Воспитание девочек тоже принимало уродливые формы. В XVII—XVIII веках оно, как правило, проходило в монастырях; девочек из древних аристократических родов помещали также в «институты благородных девиц».

Монахини старались привить девочкам прежде всего покорность и смирение, подавить всякого рода инстинкты и личностные особенности. Образования им не давали практически никакого, так как опасались, что чтение романов распалит их воображение, изучение наук пробудит любопытство, а занятия искусствами обострят чувственность. Поэтому главное место в воспитании отводили молитвам и катехизису, а обучение сводилось к элементарным навыкам письма и счета, урокам шитья, домоводства (в том числе ведения домашней бухгалтерии), хороших манер. (Надо сказать, что знатные дамы, слишком занятые собой и придворными интригами, совершенно не занимались воспитанием детей: монахиням приходилось объяснять шестнадцатилетним девицам, что не следует говорить с набитым ртом или класть локти на стол за обедом.) В самых аристократических монастырях девочкам преподавали также латынь, поэзию, историю и географию.

Танцы не приветствовались, поскольку при этом девочки должны были бы прикасаться друг к другу, а подобные вещи сурово пресекали. Зато девочки ежедневно пели хором, а самые одаренные учились играть на арфе или органе. Их также учили двигаться «достойно», то есть чинно, не вызывающе, и говорить, не повышая голоса.

В монастыре Пор-Рояля, где принимали за аксиому, что «девушки несут в себе зло», поддерживали чрезвычайно строгую дисциплину: воспитанницам не разрешали обмениваться новостями со стороны, обсуждать монахинь, своих товарок и назначенные им наказания. Они не имели права прикасаться друг к другу, поддерживать близкие отношения, бегать, а уж тем более драться. Гигиеной пренебрегали, чтобы свести к ми-

нимому контакт с собственным телом. Раздеваться перед сном полагалось в полной темноте и очень быстро, в присутствии надзирательниц (впрочем, в спальнях царил такой холод, что это требование было легко исполнить). Всю получаемую воспитанницами почту перлюстрировали. Если какая-нибудь девушка получала слишком много писем, их просто сжигали в ее присутствии, даже не распечатав.

Во всех монастырях дважды в неделю устраивали день покаяния: все воспитанницы проходили чередой перед настоятельницей, и приставленные к ним сестры обличали их в совершённых провинностях. Девушки не имели права возражать или оправдываться, а должны были молча слушать, глядя в пол. Порой об их провинностях сестры узнавали на исповеди. Наказания носили исключительно унижительный характер.

Если к девочкам приходили посетители, одна из сестер подслушивала разговор, чтобы убедиться, что воспитанница не рассказывает ничего лишнего и не ведет себя неприлично, а гость не передает ей никаких записочек. Воспитанницы находились под постоянным надзором, даже в свободное время; игра в карты и кости, разумеется, была под запретом; петь можно было только песни духовного содержания.

Но вот в пансионе при Аббей-о-Буа устраивали самые различные праздники: по поводу поступления новых воспитанниц или замужества старых. Там случались даже театральные представления и балы (!). В обители Нотр-Дам-де-Сион каждый год в день Святых мучеников сестры и воспитанницы менялись ролями, что сбивало с толку посетителей.

Условия проживания девочек зависели от обеспеченности их родителей: самые бедные спали в дортуарах, те, что побогаче, — в отдельных комнатах с дощатой кроватью, покрытой соломенным матрасом, стулом, столом и полкой для книг; избранные могли снимать за двести ливров в год частные апартаменты и за четыреста ливров в год пользоваться услугами горничной.

Госпожа де Ментенон, происходившая из благородной, но обедневшей семьи, тоже воспитывалась в мо-

настыре, получив там рудиментарное образование, не имевшее почти никакой связи с реальной жизнью. Позже, став воспитательницей внебрачных детей Людовика XIV, а затем его тайной супругой, она решила усовершенствовать систему воспитания девиц из бедных дворянских семей, которых становилось все больше, так как множество дворян из провинции погибали во время войн или разорялись на службе королю.

В 1680 году она отметила двух монахинь — бывшую урсулинку госпожу де Бринон и ее родственницу госпожу де Сен-Пьер, содержавших школу для бедных девушек, которых готовили в прислуги. Она перевела эту школу в Рюэйль, добавив к ученицам-простолюдинкам двадцать девочек из обедневших дворянских семей, получавших образование по другой программе. В 1684 году дворянскую школу перевели, с помощью короля, в замок Нуази; теперь там насчитывалось уже сто восемьдесят учениц. Своим указом король основал учебное заведение для девушек из дворянских родов, предпочтительно дочерей военных, погибших на службе королю, которые воспитывались бы бесплатно и получали образование, соответствующее их полу и рождению. По выходу из этого заведения они должны были «нести во все провинции нашего королевства пример скромности и добродетели». В конечном счете пансион разместился в усадьбе Сен-Сир под Версалем и стал называться Королевским домом Людовика Святого.

Туда принимали девочек в возрасте от семи до двенадцати лет, которых лично отбирал сам король, проконсультировавшись с герольдмейстером и убедившись в том, что по отцовской линии они являются дворянками не менее чем в четвертом поколении. В большинстве своем они были дочерьми, племянницами или сиротами военных из Парижа и его окрестностей, но также и из других французских провинций; в 1750-е годы туда приняли двух девочек из Квебека. «Барышень из Сен-Сира», являвших собой «прекрасный образец красоты в сочетании с невинностью», было двести пятьдесят; за ними присматривали тридцать шесть воспитательниц и двадцать четыре монахини.

Девушки носили коричневые кисейные платья по придворной моде с лентами, цвет которых соответствовал классу: с 7 до 10 лет — красный, с 11 до 14 — зеленый, с 15 до 16 — желтый, с 17 до 20 — синий. На голове у них был белый чепчик. Классные дамы одевались в черное. «Красные» учились читать, писать и считать, получали первые уроки катехизиса, основ религиозной истории и латыни; «зеленые» изучали эти предметы более глубоко, присовокупив к ним историю и географию; «желтые» обучались еще и рисованию, пению, танцам и музыке; «синих» посвящали в геральдику и историю Церкви. Хозяйственные работы были частью обучения: «синие» и «черные» (помощницы воспитательниц) помогали в столовой и лазарете, шили платья и белье для своих товаров и воспитательниц.

По выходе из пансиона каждая воспитанница получала приданое в три тысячи ливров, чтобы иметь возможность выйти замуж за достойного претендента или... поступить в монастырь. Однако многие предпочитали остаться в Сен-Сире и стать воспитательницами.

Помещения для пансионеров располагались как можно дальше от входа, чтобы оградить их от контактов с посторонними. Воспитанницам внушали «отвращение к греху и великую любовь к добродетели», знакомили с «обязанностями порядочной женщины по отношению к своему дому, мужу, детям и слугам». Госпожа де Ментенон уделяла большое внимание тому, как девочки проводят свой досуг, поощряла игру в шашки и шахматы и регулярно обновляла библиотеку (ее первым мужем был драматург Скаррон). В Сен-Сире даже имелся любительский театр: сначала девочки представляли нравоучительные пьесы, написанные г-жой де Бринон и самой госпожой де Ментенон, а затем — трагедии Корнеля и Расина, хотя их наставница была недовольна тем, с каким пылом ее воспитанницы воспроизводят сцены любовной страсти. Однако такие порядки встретили осуждение со стороны Церкви, и в 1692 году госпожа де Ментенон дала разрешение на то, чтобы светский институт преобразовали в монастырь. Воспитательницам предоставили выбор: принести монашеский обет или уйти.

Можно себе представить, насколько воспитанницы таких заведений отличались от «амазонок» начала века, яркими представительницами которых стали «дамы Фронды»! Тальман де Рео рассказывает об истории любви Шарля де Фонтене, капитана французских гвардейцев, получившего отставку у своей милой. Когда ему не открыли дверь, храбрый вояка, поняв, что словесные увещевания не действуют, раздобыл бомбу и взорвал двери. Однако, ворвавшись в дом с криком «Город взят!» — он увидел, что его возлюбленная стоит у раскрытого люка в погреб с двумя пистолетами в руках и с твердым намерением пустить их в ход в случае необходимости. Фонтене пришлось ретироваться. Женился он позже, на бедной вдове, которая приглянулась ему, потому что была веселой и предприимчивой. Став его супругой, она быстро поставила дело так, что храбрый капитан не раз прятался от нее в сене на чердаке. Долго такой жизни он выдержать не смог и умер около 1640 года; она же снова вышла замуж.

Браки по любви были редкостью; известный французский полководец Анри де Кампьон (1613—1663), женившись по любви, знал, что «не встретит одобрения, настолько сильно он отдалился от обычной практики». Даже он считал, что браки, заключенные по любви, «почти всегда осуждаются справедливо, ибо кончаются чаще всего несчастливо». Это грустное пророчество подтвердилось: когда Кампьон потерял пятилетнюю дочь, в которой души не чаял, он отрекся от мира, посвятив себя созерцанию природы и молитвам. Брак Луи де Сен-Симона тоже считался необыкновенно счастливым для того времени, однако все трое родившихся в нем детей (дочь и два сына) оказались физическими и нравственными уродами.

Образованные женщины второй половины XVII века воспринимали супружескую жизнь как отчуждение, видя в ней больше недостатков, чем достоинств. Они не желали становиться рабынями мужей, которые вели себя с ними грубо и непочтительно. В «прециозных» салонах поклонников как можно дольше удерживали на положении воздыхателей, заставляя пройти через все испытания «Карты страны Нежности», опубликованной

в 1654 году в первом томе «Клелии» Мадлены де Скюдери. В этой стране было три главных города, стоящих на трех реках: Нежность-на-Привязанности, Нежность-на-Уважении и Нежность-на-Признательности. Чтобы добраться от Новой Дружбы до Нежности-на-Уважении, требовалось пройти через Великий Ум, за которым лежали приятные селения Красивые Стихи, Галантная Записка и Любовное Письмо. Река Привязанность, в которую впадали Уважение и Признательность, спокойно несла свои воды по стране Нежности, пока не впадала в море Страстей. Озеро Безразличия воплощало собой скуку. (Поэт и драматург Тристан Лермит создал свою карту Королевства Любви, на которую его соперник аббат д'Обиньяк сочинил пародию — карту Кокетства.)

«Жеманницы» создавали свой собственный культ, отвергая брак, который положил бы конец их свободе. К тому же «порядочная женщина», как тогда говорили, «должна была быть постоянно либо беременной, либо недавно родившей»*. Анри д'Арамиц, отслужив в мушкетерах пятнадцать лет, в 1650 году женился на Жанне де Беарн-Бонасс и вернулся на родину. В первые же четыре года в их семье один за другим родились четверо детей: два мальчика (Арман и Клеман) и две девочки (Луиза и Мадлен).

Многие аристократки боялись скончаться родами (что в те времена случалось довольно часто), и маркиза де Севинье в своих письмах упрекает дочь за то, что та чересчур ответственно относится к исполнению супружеского долга.

Таким образом, все радости любви дворяне могли себе позволить либо до брака, либо вне его. Нередко они жили на два дома. Например, племянник королевского министра Эдуард де Кольбер, маркиз де Вилласер, будучи женат и имея детей, открыто жил с Нинон Лан-

* Во Франции было запрещено пользоваться презервативами, за это можно было угодить в тюрьму. Однако Людовик XIV, издав этот закон, предусмотрел исключение — для себя. Средства контрацепции были контрабандным товаром, которые содержательницы притонов добывали с большим риском. Первые попытки регулировать рождаемость в аристократической среде начали предпринимать после 1670 г.

кло, которая родила ему двух сыновей. При этом многоженство официально каралось смертью или ссылкой на галеры.

Мушкетеры в большинстве своем женились лет под сорок, когда «жизнь кончена». Брат д'Артаньяна Поль де Кагельмор пошел под венец в пятьдесят восемь лет и через год овдовел: его жена скончалась, родив слабенькую девочку, которая тоже умерла через двенадцать дней. Сам д'Артаньян обзавелся семьей в сорок восемь лет, да и то был мужем и отцом лишь на бумаге; Исаак де Порто — в сорок один год, причем его жена была немногим младше. По этой причине мушкетеры не успевали (а может, и не желали) обзавестись многочисленным потомством. У Тревиля было два сына, которые сами так и не женились; у «Портоса», дожившего до девяноста пяти лет, и у д'Артаньяна — тоже два.

Развод был делом почти небывалым, однако предусмотренным законом. Основанием для расторжения брака могла стать супружеская измена (примечательно, что церковное право допускало раздельное проживание супругов в случае измены мужа, а гражданское — в случае измены жены) или доказанный факт того, что «брак не был свершен»: Церковь продавала подтверждающие это документы зажиточным парам, проведя постыдное и не всегда честное расследование. Добиться полного расторжения брака (чтобы жениться или выйти замуж повторно) было крайне сложно, поскольку требовалось разрешение Рима; доступным оставалось раздельное проживание и владение имуществом: этим правом воспользовалась супруга д'Артаньяна через шесть лет после свадьбы.

В XVIII веке говорили, что в жизни женщины должны быть трое мужчин: муж, милый друг и неважно кто. Услугами парижских своден пользовались не только мужчины, но и женщины: знатные дамы охотно отдавались неотесанным мужланам, лишь бы те были способны доставить им удовольствие, а потом с помощью тех же содержательниц притонов избавлялись от последствий этих удовольствий. В этих дамах уже не было почти ничего от «прециозниц»: по замечанию современника, «грубые ругательства звучат повсеместно,

и даже дамы ругаются, как извозчики; при дворе это признак хорошего тона».

И тем не менее даже в тот век грубых страстей и циничного расчета можно было встретить чистую и романтическую любовь, только о ней не принято было говорить — чтобы не стать предметом насмешек.

После голландской кампании Людовика XIV большую популярность приобрела песенка «Рядом с моей милой так приятно спать» на слова Жубера, в которой молодая жена сокрушается о муже, ушедшем на войну:

— Скажи-ка нам, красотка:

А где твой муженек?

— В Голландии он бьется,

Покой мой не сберег.

— А что бы отдала ты,

Чтоб вновь его обнять?

— Мне ничего не жалко,

Все можете забрать.

Отдам сады Версаля,

Париж и Сен-Дени

И горлинок из сада,

Воркующих в тени.

Эта песня, с которой солдаты уходили на фронт, впоследствии стала свадебной, играя роль заклинания, чтобы отвести беду и залучить, хоть ненадолго, в свой дом счастье.

МУШКЕТЕРЫ НА ВОЙНЕ

Реформа армии: борьба с притисками, укрепление дисциплины. — Пайки. — Первые подвиги мушкетеров. — Осады. — Сражения. — Тактика кавалерии. — Пленные. — Фонтенуа: последняя битва

Я часто затевал войну чересчур легкомысленно и продолжал ее из тщеславия.

Людовик XIV — исповеднику

Дрожишь, утроба? Ты дрожала бы еще туще, если бы знала, куда я тебя веду!

Фраза, приписываемая маршалу Тюренну

Мушкетеры являли доказательства невероятной доблести; ни один из них ни разу не отступил; множество было убито, а у тех, кто остались в живых, шпаги были погнуты от нанесенных ударов и в крови по самую гарду.

П. Пелиссон. Исторические письма

«Нет другого народа в мире, столь мало способного к войне, как наш. Легкомыслие и нетерпение, которые он проявляет в малейших трудах, суть два принципа, кои, к моему великому сожалению, лишь подтверждают это предположение, — писал Ришелье в своем «Политическом завещании». — Упорство в труде и невзгодах — качества, необходимые на войне, — встречаются среди французов крайне редко».

Кардинал-министр придавал большое значение реформе армии, в которой нуждалась Франция для проведения его амбициозной внутренней и внешней политики. Если в 1610 году в войсках насчитывалось всего пятьдесят тысяч человек, то в 1635-м — уже сто тысяч, а в 1640-м, переломном для франко-испанской кампании, — двести тридцать восемь тысяч.

Все воинские чины, включая капитанские и полков-

ничьи, были продажными. На вербовку солдат для пополнения рот и полков офицеры получали определенную сумму денег из казны. Контроля за расходованием этих средств не было, и офицеры грели руки на «мертвых душах», представляя во время смотров «статистов» вместо рекрутов. Дезертирство было им только на руку, позволяя присвоить жалованье солдат. Приписки были ужасающими: вместо заявленных пятнадцати тысяч человек налицо оказывалось восемь-десять тысяч. Как командиры и военачальники офицеры тоже оставляли желать лучшего: возможно, они были храбрецами, но не стратегами и тактиками.

В войсках не существовало интендантской службы и санитарных рот. Чтобы поставлять солдатам хлеб, а лошадям фураж, король заключал сделку со «снабженцами», которые его обворовывали и не соблюдали условий договора. Солдаты часто голодали и ходили в лохмотьях. Раненым некому было оказывать помощь; первый военный госпиталь был основан только в 1639 году.

Регулярной армии не было. Когда виконту де Тюренну (1611—1675) было пятнадцать лет, отец купил ему пехотный полк (таких военачальников, как этот юноша, называли «полковниками в слюнявчиках»). Годом позже полк был распущен королевским ордонансом, и Тюренн четыре года служил простым солдатом, пока снова не стал полковником. К тридцати двум годам он был уже маршалом Франции.

До 1659 года ядро французской армии составляли наемники — шотландцы, ирландцы, швейцарцы, итальянцы, каталонцы, а в основном немцы, которые были закаленными в боях и опытными, но совершенно неуправляемыми солдатами. В 1648 году пехотный полк под командованием веймарского офицера Рейнольда фон Розена отказался сражаться в Нидерландах. Французский маршал Тюренн, взяв сотню мушкетеров, галопом примчался среди ночи в ставку бунтовщика и захватил его прямо в постели. Однако бунт перекинулся на два кавалерийских полка и несколько тысяч пехотинцев. Тюренн разбил их в ходе кавалерийской атаки; многие бунтовщики были перебиты.

Сами французы тоже отличались врожденным отсутствием дисциплины. Например, бретонцы соглашались сражаться только с англичанами, но не с австрийцами. Иногда презрение к установленным правилам выходило боком самим нарушителям: так, капитан королевского полка Пюжо Борден погиб, не пожелав отозваться на окрик часового «Кто идет?».

Военные министры Людовика XIV Мишель Летелье (1603—1685) и его сын Франсис Мишель Лувуа (1641—1691) поставили себе целью создать постоянную армию, чтобы «превратить воинственный народ в народ военных».

Летелье ввел иерархию родов войск и иерархию чинов, закрепив ее в табели о рангах 1675 года; продажными оставались только чины полковника и капитана*. И то еще рядом с полковником, купившим свою должность, ставили подполковника, назначенного королем, — опытного военного, который должен был при необходимости корректировать действия своего начальника, а то и осуществлять фактическое командование полком. «Полковники в слюнявчиках» еще не стали достоянием прошлого; так, Антуан де Гиш (1671—1725), внук маршала де Грамона (графа де Гиша, выведенного Ростаном в «Сирано де Бержераке»), стал мушкетером в тринадцать (!) лет, а через три года уже являлся командиром пехотного полка, носившего его имя. Чин генерал-лейтенанта нельзя было купить, заслуживший его назначался главнокомандующим. Во время войны за Испанское наследство генерал-лейтенант де Виллар с таким блеском разбил при Фридлингене маркграфа Баденского, что солдаты сами провозгласили его маршалом Франции; король утвердил это решение.

Военный министр отменил привилегии (заслуги ставятся выше выслуги лет, а долгая служба — выше происхождения), боролся с отлучками офицеров с фронта и дезертирством солдат. Офицеры были обязаны жить при войсках, не отлучаться без разрешения. Перед военной кампанией назначение на офицерские должнос-

* При преемнике Лувуа, графе де Шуазеле, продажным оставался только чин полковника, а сменивший его министр Сен-Жермен покончил и с этим.

ти производил сам король. Кроме того, Летелье сделал армию национальной, оставив из наемников только швейцарцев (давних союзников) и немцев, пока с ними был мир. Он также покончил с военным предпринимательством, приписками и «мертвыми душами». В 1663 году виновных в приписках подвергали битью кнутом перед строем, в 1665-м к этому наказанию добавили клеймо в виде лилии на лбу, с 1671-го — отрезали нос.

В 1665 году, во время войны между Англией и Нидерландами, французский король отрядил на помощь Соединенным провинциям экспедиционный корпус во главе с генерал-лейтенантом Франсуа де Праделем: три тысячи пехоты, две тысячи конников, в том числе пятьсот мушкетеров во главе с Кольбером де Вандьером и д'Артаньяном. Перед отправлением корпуса состоялся смотр для выявления «мертвых душ». «Поручик Шарль д'Артаньян, командующий конными мушкетерами первой роты, присланными для службы в военном корпусе, которые Его Величество направил в Голландию», повел в бой 245 человек согласно представленному поименному списку. «Я получил список роты и с глубоким удовлетворением отметил, что он полон, — написал ему Людовик XIV. — Заботьтесь всегда о том, чтобы рота была в хорошем состоянии, и не упускайте случая заставить ее как можно чаще упражняться, дабы новые мушкетеры стали столь же искусны, как и старые».

Во время этого похода королевские мушкетеры должны были являть собой пример усердия, мужества и дисциплины. Эта кампания пошла на пользу и им самим: соперничавшие между собой «серые» и «черные» мушкетеры видели друг друга в деле и научились оценивать товарищей по оружию по более важным критериям, нежели внешний вид. Между обеими ротами возникло настоящее братство, что еще больше укрепило их репутацию.

В дальнейшем Людовик XIV положил за правило, чтобы молодые дворяне, желающие поступить на военную службу, хотя бы год отслужили в мушкетерах, в одной из рот по своему выбору, «дабы научиться повиновению», а уж потом могли получить под свое командование кавалерийскую роту или стать младшими

офицерами в королевском пехотном полку, прежде чем получить возможность купить пехотный или кавалерийский полк, в зависимости от своих предпочтений. Молодые люди, наилучшим образом зарекомендовавшие себя во время службы в мушкетерах, в дальнейшем могли рассчитывать на королевские милости и щедроты.

Во время осады Намюра в 1692 году от проливных дождей развезло дороги, между палатками, где жили король и двор, можно было передвигаться только по тропинкам из фашин, которые нужно было укладывать заново каждый день, поскольку они тонули в грязи; главный лагерь оказался практически недосыгаем; в окопах было полно грязной воды; на то, чтобы перевезти орудие из одной батареи в другую, порой уходило три дня. Армия под командованием маршала де Люксембурга оказалась отрезанной от обоза, лошадям приходилось щипать травку и листья. Король велел своей военной свите, которая и так уже не знала отдыха, таская фашины и неся другую службу, ежедневно отправляться верхом в расположение этой армии, захватив мешки с овсом и ячменем, которые принимали и пересчитывали офицеры маршала де Люксембурга. Гвардейцы, привыкшие к исполнению более почетных обязанностей, стали роптать; король посуровел и потребовал повиновения. В первый день отряд жандармов и легкой кавалерии, прибывший ранним утром к складу зерна, «взбунтовался» и отказался возить мешки. Среди мушкетеров был новобранец Луи де Сен-Симон, сын герцога. Бригадир Кренэ вежливо осведомился у него, желает ли он возить мешки или предпочтет иное занятие. Сен-Симон почувствовал, что повиновение будет ему на руку, и выбрал мешки. Отряд мушкетеров подъехал как раз тогда, когда жандармы отказались работать грузчиками, и юный герцог взвалил мешок на круп своего коня прямо у них на глазах. Его заметил лейтенант лейб-гвардии Марен и гневно закричал, что раз герцог де Сен-Симон не считает такую службу ниже себя, то и жандармы или гвардейцы не должны считать ниже своего достоинства последовать его примеру. Вся остальная свита принялась грузить мешки без возражений, Марен отчи-

тался перед королем, и тот отныне стал относиться к Сен-Симону весьма благожелательно.

Лувуа учредил систему военных комиссаров, которые занимались вопросами жалованья, содержания и порядка в войсках (часто к этому привлекали интендантов провинций). «Самодеятельность», неповиновение приказам были «врагом номер один».

По совету бессменного начальника штаба маркиза де Шамбле армию пополнили за счет ополчения: в каждом городе в него ежегодно призывали определенное количество холостяков от шестнадцати до сорока пяти лет, выбирая их по жребию; срок службы в военное время составлял семь лет, в мирное — пять. Ополченцы под командованием местных дворян по воскресеньям упражнялись в искусстве владеть оружием и осваивали приемы боя. Они должны были заменить собой регулярные войска в пограничных городах, а в конечном итоге их стали посылать в бой. У этой системы было множество огрехов, главный из которых — социальное неравенство (представители привилегированных слоев общества не участвовали в жеребьевке или могли купить себе замену). К концу своего правления Король-Солнце обладал самой многочисленной армией в Европе: 380 тысяч солдат плюс ополчение и береговая охрана (еще 120 тысяч), а также 70 тысяч моряков; каждый десятый мужчина был поставлен под ружье.

Одновременно велось перевооружение войск, развивались артиллерия и флот. Лувуа впервые начал строить казармы. Часто для этих целей использовали помещения монастырей и бывших иезуитских коллегий, но возводились и новые здания. Так, в 1702 году в Ла-Рошели выстроили два корпуса казарм по плану инженера Вобана. Жан Тарад, архитектор и инспектор оборонительных сооружений, возвел четыре большие казармы: для двух пехотных и двух кавалерийских полков; в главном корпусе проживал рядовой состав, в отдельном флигеле — офицерский. Казармы кавалеристов помимо жилого корпуса включали конюшню, манеж, фонтан, место для водопоя, помещение кордегардии, служебное помещение и часовню.

Реформа шла с трудом. С одной стороны, к 1667 го-

ду Король-Солнце уже мог опереться на мощную обстрелянную армию, но, с другой стороны, она не могла похвастаться жесткой дисциплиной в своих рядах, и офицеры не желали подать в этом отношении положительный пример. В частности, они отказывались соблюдать новую иерархию чинов. Например, в 1667 году д'Артаньяна сделали бригадиром кавалерии, отдав под его начало корпус из пяти эскадронов, то есть его собственной роты и еще двух полков. Полковники инфантерии не признавали верховную власть командиров мушкетеров, потребовалось вмешательство короля и Лувуа. Мушкетеры, в свою очередь, тоже вели себя заносчиво. В 1672 году король отправил обе роты мушкетеров в лагерь под Маастрихт, где они должны были поступить в распоряжение маршала Тюренна. Во время марша командовать должен был де Лансон, лейтенант лейб-гвардии, и некоторые мушкетеры взбунтовались. Три десятка из них вернулись во Францию через Арденны. По прибытии в Париж все они были арестованы и заключены в форт Лэвек. Кроме того, офицеры не соблюдали эдиктов о дуэлях и бывали замешаны даже в таких преступлениях, как кражи и подделка денег.

Во время голландской кампании 1665 года король велел д'Артаньяну строго карать мародеров и драчунов: голландцы не заготовили для союзников провиант и фураж, а двух повозок с продовольствием, доставленных французскими снабженцами, хватило очень ненадолго. Мушкетеры голодали, ссорились из-за пищи с гвардейцами, бегали по фермам в поисках съестного. Впрочем, после первых побед местное население стало приветливее к французам, которые до весны расположились на зимние квартиры в лагере Рейнберг на берегу Рейна.

«Могу сказать, что я никогда еще не находился на лучшем довольствии, — писал один мушкетер в письме к родным. — Те 39 су, которые платит мне король, не уходят у меня полностью на двух лошадей, слугу и питание... Местные буржуа прекрасно уживаются с нами, а мы с ними. Поначалу они были на нас слегка в обиде, теперь же готовы всем услужить. Единственная наша трудность заключается в том, что приходится ходить

по деревням и добывать фураж у крестьян, а те не хотят продавать его добром, однако потом дают нам его, придя к полюбовному согласию». Остается только гадать, каким образом достигалось это самое «полюбовное согласие».

В те времена кусок баранины стоил одно су, кусок говядины или телятины — 2 су, курица — 5 су. Мера овса (которой хватало на неделю) — 30 су. За сено платили ежедневно 4—5 су. Впрочем, практичные голландцы не намеревались торговать себе в ущерб. «Испанские лошади г-на д'Артаньяна обходятся ему в 11 су 62 денье в день каждая, другие верховые лошади пожирают сена на 16 су, а лошади каретных упряжек — на 22 су. Исходя из этого, один мушкетер, его слуга и две лошади едят весьма умеренно или даже недоедают, если расходы не превышают 39 су в день», — писал в докладной записке интендант Карлье, недовольный лишними расходами.

Во время размещения войск на зимних квартирах жалованье выплачивали деньгами. Во время военного похода король предоставлял провиант и фураж, если только его можно было раздобыть на территории врага, и жалованье тогда сокращали. Во время переходов жалованье всегда выплачивалось натурой вместе с небольшим денежным содержанием.

«Война кружев», завязавшаяся между мушкетерами обеих рот еще в Париже, не прекращалась и в походе. Простые мушкетеры украшали золотые обшлага рукавов жемчугом и бриллиантами. Офицеры отправлялись на войну в позолоченных каретах с шелковыми подушками, покрывали попонами даже мулов, содержали целую армию лакеев и конюхов в богатых ливреях, а прибыв на место, устраивали роскошные пиры со множеством перемен блюд. Разумеется, на все это уходило гораздо больше тридцати девяти су. Когда новоиспеченный мушкетер Луи де Сен-Симон отправился в свой первый поход, его мать, невзирая на возражения отца, отправила вслед за ним обоз из тридцати пяти нагруженных лошадей и мулов, чтобы ему «было на что жить»; его сопровождали также бывший гувернер и еще

один дворянин из окружения его матери. Через год, уже командуя своей ротой, Сен-Симон пользовался услугами пяти конюхов со сменными лошадьми и слуги, который, кстати, весьма успешно заменил собой свитского дворянина во время сражения при Неервиндене.

В XVIII веке рядовые мушкетеры (их было 156), шесть барабанщиков и четыре гобоиста получали жалованье в виде 30 су и двух пайков; знаменосец, фурьер, четыре знаменосца, два младших помощника квартирмейстера, четыре капрала и 16 младших капралов — 40 су и два пайка; 10 сержантов — 50 су и два пайка. На эти деньги они должны были также содержать слугу и вьючное животное.

На один переход кавалеристу выдавали 36 унций хлеба, фунт говядины или баранины, полтора кувшина сидра или пива либо пинту вина. В 1745 году весь этот «продуктовый набор» стоил 9 су. Коню полагалось 15 фунтов сена, 5 фунтов соломы, $\frac{2}{3}$ буассо* овса (в ценах 1740 года — 7 су). Офицерам строго запрещали покупать или продавать эти пайки, они должны были быть потреблены личным составом или офицерской свитой.

На содержание роты капитан получал вспомоществование в размере 45 ливров на человека после смотров, производимых весной и осенью, плюс два пособия в 45 ливров для сержанта, три — для корнета, четыре — для лейтенанта и шесть — для самого себя. Помимо этого 30 ливров выдавали на вооружение и обмундирование, и по 15 ливров (в пять выплат по одному экю) каждому рядовому — на штаны, чулки, башмаки, галстуки, перчатки и тому подобное, являвшиеся его личной собственностью.

Если д'Артаньян одалживал своим подчиненным деньги из своего жалованья, чтобы те могли поддерживать свой статус, его преемник Луи де Форбен не был столь щепетилен, и часть средств, выделяемых королем, оседала в его кармане. Так, например, капитан считался владельцем мушкетерских накидок, которые обновляли каждые пять лет, и мог получить от их продажи

* Буассо — старинная мера зерна, которая имела разное значение в разных французских провинциях. В Париже она равнялась 13 л.

три тысячи ливров в год. Еще две тысячи можно было получить с обозных лошадей: на их прокорм высчитывали деньги из жалованья барабанщиков. В этом плане Форбен был далеко не одинок: маршал де Виллар сумел стать миллиардером, но воровство сходило ему с рук, поскольку он одерживал победы.

Людовику XV не хватало денег на содержание армии. Его фаворитка маркиза де Помпадур, считавшая своей обязанностью заниматься политикой, чтобы «разделять интересы» короля, предложила ввести обязательную воинскую повинность: почему бы не отправить в армию всех молодых людей королевства на определенное время? Столько юношей без толку толпятся при дворе! Король с ней не согласился: «Плохая мысль, сударыня. Мы, пятнадцать Капетингов, семь Валуа, пять Ангюлемских и четыре Бурбона, ни разу и в мыслях такого не имели. Мы хотели предоставить нашим подданным свободу не складывать свои головы ради нашей вящей славы. Пусть о таком думают другие, после нас, сударыня. Плохая мысль». Так что со всеобщей воинской повинностью пришлось подождать еще полвека и война осталась делом профессионалов.

Свою первую большую победу рота королевских мушкетеров одержала 8 ноября 1627 года в сражении на острове Ре. Остров, находившийся неподалеку от Ла-Рошели, захватили англичане, заперев французский гарнизон в форте Сен-Мартен. Людовика XIII с трудом отговорили от того, чтобы лично возглавить штурм острова. В бой пошли мушкетеры под командованием своего капитана Монтале (бывшего корнета и племянника первого капитана королевских мушкетеров). Затем они сражались под Ла-Рошелью.

Кардинал Ришелье был потрясен отвагой мушкетеров и решил использовать их везде, где небольшое элитное подразделение может действовать наиболее эффективно. Такой случай представился очень скоро: испанские и савойские войска осадили Казале, требуя герцогство Монферрат в Пьемонте, находившееся под властью мантуанских герцогов Гонзага. Воодушевленный успехом при Ла-Рошели, Людовик XIII согласился прийти на выручку своему союзнику Карлу Гонзага, гер-

цогу Неверскому, и 15 января 1629 года вместе со свитой и мушкетерами отбыл в Савойю. Штаб операции возглавлял Ришелье. Решающий штурм должен был состояться в горах у города Сузы: в ущелье войдут сначала семь рот французской гвардии, шесть — швейцарской гвардии, несколько рот разных армейских полков и конные королевские мушкетеры. Каждый корпус выставит вперед по пятьдесят застрельщиков (*Enfants perdus*). Людовик велел мушкетерам идти с ними.

По словам короля, в его мушкетерах ему больше всего нравилась веселость, с которой они идут в атаку. С юношеским задором они прошли сквозь огонь врага, укрывшегося в горах, и пушечные ядра, летевшие из форта Таласс. Добравшись до первой линии обороны, мушкетеры обрушились на пьемонтцев, опрокинули их, смели еще две баррикады и на плечах врага, не останавливаясь, поднялись до самой вершины горы к крепости города, откуда по ним открыли бешеный артиллерийский огонь. Поручик де Тревиль проявил безграничную храбрость, преследуя герцога Савойского: он чуть было не захватил герцога в плен, но на его пути встал один савойский офицер. Тревилю пришлось с ним сразиться, офицер был ранен, но тем временем герцогу удалось скрыться. Победа была полной. 11 марта Сузы капитулировали, а де Тревиль стал лейтенантом мушкетеров.

Престиж королевских мушкетеров в армии вырос необыкновенно, особенно в глазах молодых дворян-гасконцев. Теперь считалось, что гораздо почетнее пасть на поле боя в плаще мушкетера, чем простым гвардейцем.

В 1632 году французы вторглись в Лотарингию, правитель которой, герцог Карл IV, вел недружественную Франции политику. Герцог Ангулемский бросил роту мушкетеров против двух лотарингских полков, охранявших Рувруа. Мушкетеры изгнали лотарингцев из этого городка, убив около двухсот человек и многих взяв в плен. Именно после этого дела Людовик XIII решил стать капитаном мушкетеров. В 1634 году он предложил капитану де Монталану уйти в отставку, предоставив ему в виде компенсации должность губернатора герцогства и горо-

да Бар, а сам занял его место. Де Тревиль, отличившийся при Рувруа и при взятии Нанси в 1633 году, стал капитан-лейтенантом. Решение короля не удивило мушкетеров, ведь он и раньше принимал большое участие в их судьбе: интересовался их бытом, не пропускал ни одного смотра и знакомился лично с каждым новобранцем.

С 1636 по 1646 год мушкетеры участвовали не во всех военных кампаниях, которых было немало: Лотарингская, Пикардийская, Фландрская, поскольку любивший их и дороживший ими король не хотел ими жертвовать. Молодые люди, желавшие отличиться на поле брани, могли поступить в гвардию или в эфемерную Королевскую дворянскую академию, созданную Ришелье. Так, в 1640 году осаду Арраса вели французские гвардейцы, в числе которых были д'Артаньян, Исаак де Порто и Сирано де Бержерак. Крепость считалась неприступной, испанцы распевали: «Когда французы возьмут Аррас, крысы станут есть котов». Но после ожесточенных боев французы, многие из которых «имели любезность позволить себя убить», захватили Аррас 9 августа 1640 года и стали петь ту же песенку, заменив в ней слово «возьмут» на «сдадут».

Затем мушкетерская рота, как мы помним, была распущена, и отсутствие боеспособного подразделения, безраздельно преданного королю, дало себя знать во время волнений Фронды, в ходе которых мятежный принц Конде, талантливый военачальник, перешел на сторону тех самых испанцев, которых некогда наголову разбил в битве при Рокруа. Франция лишилась нескольких областей на севере и потеряла несколько тысяч людей в бесплодных попытках вернуть Дюнкерк и Валансьен. 23 марта 1657 года Англия и Франция заключили в Париже союз против Испании, и Тюренн тотчас выступил в направлении Испанских Нидерландов. На помощь ему Мазарини отрядил воссозданную мушкетерскую роту.

Захватив с помощью мушкетеров и французских гвардейцев Мардейк, Тюренн пошел на Дюнкерк и осадил этот город 25 мая. На подкрепление к Тюренну выступил отряд мушкетеров под командованием сержанта Лоройда. На помощь к защитникам Дюнкерка спешил эрцгерцог Хуан Австрийский вместе со швей-

царскими гвардейцами под командованием Конде. Испанские войска оказались в виду французских позиций 13 июня — усталые, не держащие строй, без артиллерии и обоза. Проведя разведку, Тюренн оставил под Дюнкерком несколько батальонов, а сам с пятнадцатью тысячами солдат двинулся на испанскую армию.

Сражение произошло 14 июня, в песчаных дюнах. Английские пикинеры в мгновение ока прорвали центр и правый фланг испанцев, однако левый фланг — швейцарцы Конде — выстоял и перешел в контрнаступление. Тюренн бросил на него кавалерию.

Мушкетеры прибыли, когда французские войска уже выступали. Лороид велел им спешиться и встать в первом ряду. Один офицер подошел к нему и сказал: «Это не ваше место». «Я займу такое место, что вы мне не позавидуете», — ответил Лороид.

Он опередил бретонские полки, полк Монгомери, королевских драгун, расположившихся справа от дюн рядом с королевской гвардией, и встал в авангарде. Конде это заметил и был удивлен.

Испанская кавалерия ринулась на французских гвардейцев, но мушкетеры обратили ее вспять метким огнем. Королевский полк и полк Грамона завершили начатое. Конде лично повел в бой новые эскадроны, и ему удалось потеснить два французских полка, которых спасла от полного разгрома только гвардия. Огонь мушкетеров сильно мешал планам Конде, он решил выбить их с занятой позиции и бросал против них превосходящие силы, но безрезультатно. Впоследствии Людовик XIV никогда не забывал об этом эпизоде и любил о нем рассказывать.

Французско-английские войска потеряли в совокупности пятьсот человек, а испанцы и швейцарцы — шесть тысяч, в том числе около четырех тысяч пленными.

Еще утром 23 июня Дюнкерк был испанским, уже к полудню он стал французским, а вечером Людовик XIV передал его англичанам. (В 1662 году Карл II вернул его французскому монарху за выкуп.) В последующие дни мушкетеры, вновь оседлавшие коней, под победные звуки труб въезжали в Гравелин, Уденарде, Ипр,

не встречая уже никаких препятствий на своем пути. В ноябре был подписан Пиренейский мирный договор, и мушкетеры получили возможность отдохнуть.

Войны Людовика XIV называют «неподвижными». В самом деле, в обозные телеги запрягали волов или мулов, армии перемещались медленно. Дорог, по которым можно было бы совершать стремительные марш-броски, не существовало. Зимой они исчезали под снегом или превращались в топь, летом были разбиты крестьянскими телегами и почтовыми рыдванами. В плохую погоду путь, например, из Марселя в Тулон, расстояние между которыми всего шестьдесят километров, занимал пять дней. В горах нужно было знать тропы; большая часть территории страны все еще была покрыта густыми лесами. В истории сохранился анекдот о том, как кардинал Ришелье и «серый кардинал» отец Жозеф Трамбле планировали некую военную операцию. Склонившись над картой, Трамбле увлеченно чертил стрелки, пока Ришелье его не остановил: «Не так быстро, отец Жозеф. Где пройдут эти войска?»

Вплоть до середины XVIII века в обозные и артиллерийские повозки и телеги лошадей запрягали цугом, не меньше трех друг за другом, из-за чего обоз еще более растягивался и становился уязвим во время переходов. Только с 1764 года появились повозки с торчащим впереди дышлом, в которые лошадей стали запрягать попарно. Для перевозки грузов использовали выючных животных, причем мулам отдавали предпочтение перед лошадьми: они были выносливее и неприхотливее.

Марши, контрмарши, переговоры, «устрашение» — вот каковы были основные события войны. Редкую победу можно было назвать решающей, а поражение — сокрушительным. Крупные сражения были редкостью, например, битва при Мальплаке в 1709 году, когда вражеские армии выстроились друг против друга, растянувшись на три-четыре километра, и сражались целый день. Тогда погибли тридцать тысяч человек — в три раза больше, чем при Рокруа (1643).

С совершенствованием огнестрельного оружия и повышением убойной силы артиллерии, в частности благодаря картечи, от построения армии в восемь-де-

сять рядов постепенно перешли к двум-трем: шар со-
бьет меньше кеглей, если расставить их пошире. Что-
бы выстроить в боевой порядок колонну из тридцати
тысяч человек, требовался целый день. Если враг не хо-
тел сражаться, ему достаточно было отступить: дого-
нять его никто не станет. Сражения устраивали только
по обоюдному согласию сторон.

Основная стратегия заключалась в том, чтобы ли-
шить противника баз снабжения. Вторгаясь во владения
врага, войска разоряли их, угоняли скот. Войны были
чрезвычайно жестокими, особенно в отношении
мирного населения. Так, во время Тридцатилетней вой-
ны французские войска и их союзники-шведы опусто-
шили Лотарингию, сожгли замки и деревни; многочис-
ленные жители городов, которые переходили из рук в
руки, были истреблены или погибли от чумы, тифа и
голода; даже аббатств не пощадили. По условиям Пи-
ренейского мира 1659 года Лотарингия вернулась во
владение герцога Карла IV, однако его интриги с врага-
ми Людовика XIV вызвали новую французскую оккупа-
цию: маршал де Креки прошел по этой стране огнем и
мечом, а захватив Эпиналь в 1670 году, отправил его за-
щитников на галеры. В городе осталось не больше ты-
сячи жителей, да и вся провинция обезлюдела.

Боевые действия велись только летом; на зимние
квартиры войска размещали в богатых землях, порой
расселяя их по большой территории; из бедных райо-
нов уходили, даже если они были захвачены с большим
трудом и имели стратегическое значение.

Исход кампании решали даже не сражения, а захват
крупных городов, как правило, после длительной осады.
Важно было перекрыть все пути снабжения города и не
подпустить к нему войска, идущие на выручку. Тюренн
взял себе за правило осаждать густонаселенные города
(такие быстрее прикончат свои запасы), причем перед
жатвой, когда закрома пусты.

Осада была тяжелым испытанием не только для
осажденных, но и для осаждающих: они жили в чистом
поле, на жаре или под дождем, в антисанитарных усло-
виях, когда не хватало воды и хорошей пищи, а вокруг
валялись разлагающиеся трупы.

Штурм укрепленных городов всегда велся с большими потерями, а инженер, руководивший осадными работами, практически являлся смертником: он должен был делать подкопы и закладывать взрывчатку у всех на виду, под огнем противника. Вобан за время четырех осад был ранен двенадцать раз, большей частью летящими камнями.

Если в Средние века осаждающие штурмовали городские стены в лоб, теперь предварительно рыли траншеи, постепенно приближаясь к стене и одновременно обстреливая врага из мортир. Затем саперы делали подкоп под основные городские укрепления и закладывали пороховой заряд, чтобы взорвать стены и принудить крепость сдаться. Инженерные войска как особый вид пехоты возникли не сразу; во время осад мушкетеры таскали на себе тяжелые фашины для засыпки рвов, наполненных грязной водой, носили бревна, чтобы восстанавливать мосты.

Внутри страны, где опасность иноземного вторжения была не так велика, крепости сносили, а их гарнизонами укрепляли пограничные города. Париж лишился своих укреплений, в частности, для того, чтобы потенциальные мятежники не могли ими воспользоваться, как это случилось во время Фронды. Новые крепости строили, сообразуясь с рельефом местности.

В 1665 году умер испанский король Филипп IV, и Король-Солнце, супруг испанской инфанты Марии-Терезии, предъявил свои права на несколько фландрских городов (Монс, Антверпен, Камбре, Малин, Намюр), а также на Люксембург, Брабант, Франш-Конте и Лимбург, принадлежавшие Испании. Дело в том, что покойный король так и не уплатил приданого в пятьсот тысяч экю за своей старшей дочерью, и теперь ее супруг, ссылаясь на древний Брабантский закон, потребовал уплаты «натурой».

В подтверждение своих прав он применил оружие и в начале 1667 года отправил во Фландрию тридцать пять тысяч солдат под командованием Тюренна. Вместе с армией во Фландрский поход отправились обе мушкетерские роты, стоявшие лагерем в Компьене. Мушкетеры способствовали завоеванию Шарлеруа, Турне и Дуэ, которые очень быстро сдались.

Осада Турне продолжалась с 21 по 24 июня. Пока солдаты рыли траншею, мушкетеры, находясь в первых рядах, принимали огонь на себя. Королю вздумалось навестить во время боя их капитана д'Артаньяна: двух скакавших рядом с ним пажей сразили пули. Французский лагерь расположили очень близко к городу, и пушечные ядра разбивали палатки. Но это не помогло: город капитулировал, и «серые мушкетеры» въехали в городские ворота, гарцуя впереди короля; за ними следовали жандармы, легкая кавалерия и часть лейб-гвардии.

Через четыре дня французские войска прошли маршем вдоль Шельды и осадили Дуэ. Первые два дня мушкетеры стояли в резерве, тогда как гвардейцы и саперы рыли траншеи. 5 июля мушкетеры пошли в атаку: стройными рядами, с музыкантами впереди, они вошли в траншею, не обращая внимания на картечь и пули. Открыв огонь, они захватили контрэскарп, перебрались через ров, смели гарнизон одного из рavelинов и водрузили свои знамена над передними укреплениями. Затем они ворвались в город со шпагами в руках, однако Людовик, не желая рисковать их жизнями, вернул их назад. На следующий день город капитулировал.

Куртре, Уденарде и Алофт пали без помощи мушкетеров.

Лилль держался дольше. Испанцы как следует укрепили этот город, его защищал гарнизон из трех тысяч солдат регулярной армии, а также ополчение из горожан. Даже Тюренн и Лувуа, среди прочих военачальников, пытались отговорить короля от штурма. Но Людовик стоял на своем, жаждая военной славы.

Лилль осадили в августе. Мушкетеры рыли траншеи в ночь на 19-е, вторая рота стояла на часах в очередь с лейб-гвардией, чтобы помочь пехоте, а первая — с другими кавалерийскими полками.

26-го король решил штурмовать два рavelина и отправил туда обе роты. Когда все построились в боевой порядок и был дан сигнал к атаке, мушкетеры атаковали на правом фланге, а гвардейцы — на левом. Мушкетеры под командованием поручика второй роты де Монбронна первыми ворвались в рavelин, где находи-

лись двести испанцев; часовой несколько раз крикнул: «Кто идет?» — Монброн на ходу ответил: «Друзья», а затем, когда мушкетеры подтянулись поближе, закричал: «Да здравствует Людовик!» и ринулся вперед. Быстрота, с какой французы овладели рavelином, настолько напугала врага, что те, кто сумел выбраться, бросились в ров и утонули. Закрепившись в рavelине, мушкетеры за ночь выкопали ложемент, подведя под город окоп. На следующий день город был вынужден капитулировать. Губернатор Лилля был поражен, увидев, что большинство неукротимых воинов, прорвавших оборону города, — юнцы в возрасте от семнадцати до двадцати лет. Оставив в Лилле гарнизон, король вернулся в Версаль с обеими ротами, но война продолжалась. Франш-Конте была завоевана за три недели.

(Нерастраченный боевой задор молодых мушкетеров, которым чуть ли не против воли приходилось покидать поля сражений, чтобы следовать за королем, мог обернуться неприятными последствиями. Даже если забыть о дуэлях, обычные дурачества молодых людей с боевым оружием были сопряжены с большим риском. Сен-Симон рассказывает в своих мемуарах об одном таком происшествии. После осады Намюра в 1692 году король возвращался в Версаль, и во время остановки двора в Мариенбурге мушкетеры стали лагерем поблизости. Один из них решил устроить ужин для своих товарищей. Сен-Симон пришел в его палатку одним из первых, застал друга лежащим на кровати, в шутку согнал его и улегся на его место. Хозяин, тоже в шутку, схватил свое ружье, думая, что оно не заряжено, прицелился и спустил курок. Ко всеобщему удивлению, раздался выстрел, над головой Сен-Симона просвистели три пули, чуть не убив двух гувернеров юных вояк, которые в этот момент прогуливались за палаткой. Виновник происшествия, которое, по счастью, не окончилось трагически, несколько дней не мог прийти в себя.)

В мае следующего года испанцы подписали мирный договор в Ахене, однако Франция смогла оставить за собой только нидерландские города. Людовик XIV уже

видел, что Голландия стала его врагом, и решил готовиться к схватке.

Тем временем королевские мушкетеры продолжали совершать подвиги, но только на более экзотических фронтах.

Заботясь о своем престиже, король отправил экспедиционный корпус на помощь критскому городу Кандия (ныне Ираклион), находившемуся под властью венецианцев и с 1648 года осажденному турками (в те времена сам остров Крит часто называли Кандией). Людовик мечтал о титуле «победителя неверных». Галеры и корабли с семью тысячами солдат под командованием герцога де Навайля, а также 106 мушкетеров из первой роты и 118 из второй во главе с де Монбронном и корнетом де Мопертюи отплыли на Крит из Тулона.

Бои продолжались несколько месяцев, обе стороны несли большие потери. Французские войска были представлены таким образом, чтобы мушкетеры могли подоспеть туда, где были нужнее всего. Один раз турки, пользуясь паникой среди пехоты из-за взрыва порохового склада, перешли в контрнаступление и отразили атаку кавалерии, но герцог де Наваиль встал во главе мушкетеров и гвардейцев, которые ринулись на турок, опрокинули их и отбили город. Два дня спустя мушкетеры снова отличились: с одной стороны города не было никаких укреплений, наступавшие янычары уже ввязались в рукопашную, когда на выручку защитникам Кандии примчался граф де Шуазель с горсткой солдат. Офицеры Мопертюи, Сен-Венсан и Шалуа были с ним. Вместе с гвардейцами герцога де Навайля и двумястами солдатами из Лотарингского полка они оказали столь яростное сопротивление, что закаленные в боях янычары, дважды бросавшиеся в атаку под непрерывные взрывы бомб и гранат, были отброшены, потеряв самых храбрых воинов. Это сражение было выиграно, но французам так и не удалось заставить неверных снять осаду: 31 июля 1669 года Кандия перешла в руки турок; французские войска погрузились на корабли и вернулись восвояси.

Под Кандией сложили головы две с половиной ты-

сячи французских воинов; капралы мушкетеров де Кариньян и де Комб были убиты, сержанты де Риговиль и Пренвиль — ранены, каждая из рот потеряла тридцать мушкетеров ранеными. Но последний бой мушкетеров с янычарами стал легендой.

Тем временем Людовик XIV готовился к войне с Голландией. Между двумя странами уже давно назревал конфликт из-за Испанских Нидерландов: Франция во что бы то ни стало стремилась ими завладеть, чтобы разорвать кольцо Габсбургов и отвести границу к северу, подальше от Парижа; Соединенные провинции справедливо полагали, что разросшаяся Франция будет грозить им с юга, и в своей внешней политике следовали правилу: «Французы — друзья, но не соседи». Францию и Голландию разделяло все: политический режим (в Париже — абсолютизм, в Амстердаме — власть буржуазной олигархии), государственная религия (соответственно католичество и протестантство), претензии Голландии на господство в торговле, которые Франция стремилась сдерживать таможенными барьерами.

Осенью 1671 года 112 тысяч солдат под командованием Конде и Тюренна разместились между Маастрихтом и Шарлеруа. В октябре д'Артаньян получил приказ сформировать отряд из обеих мушкетерских рот, чтобы отправиться в Шалон, «захватив с собой одну-две рубашки»; едва они прибыли в этот город, как получили другой приказ: идти в Кёльнское курфюршество под командованием капитан-лейтенанта второй роты графа де Монброна и разместиться на зимних квартирах. 1 мая 1672 года король выехал из Сен-Жермена в Голландию вместе с королевой, с беременной госпожой де Монтеспан (своей тогдашней фавориткой) и всем двором. Французская армия соединилась в Шарлеруа и после смотра проследовала до Рейна, где к ней примкнул отряд мушкетеров из Кёльна. Вся военная свита короля переправилась через Рейн, разбившись на эскадроны, на глазах у его величества; после этого, не встречая сопротивления, был захвачен Дуйсбург, а мушкетеры проследовали прямо на Утрехт, подготовив торжественное вступление короля в этот город. После этого мушкетеры и вся кавалерия продолжили

победное шествие в направлении Амстердама, однако голландцы собрались с духом и оказали им ожесточенное сопротивление. Французы отступили на зиму под Трир и Утрехт; король вернулся во Францию, обе роты со всей свитой сопровождали его до Сен-Кантена, а оттуда вернулись под Маастрихт и стали лагерем.

В начале 1673 года Людовик XIV решил осадить Маастрихт — главный город Брабанта, стоящий на реке Маас и занимающий стратегическое положение на пересечении дорог из Льежа и Ахена, и обратился за помощью к англичанам. Город выглядел неприступным: его окружала древняя стена со множеством сторожевых башен, которую укрепили, чтобы она выдерживала артиллерийский огонь; со стороны долины его прикрывали три ряда бастионов, угловых укреплений и кронверков. За насыпью размещалась крытая траншея. На холме со стороны Льежа стояла крепость Святого Петра — мощный бастион с казематами и контрэскарпом, откуда долина хорошо простреливалась. И все же Король-Солнце не сомневался в успехе: он приказал Кольберу прислать художника, заметив: «Я думаю, это будет красивое зрелище».

Гарнизон Маастрихта состоял из пяти тысяч пехотинцев, тысячи всадников и городского ополчения. Губернатор Жак де Фарио, барон де Мод, француз по происхождению, служил испанцам и голландцам и уже имел опыт успешной обороны: в 1656 году он отбил атаки Тюренна и маршала де Ла Ферте на Валансьен. Армия осаждающих состояла из двадцати шести тысяч пехотинцев, девятнадцати тысяч кавалеристов и пятидесяти восьми пушек; обоза хватило бы, чтобы продержаться шесть недель без подвоза провианта.

Осадные работы под Маастрихтом начались 17 июня 1673 года. Вобан впервые соорудил параллельные траншеи, которые с успехом использовали итальянцы против турок: по ним можно было близко подойти к укреплениям противника. На следующий день французы начали артобстрел, который длился тридцать шесть часов, захватили крепость Святого Петра с ее пушками и подавили огневые точки осажденных.

Чтобы отвести постоянно адресуемые французам упреки в том, что они способны лишь на безудержную храбрость, но не могут переносить усталость, Людовик XIV лично подавал войскам пример терпения и трудолюбия. Все ночи он оставался на ногах до 5 утра, после обеда верхом объезжал войска, следил за ходом работ, присутствовал при всех атаках (но не участвовал в них: подвергать риску священную особу короля было бы святотатством).

Основной натиск повели на Тонгрские ворота, прикрытые рavelином, который надлежало захватить, чтобы прорваться в крепость. В субботу 24 июня, в Иванов день, около десяти часов вечера французские пушки выпустили в небо потешные огни. По этому сигналу «черные мушкетеры» и полк дофина начали отвлекающий маневр, а триста гренадер, первая рота мушкетеров и граф де Монброн во главе четырех батальонов Королевского полка ринулись через траншеи и окопы на штурм Тонгрских ворот.

Нужно представить себе эту картину: французы шли в атаку под бой барабанов, с развернутыми знаменами; кругом взрывались гранаты (не менее шести тысяч), голландцы бросали фугасы, лили на наступавших горячую смолу, стреляли из мушкетов. И все же через полчаса французы захватили рavelин, потеряв восемь офицеров и около сотни солдат убитыми и многих ранеными. К тому же выяснилось, что Монталь вместо отвлекающей атаки произвел настоящую, потеряв около трехсот человек. Во время схватки знамя мушкетеров оказалось в руках врага, но поручик Анри де Офей героически отбил его (через год, после отставки графа де Монброна, он будет назначен капитан-лейтенантом второй роты).

Потери противника составили около четырехсот человек убитыми и пленными, командир был убит. Французы закрепились в рavelине, успешно отбивая контратаки врага. Так прошла вся ночь.

На следующее утро голландцам под командованием Фарио с третьей попытки удалось выбить из рavelина французских гвардейцев (мушкетеры, сделав свое дело, стояли в арьсгарде, восстанавливая силы). Узнав

об отступлении гвардейцев, д'Артаньян без королевского приказа послал вестового в лагерь мушкетеров за подкреплением. Участвовавший в кампании герцог Монмут, сын Карла II, посчитал, что на подход к рavelину по траншее нет времени, и решил бросить людей на штурм по открытой местности, причем атакующим надо было перелезть через недавно возведенный французами барьер. Этот безумный рывок мушкетеры совершили под градом картечи. Равелин они отбили, но на поле боя остались лежать убитыми пятьдесят офицеров и сто гвардейцев, а также триста раненых. Мушкетеры потеряли восемьдесят человек убитыми, а из пятидесяти раненых пятнадцать вскоре скончались. Д'Артаньян, которому мушкетная пуля попала в горло, лежал на насыпи рядом со знаменем роты. Любившие своего командира мушкетеры вызвались вынести его тело из-под огня. Четверо были убиты и ранены, прежде чем это удалось сделать квартирмейстеру роты Сен-Леже. Король пожаловал ему награду в тридцать тысяч ливров. После сражения король велел тайно отслужить заупокойную службу. В присутствии двух кузенов д'Артаньяна, Пьера и Жозефа де Монтеस्कью, его похоронили у стен Маастрихта.

Через день отличилась вторая рота, и 29 июня Маастрихт капитулировал на выгодных для себя условиях: гарнизон и Фарьо отпустили с воинскими почестями, а жителям сохранили привилегии. Людовик торжественно вступил в город; впереди него скакали триста мушкетеров; место д'Артаньяна занял Луи де Форбен, бывший майор лейб-гвардии.

Вобан выстроил вокруг города новые укрепления, и через три года, когда Маастрихт осадил Вильгельм III Оранский, он выдержал осаду, длившуюся тридцать восемь дней. Вильгельм потерял двенадцать тысяч убитыми (потери французов в 1673 году составили восемь тысяч) и был вынужден снять осаду, поскольку на выручку к французам спешил Шомберг.

Воспоминание о штурме под Маастрихтом оставило горький осадок у мушкетеров: офицеры решили, что лучше не подчиниться приказу, чем дважды захватывать одни и те же позиции.

Развивая наступление, мушкетеры способствовали захвату Безансона 21 мая 1674 года и капитуляции Дюля во время второго завоевания Франш-Конте. В 1676 и 1677 годах они вернулись во Фландрию, где показали себя превосходными мастерами осады: пали Валансьен, затем Камбре и Сент-Омер. Видя их мужество и бесстрашие, принц Оранский воскликнул: «Если бы у меня были такие войска, я был бы непобедим!» В 1678 году был подписан мирный договор в Неймегене, по которому Франция получила Франш-Конте и несколько крепостей во Фландрии.

Через некоторое время война с Испанией возобновилась; на Францию ополчилась вся Европа. В «Парижском альманахе» за 1689 год, изданном большим тиражом, было помещено изображение короля-мушкетера, вооруженного шпагой и сражающегося сразу с восемью противниками. В самом деле, мушкетеры тогда сражались во Фландрии, на Рейне, в Нормандии...

20 мая 1692 года Людовик устроил в Живри самый крупный военный смотр за всю историю правления: сто двадцать тысяч человек выстроились в четыре ряда; на то, чтобы обойти один из них, уходило два часа. Команду разойтись дали только поздно ночью. После короткого отдыха войска выступили на север, к Намюру, и прибыли туда только в конце месяца. Там уже находились инженер Вобан и маршал де Люксембург. В июне 1692 года к ним присоединился Людовик XIV вместе со своей супругой госпожой де Ментенон и придворной свитой. Осада Намюра стала последней военной операцией при личном участии стареющего Короля-Солнце: он провел три тяжелые недели под нескончаемым дождем, страдая от приступов подагры, которые приковывали его к постели.

Намюр считался неприступным, даже Цезарь в свое время захватил его с большим трудом. Однако для взятия города оказалось достаточно двух мушкетерских рот: он пал 5 июня. Оставалась крепость, которой можно было завладеть только после осады по всем правилам военного искусства. Под проливным дождем, размывавшим дороги и осложнявшим подвоз боеприпасов, Вобан провел саперные работы. Отрезанная и

лишенная надежды на быструю помощь, крепость сложила оружие 30 июня 1692 года.

Во время военных походов вплоть до 1692 года Людовик XIV находился на фронте 647 дней, то есть почти два полных года. Он разделял представление об идеале мужчины как о бесстрашном воине, не кланяющемся ядрам и пулям, а потому научился владеть собой во время канонады, умел держать себя в руках при любых обстоятельствах. Согласно двум регламентам, изданным в его правление (от 15 декабря 1665 года и от июля 1695 года), «в день баталии короли обязаны сражаться во главе тяжелой кавалерии». «Совершенно точно, что без присутствия короля, бдительность которого была душой осады и который, не требуя того, заставлял делать невозможное (настолько велико было желание ему понравиться и отличиться), дело никогда не довели бы до конца», — пишет Сен-Симон об осаде Намюра.

Во время последней войны (за Испанское наследство), в которой франко-испанскому союзу противостоял союз Англии, Нидерландов и Габсбургов, Людовик уже не мог воодушевлять свои войска личным примером, и военное счастье оказалось переменчиво. Теперь роль вдохновителей играли королевские мушкетеры — ударный отряд французской армии, они первыми бросались в бой, не щадя своей жизни.

Ход этой войны определялся уже не осадами, а сражениями с участием пехоты и конницы. Пехоте, которая была в три раза многочисленнее кавалерии, отводилась основная роль, а коннице — вспомогательная. В 1678 году французская армия насчитывала девять кавалерийских полков: дворянский полк (носивший имя владельца) состоял из двух эскадронов, королевский — из трех; эскадрон включал четыре роты по пятьдесят всадников.

Во время крупных сражений тактику кавалерии можно было свести к трем самым распространенным приемам: продолжительный обстрел, затем атака рысью; рассыпная атака (излюбленный прием маршала Тюренна); конная лава, мчащаяся галопом с саблями наголо (любимый прием Великого Конде).

Только после того, как грозных пикинеров заменили

пешие мушкетеры, подолгу заряжавшие свое оружие, перешли к тактике повторяющихся атак.

Во время похода кавалерия передвигалась колонной поротно, во время сражения — поэскадронно, шагом или рысью и всегда в три шеренги (военная свита короля сражалась, выстроившись в две шеренги). Все офицеры находились впереди строя, обычно их охраняли специально отобранные всадники; таким образом, формировалась еще одна шеренга. Перестроение из колонны в боевой порядок и обратно производилось через каре. Расстояние между рядами составляло шесть шагов, и после перестроения колонна оказывалась длиннее фронта эскадронов; это замедляло перегруппировку на флангах. Каждый, включая офицеров, сражался там, где считал более удобным для себя, что нередко вносило сумятицу. Пять-шесть эскадронов объединяли в бригады и распределяли в две линии: первая линия выступала сомкнутыми рядами, вторая была пореже. К такой системе пришли набив себе немало шишек: когда обе линии старались держать строй, первая при отступлении неминуемо увлекала за собой вторую.

Во время кровопролитного сражения при Неервиндене в 1693 году маршал де Люксембург, видя, что укрепления врага пехоте не по зубам, велел всей кавалерии идти на них в лоб мелкой рысью. Противник подпустил кавалерию на близкое расстояние и дал по ней залп из стрелкового оружия, лошади развернулись и умчали своих всадников прочь. Офицерам с большим трудом удалось восстановить строй, атаку возобновляли дважды — с тем же ожесточением и с таким же результатом. Захватить вражеские укрепления, на которые и пеший-то мог взобраться с трудом, для конницы было нереально, однако маршал задумал эту безумную атаку как «психическую», предполагая, что уstraшенный видом кавалерии неприятель сам обратится в бегство.

Обычно конницу пускали в ход, чтобы переломить ход сражения, когда «своим» требовалось лишь немного помочь. Чаще кавалерию использовали для разведки (в нее посылали четыре-шесть всадников с унтер-офи-

цером, реже — отряд в двадцать-тридцать человек под командованием корнета или поручика, обычно эту задачу поручали гусарам), засад, преследования противника и мелких стычек; из армейской кавалерии формировали также «заградотряды», которые должны были препятствовать дезертирству.

В 1703 году триста конных королевских мушкетеров, находившихся в составе Фландрской армии под командованием маршала Вильюра, устроили засаду и в ходе ожесточенного боя вынудили вражеский отряд отступить к основным силам. Маршал де Буффле, преследовавший противника, чтобы заставить его дать сражение в намеченном французами месте, попросил у маршала Вильюра дать ему в помощь два отряда мушкетеров, однако тот ответил, что цвет французского дворянства нельзя подвергать опасности в мелких стычках, приберегая для крупных сражений — по приказу или в присутствии короля.

Вероятно, перед сражением под Хохштадтом 13 августа 1704 года герцог де Вильюра был уверен в победе: французы и баварцы выставили шестьдесят тысяч солдат против пятидесяти двух тысяч у союзников — австрийцев, англичан и голландцев, за которых сражались также немцы и датчане. Французы поставили кавалерию в центре, чего обычно никогда не делали, и заплатились за это: вынужденная поддерживать оба фланга, она не могла действовать как единый кулак, к тому же герцог Мальборо направил на нее огонь шестидесяти пушек. В итоге англичане сбросили французов в Дунай, а австрийцы произвели «зачистку» берега. Франко-баварские войска потеряли тринадцать тысяч солдат убитыми и ранеными и семнадцать тысяч — пленными, в числе которых был их командующий граф Камилл де Таллар (он был захвачен раненым и с оружием в руках). Мушкетеры в том бою не участвовали.

Битва при Хохштадте имела решающее значение: французов вытеснили за Рейн, Баварию оккупировали, а Савойя и Португалия переметнулись в стан врага.

Стараясь развить успех и выбить французов из бывших Испанских Нидерландов, герцог Мальборо пошел на Лилль и Дюнкерк. Его надо было остановить, и мар-

шал де Вильруа решил сделать это при Рамильи 23 мая 1706 года. Это сражение, окончившееся в целом бесславно для Франции, позволило мушкетерам совершить очередной подвиг, оставшийся в анналах военной истории. Свита короля, включая мушкетеров, образовывала правый фланг французских войск. Мушкетерские роты состояли в основном из юнцов, многие из которых получили в этом сражении боевое крещение, однако они не уступали в храбрости закаленным бойцам из числа жандармов и гвардейцам из легкой кавалерии. Их храбрость оказалась даже чрезмерной: ринувшись вперед и прорвав линию врага, мушкетеры остановились лишь тогда, когда поняли, что остальные кавалерийские части французов смяты и они окружены. Тогда они стали отчаянно пробиваться к своим, неся потери: в роте «серых мушкетеров» погибли тринадцать человек, еще сорок пять, включая их командира маркиза де Жансона, были ранены; «черные мушкетеры» потеряли двадцать три человека убитыми и около тридцати ранеными; их командир граф де Каниллак получил несколько ранений, ему раздробило челюсть.

Франко-испанские войска потеряли около шести тысяч солдат пленными. Согласно законам того времени, пленных уже не расстреливали; противоборствующие стороны обменивались военнопленными по спискам — картелям: лейтенанта меняли на лейтенанта, капитана — на капитана, а рядовых — по «количеству штук», причем если одна из сторон не могла предоставить равнозначного количества пленных, то должна была уплатить сумму в размере месячного жалованья за каждого солдата. В 1643 году, после битвы при Рокруа, когда герцог Энгиенский (будущий Великий Конде) разбил испанцев, население Руана кормило шесть тысяч военнопленных, затем французский король возместил этому городу убытки, получив, в свою очередь, компенсацию от испанского короля.

В числе плененных при Рамильи был и двадцатилетний мушкетер Жан Клод Одрен де Кердрель: он получил несколько тяжелых ран и, будучи без сознания, попал в руки врага. Через полгода, 23 ноября, голландцы предоставили ему четырехмесячный от-

пуск, чтобы повидаться с семьей, но благодаря обмену пленными ему не пришлось возвращаться в неволю. В 1708 году в сражении при Уденарде (также проигранном) мушкетеры потеряли пленными только двух человек.

На следующий год обе роты снова были во Фландрии, поддерживая армию под командованием маршала де Виллара. 11 сентября они участвовали в битве при Мальплаке и со своим неизменным бесстрашием пять часов подряд выдерживали огонь тридцати пушек; семидесятилетнему прапорщику «серых мушкетеров» д'Эгреберу, командовавшему ротой, ядром оторвало обе ноги. Когда противник прорвал ряды французов в центре и на левом фланге, мушкетеры вместе с еще тремя эскадронами ринулись на кавалерию врага, чтобы предоставить пехоте с правого фланга возможность отступить. Атака следовала за атакой, мушкетеры с удивительной быстротой смыкали ряды и восстанавливали строй; так продолжалось до тех пор, пока они не получили приказ отступить, что и сделали «с величайшим хладнокровием и спокойствием».

Упорядоченное отступление, благодаря которому французскую армию удалось спасти от полного разгрома, следовало поставить в личную заслугу Пьеру де Монтескью, отслужившему в мушкетерах двадцать три года, а затем ставшему генерал-лейтенантом. Во время сражения под ним убило трех лошадей, сам он был ранен; 15 сентября 1709 года король лично произвел его в маршалы Франции.

Сражение при Мальплаке было для Франции «победным поражением»: обескровленный противник отказался от продвижения в глубь страны, военные действия удалось перенести во Фландрию и Германию, и в конечном счете Людовик XIV добился-таки своего, то есть Испании.

Возможно, после этого монарх решил не рисковать своими элитными войсками, и мушкетеры не смогли отомстить за Рамильи и Мальплаке: маршал де Виллар не позволил им вступить в бой с герцогом Мальборо на Шельде в 1711 году, остановив их своим приказом, когда обе роты уже шли в атаку, а в следующем году Фри-

бург сдался прежде, чем начался штурм, и мушкетеры снова потеряли возможность отличиться.

Французы сколько угодно могли смеяться над герцогом Мальборгом, сложив про него песню «Мальбрук в поход собрался»: это был злой смех сквозь слезы и стиснутые зубы. Реванш за поражения удалось взять только во время войны за Австрийское наследство (1740—1748), в которой французы одержали победы при Фонтенуа (1745), при Рокуре (1746) и при Лауфельде (1747). Но это не было началом новой эры, наоборот: это был прощальный привет уходящей эпохи; так воевать больше было нельзя.

Сражение при Фонтенуа состоялось 11 мая 1745 года; французскими войсками командовал умирающий маршал Саксонский (он страдал от водянки, и его носили в плетеном кресле); поддержать их морально явился Людовик XV с дофином. Людовик Возлюбленный отнюдь не был воином и прибыл на поле боя, потому что «так надо». Зато он умел произносить исторические фразы. Морицу Саксонскому он сказал, что после битвы при Пуатье (1356) ни один из французских королей не сражался рядом с сыном и никто после Людовика Святого не выигрывал сражения с англичанами, так что он надеется стать первым.

Сражение началось в пять часов утра. Первой в бой двинулась пехота; первую шеренгу центра составляли французские гвардейцы. Когда противники находились на расстоянии пятидесяти шагов друг от друга, английские офицеры сняли шляпы и поклонились французам. Граф де Шабанн, герцог де Бирон и все французские офицеры ответили тем же. Лорд Чарльз Гэй, капитан английских гвардейцев, сказал: «Господа французские гвардейцы, стреляйте!» Граф д'Отрош, лейтенант гренадер, отвечал: «Господа, мы никогда не стреляем первыми, стреляйте сами».

Беглый огонь снес всю первую шеренгу: шестьсот солдат и пятьдесят двух офицеров. Сам граф получил семь пуль (однако потом оправился от ран и дожил до восьмидесяти лет).

Этот эпизод часто цитируют как анекдот, отлично характеризующий «войну в кружевах». На самом де-

ле французы выполняли ордонанс конца XVII века, который предписывал войскам принимать первый залп на себя. Возможно, это было связано с несовершенством огнестрельного оружия, на перезарядку которого уходило много времени. Перед сражением при Лансе 17 августа 1648 года, в котором армия принца Конде противостояла войскам австрийского эрцгерцога Леопольда, принц обратился к солдатам с такими словами: «Друзья, вспомните Рокруа, Фрибур, Нердлинген. Мы должны победить или умереть. Идите в один ряд. Во что бы то ни стало, сохраняйте боевой порядок. Примите первый вражеский выстрел на себя, и лишь после этого стреляйте сами».

Итак, англичане шли медленно, как на параде. Плотно сомкнув ряды, колонна англичан и австрийцев неутомимо продвигалась вперед, ряд за рядом выкашивая французов. Французская конница шла в атаку шагом или рысью, с саблями наголо, не пользуясь огнестрельным оружием.

Все участники сражения словно состязались в стойкости и выдержке: генерал-лейтенант шевалье д'Аше, которому раздробило ногу, докладывал обстановку королю, не выказывая боли, пока не упал без чувств. После него к ставке на взмыленном коне прискакал герцог де Ришелье. «Моя новость в том, что сражение будет выиграно, если этого захотеть, — заявил он, — а мое мнение — что нужно немедленно выдвинуть четыре пушки в лоб колонны. Артиллерия ее остановит, а военная свита короля и другие войска окружат; нужно рассредоточиться и атаковать».

Говорят, что Людовик XV плакал, давая согласие на план герцога: ему было жаль своей гвардии. Свиту бросили в бой; мушкетеры пустили лошадей в галоп, однако офицеру де Монтестью пришла в голову счастливая мысль атаковать сомкнутыми рядами, а не врассыпную, как прежде. Общий штурм длился не больше восьми минут, но за это время погибли семьдесят три французских офицера, в том числе пять полковников и пять гвардейских капитанов, 55 человек были тяжело ранены, 464 получили легкие ранения, однако неприятель обратился в бегство. К часу дня все было кончено. По-

тери врага составили около четырнадцати тысяч убитыми и ранеными, а французов — семь тысяч. «Смотрите, какова цена торжества, — горько изрек король, идя по полю, усеянному трупами, — кровь наших врагов — кровь человеческая; подлинная слава — избежать ее пролития».

После битвы старый маршал Саксонский говорил королю, стоя на коленях: «Сир, я много прожил; сегодня я желал бы жить лишь для того, чтобы увидеть победу вашего величества. Вы видите, от чего зависят сражения». На самом деле решающую роль сыграло не присутствие монарха в ставке, а неустрашимость королевских мушкетеров, продемонстрировавших сплоченность и решительность (кстати, их потери составили всего двадцать два человека). Герцог Кумберленд говорил, что ни одно сражение не выиграть, пока не разбита свита короля. Но это был последний подвиг элитного подразделения.

Людовик XV, не унаследовавший воинственного характера своего прадеда, был нерешительным правителем и не претендовал на военные лавры. Завоеванную Фландрию он... вернул Габсбургам. После этого французы были готовы простить его предшественнику все — и лишения, и войны, и поборы, и все прочие бедствия, поскольку ими Король-Солнце мостил дорогу к славе — славе Франции, и никогда бы не согласился «поработать на прусского короля».

Отсутствие военной подготовки и интереса к военному делу у монарха сказывалось на общем положении армии: офицерские чины по-прежнему были продажными, и многие офицеры являлись военачальниками лишь номинально, а в бою не знали, что им делать. Главнокомандующих назначали по протекции. Все эти пороки обнажились во время Семилетней войны. Так, 5 ноября 1757 года при Россбахе прусский король Фридрих Великий с двадцатью двумя тысячами солдат наголову разбил франко-австрийские войска под командованием принца де Субиза, протеже маркизы де Помпадур, в распоряжении которого было пятьдесят четыре тысячи человек. Решающую роль сыграла атака прусской кавалерии под командованием генера-

ла Зейдлица: галопом, с саблями наголо. Потери пруссаков составили всего 550 человек, потери их противников — три тысячи убитыми и ранеными и пять тысяч пленными. Многие французские офицеры сдались в плен, не оказав сопротивления.

В XVIII веке, когда «казаться» считалось важнее, чем «быть», мушкетерские роты утратили свое бывшее значение в воспитании офицерских кадров, перестали быть примером воинского искусства и отваги; они все больше играли представительскую роль, практически ничем не отличаясь от гвардейских рот.

МУШКЕТЕРЫ НА ДУЭЛИ

*Дуэль в начале XVII века. — Храбрец для кардинала. —
Эдикты против дуэлей. — Дуэль: все дозволено. —
Секунданты. — Вызов. — Дуэль в гарнизоне. —
Превентивные меры. — Дело чести. — Военные
и гражданские*

*Вступайте в бой по любому
поводу, деритесь на дуэли, тем бо-
лее что дуэли воспрещены и, сле-
довательно, нужно быть мужест-
венным вдвойне, чтобы драться.*

А. Дюма. Три мушкетера

Времена, когда дуэль игра-
ла роль судебного поединка, то есть средства наказать
зло или отстоять правоту, давно прошли (хотя пусты-
ри при аббатствах Сен-Мартен, Сен-Жермен и Пре-о-
Клер, служившие местами проведения таких поедин-
ков, по-прежнему использовались «по назначению»).
К началу XVII века такой «самосуд» уже не приветство-
вался ни властями, ни Церковью, однако дворяне были
твердо убеждены, что «честь человека со шпагой мож-
но защитить только шпагой». С 1598 по 1608 год, не-
смотря на суровые законы, на дуэлях погибли восемь
тысяч дворян, то есть больше, чем в Религиозных вой-
нах. «Добрый король» Генрих IV, в котором бурлила бе-
арнская кровь, сам в какой-то мере поощрял поединки.
Он лично драться не мог, поскольку дуэль — противоборство
равного с равным, зато охотно принимал ус-
луги тех, кто вызывался защитить его честь. Так, в 1605
году король оказался соперником в любви Франсуа де
Бассомпьера, слывшего образцом французского рыцаря
и без счета покорявшего женские сердца. Герцог де

Гиз вызвался постоять за честь короля* и вонзил Бассомпьеру пику в живот так, что у того «вывалились все кишки». По счастью, Бассомпьер выжил и впоследствии стал маршалом Франции. Король же не был строг к дуэлянтам даже при трагическом исходе: за девятнадцать лет он подписал семь тысяч писем о помиловании участников поединков.

Но после гибели короля в 1610 году все изменилось. Во время Генеральных штатов 1614 года делегаты от Парижа, по большей части магистраты и чиновники, в своем наказе потребовали строгих и неумолимых мер против дуэлей, и королева-регентша вместе с юным Людовиком XIII их в этом поддержали. Понять их было легко: Франция постоянно вела войны то с внешним врагом, то с внутренним, и убивать друг друга почему зря, вместо того чтобы отдать жизнь за короля, было просто предательством (в среднем за год на дуэлях погибали 220 дворян). Но угрозы не помогали: никто не верил, что власти в самом деле пойдут на крайние меры. При этом с рыцарским поведением на дуэлях было давно покончено. Например, знаменитый дуэлянт Франсуа де Монморанси-Бутвиль, успевший к двадцати пяти годам сразиться на двадцати поединках, предложил одному своему сопернику снять шпоры, а когда тот нагнулся, проткнул его шпагой. Отец будущей куртизанки Нинон Ланкло был вынужден бежать из Франции после поединка, слишком смахивавшего на убийство: он проткнул шпагой своего противника Шабана, когда тот запутался в портъере.

По своей жестокости дуэли того времени могли дать фору даже знаменитому «стреляться через платок» русских гусар: в начале века два дворянина закололи друг друга кинжалами, сцепившись левыми руками, а еще двое умертвили друг друга... сидя в бочке! Поединки были непродолжительны по времени; часто противники яростно набрасывались друг на друга и протыкали друг друга рапирами (главное дуэльное оружие XVII века): такой удар назывался «ударом двух вдов».

* К такому методу прибегали не только короли. Фаворит Людовика XIII Шарль Альбер де Люинь не был храбрым человеком, и на дуэлях вместо него сражались его братья Брант и Кадне.

По свидетельству французского историка Никола Амело де ла Уссэ (1634—1706), в первые годы правления Людовика XIII дуэли были столь обыденным делом, что при встрече утром люди спрашивали друг у друга: «Кто вчера дрался?» — а после обеда: «Не знаете, кто дрался сегодня утром?» При этом поединки отнюдь не встречали безусловного осуждения в обществе, считавшем бесстрашие главным качеством мужчины. Дуэлянтов называли «гладиаторами». Отъявленные бретеры затевали драку по любому поводу, а если им не удавалось спровоцировать противника, напрашивались к кому-нибудь в секунданты — лишь бы получить возможность драться.

Бутвиль мог вызвать человека на поединок, просто чтобы проверить его храбрость. Каждое утро в большом зале его дома собирались бретеры. Для них уже были заготовлены вино и хлеб на столах, после чего они приступали к упражнениям в фехтовании. Возглавлял это общество Ахилл д'Этамп де Валансе, впоследствии ставший кардиналом. Он был таким драчуном, что однажды хотел вызвать на бой своего лучшего друга Бутвиля, поскольку тот не позвал его в секунданты на поединок, имевший место несколько дней назад. Чтобы «загладить свою вину», Бутвиль пригласил Валансе составить ему компанию на дуэли с маркизом де Портом, секундантом которого был господин де Кавуа. (Заметим, что секундант должен был не наблюдать за дуэлью, а тоже драться — «за компанию», причем своего противника он чаще всего даже не знал.)

Представляя Кавуа Валансе, маркиз заявил, что привел одного из лучших учеников дю Перша (на тот момент самого знаменитого учителя фехтования в Париже), и заметил: «Ваш Оливер встретит Роланда»*. Валансе пронзил Кавуа шпагой и воскликнул: «Друг мой, этому удару учил меня не дю Перш, но вы признаете, что удар хорош». По счастью, Кавуа поправился, и впоследствии их отношения с Валансе были самыми дружескими. Когда кардинал Ришелье (все Валансе хранили ему верность) подбирал себе храброго человека для командо-

* Персонажи «Песни о Роланде»: рыцарь Роланд и барон Оливер, погибшие рядом в неравном бою.

вания своей личной охраной (гвардейцами кардинала), «Оливер» горячо рекомендовал ему «Роланда»-Кавуа и клялся честью, что его преосвященство не найдет никого храбрее. Таким образом, дуэль, чуть не стоившая Кавуа жизни, проложила ему путь к процветанию.

Королевская власть пробовала бороться с поединками, издавая декларации (1613, 1617, 1623) о том, что оскорбленные дворяне вместо дуэли обязаны в течение месяца подать жалобу в суд маршалов, и эдикты. Эдикт от 1624 года предоставил парижскому парламенту юридическое основание для осуждения на смерть заочно. Кардинал Ришелье, несмотря на свою личную трагедию (его старший брат был убит на дуэли, и род Ришелье пресекся), советовал Людовику XIII соизмерять наказание с виной и не карать всех дуэлянтов смертью, а ограничиться «административным взысканием»: лишать должностей и материальных благ, пожалованных короной, и только в случае смерти одного из участников поединка отдавать второго под суд. Новый эдикт, изданный в 1626 году, предусматривал следующие меры: за вызов на дуэль — лишение должностей, конфискация половины имущества и изгнание из страны на три года. За дуэль без смертельного исхода — лишение дворянства, шельмование или смертная казнь. За дуэль со смертельным исходом — конфискация всего имущества и смертная казнь. Дуэль с привлечением секундантов расценивалась как проявление трусости и подлости и каралась смертью вне зависимости от ее исхода. Были предусмотрены особые меры против злоупотребления правом на помилование: король поклялся никогда не миловать дуэлянтов и потребовал от своего секретаря никогда не подписывать писем о помиловании, а от канцлера — никогда не прилагать к ним печать. Ришелье считал, что подобные меры окажутся более действенными, и имел на то основания. До сих пор казнили только изображения преступников. Бутвиль, приговоренный к повешению, нагло явился с друзьями на место казни, сломал виселицу, разбил свой портрет и удрал. Парижский парламент, на рассмотрение которому был отдан эдикт, потребовал смертной казни для всех дуэлянтов, однако король прислушался к словам Ри-

шелье о том, что «никто не может осудить врача, который решился применить новое снадобье, убедившись в недейственности старого». Эдикт был принят в марте 1626 года в редакции кардинала.

Первым эдикт нарушил герцог де Прален; его изгнали от двора, несмотря на заслуги его отца, и лишили должностей королевского наместника в Шампани, бальи Труа и губернатора Марана. Неукротимый Франсуа де Монморанси-Бутвиль, имевший дерзость устроить очередную дуэль — с двумя секундантами с каждой стороны, на Королевской площади и средь бела дня (один человек погиб и двое были ранены), не отделался так легко: ему и его приятелю де Шапелю отрубили голову, а все их имущество конфисковали. Это решение было принято не без колебаний: за молодого красавца Бутвиля многие заступались, но кардинал тогда изрек знаменитую фразу: «Мы перережем глотку либо дуэлям, либо эдиктам вашего величества».

Дуэли на какое-то время прекратились, но затем сила привычки взяла свое, и королевские мушкетеры вместе с гвардейцами кардинала часто задавали тон. В фехтовании усердно упражнялись даже священнослужители. Однажды королю донесли о поединке на пистолетах двух придворных дам. Тот рассмеялся и сказал, что запретил дуэли только для мужчин.

От объективности закона вернулись к субъективности человеческого суждения. Например, шевалье де Сен-Прейль, героически сражавшийся при Корби в 1636 году, был прощен за свою дуэль с Флесселем самим кардиналом Ришелье: тот так расписал королю храбрость, проявленную офицером в бою, что Людовик согласился принять злополучный поединок за «случайную встречу». Молодой маркиз дю Фэй де Ла Трусс, сын великого прево*, попал в неприятную ситуацию: во время дуэли его секундант убил его противника уже после того, как маркиз его обезоружил. По совету секретаря Французской академии Шаплена, бывшего наставника незадачливого дуэлянта, поединок был представлен

* Великий прево был магистратом, разбиравшим в первой инстанции все гражданские тяжбы между придворными, а также все уголовные дела повсюду, где находился двор.

несчастливым случаем: якобы маркиз со своим подчиненным, служившим в его роте, выехали на разведку и по недоразумению приняли «потерпевшего» за солдата вражеской армии (мундиров тогда не существовало*). Наконец, в 1638 году по случаю рождения долгожданного наследника король объявил амнистию всем дуэлянтам, понадеявшись на «сознательность» облагодетельствованных. Его надежды оказались напрасными.

В 1643 году кардинал Мазарини составил очередной эдикт против дуэлей, в котором говорилось, что «только вынося с необоримым постоянством тяготы и опасности войны, можно проявить величие и твердость своего мужества». Только справедливая война позволяет дворянам «покрыть себя единственно возможной славой, служа своему государю и своей отчизне». 21 декабря того же года в приходской книге церкви Сен-Сюльпис появилась запись об отпевании и похоронах «Армана Атоса д'Отебьеля, мушкетера королевской гвардии, дворянина из Беарна, которого подобрали вблизи Прео-Клер». Атос, дальний родственник де Тревиля, к тому времени прослужил в мушкетерах всего три года; ему было двадцать пять лет. Маловероятно, чтобы его командир осуждал своего подчиненного, скорее скорбел об утрате и недоумевал по поводу того, что столь искусный фехтовальщик позволил себя убить. (Сам де Тревиль впервые дрался на дуэли в пятнадцать лет.) В последующие восемь лет в поединках погибли четыре тысячи дворян.

После бурных событий Фронды, когда высокородные дворяне зарекомендовали себя не лучшим образом, власти вернулись к вопросу о дуэлях. В 1651 году постановлением маршалов Франции были пресечены

* Впервые одежду военных попытались кодифицировать в 1685 г.: появились «синяя свита» и «красная свита», пехота одевалась в серое с белым. И все же солдаты с трудом распознавали «своих»; зачастую противники Франции прикалывали к шляпам зеленые листья, а французы – клочки белой бумаги. В 1688 г. по время осады Филиппсбурга по нелепой случайности погиб сын государственного советника Куртена: во время атаки он был ранен протазаном в бедро; рана была неопасная, однако он остался лежать во рву. Один из французских гренадер принял его за немца из-за длинных светлых волос и заколол штыком.

все попытки оправдать поединки. В то же время король своим декретом напоминал о старинных запретах и поручал правосудию наказывать дуэлянтов. Разбирать эти дела предоставлялось тем же маршалам — «судьям в сапогах», что подчеркивало разницу между воинской доблестью и бесшабашностью дуэлянтов. В том же 1651 году дворяне, входящие в Братство Святого Причастия, поклялись отказаться от дуэли, и вскоре их примеру последовали депутаты от дворян Штатов Бретани и Лангедока. В публичных заявлениях уже нельзя было говорить о поединках иначе как с осуждением.

Иногда это порицание принимало замысловатые и двусмысленные формы. В трактатах о фехтовании осуждалась мода на дуэли на пистолетах, «которые дьявол, бешенство и отчаяние измыслили и втемяшили в голову некоторым безумцам, не имеющим терпения потрудиться и потратить достаточно времени, чтобы научиться обращению со шпагой». (Пистолеты были тогда оружием весьма ненадежным; специальные дуэльные пистолеты появились только в 1770 году.) Дуэль на пистолетах отдает поединщиков на волю случая, и самый отъявленный мошенник способен убить самого доблестного и заслуженного воина. Таким образом, дуэль сродни самоубийству, поскольку исход ее всегда неясен и зачастую смертелен. Соответственно, дуэлянты подвергаются осуждению Церкви как самоубийцы.

В 1652 году, вскоре после того как Людовик XIV был признан совершеннолетним (для короля совершеннолетие наступало в тринадцать лет), состоялась жестокая дуэль между герцогами де Бофором и де Немуром, у каждого из которых было по четыре секунданта. Во время Фронды они командовали войсками армии Конде, противостоящей королю. Бофор к командованию был совершенно непригоден, Немур слыл храбрым человеком, но весьма посредственным стратегом. Постоянные свары и стычки между двумя военачальниками были губительны для армии, ее спасло только вмешательство Конде, который вовремя взял руководство на себя. С тех пор Бофор и Немур, состоявшие в родстве, возненавидели друг друга и постоянно искали случая сразиться. Впрочем, к этому больше стремился Немур, отличавшийся

вспыльчивым нравом и неуравновешенным характером. Наконец Бофор оказался «приперт к стенке»: возможности отказаться от дуэли уже не было. Она состоялась за особняком Вандомов, на конском рынке.

Вместе с Немуром были маркиз де Виллар, шевалье де Ла Шер, а также господа Кампан и Люзерш, с Бофором — граф де Бюри, де Ри, Брийе и Эрикур. Немур принес с собой шпаги и пистолеты, заряженные у него дома. Бофор попытался заключить мировую, сказав: «Брат мой, какой стыд! Забудем прошлое, будем друзьями», на что Немур вскричал: «Ах, плут! Убей меня, или я тебя убью!» С этими словами он выстрелил из пистолета, промахнулся и выхватил шпагу; Бофор был вынужден защищаться: он разрядил свой пистолет и убил противника наповал. Однако дуэль на этом не закончилась: маркиз де Виллар бросил вызов Эрикуру, и они стали сражаться на шпагах с еще большим ожесточением, чем виновники поединка, а остальные шестеро последовали их примеру. Виллар нанес Эрикуру удар прямо в сердце, де Ри тоже был убит, граф де Бюри был тяжело ранен, остальные отделались царапинами.

Архиепископ Парижский запретил устраивать публичное отпевание герцога де Немура в приходской церкви Сент-Андре.

В 1662 году в Зеркальной галерее Версаля появился медальон с изображением Людовика Великого, останавливающего «ярость поединков». Эта картина была помещена между двумя другими — «Разгром турок в Венгрии королевскими войсками» и «Признание Испанией превосходства Франции». И несмотря на это, дуэли продолжались, просто они перестали быть достоянием гласности.

Для поединков выбирали уединенные места; наибольшей популярностью пользовался печально известный пустырь Пре-о-Клер; дуэли проходили также в окрестностях монастыря кармелиток Дешо на юге Парижа, недалеко от Люксембургского дворца. В трактатах о фехтовании особо рассматривались случаи, когда помехой могут быть «неровности почвы», хотя официально в искусстве владеть шпагой надлежало упражняться только в зале.

«Причиной, по которой французы охотно сражались на поединках, является то, что Франция находится под знаком Марса в созвездии Овна, и точно так же, как бараны отходят от стада, чтобы сшибиться лбами, так и французы отдаляются от основных воинских частей, чтобы сразиться друг с другом», — писал в 1610 году Жан Саварон в «Трактате против дуэлей».

В дуэлях не было ничего от утонченности поединков в фехтовальных залах, они были ожесточенными, а порой и просто жестокими. Писатель Роже де Бюсси-Рабютен, одно время бывший полковником легкой кавалерии, рассказывает в своих мемуарах об одном из многочисленных поединков, которыми была так богата его жизнь. В тот раз он столкнулся с гасконцем по имени Бюск:

«Вторым ударом я пронзил ему грудь; поскольку я сильно выдвинулся вперед, я решил выправиться, позабыв про бугорок позади меня, споткнулся и упал навзничь. Бюск, чувствуя, что тяжело ранен, бросился на меня; крича, чтобы я просил пощады, он в то же время хотел ударить меня шпагой, но я увернулся, и шпага лишь оцарапала мне бок и воткнулась в землю. Испугавшись, что он снова нападет, я схватил его шпагу за клинок; выдернув ее, он рассек мне пальцы и, приставив острие своей шпаги к моей груди, принудил меня отдать ему мою собственную».

В XVII веке поединок велся уже не до первой крови, а до тех пор, пока сражающиеся могли держать в руках шпагу. Любые удары и приемы были дозволены, даже ношение защитного нагрудника или неожиданно выхваченный пистолет. Старший брат Ришелье был убит своим противником, гвардейским капитаном де Темином, который спрятался за своего коня и оттуда нанес удар.

По обычаю каждому дуэлянту полагалось иметь одного-двух секундантов. В те времена, как уже говорилось, их обязанностью было не следить за соблюдением правил (которых не было), а драться самим. Пригласить человека в секунданты считалось дружеским жестом, проявлением доверия. С другой стороны, отказ от такого предложения был чреват серьезными последс-

твиями. Когда граф де Шале отказал в такой услуге своему другу Лувиньи, собиравшемуся драться с графом де Кандалем (его секундантом был Бутвиль), тот стал распространять слухи об участии Шале в заговоре против короля; Шале был арестован и казнен.

В списке дуэлей, произошедших в Париже в 1655—1660 годах, который был подан канцлеру Сегье, чтобы исключить дуэлянтов из перечня щедрот, раздаваемых королем Людовиком XIV по случаю своего бракосочетания с испанской инфантой, значатся пятьдесят три поединка, в которых участвовало более двухсот человек, то есть в среднем по четыре человека в каждой дуэли; погибли пятнадцать человек. В июне 1659 года в Шиноне состоялся настоящий бой: в дуэли участвовали двенадцать человек — шестеро против шестерых. Целью эдикта от 1 сентября 1679 года было не позволить бретерам сражаться за других: трусливые «дуэлянты» специально приглашали в секунданты хороших фехтовальщиков, чтобы спрятаться за их спиной.

В идеале секунданты должны были также следить за тем, чтобы соперники дрались честно, а затем засвидетельствовать их доблесть или лукавство. Однако по мере того как дуэль из торжественно обставленного поединка превращалась в сведение счетов, да к тому же и подсудное дело, лишние свидетели оказывались не нужны, и дуэлянты стали обходиться без секундантов. В XVIII веке свидетелей дуэли призывали разнимать противников, рассматривая невмешательство как «неоказание помощи человеку, находящемуся в смертельной опасности».

Поводом к дуэли могло послужить что угодно. Граф де Бюсси-Рабютен (1618—1693) рассказывает в своих мемуарах, как однажды, возвращаясь из театра, повстречал дворянина по имени Брюк, с которым прежде не был знаком. Тот обратился к нему весьма учтиво, отвел в сторону и спросил: правда ли, будто граф де Тианж назвал его, Брюка, пьяницей? Бюсси ответил, что ничего подобного не слышал, да и видится с графом крайне редко. «Помилуйте, он ваш дядя! — возразил его собеседник. — Поскольку я не могу получить сатисфакции от него, я обращаюсь к вам». «Раз вы хотите пос-

тавить меня на место моего дяди, — отвечал Бюсси, — я отвечу, что тот, кто утверждал, будто бы он называл вас пьяницей, солгал!» — «Так говорил мой брат, а он еще дитя». — «Ну так выпорите его за то, что говорит напраслину». — «Я не потерплю, чтобы моего брата называли лжецом, защищайтесь!» Оба выхватили шпаги прямо на улице, однако их разняли прохожие. Противники уговорились сразиться при первой благоприятной возможности. Несколько дней спустя некий дворянин, которого Бюсси прежде никогда не встречал и не знал его даже по имени, пришел к нему домой и спросил, не окажет ли он ему честь назначить его своим секундантом. И добавил, что знает и самого графа, и Брюка лишь понаслышке, однако, будучи готов предложить свои услуги любому из них, решил отдать предпочтение Бюсси как более храброму человеку. Бюсси искренне поблагодарил его и просил извинить, поскольку уже пригласил четырех секундантов и боится, что, увеличив их число, превратит поединок в побоище.

В редких случаях ссора не доходила до драки: однажды Шапель (приятель Бутвиля) сцепился с Фонтене из-за того, кому по какой части улицы идти (улицы не имели тротуаров, и посередине постоянно были грязные лужи); они выхватили шпаги, однако прохожие их разняли.

Чаще всего шпагу извлекали из ножен в кабаке, после попойки, и по самой банальной причине: из-за денег или из-за женщин. Молодость, ветреность, праздность, предрассудки, ложные представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо», — обычные черты военных из свиты короля. «Неужели вы считаете меня вздорным и легкомысленным, как какой-нибудь мушкетер?» — спросил как-то Людовик XIV госпожу де Ментенон. Увы, эта легкомысленность часто имела тяжелые последствия.

За исключением трех привилегированных корпусов — французской гвардии, швейцарской гвардии и Ста швейцарцев — военные подвергались обычному суду, и военнотружашщие-дуэлянты подпадали под действие уголовных законов в соответствии с королевскими ордонансами от 1651 и 1679 годов. Однако если дуэль

происходила в гарнизоне и в расположении воинских частей, военный комендант должен был провести расследование, предупредить командующего и интенданта — военного или гражданского. Копию отчета о расследовании надлежало отослать королю. После этого дело передавалось в обычный суд. Для Ста швейцарцев правосудие отправлял капитан-исправник, принадлежащий к этой лейб-гвардейской части и исполнявший в ней роль гражданского и уголовного судьи. Он разбирает дела своих подчиненных в соответствии с законами своей «нации». Швейцарцы редко дрались на дуэли: максимум раз в десять лет. Наказание провинившимся было не слишком суровым: например, двух солдат приговорили к трем месяцам тюрьмы, двум месяцам без жалованья и выговору.

Во французской гвардии подход к делу был несколько иным. Если в ходе поединка никто не был убит, дело «отправляли на доследование», то есть попросту закрывали, но в случае кровавой развязки принимали суровые меры. Так, в 1661 году труп убитого дуэлянта проволокли на решетке по улицам, а его противника приговорили к смерти заочно. Однако малое количество дуэлей (официально признанных таковыми) во французской гвардии наводит на подозрения, особенно в сопоставлении с количеством убийств, расследуемых специальным судьей. Большинство убийств было совершено после драк между гвардейцами в кабаках или на улице; больше половины убийц были помилованы.

Уйти от наказания за дуэль было не таким уж сложным делом, особенно если провинившийся был знатного происхождения и обладал большими связями. В 1677 году Клод де Форбен, одно время служивший в мушкетерах и участвовавший в походах во Франш-Конте и Артуа, убил на дуэли шевалье де Гурдона и был приговорен парламентом Экс-ла-Шапелья к смерти через усекновение головы. Однако с помощью дядюшки-священника ему удалось избежать наказания: он поступил во флот под именем своего брата. Но во всем надо было знать меру: когда прямо в Версале, ставшем королевской резиденцией, произошла дуэль двух мушкетеров

со смертельным исходом, Людовик XIV сильно разгневался и велел расследовать это дело со всем тщанием.

Чтобы схватка была признана поединком, необходимо наличие определенных условий: предварительный договор, равное количество противников с обеих сторон, одинаковое оружие. Если один из соперников, выхватив шпагу из ножен, предоставляет своему противнику время сделать то же и встать в позицию, это уже не стычка, а дуэль.

С 1653 по 1715 год во французской гвардии в среднем происходила одна дуэль в год со смертельным исходом — и это лишь официальные данные. Что же говорить о всей армии? Аббат де Сен-Пьер в «Записке об улучшении мер против дуэлей» называет особенно воинственные части: «Количество дуэлянтов очень велико, особенно в некоторых полках и в мушкетерских ротах, где служит множество молодых дворян: только в этих ротах случается больше двухсот дуэлей в год; в кадетских ротах дело обстоит еще хуже, и то же творится у гардемарин».

О неистовости кадетов существует множество свидетельств; дуэль была для них делом чести, и они стояли друг за друга горой. В 1685 году в кадетской роте Шарлемона произошла дуэль, и один кадет был убит. Его соперник был приговорен к смерти, однако сумел бежать с помощью семнадцати своих товарищей. Их тоже арестовали, судили и двух из них казнили. Капитана Ревейона, командовавшего ротой, обвинили в сокрытии фактов из покровительства виновным, сняли с должности и заменили маркизом де Рефюжем. Вскоре маркизу пришлось разбирать дело о еще одной дуэли, причем на этот раз все было гораздо серьезнее, поскольку кадет дрался с офицером Наваррского полка, расквартированного в Шарлемоне, а такой поединок всегда мог перерасти в сражение «стенка на стенку». Кадета арестовали, однако, информировав военного министра Лувуа о происшедшем, маркиз де Рефюж освободил задирю, прочитав ему предварительно длинную нотацию. Дело в том, что Лувуа не хотелось, чтобы король утратил интерес к кадетским ротам (исполнявшим роль военных училищ), которые министр считал своим дети-

щем. Такое попустительство со стороны командования к концу века уже сильно тревожило власти, и многих снисходительных судей отстраняли от расследования дел о дуэлях. С другой стороны, за наказание дуэлянта членам военно-полевых судов полагалась награда в полторы тысячи ливров. Но и столь большие деньги не прельщали исполнителей правосудия, опасавшихся мести со стороны дуэлянтов и их товарищей.

Военная служба зачастую являлась для дуэлянтов и преступников альтернативой изгнанию. Так, барон де Версей, приговоренный в 1665 году к смерти заочно за то, что убил на дуэли барона де Сен-Жаля, сделал неплохую военную карьеру, прослужив семь лет капитаном кавалерийского полка. Выйдя в отставку, он подал прошение королю, прося помиловать его за честную и беспорочную службу и отречение от протестантской веры.

При Людовике XIV с 1643 по 1711 год было издано одиннадцать эдиктов против дуэлей. Уже само это число показывает, что исполнялись они плохо. Эдикт от 1643 года, о котором мы уже упоминали, учреждал суд маршалов — единственный, имевший право разбирать «дела чести». Была учреждена особая полиция для надзора за дворянами, вовлеченными в спор. Исполнение этой обязанности возлагалось на маршалов или губернаторов. Так, в 1658 году губернатор Дофине получил от короля приказ взять под охрану господина де Сент-Анжа, поскольку «он намерен добиваться встречи с господином де Рошфором, обвиняя его в том, что тот встал на его пути к должности подполковника». Все эти меры оказывались неэффективными для тех, кто считал, что «месть — это блюдо, которое лучше подавать холодным». Сирано де Бержерак в своей пьесе «Одураченный педант» (1654) представил такую ситуацию в комическом виде, выведя на сцену капитана Шастофора, собирающегося драться на дуэли и оторвавшегося от приставленного к нему охранника: «Боже ты мой, господа, я потерял своего охранника! Никто его не встречал? Это караульный, которого маршалы Франции прислали ко мне, чтобы помешать мне устроить самую кровавую дуэль, которая когда-либо обагряла траву на Пре-

о-Клер. Черт побери, что скажут обо мне благородные господа, когда узнают, что я не сумел сохранить своего охранника?»

Если верить «Мемуарам» Александра Дюма, его отец попал в аналогичную ситуацию в 1783 году, когда ему было двадцать два года. Однажды вечером он находился в театре Монтансье, в ложе одной красавицы-креолки, пользовавшейся популярностью в свете. Одет он был весьма скромно, а потому держался позади, чтобы не быть на виду. Один мушкетер из партера узнал даму, велел открыть двери ее ложи, вошел, не спросив разрешения, уселся рядом и завел разговор. «Простите, сударь, — прервала его дама, — мне кажется, вы не заметили, что я не одна». «Ах, извините, — нагло отвечал мушкетер, — я принял этого господина за вашего лакея». Не успел он произнести эти слова, как горячий граф де ла Пайетри выбросил его из ложи в партер. Понимая, какие последствия повлечет его поступок, он вышел в коридор, чтобы подождать там своего противника. Однако к нему тотчас подошел офицер суда маршалов, прикоснулся к нему своим жезлом из черного дерева с набалдашником из слоновой кости и объявил, что приставлен к его особе и будет следовать за ним повсюду. На Сан-Доминго, где вырос побочный сын маркиза де ла Пайетри, суда маршалов не было (но дуэли, вероятно, происходили), так что такой поворот событий застал его врасплох. Впрочем, страж держался весьма учтиво; он поселился в квартире своего подопечного и повсюду следовал за ним как тень. И все же дуэль состоялась — с разрешения... председателя суда чести, закоренелого дуэлянта маршала де Ришелье, о котором мы еще поговорим, в саду при его собственном особняке; наглый мушкетер был ранен в плечо.

Видя, что принимаемые меры не дают результатов, Людовик XIV в 1679 году издал суровый эдикт, скопированный с аналогичного закона мальтийских рыцарей, который грозил смертью и конфискацией имущества не только дуэлянтам, но и секундантам и всем участникам дуэли. Человек, пославший вызов, не получал никакого снисхождения со стороны суда чести: он отстранялся на три года от исполнения любых го-

сударственных должностей, подвергался двухлетнему тюремному заключению и должен был уплатить штраф в размере половины годового дохода. Человек, принявший вызов, подвергался такому же наказанию. Слуга (или иное лицо), передавший вызов и уличенный в этом, приговаривался к позорному столбу; за первое преступление такого рода полагалась публичная порка, за второе — три года галер. Любой человек, участвовавший в поединке, признавался виновным в убийстве, даже если дуэль не имела кровавой развязки, и подвергался соответствующему наказанию. Знатных дворян приговаривали к обезглавливанию, разночинцев — к повешению, причем им отказывали в христианском погребении. Действительно, многих дуэлянтов казнили в разных концах страны. За несколько лет количество дуэлей сократилось в двенадцать раз. По повелению короля этот успех был отмечен чеканкой медали с аллегорическим изображением правосудия, поражающего поединки. «Поединок» имел вид бойца, увенчанного змеями, наподобие гарпий. Людовик XIV принимал это дело так близко к сердцу, что настойчиво рекомендовал своему преемнику неукоснительно соблюдать эдикт против дуэлей и не проявлять несправедливой снисходительности к тем, кто его нарушает. Значит, разрушители все-таки были?

Эдикт от 1704 года предписывал оскорбленным не хвататься за шпагу, а обращаться в суд: за клевету, удары кулаком или палкой можно было сесть в тюрьму. Предложить гасконцу подать в суд на человека, который его ударил? Просто смешно слушать!

В мае 1721 года на улице Ришелье, в полдень, гвардейский офицер шевалье де Гравель убил на дуэли шевалье де Бретейля, нанеся ему удар прямо в сердце. За три месяца до того между ними вышла ссора: Бретейль неудачно пошутил, сказав, что расколотит все зеркала в доме у Гравеля, поскольку тот — биржевой спекулянт. На следующий же день Гравель явился к обидчику требовать сатисфакции и, не получив согласия на дуэль, побил его палкой, о чем потом рассказывал всем подряд. Перед Бретейлем закрылись все двери, ему пришлось уйти из гвардейской роты, где он слу-

жил. По настоянию семьи он принял обет и стал мальтийским рыцарем. В тот майский день, проходя по улице, он увидел Гравеля, ехавшего в фиакре, и набросился на него. Гравель хладнокровно вышел из экипажа, обнажил шпагу и отправил Бретеяля к праотцам. Парламент предал гласности этот случай, чему несказанно обрадовалась родня Бретеяля, сочтя, что тот восстановил свою честь.

Сама атмосфера и система взаимоотношений в армии располагала к сведению счетов «благородным» способом. Например, офицеры высокого происхождения не могли стерпеть, чтобы ими командовали выходцы из менее знатных родов. Принадлежность к тому или иному корпусу образовывала особую иерархию, не совпадавшую с иерархией чинов: например, д'Артаньян предпочел чин подпоручика королевских мушкетеров чину полковника Пикардийского полка. Во время осады Ла-Рошели в 1627 году господин де Понти набросился со шпагой на своего сержанта на виду у всей армии, выстроенной в боевом порядке, считая, что сержантом должен быть он сам. Кроме того, армия была особым миром, в котором новости передавались очень быстро — из уст в уста. Повышение по службе и награждение, например, крестом Людовика Святого определялись репутацией, которую заслужил себе офицер. Товарищи по оружию, вышестоящие офицеры или военачальники, родственники, друзья распространяли рассказы о чьем-нибудь подвиге или чьих-нибудь талантах, что должно было служить основанием для предоставления пенсии. Те же самые люди рассказывали друг другу о «тайных» поединках. Что бы там ни говорили теоретики, в армии разрешение конфликтов при помощи силы всегда считалось законным делом. Как бы ни восхваляли дисциплину и самообладание, а война всегда была уделом храбрецов. Человек, отважившийся сразиться с противником один на один или встать под дуло пистолета, смел, честен и прямодушен. Почему бы не повысить его в должности?

Между тем большинство дуэлей между французскими гвардейцами не было спровоцировано специфическими военными вопросами или спором о старшинс-

тве. Женщины, пьянство, игра, долги — вот основные причины стычек. В 1717 году два гвардейских офицера схлестнулись в оранжерее Тюильри и один из них был ранен. Из опросов свидетелей стало ясно, что всю предыдущую ночь драчуны пили в компании своих приятелей и к тому моменту, когда они обнажили шпаги, были сильно пьяны. «Подобные стычки случаются в Париже и у его ворот каждый день, и о них даже не упоминается, — написал в своем заключении генеральный прокурор. — Если в результате один будет убит, грамоты о помиловании предоставят сразу». Прокурор намеренно закрыл глаза на общеизвестный факт: офицеры, всю жизнь прослужившие в одном гвардейском полку, друг друга на дух не переносили и их дуэль была лишь делом времени.

Нет никаких прямых указаний на то, что дуэль в армии была своего рода посвящением или ритуалом, которого нельзя избежать. Однако в некоторых частях существовал свой кодекс чести. Так, в полку Королевской кавалерии под командованием капитана де Монба был свой «устав», который каждый новый офицер клялся соблюдать. В первых строках фигурировали правила улаживания споров, и наиболее часто используемым средством служил поединок. Офицер, обвиненный другим офицером в трусости, располагал сорока восемью часами, чтобы сразиться со своим обидчиком «без уловок и секундантов». Если он не соблюдал это правило, то с позором изгонялся из полка. Если старшие офицеры не могли уладить спор миром, они давали разрешение на поединок, предварительно установив вину каждого противника и определив его права. Каким бы ни был исход поединка, тот, кого сочли виновным, должен был оставить полк.

В период Регентства (1715—1723), когда при несовершеннолетнем Людовике XV страной правил Филипп Орлеанский, прекратившиеся было дуэли возобновились с новой силой. Герцог де Ришелье (1696—1788), правнук кардинала, прославился своими выходками, любовными приключениями и поединками, из-за которых в молодости провел четырнадцать месяцев в Бастилии. На его счету было не меньше трех поединков

со смертельным исходом, а однажды в Булонском лесу из-за него даже сразились две дамы: графиня де Нель и маркиза де Полиньяк. Графиня стреляла первой и промахнулась, после чего маркиза хладнокровно отстрелила ей мочку уха. Если бы к удалому герцогу применили все существующие законы, ему должны были бы пять раз отрубить голову, лишить всех титулов и всего имущества. Как выразился регент: «Если бы у господина де Ришелье было четыре головы, я без труда нашел бы, за что отрубить все четыре». И добавил со вздохом: «Если бы у него была хоть одна...» Из Бастилии буйного герцога освободили по настоянию дочери регента мадемуазель де Валуа. В обмен на свободу Ришелье дал слово не жениться на принцессе, которая была безумно в него влюблена. Несмотря на все свои проступки, он стал послом, маршалом Франции, генерал-губернатором Лангедока и Гиени, членом Французской академии и — вот парадокс! — в восемьдесят пять лет председателем суда чести маршалов Франции при Людовике XVI. Вероятно, король считал, что к столь преклонным годам герцог образумился, но не тут-то было: в восемьдесят семь лет он не только допустил дуэль графа де ла Пайетри с оскорбившим его мушкетером (о ней мы писали выше), но и вызвался быть его секундантом в память о том, что отец молодого графа, маркиз де ла Пайетри, оказал ему аналогичную услугу сорок шесть лет тому назад.

Во второй половине XVIII века королевские мушкетеры доставляли немало хлопот парижской полиции, которой часто приходилось вмешиваться, чтобы оградить гражданских лиц от буйства военных. Так, 26 мая 1768 года полиция задержала группу из пятнадцати-шестнадцати мушкетеров из обеих рот: трое из них подрались на шпагах и нанесли раны кучеру, кузнецу и башмачнику*, которым потребовалась помощь

* Согласно сословному кодексу, дворянин мог драться только с дворянином, однако на деле этому правилу следовали не всегда. Капитан Шарль де Фонтене однажды оскорбил в церкви мещанина, который отвесил ему звонкую пощечину. Не осмелев поднимать шум в храме, Фонтене вышел и стал прогуливаться, дожидаясь окончание проповеди, чтобы подстеречь своего обидчика. Мимо проходили подмастерья, и один из них со смехом указал на Фонтене, который

хирурга. Неравные условия, в которых находились противоборствующие стороны, не смутили военных: в те времена армия была отдельным обществом, главным правилом которого было жить по своим законам и за счет гражданских. Доведенные до крайности, власти бывали вынуждены прибегать к профилактическим мерам, изымая оружие у самых ярых забияк.

Если военные могли не задумываясь пожертвовать жизнью ради чести, то гражданские охотнее исполняли предписания закона или ограничивались «моральным удовлетворением». «Сегодня никто уже не будет обещен, не ответив на вызов задиры или бретера», — писал доктор Сорбонны Луи Дюпен (1657—1719). А поэт Демаи (1722—1761) ссылаясь на заслуживающий уважения пример: «Тюренна в трусости никто б не обвинил, однако он картель однажды отклонил». Даже такой забияка, как Мирабо, отказался от дуэли с мушкетером Гассо, соблазнителем своей жены, хотя тот принял его вызов и был готов «дать сатисфакцию». Он сжег письма Гассо к своей супруге, оставив при себе ее покаянное письмо. Таких не брали в мушкетеры!

«Франция — родина дуэлей, — писал граф Тилли, полководец времен Тридцатилетней войны. — Я объездил большую часть Европы, побывал в Новом Свете, жил среди военных и придворных и никогда и нигде больше не встречал такой роковой обидчивости, печальной склонности считать себя оскорбленным и желания отомстить за оскорбление, по большей части химерическое... Установился предрассудок о том, что нет ничего благороднее и величественнее отваги такого рода, ее блеск затмит собою все, и бесчестный человек, который хорошо дерется, не такой уж бесчестный».

был мрачнее тучи. Тот вспылил и выхватил шпагу, чтобы отрезать нахалу уши, однако у подмастерья с собой был коловорот, которым он отбил от нападения и даже ранил капитана в бедро.

МУШКЕТЕРЫ-КАРАТЕЛИ

Налоги. — Кроканы и босоногие. — Восстание в Виварэ. — Бунт против гербовой бумаги. — Мушкетеры-тюремицки. — Республика Оливье Миссона. — Подать для всех. — На пути к Революции

Победить без опасности значит торжествовать без славы.

Пьер Корнель

Труд и муки повсюду, вот только труды бывают бесплодными и плодотворными, а муки — гнусными и славными.

Фелисите де Ламенне

«Для войны нужны всего три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги», — сказал один итальянский кондотьер XV века французскому королю Людовику XII. С тех пор положение не изменилось. Франция, беспрерывно воюя, нуждалась в деньгах на содержание армии, добыть которые можно было только одним способом: выколачивая все новые налоги из крестьян и горожан.

В 1439 году, во время Столетней войны, Генеральные штаты в Орлеане (именно Генеральные штаты, собрание представителей всех сословий, вводили налоги) приняли решение о содержании постоянной армии, чтобы окончательно выбить англичан из Франции. Для финансирования войны они ввели новую подать, взимаемую с каждой семьи в королевстве, которая ежегодно поступала бы в королевскую казну. Королевская подать была подоходной (выплачивалась главой семьи, ею облагались недворянские семьи, а ее размер устанавливался в зависимости от их доходов и от потребностей момента) или имущественной (в большинстве

областей, обладающих самоуправлением*). Многие города, например Дьепп или вся Бретань, были свободны от подати; эти привилегии мог отменить только сам король. При Генрихе IV королевская подать обеспечивала около шестидесяти процентов всех государственных ресурсов, а к концу правления Людовика XIV — только двадцать пять процентов.

Помимо короля крестьяне содержали своих сеньоров (то есть весь личный состав дворянских рот, включая королевских мушкетеров), выплачивая десятину с поля, оброк натурой — мукой или вином, а также деньгами. Десятина на самом деле составляла от трех до двенадцати процентов урожая и шла, помимо господского кармана, еще и на прокорм священникам и помощь бедным. Подати, выплачиваемые сеньору, были самыми разными — полевыми и денежными, причем в парижском регионе и на юге Франции они были не слишком высоки, а на западе, в центре, на востоке и севере — довольно внушительны.

В 1665 году в Оверни судили маркиза, графа и виконта де Каниллаков за различные злоупотребления и бесчинства. Маркиз де Каниллак взимал в своих землях подати для каждого члена своего семейства, устанавливал налоги на мясо, заставляя крестьян его потреблять, заключал их в тюрьму, из которой они могли освободиться только за выкуп, а для выколачивания денег использовал жестоких головорезов, не останавливавшихся ни перед чем. Его осудили заочно, трижды приговорив к смертной казни. Маркизу довелось видеть в окно казнь собственного изображения, и это зрелище весьма его позабавило. Впрочем, его имущество конфисковали, а это было уже не смешно. Граф де Каниллак, незаконно привлекавший крестьян к подневольным работам, был оправдан, поскольку все свидетели, выступавшие на суде, взяли свои слова обратно. Он отделался штрафом в пятьсот ливров.

Существовал еще королевский налог, который за тридцать лет (с 1610 по 1640 год) утроился; к нему

* К таким областям, имевшим свои провинциальные штаты, относились, в частности, Беарн, Бигорра, Бургундия, Бресс, Бретань, Лангедок, Прованс, Суль, Виварэ, Нижняя Наварра, Фландрия.

добавился налог на соль с обязательством покупать по семь килограммов соли в год на каждого жителя старше восьми лет. В целом на налоги уходило от двенадцати до сорока процентов доходов крестьян, что лишало их свободных денег и побуждало всячески ловчить.

В 1630—1633 годах был неурожай, во многих областях начался голод. По нескольким французским провинциям прокатилась волна крестьянских восстаний. В Перигоре и Ангума толпы крестьян, предводительствуемых сельскими кюре, набросились на сборщиков налога на соль и вино. Они также требовали, чтобы церковная десятина шла непосредственно сельским священникам, а не высшему духовенству, роскошествовавшему в столице.

Король установил налог в размере одного соля с ливра на все товары. В винодельческих областях внедрили налог в один эю с каждой распитой бочки вина, который должны были платить хозяева питейных заведений. Странным образом именно этот новый налог вызвал взрыв возмущения в Гиени. В мае—июне 1635 года вспыхнули мятежи в Бордо. Ришелье пришлось приостановить исполнение указа.

Средством успокоить недовольных было введение «налога на богатых» (не принадлежавших к благородному сословию). В 1644 году парижский парламент, состоявший сплошь из зажиточных людей, утвердил этот налог — при условии, что его не станут взysкивать с членов самого парижского парламента и с парижских буржуа. Во время Тридцатилетней войны Ришелье и Мазарини довольно часто прибегали к этому способу пополнить опустевшую казну.

Государство очень нуждалось в деньгах. Война велась почти непрерывно, порождая все новые и новые траты и долги. С 1624 по 1639 год военные расходы, включая финансовую помощь союзникам (так называемая «война пистолей», которую вел Ришелье), увеличились с девяти миллионов до двадцати четырех миллионов ливров. Средств, поступавших от налогов, не хватало. Приходилось прибегать к займам у финансистов (в 1627—1629 годах они составляли около восемнадцати

миллионов ливров ежегодно, то есть сорок процентов всех доходов, и шли на содержание армии).

Население городов тоже подвергалось самым разным поборам. В январе 1637 года эшеваны города Понтуаз получили приказ уплатить королю в виде займа тридцать пять тысяч ливров, которые им обещали возместить с февраля, производя выплаты каждые два месяца. Эту сумму надо было распределить по всем жителям города и пригородов, включая священников, дворян и привилегированных лиц, освобожденных от уплаты налогов. Синдик с казначеем объездили соседние города, чтобы посмотреть, как там поступают в подобных случаях. В результате эшеваны, заслушав синдика, постановили, что, поскольку город и так задавлен податями, дополнительные расходы вызовут разорение и исход его жителей, поэтому по примеру некоторых других городов королевства следует обратиться к его величеству с просьбой позволить вместо займа обложить налогом вино и другие напитки, употребляемые в Понтуазе и его пригородах.

Постепенно города утрачивали право самостоятельно устанавливать налоги. Король лично давал дозволение на сбор налогов, уточняя их предназначение. С 1647 года установленные королем подати поступали непосредственно в казну, а затем половина из них выплачивалась обратно для покрытия расходов города.

Правительство прибегало к «налоговому терроризму», направляя в провинции интендантов. В их распоряжении были испытанные методы воздействия: конфискация имущества жителей задолжавшего прихода по принципу круговой поруки, долговая тюрьма. Сбор налогов все больше походил на «скрытую гражданскую войну», ведущуюся соответствующими методами. В 1636 году интенданты провинций создали конные роты «податных карабинеров», которые сопровождали и защищали сборщиков налогов, размещались на постой в задолжавших приходах и оставались там вплоть до уплаты долга. Между тем мятежники избирали своими вожаками мелкопоместных дворян и бывших военных, в результате чего такие войны велись по всем правилам искусства и затягивались на несколь-

ко месяцев — практически как обычные военные кампании.

В июле 1636 года началось восстание в Сентонже, Они, Пуату и Лимузене. Восставших называли кроканами*. Зимой восстание пошло на убыль, но по весне разгорелось с новой силой, охватив пятнадцать провинций. В Перигоре кроканы создали настоящую армию, во главе которой встал местный дворянин Атуан де Ламот де Лафоре — опытный военачальник, участвовавший во многих сражениях. «Генерал кроканов» организовал десятитысячную армию, наводившую ужас на местные власти, но подчинявшуюся строгой дисциплине: грабежи и мародерство были запрещены. Обосновавшись в Бержерাকে, Ламот отменил все «незаконные» налоги и призвал все города Перигора последовать его примеру.

Ришелье отозвал с испанского фронта войска численностью три тысячи человек для карательной экспедиции. Командовавший ими герцог де Лавалетт оценил обстановку и начал тайные переговоры с «генералом кроканов», обещая ему прощение в случае сдачи. Среди вождей кроканов начались разногласия, которые переросли в вооруженные стычки. 1 июня 1637 года сторонники Ламота и его противники, возглавляемые ремесленником Маго, сошлись с оружием в руках. Ламота поддержала буржуазия Бержерака; Маго был убит в сражении, как и еще тысяча кроканов, его сторонники сложили оружие и получили прощение. Власть короля в Перигоре была восстановлена, а Лавалетт предложил Ришелье послать «обстрелянных» кроканов на фронт — биться с испанцами.

Два года спустя против налогов на соль восстала богатая Нормандия. Мятежников, называвших себя «босоногими», сначала было около четырех тысяч, но к осени их число увеличилось до двадцати тысяч. Они дали

* Это название появилось еще во время первых народных бунтов в конце XVI в. «Кроканами» (*croquant* — грызущий) крестьяне называли дворян, намекая на то, что те «грызут» народ. Дворяне же стали называть «грызунами» самих крестьян. Поскольку прозвище было обидным, повстанцы предпочитали называть себя «охотниками на воров».

себе и другое имя: «армия страдания», во главе которой встал сельский кюре Жан Морель по прозвищу Мондрен, именовавший себя также «Жан Босоногий». Он объявил об отмене всех налогов, а сборщиков податей велел предавать смертной казни. Восставшие пытались установить связь с собратьями в Бретани и Пуату. Их постигла та же участь, что и бунтовщиков из Перигора. С фронта были отозваны отборные войска под командованием маршала Гассиона и укомплектованные иностранными наемниками, не проявлявшими никакой жалости к местному населению. К началу 1640 года с мятежом было покончено; 2 января пал последний бастион повстанцев — Руан. Канцлер Пьер Сегье лично судил, вернее, казнил вместе с государственными советниками триста захваченных мятежников. (Военный министр Летелье по долгу службы был вынужден присутствовать при пытках крестьян и с трудом переносил это зрелище.) Все налоги были восстановлены, а население еще и обязали содержать расквартированные в Нормандии войска. Руан должен был выплатить в казну более миллиона ливров штрафа, другие города — Авранш, Кан, Байе — несколько меньшие суммы.

На юго-западе, в Гасконии, крестьяне исхитрились почти не платить податей с 1638 по 1645 год. Несколько тысяч крестьян устроили собрания в Миранде в июле 1639 года и в Плезансе в июне 1642 года. По примеру гасконских кроканов взбунтовались жители Руэрга. Перед лицом такой угрозы интендант Верхней Гиени издал приказ о снижении податей. Примечательно, что в Руэрге вожаками мятежников тоже выступали мелкопоместные дворяне.

В 1640 году беспорядки, вызванные протестами против налогов, начались в Бургундии, Ренне, Анже, Мулене. Финансовые чиновники увеличили налоги на напитки, табак, карты, игру; ввели налог на богатых, выявляли ложных дворян и взимали налог на дворянские поместья, если их не эксплуатировал непосредственный владелец.

Надо сказать, что бунты и мятежи никогда не были направлены против особы короля: народ считал, что поборы — результат деятельности чиновников, а мо-

нарх находится в неведении о страданиях своих подданных. Сам Людовик XIV, культивировавший образ «отца народа» и при этом нещадно закручивавший налоговые гайки, в своих обращениях клеймил «дурных исполнителей его воли», «обирающих его добрых подданных». Поднимая восстание, крестьяне пытались таким образом привлечь к себе внимание своего августейшего заступника, который недогнущей рукой слал против них карательные экспедиции. Со второй половины XVII века в таких акциях стали участвовать даже элитные подразделения, включая королевских мушкетеров.

Область Виварэ, входившая в провинцию Лангедок, на протяжении всего столетия подвергалась самым разным испытаниям: в 1629 году она была опустошена во время похода Людовика XIII против гугенотов (мушкетеры во главе с де Тревилем отличились при осаде города Прива, который был полностью разрушен), с 1625 по 1635 год там бушевали эпидемии. Зима 1669/70 года выдалась особенно суровой: в Лангедоке, от Монпелье до Обена, вымерзли все оливковые деревья. Среди населения начался голод.

Между тем войны, которые вел король, всё не кончались, и «чрезвычайные» налоги становились все более обычным делом. При таких обстоятельствах отчаявшиеся люди верили самым нелепым слухам: о том, что слуги короля будут взимать налог на новорожденных детей, на обработку земли, на новую одежду, на шляпы... Эти слухи, передававшиеся из уст в уста, вызвали волнения в Обена, где женщины и ремесленники набросились на сборщиков налогов. Волнения понемногу охватили все окрестные приходы, вылившись в восстание против дворян, богатых буржуа и прочих «кровососов». И вот в такой накаленной атмосфере 30 апреля 1670 года в Обена из Безье приехал откупщик Бартеlemi Касс и тотчас вывесил афиши, призывающие платить налоги. Обезумевшие женщины стали ломиться в двери его дома, Касс выпрыгнул в окно и бежал, в него бросали камнями. Зачинщика беспорядков посадили в тюрьму, однако на следующий день те же самые женщины выломали двери тюрьмы, освободили пленника и решили

бросить Касса в реку (как правило, зачинщиками всех крестьянских бунтов выступали женщины).

В окрестных деревнях бил набат. Группы крестьян, вооруженных косами и мушкетами, призывали возмущенное население братья за оружие. Им не хватало вожака. Все взгляды обратились на зажиточного крестьянина Антуана дю Рура, бывшего офицера, связанного с местным дворянством. Он уступил настояниям народа и встал во главе повстанцев — крестьян и мастеровых. В качестве опознавательного знака была принята синяя лента.

14 мая дю Рур с тремя сотнями людей вошел в Обена (жители открыли ему ворота) и изгнал губернатора; несколько дворян, пытавшихся организовать сопротивление, были убиты, а дома нотаблей разграблены. На столицу области Вильнёв-де-Берг выступили уже шесть тысяч повстанцев. Великий прево бежал из города.

Рур не хотел кровопролития и начал переговоры с губернатором, пообещавшим уладить дело миром. Однако король своим эдиктом подлил масла в огонь: он объявил жителям Виварэ, что простит все, кроме кощунственных убийств и «прелестных писем», авторов которых следует выдать для наказания, — иначе говоря, он не прощал ничего и требовал наказания виновных. После этого крестьяне снова вооружились и не пощадили даже священников, разграбив их дома.

Весть о прибытии в Обена солдат еще больше подхлестнула восставших. 23 июня Рур во главе тысячи двухсот человек захватил Обена, отпустил шестьдесят швейцарских наемников, находившихся в замке, и принялся хозяйничать в городе: тех жителей, которые не перешли на сторону народа, убили.

Как бывший военный, Рур составил себе войско, сформировав бригады по приходам, и избрал себе адъютантов. Вместе с тем он понимал, что шансов мало, и обратился к графу Жоржу де Воюэ с просьбой заступиться перед королем за его несчастных подданных. Под ликующие крики толпы вождь повстанцев снял с себя синий шарф и повязал на шею старому вельможе. Тот пообещал сделать все, что в его силах, и отправился для переговоров к полковнику Лебре, производив-

шему разведку с ротой драгун. На возглас графа «Мир! Мир!» — полковник сухо ответил: «Разве с королем здесь говорят о мире? Где те, кто собираются с ним воевать?» Узнав, что парламентаря сопровождают полсотни повстанцев, Лебре приказал капитану драгун их перерезать.

21 июля прибыли королевские войска. Вечером 23 июля лейтенанты королевской армии де Кастри и де Бовуар дю Рур (однофамилец вожака мятежников) решили дать сражение при Лавильдье, в чистом поле. Армии повстанцев (1200—2000 человек) противостояли около девяти тысяч солдат короля, включая королевских мушкетеров во главе с д'Артаньяном, шесть рот французских гвардейцев, три пехотных полка, четырьеста швейцарцев, четыре кавалерийских эскадрона, две роты драгун и восемьсот ополченцев. Кроме того, к королевской армии примкнули окрестные дворяне.

Кавалерия двинулась вперед легким галопом, Лебре выстроил авангард в боевом порядке, в то время как двадцать драгун и столько же мушкетеров вырвались вперед, стреляя из пистолетов, чтобы затеять стычку. Только один батальон Рура ответил тридцатью ружейными выстрелами, убив одного мушкетера и одного гвардейца.

После поражения при Лавильдье Рур захватил к себе в Ла Шапель, поцеловал жену, сумел скрыться от преследователей и отправился... в Париж, чтобы представить королю челобитную с изложением несчастий жителей Виварэ и злоупотреблений господ и выборных. Правда, перед этим он обратился за советом к одному прокурору из Тулузы, который сообщил Руру, что его ищут, и посоветовал поскорее укрыться в Испании.

В Виварэ царило смятение, деревни опустели. По обычаю того времени войска размещали в деревнях, жителей подвергали насилию и грабежу. В ужасной резне погибли более шестисот человек.

25 июля в Ниме учредили особый суд, который под охраной прибыл в Обена. Тюрмы Вильнева и Обена были переполнены. 27 июля семерых главных бунтовщиков повесили. На следующий день начались судебные процессы. Двух обвиняемых колесовали, шесте-

рых повесили на рынке, еще двух отправили на галеры, множество подвергли изгнанию, а двух женщин приговорили к битью кнутом.

21 августа Антуана дю Рура заочно осудили в Вильнёве и приговорили к публичному покаянию и четвертованию. Его арестовали у подножия Пиренеев и привели в Монпелье. Судебный процесс повторили. Рура колесовали и четвертовали 29 октября. Его тело, разделенное на четыре части, выставили на большой Нимской дороге, а голову отвезли в Обена и выставили у Сент-Антуанских ворот. Его дом разрушили, а потомство заклеямили позором.

Во всех городах и приходах, поддержавших восстание, разрушили верхушки колоколен и сняли колокола. Город Обена приговорили к штрафу в пятьсот экю, Ла Шапель — в восемьсот экю и уплате судебных издержек. В общей сложности двести человек отправились на галеры, четыреста погибли, десятки были ранены и изгнаны; сотни домов и амбаров сгорели, хлеба, виноградники, плодовые деревья были уничтожены повстанцами или солдатами. На протяжении жизни целого поколения область не могла оправиться от этого разорения.

В 1672 году Людовик XIV затеял войну с Голландией, которая оказалась затяжной. Избавив себя от необходимости созывать Генеральные штаты, которые обычно утверждали новые налоги, Король-Солнце ввел гербовую бумагу для нотариально заверенных документов стоимостью один соль за лист, монополию на табак и налог в двадцать су с фунта, а также новый налог на оловянную посуду, даже купленную ранее, в одно су за штуку (в результате цены в тавернах резко взлетели). Бигорру обложили соляным налогом, от которого она до сих пор была избавлена. Эти меры легли страшной тяжестью на плечи населения, и без того согбенного под бременем налогов, и оказались соломинкой, переломившей спину верблюда. (Военная политика Короля-Солнце превратила Бретань, самую густонаселенную провинцию Франции, которую обходили стороной голод и эпидемии, в совершенно разоренную местность.)

В конце марта 1675 года вспыхнуло восстание в Бор-

до, поддержанное окрестными крестьянами. Местный парламент приостановил выплату новых податей. Эта новость быстро долетела до Бретани: 18 апреля в бретонском Ренне были разграблены отделения Гербовой и Табачной монополий. Натиск разбушевавшейся толпы удалось отразить горстке дворян во главе небольшого отряда городского ополчения: около трех десятков бунтовщиков были убиты.

Неделю спустя восстание разгорелось с новой силой и к началу мая охватило большинство городов Бретани — Динан, Монфор, Ламбаль, Ванн, Нант. В Нанте толпа захватила епископа, прибывшего к восставшим в качестве парламентаря, и обменяла его на одну женщину, посаженную в тюрьму в самом начале беспорядков. Губернатор города господин де Молак сумел уладить дело миром, за что... попал в опалу у государя. Зато в Шатодене наместник короля господин де ла Кост выступил против восставших с оружием в руках, был тяжело ранен и вынужден запереться в Бресте. Бунтовщики торжествовали победу — почти три месяца.

Губернатор Бретани герцог де Шон (прозванный бретонцами «толстой свиньей») держал двор в неведении относительно истинного размаха, который приняло восстание: он знал, что вину за беспорядки в провинциях чаще всего перекладывали на губернаторов. Не смел он и открыть истинные причины бунта: чрезмерные налоги и вопиющую нищету, а тем более просить об отмене новых податей. Поскольку ни король, ни он сам не могли считаться виновными в случившемся, он заявил, что во всем виноваты местное дворянство и парламент. 12 июня герцог предложил Кольберу принять жесткие меры: уничтожить пригороды Ренна, а если потребуется — то и половину города. Но для осуществления таких планов нужны были регулярные войска, а еще нужно было избавиться от городского ополчения, с 8 июня находившегося под ружьем и охранявшего ворота. Губернатор умело разыграл комедию, поклялся не вызывать в Ренн никаких внешних сил и убедил наивных ополченцев разоружиться.

Со своей стороны, парламент умолял короля приостановить на какое-то время сбор налогов и срочно со-

звать Штаты; одновременно он принимал свои меры против мятежников.

Вся Нижняя Бретань была в огне. «Восстание гербовой бумаги» стало называться еще и «восстанием красных колпаков» по отличительному знаку, который брали себе бретонские крестьяне. В Бретань срочно отправили мушкетеров, которыми вместо д'Артаньяна, погибшего при Маастрихте, командовал Луи де Форбен.

Герцог де Шон ничего не предпринимал до подхода войск, вытребованных им у короля; единственным человеком, попытавшимся восстановить мир, был иезуит отец Монуар — «последний бретонский апостол»; но шесть тысяч солдат под командованием де Форбена уже шли в Бретань. 16 августа они были в Нанте, затем в Кемпере; в середине сентября у Тимера состоялось сражение, которое положило конец восстанию. Затем начались репрессии.

Людей толпами отправляли на галеры, вешали без счета, колесовали и четвертовали без всякой жалости. Отец Монуар добился позволения облегчать душу несчастных, которых казнили тысячами. С 18 сентября по 12 октября герцог де Шон ездил по всей провинции, включая Сен-Брие и Сен-Мало, творя жестокие казни; при этом он продолжал посылать жителям Ренна успокаивающие письма. 12 октября он вступил в Ренн во главе внушительного военного отряда и повел себя так, словно находился в завоеванной стране. Парламент изгнали в Ванн, он пробыл там четырнадцать лет и смог вернуться обратно только за плату в полмиллиона ливров; горожан разоружили; главную улицу стерли с лица земли, а жителей изгнали — больше четырех тысяч человек были обречены скитаться, умирая от холода и голода, давать им приют было запрещено под страхом смертной казни. В городе разместили на постой гарнизон в шесть тысяч солдат, которые издевались над горожанами как могли. Герцог оставался глух к самым слезным мольбам: «...он был из той породы людей, которые запрещают баранам блять не только когда их стригут, но и когда с них сдирают шкуру». Потом начались казни...

В ноябре войска под командованием де Форбена в строгом порядке покинули Бретань и в нее вторглась новая армия в десять тысяч человек — недисциплинированная, не соблюдающая никаких правил, которая тотчас приступила к грабежам. Тот же кошмар — грабежи, насилия, убийства, издевательства над женщинами и детьми — творился в Гиени и Гаскони. Парламент Бордо отменил свое постановление о прекращении выплат; в наказание за бунт в городе расквартировали на зиму восемнадцать полков, что обошлось горожанам в миллион ливров.

Война, продолжавшаяся на Рейне, вынудила короля отозвать войска 1 марта 1676 года.

Восстание «красных колпаков» было несслыханным по своему размаху; ничего подобного во Франции не повторялось целый век (если не считать восстание камизаров — протестантов из Севенн — против отмены Нантского эдикта). Однако оно было именно бунтом, а не крестьянской войной, как предыдущие мятежи; некоторые историки пытаются представить его как первый опыт «классовой борьбы»: дворяне и крестьяне находились по разные стороны баррикад, никаких вождей из «благородных» у повстанцев не было; роты драгун — разночинцев, метивших в дворяне или хотя бы в высшую буржуазию, — без всяких сантиментов расправлялись с «зарвавшимся плебсом».

Мушкетеры тоже участвовали в подавлении восстаний, но лишь на стадии военных действий, а не зверской расправы: возможно, кодекс чести предписывал им воевать только с теми, кто сражается с оружием в руках. Король благоразумно воздержался от того, чтобы отправить их в Гасконь, хотя еще неизвестно, что оказалось бы сильнее — земляческая солидарность или сословная. Когда д'Артаньяну по воле короля пришлось играть роль тюремщика при арестованном Николае Фуке, а потом при опальном герцоге де Лозене, он вел себя чрезвычайно учтиво со своими «подопечными», стараясь всячески облегчить им существование. Вряд ли он отнесся бы так же к Антуану дю Руру. Во время «восстания гербовой бумаги» в Бигорру отправили роту из ста шестидесяти драгун, которых разместили на пос-

той у местного населения: жителей грабили, избивали, унижали. Новый губернатор Гиени герцог де Роклор вступился за них, и через год (!) его требования были частично удовлетворены: король своим ордонансом освободил от поста священнослужителей и дворян, находящихся на действительной службе.

Следует подробнее остановиться на эпизодах, когда королевским мушкетерам приходилось играть не свойственную им роль тюремщиков.

В начале сентября 1661 года Людовик XIV дал подручнику мушкетеров д'Артаньяну тайное и ответственное поручение: арестовать суперинтенданта финансов Никола Фуке, который настолько обогатился и забрал в свои руки такую власть, что держал себя как первое лицо в государстве. Арест должен был произойти в Нанте, где тогда находился двор. Д'Артаньян заблаговременно расставил своих мушкетеров возле резиденций короля и его пока еще всесильного министра, чтобы предотвратить возможный побег. Операция прошла успешно, и вскоре Фуке уже сидел в зарешеченной карете, увозившей его в Анжер. В этой же карете ехали сам д'Артаньян и его помощники — сержант мушкетеров Мопертюи и гвардейский лейтенант Деклаво, а позади скакал эскорт из сотни мушкетеров.

Прибыв в замок Анжера, д'Артаньян расставил посты охраны и занялся обустройством узника; в частности, мебель для него он приобрел за свой счет. Эти заботы не мешали ему не спускать с него глаз и подвергать самым тщательным обыскам. Через несколько дней король поручил его заботам еще одного арестованного — секретаря Фуке Поля Пелиссона, историографа Французской академии, который отказался отречься от своего господина и свидетельствовать против него. Из Нанта в Анжер Пелиссона доставил квартирмейстер первой мушкетерской роты де Сен-Мар с отрядом в двадцать мушкетеров. 1 декабря арестованные и конвоиры выехали в Амбуаз, причем мушкетерам приходилось прокладывать дорогу через толпы сбегавшихся окрестных жителей, выкрикивавших ругательства и оскорбления в адрес опального министра. В Туре разъяренная толпа чуть не опрокинула карету, и во время

остановки в этом городе мушкетерам приходилось разгонять подозрительные сборища. Во избежание инцидентов решено было покинуть Тур в три часа ночи. Оставив Фуке в Амбуазе, д'Артаньян доставил Пелиссона в Париж и сдал его с рук на руки своему другу Франсуа де Бемо, коменданту Бастилии.

В конце декабря Фуке перевели в Венсенский замок, и распри, возникшие между двумя офицерами, которым была поручена его охрана, вынудили короля спешно отправить туда д'Артаньяна, который уже доказал свою компетентность в этом вопросе. У дверей камеры Фуке отныне постоянно дежурил специальный отряд мушкетеров, в самой камере находились двое часовых; единственным связующим звеном между узником и внешним миром был д'Артаньян. Во все время судебного процесса над Фуке он спал в комнате по соседству с камерой своего подопечного, установив там походную кровать. Более бдительного охранника и представить себе было нельзя. Однажды д'Артаньян арестовал некоего человека, который пытался подкупить одного из мушкетеров, чтобы тот передал заключенному записку. Король доверял только ему: в бумагах Фуке были обнаружены письма Бемо, написанные в те времена, когда тот заискивал перед суперинтендантом, находившимся на вершине могущества. Дело Фуке поссорило двух друзей.

Несмотря на строгое следование инструкциям, полученным от короля, д'Артаньян был способен на великодушие: конвоируя своего узника в Париж, когда туда вернулся двор, он ненадолго задержал карету в Шарантоне, чтобы Фуке, не выходя из нее, смог поцеловать жену и детей, которых не видел уже три года. 13 декабря 1664 года в три часа ночи в небе над Парижем появилась комета — это явление многие восприняли как добрый знак для Фуке. Д'Артаньян, бодрствовавший всю эту ночь, разбудил узника и показал ему комету, пролетавшую над Сент-Шапель, чтобы хоть как-то его ободрить. В каком-то смысле Фуке действительно повезло: вместо смертного приговора суд вынес решение о тюремном заключении в Пиньероле, небольшом городке на склоне Альп. По рекомендации д'Артаньяна охрана

бывшего министра была поручена Бенинь Доверню де Сен-Мару, «весьма порядочному человеку». Тем не менее сопровождать заключенного до ворот темницы король велел д'Артаньяну.

Путешествие в суровую зимнюю пору длилось двадцать долгих дней, на протяжении которых д'Артаньян, по словам госпожи де Севинье, был «единственным утешением» Фуке. По прибытии на место д'Артаньян настоял на том, чтобы рядом с камерой заключенного была обустроена комнатка для его слуги.

Сен-Мар остался охранять Фуке, а д'Артаньян, облегченно вздохнув, вернулся на поле брани. Однако в 1671 году король вновь прибег к его услугам, чтобы арестовать графа де Лозена. Бывший гасконский кадет, которого приютил в Париже из милости его родственник маршал де Грамон, вошел в фавор к Людовику XIV, который сделал его губернатором Берри, генерал-полковником королевских драгун (подразделения, специально созданного для королевского фаворита) и капитаном лейб-гвардии. В 1670 году Лозен получил чин генерал-лейтенанта и командовал королевской армией во время похода во Фландрию. Тогда-то он и поссорился с капитан-лейтенантом «серых мушкетеров» и несколько месяцев вел с ним «холодную войну». Два гасконца помирились в начале ноября 1671 года, а через несколько дней д'Артаньян получил приказ арестовать Лозена. Причиной ареста скорее всего стали интриги госпожи де Монтеспан, титулованной любовницы короля, и военного министра Лувуа. Д'Артаньяну пришлось вновь проделать утомительное путешествие в Пиньероль. В арестантской карете, помимо него и Лозена, сидели также Мопертюи и Пьер д'Артаньян.

Лозен пробыл в Пиньероле под надзором Сен-Мара и в обществе Фуке и таинственной «железной маски»* до

* Личность «Железной маски» — одна из неразгаданных тайн французской истории. В нем видели и самого Фуке, и внебрачного сына Людовика XIV и Луизы де Лавальер, и многих других. По смелому предположению английского историка Роджера Мак-Доналда, высказанному в книге «Человек в железной маске» (2005), под нею скрывался... д'Артаньян, которого отправили в Пиньероль после ранения под Маастрихтом, надев на него маску, чтобы его не узнали мушкетеры из охраны. Свою гипотезу англичанин основывает на

1681 года. Великая Мадемуазель, дочь Гастона Орлеанского и двоюродная сестра короля, на которой Лозен чуть было не женился, пыталась добиться его освобождения. Людовик XIV согласился на это, если она отдаст принадлежавшие ей графство Э и княжество Домб (обещанные ею Лозену) герцогу дю Мэну, узаконенному сыну короля от госпожи де Монтеспан. Требовалось согласие Лозена. Госпожа де Монтеспан отправилась «лечиться на воды» в Бурбон, туда же и под тем же предлогом привезли Лозена под конвоем отряда мушкетеров во главе с Мопертюи. Лозен отказался выкупить свою свободу такой ценой, и Мопертюи отвез его обратно в тюрьму. Однако король не сдавался, и в конечном счете после второй поездки в Бурбон Лозен уступил. Надо сказать, что два этих путешествия были омрачены для него тем, что Мопертюи исполнял свои обязанности тюремщика со строгим педантизмом, не проявляя никакой чуткости, и Лозен не мог этого забыть до конца своей жизни.

Но вернемся к простому народу.

Дворяне могли воспринимать как «товарищей по несчастью» своих слуг, но не крестьян, которые по рождению были просто обязаны их содержать. Мушкетеры проливали свою кровь не за французский народ, а за своего короля, и каждый, кто противился королевской воле, был для них врагом. К тому же к концу столетия в мушкетерских ротах служили и сыновья рабовладельцев*, имевших четкое представление о предназначении каждого человека на этой земле.

И все же элита французской армии должна была

* Мемуарах г-на д'Артаньяна», написанных бывшим мушкетером Гатъеном Куртилем де Сандра (1644—1712), который девять лет провел в Бастилии (1702—1711) и якобы почерпнул информацию для своей книги из первых рук. Однако д'Артаньяна видели мертвым его ближайшие родственники, а Куртиль де Сандра написал и мемуары графа де Монбронна (капитан-лейтенанта второй роты королевских мушкетеров).

* В марте 1685 г. Людовик XIV издал «Черный кодекс», позволяющий использовать в колониях рабов. Его целью было положить конец бесчинствам и придать рабам, которые раньше считались вещью, определенный статус. Рабы получали право на собственность и на пенсию по старости; хозяева должны были кормить их и хорошо с ними обращаться. Но на практике кодекс практически не соблюдался.

иметь свои моральные устои и особый взгляд на взаимоотношения людей. Неслучайно именно из рядов королевских мушкетеров вышел новый «Робин Гуд», попытавшийся основать царство свободы, основанное на принципах всеобщего братства.

В конце XVII века бывший королевский мушкетер Оливье Миссон снял с себя голубой плащ с крестом и поступил во флот, став капером на «Виктории». Во время захода корабля в порт неподалеку от Рима он познакомился с бывшим монахом-доминиканцем Караччиоли и между ними завязалась крепкая дружба. Они вместе сражались во всех абордажных боях на «Виктории», и после одного особенно жаркого боя с английскими моряками, в ходе которого погиб капитан, новым главой экипажа стал Миссон.

«Виктория» курсировала вдоль берегов Гвинеи и Восточной Африки; захватывая огромные богатства, экипаж освобождал рабов, миловал пленных, почтительно обращался с побежденными, а на мачте корабля развевался белый флаг с вышитым на нем девизом «За Бога и Свободу, все братья, все равны!». После нескольких месяцев такой жизни и захвата португальского корабля с особенно богатым грузом два друга, заручившись поддержкой многочисленных матросов, решили учредить свою республику.

Они поселились в бухте Диего-Суарес на севере Мадагаскара. Местный князек предоставил в их распоряжение несколько сотен рабочих-туземцев (которые на самом деле, как оказалось позже, были разведчиками). Так возникла Международная республика Либерталия с демократически избираемым парламентом. Пока одни ее жители возделывали поля, другие продолжали носиться по морям, грабить корабли и требовать выкуп за пленников, но при этом освобождая рабов. Либерталийцы пользовались услугами знаменитого пирата Томаса Тью, которого сделали адмиралом.

Частную собственность отменили, все были равны независимо от расы. Казна, состоящая из разных предметов потребления, была общей. Из нее выдавали пенсию нетрудоспособным и старикам. Деньги внутри республики не имели хождения. Казну пополняли за счет

пиратства. Браки между флибустьерами и туземными женщинами поощрялись. За оскорбление туземца, за ругань и пьянство публично наказывали палками.

Своего расцвета Либерталия достигла после захвата корабля, направлявшегося в Мексику: более полутора тысяч пассажиров пополнили собой население города, а сто двадцать пушек — артиллерию форта. Португальцы, разгневанные захватами своих судов, отправили несколько карательных экспедиций против Либерталии, недооценив ее военной мощи. Каратели потерпели поражение и были вынуждены молить о пощаде, которая милостиво была им дарована.

Беда подкралась с другой, неожиданной стороны: ночью на город напали туземные племена малагасийцев. Мужчины, женщины и дети были перебиты, Карачиоли погиб в бою, Миссону удалось бежать с несколькими людьми на борту шлюпа, захватив с собой ценные вещи. Впрочем, этот корабль утонул во время бури. Тью тоже погиб несколько месяцев спустя: его разорвало ядром во время абордажного боя. От Либерталии сохранился только личный дневник Миссона, обнаруженный много позже в Ла-Рошели, в вещах умиравшего матроса из команды Тью. Рукопись капитана Миссона с рассказом о республике Либерталии была включена в книгу «Всеобщая история грабежей и смертоубийств, учиненных самыми знаменитыми пиратами, а также их нравы, порядки, вожаки и их правление», изданную в двух томах в 1728 году в Лондоне. Этот труд многократно переиздавался вплоть до 1972 года и служил источником для серьезных работ по истории пиратства, пока не выяснилось, что написал его Даниэль Дефо*...

Зима 1691/92 года выдалась холодной и снежной, с весны зарядили холодные дожди, урожай оказался наполовину погублен, виноград не вызрел, осенью зерна приходилось бросать в жидкую грязь, и следующей весной озимые не взошли. Разразился голод, жертвами

* Некоторые историки считают, что эта история была целиком выдумана Дефо, однако писатель, работая над книгой, посещал тюрьмы и больницы, где общался с бывшими пиратами. На самом деле еще никто не смог убедительно ни доказать, ни опровергнуть существование Либерталии.

которого за два года стали около полутора миллионов человек, к тому же Франция снова ввязалась в войну — с Аугсбургской лигой.

В таких чрезвычайных условиях король прибегнул и к чрезвычайным мерам: временно ввел подушную подать, обложив ею всех французов, включая привилегированные сословия. Все население разделили на двадцать два класса, в зависимости от происхождения и положения в обществе; каждому классу соответствовала определенная сумма подати. Первый класс, в который входили дофин, принцы крови, министры и генеральные откупщики, облагался податью в две тысячи ливров, последний (крестьяне-поденщики, чернорабочие и солдаты) — в двадцать су. От подати освободили только духовенство, которое откупилось пожертвованием в четыре миллиона ливров в год (и окончательно выкупило свою финансовую свободу за двадцать четыре миллиона ливров в 1710 году), а также бедняков, платящих менее сорока су королевского налога. Кроме того, подушную подать не платили студенты и иностранцы, прожившие во Франции менее шести месяцев.

Подать отменили в 1697 году после подписания Рисвикского мирного договора, однако в 1702 году разразилась война за Испанское наследство, и подушную подать ввели снова, но уже по другой системе, напоминающей королевский налог. Теперь ее собирали по финансовым округам, дворяне получили послабления, а ремесленные цехи распределяли общую сумму подати между своими членами. Изначально новый налог вводился вплоть до окончания войны, однако не был отменен и после ее завершения, а в 1705 и 1747 годах даже увеличен (на два су с ливра). В 1704—1706 годах лето было невероятно жарким, уровень воды в реках понизился, вода в них стала грязной, что привело к эпидемии желудочно-кишечных заболеваний, в частности дизентерии, от которой умерли двести тысяч человек; зато зима 1709 года выдалась самой холодной за последние двести лет: Сену сковало льдом от Парижа до самого устья, водный транспорт на других реках тоже был парализован, люди умирали от холода, голод погу-

бил шестьсот тысяч человек. Весь 1740 год стояла холодная погода, что, разумеется, снова вызвало голод по всей стране.

В январе 1742 года гасконец Жозеф де Жюнка Боэсс, «черный мушкетер» и капитан полка Гатинэ, кавалер ордена Людовика Святого, отслуживший сорок лет и участвовавший во всех сражениях во Фландрии, Италии и Германии, потребовал на заседании Генеральных штатов Бигорры возместить ему выплаченную им подушную подать, поскольку он, купив земельные владения, принадлежит отныне к благородному сословию. В этом требовании ему было отказано, а в 1760 году подушную подать увеличили вдвое для тех, кто был освобожден от королевского налога.

Несмотря на это, клич «Да здравствует король без соляной пошрины!» вновь раздался во Франции только в 1775 году. Зима выдалась суровой, год — неурожайным, цены на хлеб резко возросли, и в самом Париже и Версале начались беспорядки. В столицу ворвались «сельские банды», к ним примкнула городская чернь; начались грабежи рынков и пекарен. Но полиция не принимала мер, а мушкетеры даже освободили одну арестованную женщину. Правительство объявило город на осадном положении, но при подавлении беспорядков сочетало суровость с милосердием: две женщины, приговоренные к смертной казни, были помилованы королем и отделились изгнанием.

Через год мушкетерские роты были распущены, а еще через тринадцать лет последний капитан-лейтенант роты «черных мушкетеров» Филипп Клод де Монбуасье-Бофор-Каниллак был избран депутатом от дворянства Клермон-Феррана в Генеральные штаты 1789 года. Дальнейшее развитие событий известно очень хорошо... Мы уже рассказывали, как складывались судьбы бывших мушкетеров во время Французской революции. Добавим только, что революционный народ не питал почтения к слугам короля и их славному боевому прошлому: надгробие маршала Франции Пьера де Монтескью, графа д'Артаньяна, в приходской церкви Плесси-Пике было разбито и уничтожено.

МУШКЕТЕРЫ В ЛАЗАРЕТЕ

*Боевые раны. — Врачи, хирурги и аптекари. —
Кровопускание и клистиры. — Спор
о кровообращении. — Переливание крови. — Астрология
и медицина. — Лихорадка и «нехорошая болезнь». —
Растительные и минеральные препараты. —
Помешательство. — Ветеринария*

*Я могу... дать вам с собою всего пятнадцать экю,
коня и советы... Ваша матушка добавит к этому ре-
цепт некоего бальзама, полученный ею от цыганки;
этот бальзам обладает чудодейственной силой и
излечивает любые раны, кроме сердечных.*

А. Дюма. Три мушкетера

Бесстрашно устремляясь в бой, мушкетеры, разумеется, рисковали своей жизнью и здоровьем; многие оставались лежать на поле боя, покрытые ранами или навсегда закрыв глаза. Еще в бытность свою гвардейцем д'Артаньян был ранен под Аррасом; там же Сирано де Бержерак, недавно оправившийся после ранения под Музоном (мушкетная пуля* прошла навывлет), получил удар шпагой в горло, заставивший его распрощаться с военной карьерой. Д'Артаньян впоследствии получил еще несколько ран, а пуля под Маастрихтом оборвала его жизнь. Во время той же осады у девятнадцатилетнего Луи де Виллара, будущего маршала Франции, под ногами взорвался фугас; его засыпало землей. По счастью, утром его нашли и откопали; он оказался единственным уцелевшим из своей роты. При штурме Сенефа ему проткнули шпагой бедро, однако он сражался еще три часа, подкрепившись водкой. Мушкетер Гильом де Рандинже вышел

* Мушкетная пуля весила две унции — 56 г и могла нанести серьезную рану.

в отставку в 1641 году, получив на королевской службе восемь ран. Инженер-сапер Вобан за четыре осады был ранен двенадцать раз.

Боевые офицеры больше заботились о своей славе, чем о своей безопасности. Так, при Рокруа (1643) Конде отказался надеть шлем, водрузив себе на голову шляпу с большими белыми перьями (в памяти еще жил пример Генриха IV, велевшего войскам следовать туда, где они увидят его белый султан, то есть в самую гущу сражения). Белые шарфы офицеров были весьма приметными и хороши для прицела. К тому же доспехи теперь носили одни только кирасиры.

Первый военный (походный) госпиталь был основан только в 1639 году, и лишь стараниями Лувуа (1641—1691) был создан корпус военных хирургов и офицеров-лекарей, чтобы заботиться о лечении больных и раненых. Умелый хирург спас руку Тюренну, когда тот был ранен в 1636 году и несколько дней не мог пошевелить пальцами. Другой лекарь выходил д'Артаньяна, раненного при осаде Стенэ. В составе каждой мушкетерской роты имелись хирург и аптекарь.

Лечением больных занимались три категории врачей: доктора, обучавшиеся в университетах и имеющие ученую степень (их было мало, и их клиентуру составляли аристократы и богатые горожане), хирурги, усвоившие свое ремесло опытным путем, и аптекари; две последние категории эскулапов состояли в ремесленных цехах и лечили ото всех болезней. Профессия хирурга считалась непрестижной, особенно с религиозной точки зрения, поскольку была связана с пролитием крови; хирурги состояли в одной корпорации с цирюльниками, и их самолюбие от этого страдало (разъединили эти две профессии только в 1686 году). Аптекари состояли в одном ремесленном цехе с торговцами пряностями, поскольку пряностям приписывали различные целебные свойства; официально их разделили только в 1777 году (первая школа фармацевтов появилась в 1756 году). Ученые доктора считали недостойным для себя прикасаться к больному, они лишь ставили диагноз и назначали лечение; кровопускание делали хирурги, клистиры ставили аптекари. По-

сколько это были два основных метода врачевания, люди зачастую обращались непосредственно к хирургам и аптекарям, минуя врачей. В XVI—XVII веках, пока была в почете алхимия, грань между аптекарями и шарлатанами порой оказывалась очень тонкой. Идя навстречу «пожеланиям клиента», аптекарь мог покрыть пилюлю золотым порошком, существенно увеличив ее стоимость и снизив эффективность: слой золота препятствовал усвоению лекарства. Разницу в положении лекарей наглядно показывает поговорка: «Старый врач, молодой хирург, богатый аптекарь».

Медицинские факультеты существовали при университетах двух десятков городов, особенно славились Нанси, Монпелье и Лион. Но в XVII веке преподавание в них велось на латыни по древним текстам и было оторвано от жизни; будущие врачи не имели никакой практики, о строении человеческого тела судили по трудам Клавдия Галена, восходившим к трактатам Гиппократ. По сути, обучение в университете приносило лишь докторскую степень, а не знания, и этот прискорбный факт нашел свое отражение в поговорке: «Не всяк врач, кто носит мантию». В Париже преподавали традиционную медицину, основанную на трех китах: александрийский лист, отруби и кровопускание (первые два средства — эффективное слабительное). Университет Монпелье был единственным во Франции, признававшим алхимическую медицину, родоначальником которой, веком раньше, стал Парацельс; рекомендуемые снадобья создавались на основе химических соединений. Медицинский факультет Монпелье давал лучшее образование, стоявшее ближе к современной медицине, чем парижский, к тому же там терпимо относились к протестантам.

В медицине главенствовала теория о жидкостях, согласно которой состояние здоровья человека обусловлено сочетанием четырех природных элементов (тепла, холода, сухости и влажности) и четырьмя телесными жидкостями (кровью, слизью, желтой желчью и зеленой желчью).

Вот, например, как в те времена объясняли, что такое водянка (следствие заболеваний, связанных с закупор-

кой или сдавливанием вен): «Водянка есть болезнь, происходящая от избытка материи. Причиной ее является посторонняя телу холодная материя, которая проникает в промежутки между частицами органов и разбухает там. Она проникает либо во все внешние органы, либо в полые места в тех областях, где происходит воздействие на пищу и соки. Разновидностей водянки существует три: «водянка мяса», причиной которой является водянистая, слизистая материя, расходящаяся вместе с кровью по органам, «бурдючная водянка», причиной которой является водянистая материя, изливающаяся в пространство нижней полости и в прилежащие к ней места, и «барабанная водянка», причиной которой является ветровая материя, распространяющаяся в тех же областях. Возникает водянка и вследствие значительного выведения черной желчи».

Несчастному Людовику XIII, с детства страдавшему хроническим энтеритом, за один год поставили более трехсот клистиров. (Лекаря с клизмой наизготовку называли «мушкетером, стреляющим с колена».) С той же целью больным «отворяли кровь». До конца XVIII века кровопусканиями и промываниями желудка лечили все, включая помешательство.

Настольной книгой аптекаря, выполнявшего рекомендации врача, была фармакопея Николая Мирепса (буквально — «изготовитель мазей») — главного медика при дворе никейского императора XIII века Иоанна III Ватаца; в XIV веке она была переведена на латынь. Наличие этого справочника проверяли два врача, которым был поручен контроль за лабораториями аптекарей. Он включал в себя 2656 рецептов, распределенных по 48 классам на основании фармакологических свойств, в том числе 51 клизму; среди ингредиентов часто упоминались уксус, камфара и александрийский лист. На миниатюрах, иллюстрирующих книгу, было изображение доктора, держащего пузырек, его пациента на костылях, аптекаря и его помощника, смешивающего лекарства.

Байрон писал, что ланцет пролил больше крови, чем шпага. По представлениям того времени, для оздоровления организма следовало очистить его от дурной

крови: «Чем больше выкачиваешь из колодца гнилой воды, тем больше туда поступает чистой». В дневнике маркиза Данжо есть упоминание о том, как племянник Людовика XIV заболел краснухой. Все лечение свелось к утренним кровопусканиям в течение трех дней и покою. Ревностным приверженцем кровопусканий был известный в то время врач Ги Патен; он назначал кровопускание даже грудным детям.

В апреле 1711 года от кори умер Великий дофин (сын Людовика XIV), в феврале 1712 года — его сын с женой. В марте ту же болезнь подхватили двое внуков покойного дофина. Новый наследник трона, пятилетний герцог Бретонский, умер 8 марта. Дофином стал двухлетний герцог Анжуйский. Его гувернантка госпожа де Вантадур решила лечить его сама, не подпускала к нему врачей и не позволяла отворять ему кровь. Мальчик выжил и стал впоследствии королем Людовиком XV. В 1757 году Дамьен пырнул его ножом. Госпожи де Вантадур рядом уже не было, и врачи чуть не довершили дело убийцы, сделав королю кровопускание.

В 1747 году будущий маршал Рошамбо был ранен во время битвы при Лауфельде. В него попали две картечные пули: одна вошла в голову через глаз, задев височную кость, другая — в бедро навывлет. Чтобы избежать воспаления и жара, ему восемнадцать раз пускали кровь. Несмотря на такое лечение, он выжил и через год снова сражался. Людовика XIV лечили кровопусканиями от подагры: в этом серьезном случае не рекомендовалось прибегать к пиявкам.

Медицинские пиявки являли собой альтернативу ланцету хирурга, однако в XVII веке они применялись за пределами Франции — в Швейцарии и Италии. Новатор Людовик XIV стал первопроходцем и в этой области; его примеру, как водится, стали подражать придворные вельможи. Возникла даже своеобразная эстетика: хирурга просили расположить пиявок не как попало, а чтобы следы от их укусов очерчивали сердечко и т. п.

Отцом французской хирургии считается Амбруаз Паре, живший в XVI веке и изобретший метод перевязывания артерий при ампутациях, благодаря чему некоторым пациентам удавалось сохранить жизнь. Ампута-

ция была единственной операцией, практиковавшейся на полях сражений. В XVI веке между хирургами разгорелся спор: одни утверждали, что следует резать по уже пораженным гангреной тканям — это не столь болезненно, и крови теряется меньше; другие рекомендовали резать «по живому», то есть здоровому участку, останавливая кровотечение наложением жгутов (это средство считалось более эффективным, чем прижигание каленым железом или едкими веществами). Но к XVII веку полученный горький опыт, когда ампутация гангренозных членов нередко приводила к смерти пациента, убедил хирургов проводить эту операцию до появления воспаления. Порой они решительно отнимали руку или ногу, которую еще можно было спасти. Поскольку такая операция проводилась без всякой анестезии (разве что пациента опаивали водкой), многие предпочитали умереть, чем терпеть адскую боль, а потом еще страдать от фантомных болей (их природу изучал Декарт).

В качестве обезболивающего средства Амбруаз Паре рекомендовал опиум; врача-алхимика Парацельса вообще прозвали *doctor opiatus*. Парацельс изобрел обезболивающее средство следующего состава: фиванский опий, сок апельсина и айвы, корица, гвоздика, шафран, мускус, амбра, кораллы и жемчуг. Английский врач Сиденхем (1624—1689), которого прозвали британским Гиппократом, успешно использовал опиумную настойку для анестезии. «Среди всех снадобий, которые Господь всемогущий подарил человеку, чтобы утишить боль, нет ничего более универсального и действенного, чем опиум, — писал он. — Сие лекарство столь необходимо медицине, что она не сможет без нее обойтись, и если врач научится обращаться с ним как должно, оно сотворит удивительные вещи, которых не ждешь от одного-единственного снадобья». Сиденхем, действительно, использовал опиум и для лечения дизентерии, подагры и нескольких других заболеваний. Однако во Франции опиум не нашел столь широкого применения, как в Англии. Пришлось ждать почти целый век, чтобы преодолеть консерватизм врачей и Церкви, считавшей, что боль ниспосла-

на нам свыше как испытание, а потому ее необходимо терпеть.

И врачи, и их пациенты были фаталистами: среди первых бытовало мнение, что заживление ран — естественный процесс и врачебное искусство состоит лишь в том, чтобы создать для него благоприятные условия. Такими условиями были, по инициативе швейцарского хирурга Ф. Вюртца, промывание раны чистой холодной водой и перевязка. Хирург считался лишь помощником «высшего врача», единственно способного исцелить.

К XVII веку медицина худо-бедно научилась врачевать раны, нанесенные рубящими ударами, однако была бессильна перед поражением органов брюшной полости и грудной клетки, вызванных колющими ударами, которые в большинстве случаев оказывались смертельными. Этим объясняется тот факт, что на дуэлях погибало чуть ли не больше людей, чем на войне.

Дуэлянты наносили друг другу в основном раны в грудь, изредка — в живот и в голову. За исключением намеренных ударов, ранения в руки и ноги были случайными и выглядели царапинами. Завязтых бретеров можно было узнать по шрамам на щеке, носу, возле рта или уха. Колющий удар в шею мог оказаться смертельным, попав в вену. Удары в лицо были не менее опасны: шпага, вонзенная в глаз или нос, поражала мозг. Колющие удары в грудь, в районе сердца и крупных кровеносных сосудов, аорты и легких, тоже обрекали на смерть.

Врачи того времени считали, что голова, как и сердце, «предмет темный и исследованию не подлежит». Тем не менее кое-кто практиковал трепанацию черепа, но пациенты, как правило, на нее не соглашались — «дураков на свете много и без них».

Людовик XIV был бесстрашен не только на поле боя: он доверял хирургам. Впрочем, он сумел окружить себя настоящими профессионалами. Хирург Феликс успешно провел ему операцию на анальной фистуле, а лейб-хирург Жорж Марешаль (1658—1736) вообще творил чудеса. В 1709 году Виллар был ранен в колено при Мальплаке: кость треснула до самого бедра. Ему грози-

ла ампутация, однако Марешаль установил, что пуля не засела в кости, вычистил рану, и через десять дней больной пошел на поправку, а еще через двадцать был уже в седле.

В 1731 году Жорж Марешаль, ставший к тому времени лейб-хирургом Людовика XV, основал Королевскую академию хирургии, что позволило хирургам наконец отделиться от цирюльников (в 1660 году они еще состояли в одном цехе). В 1769 году началось строительство зданий Коллежа и Академии хирургии. Марешаль оказал большое влияние на некоторых из своих ближайших родственников, которые, как и он, научились превосходно оперировать. Один из его племянников, Мартен Герен, славился тем, что у него была «верная и легкая рука». Его старший сын Жорж Герен тоже был известным хирургом. С 1733 года он последовательно возглавлял медицинскую службу Итальянской армии, был главным хирургом больницы «Шарите» в Париже и лейб-хирургом второй роты королевских мушкетеров. Людовик XV сделал его дворянином и наградил лентой ордена Святого Михаила. Одна из его сестер вышла замуж за хирурга Севера Франсуа Морана, прославившегося разнообразными операциями, которые он умел выполнять, а также своими научными трудами. Его сын, врач Клеман Моран, и зять, хирург Сабатье, не уступали ему в одаренности.

Во второй половине XVII столетия в Королевском ботаническом саду были открыты три кафедры для проведения опытов по анатомии и хирургии, там же по инициативе Людовика XIV состоялись дебаты о кровообращении.

В XVII веке анатомы достигли определенных успехов; анатомия стала более функциональной, наблюдения подкреплялись результатами экспериментов. Но даже такие видные анатомы, как Жан Риолан (отец и сын) и Ги Патен, твердо придерживались взглядов Клавдия Галена и отказывались принимать на веру новые открытия, в частности открытие большого и малого кругов кровообращения, описанных англичанином Уильямом Гарвеем. А ведь у Гарвея не было приоритета в этой области: задолго до него кровообращение бы-

ло описано арабским врачом Ибн аль-Нафизом (1213—1288), итальянцем Андреасом Везалием (1514—1564), испанцем Мигелем Серветом (1511—1553) и другими. Большое значение для исследования Гарвея имело подробное описание венозных клапанов, направляющих движение крови к сердцу, данное впервые его учителем Иеронимом Фабрицием в 1574 году.

Гарвей доказал, что сердце является мышечным мешком, снабженным клапанами, сокращения которого действуют как насос для нагнетания крови в кровеносную систему. Французский врач Жан Пеке подтвердил его выводы собственными исследованиями; поддержал англичанина также Рене Декарт.

Развивая свою мысль, Уильям Гарвей пришел к выводу, что укус змеи только потому опасен, что яд распространяется по всему телу. Для английских врачей эта догадка стала отправной точкой, оттолкнувшись от которой, они разработали принцип внутривенных инъекций. Немецкие врачи опробовали на человеке новую «хирургическую клизму» (то есть шприц для внутривенного впрыскивания): этот опыт произвел на себе Матеус Готтфрид Пурман из Силезии. Выводы Гарвея о циркуляции крови в организме открыли дорогу и к переливаниям крови.

Сначала такие опыты ставили на животных, потом и на человеке, но поскольку на первых порах пациентам переливали кровь телянка, считавшуюся наиболее подходящей для человека, такие опыты, как правило, заканчивались неудачей. Людовик XIV, понимавший значение этой новации в случае ее успеха, поддерживал эксперименты, однако парижский медицинский факультет запретил их в 1667 году и добился у парижского парламента запрета на переливание крови от человека к человеку.

К опытам по переливанию крови вернулись два века спустя, причем «технология» осталась практически такой же, как во времена Гарвея: донору пускали кровь, собирали ее через воронку в градуированный шприц, который держали в сосуде с водой, подогретой до 37 градусов, а затем медленно и осторожно вводили в открытую вену на руке реципиента. Операцию нужно было делать быстро, пока кровь не свернулась,

но в то же время не торопясь, чтобы в шприц не попал воздух.

Но такие опыты были быстро прекращены, а врачи, насмехаясь над «циркуляторами», по-прежнему придерживались старых методов лечения и ставили диагнозы, которые сегодня выглядят просто дико.

Мушкетер Жан Клод де Кердрель, раненный при Рамильи, 4 апреля 1708 года получил в Доме королевских мушкетеров в Париже свидетельство, составленное хирургом второй роты Мейером. Ему запрещалось садиться верхом и даже путешествовать в карете из-за «обильного кровохарканья, которое я приписал раздражению, оказываемому осколками, засевшими в руке, на мелкие сосуды, которые, раздражаясь и лопаясь, извергают содержащиеся в них жидкости, а те поступают в сосуды иной природы, а оттуда — в легкие, избавляющиеся от них самым удобным путем, то есть через рот». Мушкетера комиссовали, он вернулся на родину, женился и прожил еще двадцать лет. Умер он в 1727 году в возрасте сорока семи лет.

Не все врачи были готовы твердо отстаивать свои убеждения: врач Рок ле Байлиф (умер в 1605 году), бывший на хорошем счету у Генриха IV, слыл «хорошим галенистом и очень хорошим парацельсистом; со своей душой он поступал так же, как с телом: был католиком ради денег и гугенотом ради спасения души».

Как ни странно, единственным, что объединяло врачей всех научных направлений, была астрология.

Еще Гиппократ утверждал, что звезды оказывают влияние на зарождение болезней, причем наиболее сильное воздействие он приписывал созвездию Плеяд, Арктуру и созвездию Большого Пса. Гален склонялся к мысли о том, что наибольшее влияние на здоровье оказывает Луна, и в его представлении «медицинский месяц» соответствовал лунному. Парацельс полагал, что именно звезды, то есть планеты, повинны в возникновении эпидемий, в том числе чумы и тифа, а поскольку звездам соответствуют определенные металлы (Марс — железо, Венера — медь, Сатурн — свинец и т. д.), «то, что лечит, указывает на причину болезни». Сиденхем не сомневался во влиянии звезд на человеческое тело,

а французский врач Соваж написал в 1751 году трактат на эту тему.

Жан Батист Морен, обучавшийся медицине в Авиньоне, увлекся астрологией, правда, уже не в медицинском, а в прорицательском направлении; он составлял гороскопы для кардинала Ришелье и герцога де Люксембурга. При этом Морен был непримиримым противником Коперника. Коллеги-математики посмеивались над его увлечением, поскольку его предсказания сбывались очень редко.

Историки подсчитали, что за время правления Людовика XIV погибло около миллиона французских солдат. Но не все они сложили голову в бою: много жизней унесли эпидемии и несчастные случаи всякого рода.

Жан Пьер Петер, один из крупнейших специалистов по истории здравоохранения, изучил документы XVII века и выявил 420 названий болезней, 128 из которых представляют собой разновидности «лихорадки»: когда было непонятно, от чего больной умер, проще всего было назвать это лихорадкой. Лихорадка могла быть злокачественной, изнуряющей, стреляющей, гнойной, «пурпурной», горячкой. От «пурпурной лихорадки» скончался фаворит Людовика XIII Альбер де Люинь на осаде Монёра; скорее всего, это была корь.

Современные специалисты полагают, что, судя по описанию симптомов, сохранившихся в документах, самыми распространенными инфекционными заболеваниями того времени были туберкулез, дифтерия и дизентерия. В холодное время года свирепствовали легочные заболевания; люди умирали от плевритов и чахотки. Во время военных походов и осад и осаждающих, и осажденных выкашивали дизентерия и паразитозы: санитарные условия оставляли желать лучшего, не было хорошей воды и пищи, разлагающиеся трупы выделяли ядовитые испарения, раненые не получали надлежащего ухода. Своих врачей не хватало, а доверять местным было опасно. Так, во время своего первого похода шестнадцатилетний Рошамбо опасно заболел под Регенсбургом, однако местным врачам его не доверили и везли к своим на телеге в обозе целую неделю в ужасный холод.

В XVII веке в Европе узнали о новом лекарстве от горячки и жара — хине. Кору хинного дерева завезли около 1640 года в Испанию из Перу. Иезуиты толкли ее и продавали порошок по бешеным ценам — четыреста пистолей за дозу. В 1679 году Людовик XIV выкупил у англичанина Тэлбота «секрет» «порошка иезуитов» за совершенно немислимые деньги с благородной целью — сделать новое лекарство доступным для своих подданных.

Король-Солнце больше доверял науке, чем его отец, благочестивый и богобоязненный Людовик XIII, полагавшийся во всем на волю Божью. С давних времен за французскими монархами признавалась способность к излечению золотушных наложением рук — знак особого расположения Господа к христианнейшим королям, — но только золотушных. Перед началом «сеанса» страждущих осматривали врачи и отсеивали всех, кто страдал иными заболеваниями. Людовик XIII впервые совершил этот обряд в десять лет, едва став королем, в монастыре Сен-Маркуль неподалеку от Лана, коснувшись язв более девяти сот человек. На следующий год, в монастыре августинцев в Париже, перед ним прошли сто пятьдесят больных; в 1613 году он «принял» тысячу семьдесят больных на Пасху и четыреста семь на Троицу. Впоследствии Людовик исполнял эту обязанность в Лувре по большим праздникам и на Новый год. Длинная вереница увечных, одетых в лохмотья людей, выставлявших напоказ свои сочащиеся или покрытые струпьями язвы, тянулась через двор в большую залу на первом этаже, где в другие дни устраивали балы. Людовик дотрагивался до их язв, произнося при этом: «Король коснулся тебя, Бог тебя исцелит». Он искренне верил в то, что делал, а потому совершенно не тяготился этой процедурой. Никаких указаний на то, насколько эффективным было такое лечение, в документах не сохранилось.

В военном походе солдата подстерегали не только лихорадка и дизентерия: в XVI веке Европу накрыло волной сифилиса, чему немало способствовали завоевательные и карательные операции. Для защиты от этой «нехорошей болезни» французские военные ис-

пользовали, по рекомендации итальянского анатома Габриэля Фаллопия (1523—1562), тонкую ткань, пропитанную настоем трав или слюной; презервативы вошли в употребление только во второй половине XVIII века. Такая защита спасала мало, да и сифилис был не единственной напастью, можно было подхватить и другие дурные болезни. В каждом случае лечение назначалось хирургом индивидуально, многие лекари держали свои рецепты в секрете. Курс длился в среднем один-два месяца. Впрочем, бывало, что заболевшие вообще не обращались за врачебной помощью или занимались самолечением, в основе которого была особая диета, раствор селитры, потогонные средства и ртутные пилюли. Впоследствии сифилис довольно успешно лечили сассапарилем (выюнок), который оказался эффективнее препаратов на основе ртути.

В XVII веке между врачами разыгралось еще одно сражение, в котором участвовали, с одной стороны, сторонники традиционной растительной фармакологии, а с другой — новаторы, пропагандирующие лекарства на основе химических соединений металлов. Как обычно бывает, в битвах врачей гибли пациенты.

В 1626 году личные врачи Людовика XIII Жан Эроар и Ги де ла Бросс купили в парижском предместье Сен-Виктор (за счет короля) земельный участок под «королевский огород лечебных растений». Бросс впоследствии учредил на его основе Школу естественных наук и фармакологии (настоящий медицинский факультет). На огороде произрастало две с половиной тысячи видов растений; с 1650 года он был преобразован в Ботанический сад и открыт для публики.

Вера в целебную силу растений существовала давно и поколеблена быть не могла. Даже старушки-знахарки в деревнях делали порошок от кашля из цветков «кошачьей лапки» (родственник василька), использовали репейник от кожных заболеваний, плакун-траву — от колик, а шалфей — от всех болезней. Такую же панацею ученые доктора разглядели в табаке, относительно недавно завезенном из-за моря.

Табак считался лечебным растением и использовался в виде отвара — как рвотное или слабительное; в ви-

де компресса — для заживления ран и язв, лечения опухолей и болей в подреберье; как водный экстракт — для промываний и клизм, при лечении запоров, апоплексии, лихорадки; в виде ингаляции: табачный дым вдвухвали в легкие, чтобы стимулировать их при астме и водянке; а также в качестве диуретика. Из зеленых листьев табака делали компрессы, леча таким образом чесотку, лишай, паршу, струпья от золотухи, а также изводя вшей.

Эскулапов, уверовавших в целебные свойства табака, не останавливало даже то, что при наружном его применении часто возникали воспаления тканей, а при попадании в кровь никотин оказывал наркотическое воздействие на мозг: на больного находил столбняк или же по его телу пробегала крупная неумемная дрожь, после чего наступала смерть.

Парацельс пропагандировал алхимическую медицину на основе лекарств, сочетающих в себе растительные и минеральные компоненты и металлы, в частности ртуть и мышьяк. Теофраст Рендо, выпускник медицинского факультета Монпелье, вместе со своим сыном Исааком отстаивал использование эликсира на базе сурьмы; он также изобрел собственный медикамент, который продавал во Франции и за рубежом. Людовик XIII дал ему разрешение на создание публичной лаборатории для использования аптекарями, противостоявшими парижскому факультету, а кроме того, пожаловал привилегию на учреждение Благотворительной консультации (бедные больные могли получить там бесплатную консультацию у врачей, хирургов и аптекарей, противостоявших Университету, а студенты — необходимые знания и опыт). Другие последователи Парацельса пропагандировали эфир, железо, сульфат меди и цинка.

Свойства сурьмы впервые были подробно описаны в конце XV века немецким монахом-бенедиктинцем Василием Валентином, он же первым посоветовал употреблять ее внутрь в малых дозах. Заметив, что сурьма легко образует сплавы со многими металлами, даже с золотом, алхимики приписали и ей тоже благородные качества, назвав *regule* (малым королем). По-

вальное увлечение сурьмой со стороны врачей новой формации привело к многочисленным жертвам. Ги Патен, скептически относившийся ко всему новому, составил «Мартиролог сурьмы». В 1666 году парижский парламент приказал медицинскому факультету срочно собраться и высказаться по поводу пользы или вреда сурьмы, чтобы прийти к некоему решению. В дебатах участвовали девяносто два доктора; в итоге сурьму рекомендовали для использования в виде рвотного и слабительного. В достоинствах сурьмы, используемой для этих целей, кстати говоря, смог убедиться сам король: в 1658 году при осаде Бергена он получил серьезное пищевое отравление; его соборовали и стали думать о преемнике, однако врач Анны Австрийской Гено дал ему рвотное на основе сурьмы с вином, и Людовик выздоровел.

Вплоть до середины XIX века настойкой из сурьмы с ревенем и анисом лечили подагру; в качестве других медикаментов для лечения этой болезни применяли хлористые соединения ртути, опиум, хлороформ и белладонну. Подагра (в переводе с греческого — «капкан для ног») была довольно распространенным заболеванием среди французской знати в XVII—XVIII веках; от нее мучились Людовик XIV и Великий Конде. Но эта болезнь, как и камни в почках, была вызвана переданием и чрезмерным употреблением жирной и тяжелой пищи. Королевским мушкетерам, которые вели подвижный и активный образ жизни, она практически не грозила. Выйдя в отставку, они конечно же ни в чем себе не отказывали, но и тут закалка — да и гены — давала себя знать. Хотя Исаак де Порто умер от апоплексического удара, это случилось, когда ему уже «стукнуло» девяносто пять лет.

Король-Солнце, нуждаясь в медицинском уходе, сумел окружить себя не только умелыми хирургами, но и знающими аптекарями. В 1686 году его личным фармацевтом стал доктор медицины Никола Лемри, некогда учившийся своему делу в Королевском ботаническом саду, а затем в Монпелье. Лемри сыграл видную роль в медицине, развив прикладную химию и написав «Универсальную фармакопею» (1697), в которой он

собрал «все описания старинных и современных снадобий, используемых в медицине как во Франции, так и в других частях Европы; рассказал о их свойствах, дозировках, наипростейших и наилучших способах изготовления». И все же эта фармакопея не заменила собой регулярно обновлявшийся «Кодекс 1599 года», которым пользовались все аптекари и который брали с собой моряки в дальние плавания.

В издании «Кодекса» от 1758 года еще присутствовали рецепты крайне сложных составов. Для «лечения» водянки (ею, например, страдал маршал Мориц Саксонский) использовали смесь из «горечавки, семян прутняка, медвежьей желчи, горчицы, семян киссы, сколопендры, корней опопонакса, глины из Бухары, марены красильной, семян капусты, аристолохии, перца, индийского сумбула, семян садовой петрушки, синеголовника, дубровника, опия, посконника, ягод можжевельника», разведенную в сладком вине. «Противоядие (терьяк) Андромаха-старшего», врача Нерона, включало в себя около сотни ингредиентов, в том числе мясо гадюки; этот состав следовало выдерживать несколько лет, как хорошее вино. Был предусмотрен и «терьяк для бедных» — всего из четырех компонентов: горечавка, кирказон, лавровые ягоды и мирра. Рецепт Андромаха исчез из фармакопей только в 1908 году.

Не только телесные недуги подстерегали королевскую гвардию в пыли дорог и в пылу сражений. Маркиз Данжо вспоминает, что Людовик XIV рассказал ему историю капуцина по имени Бельмон, который когда-то служил в мушкетерах: это был один из храбрейших людей на свете, и даже став капуцином, он проявлял отвагу, ибо не уходил из траншей и всегда был на позиции в первых рядах, чтобы исповедать раненых. Маршал Делорж сообщил королю, что видел его на протяжении двух часов между двумя рядами сражавшихся пехотинцев, он получил мушкетную пулю в бедро, но не хотел уходить, чтобы дать раненым возможность облегчить свою душу. Несчастный стал буйнопомешанным, его заперли в форт Сент-Андре. Комендант Лабарт заковал его в цепи. На следующее утро, когда в его камеру вошел капрал, капуцин порвал цепи и набросился на капрала, а затем на вошедшего Лабарта,

сбил его с ног и задушил; очнувшийся капрал велел часовому стрелять в окно; тот выстрелил и убил Бельмона.

Вполне возможно, что подобные случаи были единичными, поскольку королевские мушкетеры были морально подготовлены к войне, и тем не менее, ежедневная угроза смерти, вид физических и душевных страданий не могли не отразиться на психике. Очень может быть, что роль «службы психологической поддержки» играли друзья, земляки, отцы-командиры. Во время подставленное плечо, на которое можно опереться, — настоящее спасение, тогда как одиночество губительно. В 1772 году королевский мушкетер Анри Луи де Шатоблон, которому было двадцать восемь лет, обратился к королю, требуя справедливости: его жена, оставшаяся на Сан-Доминго, затеяла бракоразводный процесс; он сам прибыл во Францию вместе с четырехмесячной дочерью и негритянкой-кормилицей; по закону за ввоз рабов требовалось уплатить залог в тысячу ливров, однако по некоему «тайному распоряжению» эту сумму повысили до трех тысяч, ограничив срок пребывания раба во Франции одним годом. Но король был занят своими делами, и Шатоблону пришлось возвращаться на Сан-Доминго и бороться с трудностями в одиночку. Постепенно он начал сходить с ума: ему казалось, что негры подмешивают ему в пищу отраву; в качестве противоядия он использовал грудное молоко своей рабыни. В один несчастный день он в приступе безумия убил трех рабов; его судили и отправили во Францию, чтобы запереть в доме для помешанных.

Специальных методов лечения психических расстройств не существовало; больных изолировали, «лечили» кровопусканиями, горячими ваннами и клизмами с успокаивающими настоями (белладонной, содержащей атропин); буйных держали в цепях, тихих вообще не трогали.

Психические заболевания, в частности, связанные с дурной наследственностью, не были чем-то невиданным. Так, кардинал Ришелье выдал свою слабоумную племянницу Клер Клеманс де Майе-Брезе за Великого Конде. Их сын Анри Жюль де Бурбон-Конде получил прозвище «Сумасшедшего Конде» и «зеленой обезья-

ны». От матери он унаследовал ликантропию — заболевание, при котором человек принимает себя за некое животное и ведет себя соответствующим образом. Кстати, в минуты волнения великий кардинал издавал звуки, похожие на собачий лай, а однажды его застали, когда он скакал галопом вокруг письменного стола, имитируя конское ржание. Конде же твердо вбил себе в голову, что превратится в коня, и отстроил для себя роскошную конюшню в своем замке Шантильи. Несмотря на такие причуды, он, являясь принцем крови, в двадцатилетнем возрасте получил от польского короля Казимира V под свое управление Швецию и Великое княжество Литовское. В двадцать пять лет он был назначен бригадиром кавалерии, через четыре года — бригадным генералом, еще через год — генерал-лейтенантом и начальником штаба Рейнской армии. Впрочем, король и Лувуа не доверяли ему реального командования, не слишком полагаясь на его ум и военные таланты, хотя храбрости он был беспримерной. Его сын Луи III Бурбон-Конде был хилым, некрасивым и зловредным. Тем не менее уже в восемнадцать лет он стал кавалером ордена Святого Духа и полковником собственного полка, чуть позже — бригадным генералом и генерал-лейтенантом.

Королевским мушкетерам и другим кавалеристам приходилось заботиться не только о собственном здоровье, но и о здоровье своих четвероногих друзей. Отправляясь в поход, мушкетер клал в седельные сумы попону для коня, мешок с овсом и рабочую блузу (правда, все это приходилось везти самому коню, и общая нагрузка, включая всадника с оружием, доходила до трехсот двадцати фунтов). Заплатив за коня большие деньги, мушкетер берег своего боевого товарища. К концу XVIII века, когда офицеры, да и рядовые кавалеристы, стали более беспечными, ситуация изменилась к худшему: лошадей зачастую даже не расседывали во время привалов, и их спины были изъедены кровоточащими и гниющими язвами. Кони погибали во время сражений, но не только: в XVII — XVIII веках они нередко становились жертвами эпидемий, и эти печальные явления подтолкнули развитие ветеринарной науки.

Изначально лечением лошадей занимались кузнецы (в каждой мушкетерской роте имелся свой кузнец), но их познаний оказалось недостаточно: умело подковать, вынуть занозу, обработать рану — это одно, а вылечить, например, от ящура* — совсем другое.

Эпидемии среди животных, как правило, вспыхивали параллельно с эпидемиями среди людей, хоть и носили иную природу. До XVIII века их не фиксировали в документах и практически не изучали. Судя по обрывочным сведениям, лошади гибли от сибирской язвы, миозитов, лошадиного гриппа и энцефалита. Крупная эпидемия разразилась в 1704 году в Эльзасе, Германии и Фландрии. В 1757 году в области Бри свирепствовал миозит грудной клетки: лошади погибали за 12—36 часов (заразу они подхватили от лесных оленей). В 1763—1764 годах лошади погибали от язв; это заболевание охватило животных по всей Франции, в особенности в Оверни, Перигоре и окрестностях Парижа.

Болезни диагностировали, вскрывая трупы. Чтобы избежать распространения инфекции, принимали профилактические меры: чистили конюшни, окуривали их дымом, забивали больных лошадей и закапывали их в землю, предварительно попортив шкуру, чтобы никто не вздумал использовать ее «в хозяйстве» и не распространял бы заразу. Благотворное влияние гигиены на здоровье лошадей стало важным открытием XVIII века. Лошадей стали ежедневно чистить, давать им качественный корм (сено, ячмень, солому), поить чистой водой, пускать на свободный выпас.

Первые в мире ветеринарные школы были основаны во Франции: в Лионе в 1762 году и в Альфоре в 1765-м. Их основатель Клод Буржела был королевским шталмейстером и руководил Академией верховой езды в Лионе.

Ветеринары отличались гораздо менее косными представлениями о науке, чем врачи, лечившие людей. Именно на лошадях были поставлены смелые эксперименты, в том числе по измерению артериального давления. В 1760 году естествоиспытатель Жорж Луи Бюф-

* Лошади мало подвержены этому заболеванию, однако оно может дать осложнение в виде хромоты.

фон (директор парижского Ботанического сада) писал о том, какой переворот в науке произведет экспериментальная медицина: «Если бы какой-нибудь врач сделал своим главным занятием искусство ветеринарии, он был бы вознагражден обширными успехами. Сия медицина в меньшей степени основана на предположениях и не так сложна, как другая, не говоря уже о свободе производить опыты, испытывать новые лекарства и приобретать знания, из которых можно было бы извлечь выводы для лечения людей».

Тем не менее в описываемую эпоху до этого было еще далеко. По меткому выражению Мольера, докторасхоласты стояли спиной к больному и лицом к Священному Писанию.

МУШКЕТЕРЫ В ЦЕРКВИ

Католики и гугеноты. — Нантский эдикт. — Государственная религия. — Драгонады. — Эдикт Фонтенбло. — Декларация галликанской церкви. — Век Просвещения: терпимость. — Власть Церкви. — Благочестие военных. — Суеверия. — Из мушкетеров — в монахи

Видя, что католики истребляют гугенотов, а гугеноты истребляют католиков, и все это во имя веры, отец мой избрал для себя веру смешанную, позволявшую ему быть то католиком, то гугенотом... Надо вам сказать, что я, сударь, католик, ибо отец, верный своим правилам, моего старшего брата сделал гугенотом.

А. Дюма. Три мушкетера

Великий век Людовика XIV был эпохой централизации, проходившей под девизом «Одна вера, один закон, один король». Впрочем, этот девиз французские монархи подняли на щит еще со времен Франциска I, то есть с начала XVI века, но лишь Королю-Солнце удалось воплотить его в жизнь. С давних пор «патриотизм» измерялся верностью королю. Мушкетеры сражались не «за Бога, короля и отечество», а исключительно за своего государя. Для них он был непогрешим, за него они шли умирать.

Вопрос о выборе веры для королевских мушкетеров не стоял: в военную свиту «христианнейшего короля» принимали только католиков. Беарнец Генрих Наваррский отрекся от веры своей матери Жанны д'Альбре, убежденной протестантки, чтобы стать королем Генрихом IV (ему приписывают знаменитую фразу «Париж стоит мессы»^{*}); его земляки, предусматривая военную

^{*} Согласно другим источникам, эти слова произнес верный соратник Генриха герцог де Сюлли. В 1593 г. он посоветовал королю обратиться в католичество, чтобы дать стране мир. Тот торжественно

карьеру для своих сыновей, заранее принимали меры. Так, Жан Арман дю Пейре (будущий граф де Тревиль), как и его отец и два брата, был воспитан в католической религии, тогда как его мать Мари д'Арамиц осталась верна протестантской церкви.

Все Порто были убежденными протестантами, этому семейству покровительствовал известный военачальник Ла Форс, один из вождей гугенотов. Впрочем, после успешного похода Людовика XIII в Лангедок против гугенотов в 1622 году Ла Форс перешел на сторону короля за двести тысяч экю и маршальский жезл. Исаак де Порто стал католиком и поступил во французскую гвардию.

Анри д'Арамиц был аббатом — но светским аббатом Арамица в Барту: то есть он собирал церковную десятину, не имея никакого отношения к отправлению культа. Его дед Пьер д'Арамиц, капитан из гугенотов, играл очень активную роль в Религиозных войнах в Беарне и Суль во времена Жанны д'Альбре. Это не помешало его внуку принять веру своего короля.

Основные постулаты протестантской веры, исповедуемой на юге и юго-западе Франции, и в самом деле таили в себе некую идеологическую угрозу для абсолютизма. Так, согласно принципу благодати, ниспосылаемой Богом, ценность человека определяется только любовью к нему Господа, а не его личными качествами, заслугами или социальным положением. Священен только Господь; ни одно начинание человека не может быть абсолютным, неприкосновенным или универсальным. Более того, исходя из того положения, что Господь даровал нам свободу, протестанты обычно поддерживали такое общественное устройство, при котором соблюдались бы свободы и плюрализм. Католики считали, что обязаны идти по пути, указываемом Церковью; для протестантов же церковные учреждения суть лишь творения рук человеческих, а потому несовершенны; единственный непогрешимый образец — это Библия, с которой и следует сообразо-

отрекся от протестантства в базилике Сен-Дени. Сам же Сюлли предпочел остаться гугенотом. На вопрос короля: «Почему вы не ходите на мессу, как я?» он ответил: «Корона стоит мессы».

вывать свои поступки. Поэтому каждый христианин — «пророк, священник и царь». Кроме того, протестанты не соблюдали постов, считали Христа единственным посредником между верующими и Богом, отказывая в этом статусе Деве Марии и святым (а Людовик XIII после рождения долгожданного сына отдал Францию под покровительство Пресвятой Девы), признавали только два таинства: крещение и причастие (а католики — семь: крещение, причастие, исповедь, конфирмация, священство, брак и соборование), одевались в черное и осуждали роскошь.

13 апреля 1598 года Генрих IV издал Нантский эдикт, предоставив протестантам свободу вероисповедания с некоторыми ограничениями и передав в их распоряжение несколько военных крепостей, в том числе Ла-Рошель и Монтобан. Этим эдиктом король положил конец Религиозным войнам, опустошавшим Францию в XVI веке, и гражданской войне. В отличие от предыдущих эдиктов такого рода, изданных Карлом IX в 1562, 1563 и 1570 годах, Нантский действительно был исполнен, поскольку сам Генрих раньше был протестантом. Свобода совести провозглашалась по всему королевству, однако свободное отправление протестантского культа существовало лишь в тех местах, где протестантизм утвердился до 1597 года. В Париже, Руане, Дижоне, Тулузе и Лионе протестантский культ был запрещен, зато в Сомюре, Ла-Рошели, Монтобане и Монпелье католики, решившие сохранить верность религии своих отцов, не могли посещать церкви, которые были либо разрушены, либо закрыты. За гугенотами сохранили все их гражданские права и пятьдесят одну крепость, для защиты которых они могли собрать армию в тридцать тысяч солдат.

Не стоит думать, что эдикт был воспринят во Франции с облегчением: католические города, например Париж, Ренн, Руан, ратифицировали его только через десять лет из-за угроз короля, а протестантский поэт и писатель Теодор Агриппа д'Обинье, бывший одним из фаворитов Генриха вплоть до обращения последнего в католичество, называл эдикт «гнусным».

Католики видели в этом эдикте средство держать протестантов в узде, пока те не переведутся, — одним

словом, «меньшее из зол». Со своей стороны, протестанты восприняли его как передышку перед обращением католиков в свою веру. Слово «терпимость» тогда имело отрицательную окраску. Еще в 1586 году королева-католичка Екатерина Медичи сказала, обращаясь к виконту Тюренну (обер-камергеру Генриха Наваррского и основателю протестантского университета в Седане): «Король желает, чтобы в его землях была лишь одна религия». На что виконт ответил: «Мы тоже. Только чтобы она была нашей». Понятно, что при таком настроении умов столкновения были неизбежны.

Тем не менее противостояние католиков и гугенотов вовсе не было борьбой религиозных фанатиков: «для пользы дела» люди, стремившиеся к власти или богатству, с легкостью переходили в другую веру. На практике Нантский эдикт ознаменовал собой переворот в умах: отныне вера становилась частным делом, а на первый план выходило повиновение закону и королю вне зависимости от того, какой веры он придерживается.

В 1611 году друг убиенного короля Генриха IV, в свое время ведший переговоры о Нантском эдикте, Филипп Дюплесси-Морней опубликовал в Сомюре, губернатором которого являлся, «Таинство несправедливости», в котором обличал папство, придя к выводу, что папа — Антихрист. Эта книга была осуждена Сорбонной и вызвала большую полемику, но поскольку Дюплесси-Морней держал протестантов под контролем и не давал возникнуть беспорядкам, то был нужен королевской власти и его не тронули. Кстати, отцом «гугенотского папы» был убежденный католик Жак Морней, а матерью — пламенная гугенотка. Его жена была дочерью протестанта и католички. Через десять лет после выхода скандальной книги начались волнения гугенотов и король выступил против них в поход. Дюплесси-Морней предлагали уехать в Канаду, соблазняли высокими должностями в Голландии или в Англии, но он предпочел остаться и служить своему королю, сославшись на «национальное сознание».

В сентябре 1620 года девятнадцатилетний Людовик XIII совершил поход в протестантский Беарн, произвел там «кадровые перестановки», восстановил от-

правление католического культа, но обещал соблюдать привилегии гугенотов и получил взамен клятву в верности. Король запретил своим подданным-протестантам устраивать собрания, а губернаторам, мэрам и эшевенам городов своего королевства — принимать такие собрания, объявив нарушителей этого приказа виновными в оскорблении величия. Несмотря на запрет, гугеноты решили собраться 24 декабря 1620 года в Ла-Рошели и обратились за поддержкой к английскому королю.

Гугеноты распространили свободу вероисповедания на административную область: они издавали собственные законы в местах своего «компактного проживания», чеканили свою монету, вводили налоги, собирали ополчение, строили укрепления. В начале 1621 года они захватили город Прива. Посредником между протестантами и королем выступил престарелый маршал Ледигьер — «хитрый лис», как называл его Генрих IV, но переговоры ничего не давали: гугеноты создали практически государство в государстве, чего король потерпеть не мог.

Выступив во главе армии против гугенотов Гиени и Лангедока, Людовик XIII отправлялся не в крестовый поход, а в карательную экспедицию против нелояльных подданных. Сражения, в которых участвовали и королевские мушкетеры (Сен-Жан д'Анжели, Монтобан, Негрепелис, Монпелье), были жестокими и кровопролитными, обе стороны не шли на уступки, а в захваченных протестантских городах королевские войска вели себя как в завоеванной стране. В 1622 году в Монпелье был заключен мир, однако вождь гугенотов Анри де Роган не оставлял своих замыслов — создать во Франции при поддержке Англии и Испании гугенотскую республику, возглавить которую собирался он сам. В те времена во Франции было около миллиона гугенотов, то есть двенадцатая часть населения. Фаворит английского короля герцог Бекингам оказал военную поддержку французским протестантам; приняв ее, гугеноты поставили себя в положение изменников родины. Взяв Ла-Рошель в 1628 году, Людовик запретил политические собрания, многие крепости были разрушены. Он

издал новый эдикт, подтверждающий предыдущий в том плане, что протестанты могли свободно исповедовать свою веру по всему королевству, кроме Парижа. Король подчеркивал, что не делает различия между своими подданными, пока те верно ему служат. Со своей стороны, Ришелье обеспечивал соблюдение Нантского эдикта по соображениям внешней политики: во время Тридцатилетней войны союзниками Франции были протестантские немецкие княжества, Швеция и голландские Соединенные провинции. Пока были живы король и кардинал, французские гугеноты чувствовали себя в безопасности.

После Английской революции и казни в 1649 году короля Карла I пуританским парламентом протестантство оказалось связано в умах людей с убийством короля. Забеспокоившись, французские гугеноты резко осудили своих английских братьев по вере и всячески выказывали свою верность монархии. В 1652 году король (а фактически правивший от его имени Мазарини) своей декларацией выразил благодарность протестантам за поддержку, оказанную короне во время Фронды. Однако Тюренну (сыну фаворита Генриха IV), обеспечившему победу над фрондерами, пришлось перейти в католичество, чтобы стать маршалом Франции. Гугеноты уже не стремились к тому, чтобы обратить католиков в свою веру; они всеми силами цеплялись за куцые привилегии, которые еще оставались им дарованы после того, как кардинал Мазарини повсеместно ввел *буквальное* соблюдение Нантского эдикта. Французский абсолютизм строился вокруг государственной религии, стержнем которой был король. Провозгласив себя королем по «божественному праву», Людовик XIV фактически создал некую «королевскую религию», культ Короля-Солнце. Такого поклонения «священной особе» короля не было больше нигде в Европе.

Единство страны должно было быть основано на единообразии во всем. Пусть гугенотов было мало, пусть они являлись верными подданными и способствовали развитию экономики и науки, из-за самого своего существования они становились «пятном на солнце». Начиная с 1660-х годов Людовик XIV пред-

принял широкомасштабное обращение протестантов в католичество по всему королевству, для которого все средства были хороши. Нантский эдикт утрачивал свой смысл.

В 1672 году королевские войска вторглись в Соединенные провинции: теперь голландцы более не являлись союзниками Франции, а потому не имело смысла делать реверансы в сторону отечественных протестантов. Все больше гугенотов переходили в католичество — уже не только знать и чиновники, но и торговцы и ремесленники. Завершение Голландской войны стало апогеем могущества Франции в Европе: Людовик вернулся в Париж с титулом «Великий».

Используя кнут, король не забывал и о прянике: в 1675 году была учреждена особая касса, откуда выдавали деньги новообращенным. Это привлекло в основном простой народ и жуликов: некоторые ушлые гугеноты обращались в католичество несколько раз. В 1680 году протестантам было запрещено заниматься рядом профессий, в том числе быть юристами и врачами, а католикам — переходить в протестантскую веру. В следующем году начали закрывать протестантские академии. Наконец, 11 июля был издан ордонанс о драгонадах, согласно которому протестантов, перешедших в католичество, на два года освобождали от постоя. Прочие же должны были принимать на постоя специально направленные в эти области отряды драгун, которым было предписано вести себя с хозяевами как можно грубее, чтобы принудить тех отречься от своей веры, потому что «так угодно королю».

Первая драгонада прошла в Пуату по инициативе интенданта Рене де Марильяка и с поощрения военного министра Лувуа. Лувуа направил в Пуату на зимние квартиры кавалерийский полк, Марильяк разместил солдат преимущественно в домах протестантов, позволив им грабить и разорять хозяев. Драгун полагалось кормить да еще платить им. Когда деньги заканчивались, солдаты начинали продавать хозяйскую мебель или разбивать ее в щепы. Если хозяин упорствовал в своем нежелании перейти в католичество, его подвергали всяческим издевательствам: секли его детей,

насиловали жену и т. д. Как только одна деревня обращалась, солдаты перемещались в другую. За несколько месяцев в католичество перешли тридцать восемь тысяч человек, но вся область Пуату была разорена, жители бежали в Англию и Голландию. Государии-протестанты предложили французским гугенотам свою помощь: курфюрст Бранденбургский освободил их от налогов, прочие помогали устроиться на новом месте. Франции пришлось считаться с общественным резонансом: солдаты отозвали, Марильяка сместили.

Но в августе 1684 года в Регенсбурге было заключено перемирие, по которому соседи Короля-Солнце признали за ним права на все территории, аннексированные с 1678 года. Тотчас имущество консисторий было передано странноприимным домам и больницам, содержащимся католическими монашескими орденами, и протестанты лишились возможности помогать своим страждущим. В декабре отправление культа по протестантскому обряду было запрещено в тех населенных пунктах, где проживало менее десяти протестантских семей, а с мая 1685 года беглым гугенотам в случае ареста грозили галеры.

В июле 1685 года королевскому интенданту в По Никола Жозефу Фуко разрешили использовать солдат, уже не нужных для войны, для обращения протестантов. Он усовершенствовал методы Марильяка. Уже при одном известии о прибытии драгун обращались целые городки. Фуко возвестил о тысячах ненасильственных обращений и перешел в Пуату, где предоставил драгунам лютовать без всякого удержу.

Воодушевленный успехом, Лувау направил драгун «в помощь» интендантам и других провинций: в Беарн (на родину множества мушкетеров), а оттуда на восток — в Лангедок, в долину Роны и в Дофине, и на север, в Сентонж. Они внушали такой ужас, что три четверти протестантов из Монпелье и Нима, а также из Севенн отреклись от своей веры, не дожидаясь прибытия «миссионеров в сапогах».

Нантский эдикт превратился в чисто символический документ, и король отменил его 18 октября 1685 года, подписав — вместе с канцлером Мишелем Летелье —

эдикт Фонтенбло, ставивший протестантство под запрет на всей территории Франции. Парижский парламент утвердил его 22 октября.

Драгонады продолжались в Провансе, в Нормандии, в Шампани. В Руане протестанты отреклись после четырех дней бесчинств, устроенных двенадцатью ротами кирасир. Мучили детей, насиловали женщин. Многих женщин, отказавшихся перейти в другую веру, отправили на Гваделупу и Мартинику. За несчастных вступилась госпожа де Ментенон, которая ранее настаивала на отмене Нантского эдикта. Гавр капитулировал еще до прихода драгун. Нормандия обезлюдела: протестанты бежали на острова, принадлежащие Англии, или в Голландию. Последним городом Франции, пострадавшим от драгонад, стал Мец в Лотарингии: жители этого города получили отсрочку в десять месяцев после эдикта Фонтенбло, чтобы принять католичество. Драгун туда прислали в августе 1686 года, и в три дня все было кончено. Самых строптивых выслали из страны в 1687 году.

В дальнейшем эмиграция гугенотов продолжалась, ослабляя экономику страны: около трехсот тысяч протестантов бежали от преследований в Англию и ее американские колонии — Виргинию и Южную Каролину, в Германию, Швейцарию, Голландию и ее колонии — Капстад и Новый Амстердам (современные Кейптаун и Нью-Йорк). В 1702 году самые стойкие подняли в Севеннах восстание камизаров, которое армии с большим трудом удалось подавить через два года.

Отмена Нантского эдикта была вызвана и внешнеполитическими причинами: Франция блистала своим отсутствием во время битвы при Вене 11 и 12 сентября 1683 года, когда польско-австрийско-германские войска под командованием короля Польши Яна III Собеского (бывшего королевского мушкетера) разбили армию Османской империи, возглавляемую великим визирем Кара-Мустафой. С этого поражения начались упадок Османской империи и возвеличивание Габсбургов. Людовик XIV использовал австро-турецкую войну, чтобы уладить свои дела во Фландрии и Брабанте, и не участвовал в обороне католических земель от неверных; те-

перь же он смог подтвердить свою верность католической религии. С другой стороны, у французского короля возник конфликт с папой Иннокентием XI.

Со времен Прагматической санкции 1438 года, подписанной Карлом VII, власть папы римского во Франции была сильно ограничена. Папские буллы и бреве часто противоречили законам государства и потребностям страны, а потому государи не раз воспрещали их обнаружение. Юристы считали незаконными все духовные акты, не одобренные королями и парламентами. С XVI века церковные суды стремились подчинить их в апелляционном порядке суду светскому; парламенты воспрещали продажу индульгенций и юбилейных отпущений грехов, разрешаемую папами. Во Франции считалось правилом, что французский король не может быть отлучен от церкви. Король же должен был решать, справедливо ли наложено отлучение на любого из его подданных. На Генеральных штатах 1614 года среднее сословие предложило принять закон о том, «что нет на земле власти, духовной или светской, которая бы имела какое бы то ни было право над королевскою властью, которая бы могла лишить прав священной личности наших государей или освободить их подданных от обязанности верно повиноваться, по какой бы то ни было причине и под каким-либо предлогом».

В 1662 году в Риме произошел примечательный инцидент. Посол Франции Шарль де Креки возмущал римлян своим высокомерием, а его слуги вели себя как парижская «золотая молодежь», почитая своим долгом дебоширить по ночам и задирали ночные патрули. Несколько лакеев герцога со шпагами в руках напали на отряд корсиканских гвардейцев, в обязанности которых входило следить за исполнением решений суда. Весь корсиканский корпус встал на защиту земляков и, подстрекаемый братом папы Александра VII Марио Киджи, ненавидевшим де Креки, осадил его дом и обстрелял посольскую карету. Один паж был убит, несколько слуг ранены. Герцог покинул Рим, обвинив самого папу в пособничестве в убийстве. Александр VII не спешил оправдываться, полагаясь на легкомыслен-

ность французов — мол, со временем все забудется. Для приличия он повесил одного корсиканца и изгнал из Рима губернатора, допустившего убийство. Но Людовик XIV шутить не любил: он отправил в Италию войска под командованием маршала дю Плесси-Пралена и грозил осадой Рима. Французский король, расценивший инцидент со своим послом как оскорбление, нанесенное всей французской нации, потребовал, чтобы племянник папы лично принес ему извинения и чтобы в Вечном городе был воздвигнут обелиск с надписью о том, что корсиканцы неспособны служить Святому престолу. Папа обратился ко всем католическим монархам с просьбой заступиться за него, но император Священной Римской империи отражал атаки турок, а Испания вела тяжелую войну с Португалией. Тем временем парламент Прованса конфисковал графство Венессен, принадлежавшее папам с 1274 года. В любое другое время последовало бы отлучение от церкви, но тут, под угрозой оружия, Александр VII предпочел уступить: он изгнал из Рима собственного брата, отправил к Людовику с извинениями своего племянника кардинала Киджи, распустил корсиканскую гвардию и воздвиг обелиск с описанием случившегося. Кардинал Киджи стал первым папским легатом в истории, миссия которого заключалась в принесении извинений: прежде легаты лишь оповещали о папских распоряжениях и устанавливали налоги. Но Людовик не ограничился временными мерами (через несколько лет он дал разрешение на то, чтобы снести обелиск): он вырвал у папы обещание вернуть Кастро и Рончильоне герцогу Пармскому и компенсировать герцогу Модены права на город Комаккио, став, таким образом, покровителем итальянских князей.

Кроме того, с 1516 года французский король являлся собственником светского имущества епархий, однако это положение не распространялось на епархии, аннексированные в последующие годы. В 1673 году Людовик XIV исправил положение с согласия высшего французского духовенства, а в 1682 году ассамблея французских епископов приняла декларацию галликанской церкви: она провозглашала независимость ко-

роля от папы, главенство собора и обязанность для его святейшества соблюдать обычаи и законы французской церкви. Папой тогда был уже Иннокентий XI; он реагировал незамедлительно, отказавшись возводить в сан епископов назначенцев короля. Отмена Нантского эдикта должна была послужить сближению с папой.

Преемники Короля-Солнце не так ревностно боролись с протестантами, благодаря чему множеству общин удалось сохраниться. Век просветителей отличался не только вольнодумством и непочтительностью к религии, но и религиозной терпимостью в нашем понимании этого слова. Когда около 1750 года в Лангедоке возобновились гонения на протестантов, общественность была возмущена. К 1770 году последние протестанты, брошенные в тюрьму за свои религиозные убеждения, были освобождены; протестантским священникам разрешили проповедовать в сельской местности, а в 1776 году уроженец Женевы протестант Неккер фактически (но не официально) стал министром финансов Людовика XVI. В 1787 году этот король издал эдикт о терпимости: государственные должности оставались под запретом для протестантов, они не могли открыто совершать свои богослужения, однако получили право на гражданскую регистрацию браков, рождений и смертей (до сих пор эти события регистрировали приходские кюре). Но к тому времени протестанты, составлявшие пятую часть населения в 1600 году и больше десятой части в 1685-м, представляли уже едва ли пятидесятую его часть.

Многие королевские мушкетеры были родом из мест, пострадавших от драгонад, но вряд ли они пытались возражать против подобных мер по утверждению единой религии, хотя протестантизм был религией их отцов. Скорее всего, веря в непогрешимость своего короля, они предпочли покориться его воле. Вот лишь один пример: пехотный капитан Жан де Кабирон происходил из протестантской семьи, жившей в Лангедоке. После отмены Нантского эдикта он обратился в католичество и, когда жители Севенн от отчаяния взялись за оружие, стал одним из самых яростных их преследователей. Его старший сын Жан (родился в 1672 году) до 1699 года служил в королевских мушкетерах.

Отмена Нантского эдикта, узаконившая гонения на протестантов, стала и началом гонений на евреев. Ранее Людовик XIV относился к иудеям довольно благожелательно: после присоединения к Франции Трех Епископств и Эльзаса жившие там евреи не были изгнаны из королевства, хотя соответствующий эдикт от 1394 года теоретически был еще в силе. Более того, в 1657 году Людовику и его брату Филиппу устроили торжественный прием в синагоге города Мец в Лотарингии. Кольбер видел в евреях движущую силу экономики, и за время царствования Короля-Солнце еврейская община Лотарингии существенно разрослась. Португальских евреев, называемых «новыми христианами», которые жили в Бордо и в окрестностях Байонны, тоже не трогали. Однако 1685 год стал черным годом для евреев: восьмерых сожгли живьем в Тулузе, а первая статья «Черного кодекса», посвященного рабам, предписывала изгнать евреев с Антильских островов.

Но вернемся к армии и католикам.

В XVII веке Церковь играла весьма значительную роль в жизни как гражданского, так и военного общества, а церковные иерархи были наделены довольно большой властью. Житель города Вик-ан-Бигорр Арно де Требон, отец королевского мушкетера Лорана де Требона, был осужден за убийство некоего Жака Юга: он напал на свою жертву на улице, нанес ему несколько ударов шпагой и, ворвавшись в дом, где Юг пытался укрыться, добил его, не позволив даже извлечь шпагу из ножен. Бросив тело мертвого врага, Требон унес с собой его шпагу, что для гасконцев было злейшим преступлением. Требона приговорили к публичному покаянию, повешению и конфискации имущества. Пока он находился в бегах, казнь совершили над его изображением. Преступника поймали в Орлеане и заключили в городскую тюрьму. На его счастье, в это время в Орлеан прибыл новый епископ, который обладал привилегией миловать узников в день своего вступления в город и в должность. Епископ Альфонс д'Альберик простил Требону его вину, и тот отделался лишь уплатой двухсот пятидесяти ливров на судебные издержки.

При каждой мушкетерской роте имелся свой капеллан, которого король не обходил своими щедротами при раздаче бенефициев; так, аббат Улье, капеллан первой мушкетерской роты, получил пенсию в пятьсот ливров. (Постоянные военные капелланы находились при армии с конца XVI века.) Поскольку в дворянских семьях, как правило, старший сын становился военным, а один из младших — священником, иногда капелланы состояли в родстве с офицерами: например, в конце XVII века старшим капелланом мушкетеров был Жан Пьер де Лаборден, брат «серого мушкетера» Гильома де Лабордена. В каждой крепости или казарме, построенной Вобаном, имелась часовня; при Доме инвалидов, выстроенном в Париже, был заложен собор.

Военные имели право основать часовню. Например, Жан де Пюжо, происходивший из семьи профессиональных военных, среди которых были и французские гвардейцы (уроженец деревушки Пюжо Борден по соседству с Артаньяном), завещал триста ливров на строительство и украшение часовни Святого Духа, основанной в 1611 году при францисканском монастыре в городке Вик-ан-Бигорр.

Впрочем, военные редко отличались богобоязненностью. В конце Тридцатилетней войны англичане и французы подошли с двух сторон к бельгийскому городу Тильмон, в котором находились большие запасы продовольствия. Герцог де Шатильон предпринял все от него зависящее, чтобы предотвратить штурм города, однако, пока он ругался с англичанами, французы ворвались туда сами, круша все на своем пути, и разграбили даже церкви. Жертвой их неистовства стали и монахини местного монастыря. На увещевания настоятельницы, что они невесты Христовы, французский солдат ответил с циничным смехом: «Ну так мы наставим Богу рога».

Людовик XIV подавал пример совершенно иного рода. После взятия Намюра в 1692 году (эта нидерландская крепость впервые переходила в чужие руки) король пытался утешить отшельников из соседнего монастыря, лишившихся к тому же всех своих запасов хлеба, перевезенных в Намюр: монахи получили в два раза

больше хлеба и сверх того крупные пожертвования; в монастыре разместили на постой только кардинала де Бульона, графа де Грамона и отца Лашеза, королевского духовника; король разрешил провезти пушку через монастырский сад только в случае крайней необходимости. Несмотря на такое отношение, монахи французов на дух не переносили, и один из них даже отказал королевскому дворецкому в бутылке пива, не согласившись обменять ее и на бутылку шампанского. Тогда же, во время тщательного обследования городских укреплений перед вступлением в город короля, французы обнаружили в обители иезуитов погреб, набитые порохом, существование которых святые отцы скрывали. Порох изъяли, но самих иезуитов не тронули.

Несмотря на благочестие, выказываемое королем (в особенности после его женитьбы на набожной госпоже де Ментенон), его гвардейцы относились к религии довольно пренебрежительно, особенно к ее обрядовой стороне. Капитан-лейтенант д'Артаньян крестил детей многих своих подчиненных, однако два его собственных сына, родившиеся в 1660 и 1661 годах, оба по имени Луи, при рождении получили только малое крещение (этот обряд могла совершить и повитуха). Крещены они были только в 1674 году, уже после смерти отца, когда им исполнилось соответственно тринадцать и четырнадцать лет. По просьбе короля, обряд совершил Боссюз, епископ Мо, автор Декларации галликанской церкви. Крестными старшего были король и королева, младшего — дофин и мадемуазель де Монпансье.

Между тем в обществе были распространены самые разные суеверия. Сам кардинал Ришелье, который по своему положению был обязан с ними бороться, увещивал себя различными амулетами, ладанками и оберегами; короли обращались к астрологам за гороскопами. В 1580—1630 годах во всей Европе и, в частности, во Франции с новой силой разыгралась охота на ведьм; судебные преследования за колдовство прекратились только после 1680 года. Парижский парламент в этом плане проявлял гораздо меньше фанатизма, чем провинциальное правосудие, и в конечном счете постановил считать договоры с дьяволом и наведение порчи де-

лом совершенно нереальным, а потому не подлежащим рассмотрению в суде. Приговоры выносили только по делам об отравлении и преступлениях на сексуальной почве, совершаемых людьми, которых мы сегодня назвали бы сатанистами. Тем не менее вплоть до XIX века каждый ребенок в Гаскони знал, как уберечься от ведьмы: если она протянула руку, чтобы наслать на тебя заклятие, надо быстро произнести про себя: «Пусть тебе дьявол дунет в зад», и тогда злые чары обратятся против нее самой. Завидев ведьму издали, надо сказать про себя: «Я тебя вижу, я тебя знаю, вылети в трубу». Внезапную болезнь и смерть «от сухоты» приписывали зависти недругов, заказавших преступному священнику «обедню святого Секария», которую нужно было слушать глухой ночью с соблюдением множества сатанинских обрядов.

Сен-Симон рассказывает о своем друге-мушкетере графе де Коткане, умном, любезном и богатом юноше. Одна гадалка по имени дю Першуар, тайно занимавшая своим ремеслом в Париже, предсказала ему, что он утонет. Сен-Симон пожурил друга за «опасное любопытство» и решил, что гадалка руководствовалась в своих прогнозах печальной физиономией и невыгодной внешностью своего клиента. Однако другой предсказатель, уже в Амьене, предрек молодому графу ту же участь. Выступив в поход со своим полком (граф уже перешел из мушкетеров в королевский кавалерийский полк), де Коткан как-то захотел напоить своего коня в Шельде и утонул на глазах у своих товарищей.

Что уж говорить о простых людях, лишенных щита скептицизма, дарованного образованием. По рассказам того же Сен-Симона, во время осады Намюра сухая и солнечная погода неожиданно сменилась проливным дождем. Это произошло в день святого Медарда, покровителя крестьян (8 июня). По приметам, погода, выпавшая на этот день, сохраняется в течение еще сорока дней. Дождь в самом деле зарядил надолго. Солдаты от отчаяния бранили святого и выискивали его изображения, чтобы порвать и сжечь.

Возможно, что жизнь воина, полная роковых случайностей, невероятных совпадений и необъяснимых

происшествий, оказывала влияние на психику и порой производила переворот в сознании. Нередки случаи, когда бывшие военные становились священниками. Но королевские мушкетеры оставались солдатами даже тогда, когда избирали себе духовную карьеру и делили своим оружием слово Божие.

Мы уже писали о мушкетере, который стал монахом, чтобы облегчать страдания раненых, а затем сошел с ума. Вот еще один пример хоть и менее трагичной, но столь же бурной и скоротечной жизни.

Жан Бодуэн (1662—1698) родился в Нанте, учился в коллеже, затем поступил в королевские мушкетеры, но вскоре отказался от военной карьеры, начал изучать богословие и в двадцать три года стал священником. Он готовил себя к миссионерской деятельности и собирался ехать в Китай, однако монсеньор де Лаваль, епископ Квебека, уговорил его поехать в Акадию. Молодой священник отправился в Порт-Рояль и рьяно взялся за дело по всему побережью залива Фанди, при случае участвуя в вылазках индейцев против англичан в Новой Англии. Увлечшись, он в некоторых своих решениях вышел за рамки духовной сферы, покусившись на прерогативы губернатора; его вызвали для объяснений в Версаль. Но весной 1696 года он вернулся в Акадию вместе с новым губернатором, который должен был устроить военный поход против англичан. Аббат Бодуэн сопровождал его в качестве военного капеллана и эксперта по стране. Он участвовал в завоевании Ньюфаундленда и других земель и на протяжении всего похода вел подробный дневник. Испытания войны серьезно подорвали его здоровье; он вернулся в свою миссию в заливе Фанди совершенно обессилевшим и умер в неполных тридцать шесть лет.

Старший сын де Тревиля рано постригся в монахи и стал аббатом аббатства Монтьеранде. Зато жизнь Жермена Франсуа Пуллена де Сен-Фуа являет собой прямо противоположный пример: он поступил в мушкетеры прямо по выходе из иезуитской семинарии в Ренне, «стремясь увенчать себя двойными лаврами — Аполлона и Марса». Сен-Фуа прослужил в мушкетерах до тридцати шести лет и отличился во время вой-

ны за Польское наследство, в сражении при Гасталла в 1734 году.

В конце жизни многие титулованные военачальники и придворные, сделавшие головокружительную карьеру, обретшие славу и богатство, задумывались о спасении своей души и оканчивали дни в молитвах, жертвуя церквям и монастырям. Среди бывших королевских мушкетеров такие примеры крайне редки, возможно, они считали себя чистыми перед Богом, поскольку верно служили своему королю. Рассказывают, что маршал де Грамон, находясь на смертном одре, отказывался собороваться. Врач стал его убеждать, что болезнь в самом деле серьезная, он перед нею бессилен, и напомнил, что во время прошлой болезни, гораздо менее опасной, герцог причастился Святых Даров. «Вы же сами говорите, что жить мне осталось немного, — возразил на это Грамон. — Зачем же притворяться?»

МУШКЕТЕРЫ В ОТСТАВКЕ

*Помещики. — Чиновники. — Придворные. —
Тюремщики. — Губернаторы. — Литераторы*

*Работа внушает ужас лишь
слабым душам.*

Людовик XIV

*Отдыхать! Разве у нас нет для
отдыха целой вечности?*

Антуан Арно

Службу в мушкетерских ротах одни воспринимали как обязательную ступеньку военной карьеры или трамплин, позволяющий перепрыгнуть через несколько ступенек на этой лестнице, другие связывали с ней всю свою жизнь: ветераны рот не снимали мушкетерских плащей по тридцать, а то и по пятьдесят лет, как гасконец Лоран де Требон, командор ордена Людовика Святого. Луи де Форбен и Анри де Офей, капитан-лейтенанты первой и второй мушкетерских рот, умерли на своем посту, причем последний — в весьма почтенном возрасте, уже за восемьдесят.

Далеко не каждому мушкетеру Господь отмерил мафусаилов век; многие погибали во цвете лет, другие были вынуждены отказаться от служения Марсу и до конца жизни залечивать полученные раны. Эркуль Луи де Монтале, капитан первой роты мушкетеров, умер от ран, полученных при Кастельнодари; д'Артаньян погиб под Маастрихтом; мушкетер Жан Клод де Кердрель, раненный при Рамильи, был комиссован по состоянию

здоровья, женился, обзавелся двумя детьми и умер в сорок семь лет.

Редко мушкетеры выходили в отставку добровольно — как правило, если считали себя обойденными или обиженными. После смерти д'Артаньяна на его должность претендовал поручик мушкетеров Жан Луи Кастерас де Ларивьер, представитель древнего и знатного гасконского рода, восходящего к арагонской аристократии, но ему отказали. Тогда он ушел из мушкетеров, получив в качестве компенсации большое денежное вознаграждение.

Случай де Тревиля вообще уникален: Мазарини отправил его в отставку, упразднив роту королевских мушкетеров. Военная карьера энергичного гасконца закончилась, когда ему не было и сорока семи лет. Гордец отказался от компенсаций, предоставленных ему Мазарини, и не откликнулся на призывы фрондеров. В конечном счете он согласился стать губернатором Фуа и посвятил себя своему родовому владению: выстроил замок и расширил свое имение в баронстве Тарде. (Кстати, замок графа де Тревиля, построенный в 1660—1663 годах на месте бывшей дворянской усадьбы, был создан по чертежам знаменитого архитектора Жюль Ардуэна Мансара или его ученика.) В 1667 году его назначили генерал-лейтенантом, но это был лишь почетный титул. Боевой капитан неожиданно оказался сутягой и склочником: он увяз в невероятных тяжбах с соседями, тратя на них весь свой боевой задор. Раздраженные его претензиями, жители области Суль взбунтовались, но для них дело кончилось плохо: бунт подавили, зачинщиков перебили, повстанцы лишились своего вождя Маталá в сражении под Молеоном.

Вообще, как правило, бывшие мушкетеры не были созданы для того, чтобы становиться помещиками и вести хозяйство, иначе бы они вообще не избрали для себя военную карьеру. Для пылких кадетов, отправлявшихся в Париж в погоне за славой, не было ничего хуже, чем вернуться в Гасконь и прозябать в своем имении. Но со временем, с возрастом, с опытом представления о жизни менялись; понаблюдав вблизи жизнь двора и высшей знати, полную интриг, взаимных «подсиджива-

ний» и дрязг, мушкетеры возвращались в родные края, чтобы провести остаток своих дней в покое, посвятив их семье и детям, и оставить по себе добрую память. Так поступил, например, Анри д'Арамиц.

Поль де Капельмор, старший брат д'Артаньяна, покинул роту королевских мушкетеров в 1640 году, став лейтенантом французской гвардии, был неоднократно ранен, а три года спустя получил чин капитана гвардии. Перед ним открывалась возможность блестящей карьеры, однако Поль, которому тогда исполнилось всего тридцать четыре года, предпочел гарнизонной жизни деревенскую. Он мечтал поднять Капельмор из руин, считая это своим долгом старшего в роду (его отец к тому времени совершенно разорился и умер). Еще в 1637 году он получил от Людовика XIII патент на должность капитана-лесничего в лесах Гаскони, теперь же продал свою гвардейскую должность и удалился в свои земли, где местные жители стали называть его «господин маркиз». В 1665 году Людовик XIV пожаловал ему почетный титул губернатора крепости Брегансон в Провансе, а в мае 1667 года Поль стал губернатором городка Наварранс на реке Олорон и оставался на этом посту до самой смерти, а умер он в возрасте девяноста четырех лет. Он был очень богат и славился благотворительностью.

Иногда стать помещиком оказывалось не так-то просто. В 1698 году братья Монтеस्कью-д'Артаньян (генерал-лейтенант и лейтенант мушкетеров) захотели выменять на одно из своих поместий, которое они передали бы Версалю, королевские владения в коммуне Вик-ан-Бигорр. Жители городка взволновались: для них и речи не могло быть о том, чтобы видеть своим главой частное лицо. К королевскому министру Поншартрену направили для переговоров двух местных уроженцев — прапорщика первой мушкетерской роты Лорана де Требона, командора ордена Людовика Святого, и священника Жана Пьера де Лабордена, старшего капеллана мушкетеров. Они объяснили министру, что на службе его величества состоит множество офицеров из Вика, и для них стало бы бесчестьем оказаться под властью одного из рода д'Артаньянов, когда они

выйдут в отставку и вернутся домой. Список офицеров, приложенный к прошению, произвел на Поншартрена сильное впечатление. Он заступился за них перед королем и отдал им предпочтение в приобретении королевских владений, однако из дипломатических соображений добился для честолюбивых д'Артаньянов права на охоту и рыбную ловлю на окраинах этого поместья.

Многие королевские мушкетеры после нескольких лет службы покупали себе капитанские или полковничьи должности в армии или на флоте, которые затем можно было выгодно продать, или гражданские должности, что обеспечивало им безбедное существование.

Должность была формой собственности, дающей определенное положение в общественной иерархии, сопряженное с исполнением неких обязанностей или полномочий. Обычно должность создавалась эдиктом, в котором определялись связанные с ней полномочия и прерогативы. Исполнителя должности назначал король или, на низшем уровне, уполномоченное им лицо. Чиновник получал патент на исполнение своей должности, который полагалось узаконить в соответствующей судебной инстанции. Он представлял пред очи короля (или его уполномоченного), а затем проходил утверждение соответствующим органом, подтверждающим его компетентность. Чиновник исполнял свою должность до самой смерти или выхода в отставку, если только его не отстраняли от должности в судебном порядке за правонарушения или если король не отменял саму должность. Чиновник получал жалованье и отчитывался перед королем в своих доходах, хотя некоторые денежные поступления и не покрывались отчетностью.

На самом деле чиновник владел не самой должностью, а той суммой, которую первоначально уплатил королю в качестве залога; таким образом, его жалованье являлось процентами с этого первоначального капитала; его преемник должен был возместить своему предшественнику уплаченную им сумму и стать кредитором короля вместо предыдущего держателя должности. Таким образом, король всегда владел деньгами, внесенными за должность, пока эта должность существова-

ла, и если решал ее упразднить, то должен был вернуть деньги чиновнику. В XVII веке создание должностей стало для короля обычным средством получения доходов. Как выразился министр Поншартрен, каждый раз, когда его величеству было угодно создать должность, Богу было угодно создать болвана, который бы ее купил. К 1660 году во Франции было более сорока пяти тысяч должностей (на население в двадцать миллионов человек). Во время войн Короля-Солнце, особенно войны за Испанское наследство, это количество еще увеличилось.

Придворные должности были объектом вожделения, поскольку, являясь, как правило, чисто номинальными, а потому необременительными, приносили своим владельцам ряд привилегий: избавление от прямых и косвенных налогов (в частности, от налога на сделки с недвижимостью), служебную квартиру и право на рассмотрение гражданских тяжб в особом дворцовом суде вместо обычных судов. В 1653 году умер «капитан королевского вольера», и лейтенант французских гвардейцев д'Артаньян тотчас написал кардиналу Мазарини, прося разрешения купить эту должность за шесть тысяч ливров — эти траты должны были быстро окупиться, поскольку должность приносила доход в тысячу ливров в год и служебную квартиру рядом с Лувром. У него немедленно нашелся соперник — родственник Кольбера Этьен Лекамю, смотритель королевских резиденций, предложивший за должность целых двадцать тысяч. Но Мазарини уже дал обещание д'Артаньяну, и в 1654 году тот получил патент на должность капитан-консьержа королевского вольера (почетный титул, не требовавший абсолютно никакой деятельности) и переехал с наемной квартиры в домик по соседству с Лувром. Эту должность ему потом пришлось продать, чтобы набрать денег для покупки капитанского чина. В 1666 году король решил отблагодарить д'Артаньяна, бывшего к тому времени уже лейтенантом мушкетеров и отличившегося во время войны в Голландии, пожаловав ему придворную должность «смотрителя охоты с гончими на косуль». Вероятно, эта должность уже не была чисто номинальной и требовала если не при-

смотра за сворой гончих, то умения ладить со сворой придворных. Д'Артаньяну это оказалось не под силу, и через три недели после назначения он подал в отставку. Король упразднил саму должность, назначив вместо одного «капитана» двух «лейтенантов». Но его верный слуга не остался внакладе: в начале следующего года он получил чин капитан-лейтенанта первой роты королевских мушкетеров, приравненный по своей значимости к придворному чину камергера.

Продажность должностей была закреплена введением в 1604 году особого ежегодного налога — «полетты» (по имени королевского секретаря Шарля Поле), составлявшего шестидесятую часть от стоимости должности. До этого времени после смерти чиновника должность возвращалась к королю, если только ее владелец не успевал передать ее другому лицу, уплатив отступную пошлину не менее чем за сорок дней до своей кончины. Теперь же чиновник мог назначить себе преемника (с согласия короля). Существовала торговля должностями, и в газетах даже помещали объявления об их продаже; иные должности переходили от отца к сыну. Так, Жозеф де Форбен, поручик первой роты мушкетеров и полковник кавалерии, серьезно раненный при Рамильи, был вынужден продать свой армейский чин. Выйдя в отставку, он сделался губернатором Антиба — эту должность он унаследовал после смерти своего отца.

На Генеральных штатах 1614 года представители третьего сословия потребовали отменить полетту, однако этого не произошло. Эдикт от 1771 года установил размер этого ежегодного налога в сотую часть от стоимости должности по оценке самого чиновника, благодаря чему доходы короля от взимания этого налога возросли более чем в два раза (3,6 миллиона ливров). Впрочем, в XVIII веке многие должности не облагались налогом; к ним относились, в частности, должности интендантов, бальи и сенешалей*, лесничих. (Должность великого бальи приносила сто тысяч лив-

* Бальи (на севере Франции) и сенешали (на юге) были местными представителями королевской власти, которые назначались королем и получали от него жалованье за исполнение определенных административных и судебных функций.

ров ренты, а должность главного лесничего — наследное дворянство.) Продажность должностей была отменена в 1789 году.

Товарищ д'Артаньяна Франсуа де Монлезен, господин де Бемо и дю Боз, бывший одно время капитаном гвардейцев Мазарини, тридцать лет прослужил комендантом Бастилии — это была прибыльная должность с окладом в тысячу ливров в месяц. Еще в бытность свою мушкетером Бемо так намаялся от безденежья, что теперь думал только о том, как набить свой карман. Бастилия же официально считалась домом для «гостей» короля, на содержание и пропитание которых тот выдавал «управляющему» определенную сумму денег — в зависимости от социального положения «гостя». Сумма эта была довольно внушительной, однако заботами коменданта не уходила целиком на то, чтобы «постоялец» баловал себя кулинарными изысками. Войдя во вкус, Бемо не ограничился одной Бастилией и стал к тому же комендантом Форта Нотр-Дам де ла Гард (Девы-Хранительницы) в Марселе. В результате он, по словам Бюсси-Рабютена, стал «самым богатым дворянином во Франции» и дал в приданое двум дочерям по восемьдесят тысяч экю.

На посту коменданта Бастилии Бемо сменил другой бывший мушкетер — Бенинь Довернь де Сен-Мар, к тридцати восьми годам дослужившийся до звания сержанта своей роты, а затем получивший, по рекомендации своего капитана д'Артаньяна, должность коменданта тюремной башни Пиньероля. Ею он заведовал с 1665 по 1681 год, охраняя, в частности, Фуке, Лозена и знаменитую таинственную «Железную маску». Человека в железной маске затем перевели в Форт Эксиль под Турином, и охрану этой крепости поручили Сен-Мару. Оттуда в 1687 году оба перебрались на Леренские острова в бухте Канна (узника держали в форте на острове Сент-Маргерит), а через год — в Бастилию, ставшую последним приютом и узника, и тюремщика. (Человек в железной маске скончался в 1703 году, а Сен-Мар — в 1708-м в возрасте восьмидесяти двух лет.)

Во все времена король стремился расставить верных себе людей на ключевые посты, и порой бывшие муш-

кетеры, доказавшие свою преданность и компетентность, оказывались на довольно высоких и ответственных должностях — например губернатора.

Губернатор провинции обладал властью устанавливать налоги, собирать войска, располагать по своему усмотрению местными финансами и экономическими ресурсами; он вершил правосудие, обладал правом помилования и возведения в дворянство, мог узаконить незаконнорожденных, предоставлял городам право на проведение ярмарок и мог иметь собственную гвардию. Должность губернатора провинции могла передаваться по наследству, создавались целые династии, к которым относились как к господам той или иной области. (Так, представители древнего гасконского рода Роклоров часто были губернаторами Гиени, а Антуан де Гиш, герцог де Грамон, стал губернатором и генеральным наместником короля в Наварре и Беарне после смерти своего отца.) В эпоху абсолютизма губернаторские полномочия были сильно урезаны, чтобы избавить короля от опасности того, что губернатор крупной провинции окажется непокорным вассалом и направит свои войска против своего сюзерена. Губернаторы, как и маршалы, должны были приносить присягу королю; в конце XVII века это была уже чистая формальность. Так, маршал де Дюрас, назначенный губернатором Франш-Конте, принес присягу аж через тридцать лет после своего утверждения на этот пост, и то лишь потому, что на этом настояли слуги короля, следившие за такими вещами и получавшие за это жалованье. От всего бывшего могущества губернатора осталось, по сути, право на почетный въезд в главный город своей провинции при вступлении в должность.

Во время связанной с этим торжественной церемонии главный городской магистрат подносил новому губернатору определенную сумму денег; считалось хорошим тоном не принять это подношение. Экстравагантный герцог де Ришелье, назначенный губернатором Гиени и Бордо, и здесь оказался «в своем репертуаре»: когда ему поднесли поднос с грудой золота и при этом намекнули, что его предшественник в свое время отказался от подобного дара, герцог возразил: «Я знаю, что мой предшественник неподражаем во всем,

я даже не смею претендовать на то, чтобы походить на него», — и забрал золото.

Губернаторы колоний назначались королем и представляли его особу; в своей колонии они являлись главнокомандующими, самостоятельно проводили внешнюю политику в отношениях с другими колониями и местным населением, делегируя остальные полномочия (экономического характера) с интендантами. Губернатор был самым важным (и высоко оплачиваемым) лицом в колонии.

Филипп де Риго де Водрей (1643—1725), отслуживший в мушкетерах пятнадцать лет, был назначен сначала командующим военно-морскими силами в Новой Франции (Канада, Акадия, Луизиана), затем исполняющим обязанности губернатора Монреаля (в этом качестве он подписал Монреальский мирный договор 1701 года) и, наконец, губернатором Новой Франции — на этом посту он пробыл двадцать два года, вплоть до своей смерти. Став губернатором в 1703 году, во время войны за Испанское наследство, он на протяжении всех десяти лет войны вел переговоры об обмене пленными и, в частности, о возвращении корсара Пьера Мэзонна по прозвищу Батист, захваченного англичанами в Бостоне. Вместе с Советом военного флота, который управлял колониями после смерти Людовика XIV, он разработал новую стратегию экспансии. Опасаясь союза ирокезов с англичанами, Водрей заложил три фактории в окрестностях озера Онтарио, чтобы покупать пушнину у индейцев, перехватывая их по дороге в Нью-Йорк. Англичане приняли ответные меры, и тогда Водрей попросил у ирокезов позволения выстроить каменный форт в Ниагаре и получил отказ; чтобы отстоять интересы Франции, престарелый губернатор готовился напасть на англичан и ирокезов, но умер, так и не узнав, что индейцы все-таки приняли его предложение. Третий сын Водрея, Жан, поступил в мушкетеры в 1710 году и в 1748-м стал генерал-лейтенантом, а четвертый сын, Пьер, был последним губернатором Новой Франции — с 1755 года вплоть до капитуляции Монреаля в 1760 году.

Гораздо чаще мушкетерам выпадало побыть губернаторами городов или областей: так, капитан первой ро-

ты де Монталан, вышедший в отставку в октябре 1634 года, стал губернатором герцогства Бар; д'Артаньяна назначили губернатором Лилля еще при исполнении им своих главных обязанностей капитан-лейтенанта (в 1672 году), а капитан-лейтенант второй роты королевских мушкетеров Франсуа де Монброн, выйдя в отставку, был последовательно губернатором Арраса, Гента, Турне и Камбре (недавно присоединенных к французской короне). После победы при Неервиндене в 1693 году Пьер де Монтескью д'Артаньян, майор французской гвардии и генерал-майор армии, «бывший на хорошем счету у маршала де Люксембурга и в еще лучших отношениях с королем», как пишет Сен-Симон, принес монарху добрую весть и был назначен губернатором Арраса и генеральным наместником в Артуа.

Каждый город, обнесенный крепостной стеной, должен был иметь своего губернатора. В 1699 году бывший «серый мушкетер» Гильом Лафарг де Лаборден, кавалер ордена Людовика Святого, прослуживший в первой роте и затем во французской гвардии в совокупности тридцать лет, был назначен губернатором своего родного городка Вик-ан-Бигорр. Благодаря своей должности он был избавлен от уплаты подушной подати и десятины с доходов от земельной собственности и торговой деятельности — эти два налога платило все остальное население без изъятия. Гильом де Лаборден скончался на своем посту в 1750 году в возрасте девяноста лет.

Наряду с должностью губернатора, который занимался в основном военными вопросами, существовала должность мэра — в Вике ее купил в 1692 году за большие деньги (восемь тысяч ливров) Жан Жюнка-Ламю, подполковник драгунского полка, обойдя нескольких соперников. Эта должность приносила своему обладателю множество преимуществ: мэр являлся депутатом провинциальных Штатов от своей коммуны; если он пробыл на своем посту двадцать лет, то пользовался привилегиями дворянства, которые переходили к его потомкам в случае его смерти «при исполнении». Он был избавлен от финансовой опеки, от королевского налога, от участия в дозорах и охране города, от службы в ополчении, от ввозной пошлины на продукты питания,

а главное — от постоя. Кроме того, он получал деньги от своей коммуны в счет покрытия суммы, предоставленной им королю в качестве уплаты за должность, — около трехсот двадцати ливров в год. Жан Жюнка-Ламю занимал свою должность до 1717 года, пока на собрании всей коммуны не было решено ее выкупить. Роль мэра отныне стали исполнять выборные консулы.

Можно было добиться степеней известных и на ином поприще, например дипломатическом или литературном. Жан Франсуа Лериже, маркиз де Ла Фэй, сын главного сборщика налогов, служил в мушкетерах и в пехоте, но был вынужден расстаться с военной службой из-за слабого здоровья. Пожалованный в дворяне и приближенный к Людовику XIV, он стал его личным советником и выполнял важные поручения дипломатического и конфиденциального характера: в частности, вел переговоры о заключении мирного договора в Утрехте и подыскивал супругу для наследника престола — юного Людовика XV. Сколотив немалое состояние, он покровительствовал художникам и литераторам, благодаря чему был избран во Французскую академию, и сам написал несколько пьес в стихах. Шарль Франсуа де Фрулэ, служивший в мушкетерах и в лейб-гвардии и затем участвовавший в качестве командира собственного полка во Фландрской кампании 1703 года, был назначен послом в Венецию, а затем министром юстиции и министром иностранных дел. Жермен Франсуа Пуллен де Сен-Фуа прослужил в мушкетерах до тридцати шести лет, после чего вышел в отставку, купив себе должность лесничего в Ренне. С 1740 года, то есть сорока двух лет от роду, он решил посвятить себя литературному творчеству, поселился в Париже и стал модным драматургом, автором двух десятков популярных комедий. Однако самое интересное его произведение — «Исторические очерки о Париже», своего рода «человеческая комедия». Он был также назначен историографом ордена Святого Духа.

Один из последних мушкетеров, Нарцисс Ахилл де Сальванди, после роспуска своей роты в 1816 году вернулся в армию, дослужился до капитана, вышел в отставку и стал изучать право. В 1818 году премьер-министр герцог де Ришелье (который, собственно, и распустил

мушкетерские роты) назначил его докладчиком в Государственном совете (во времена Людовика XIV это была завидная должность, стоившая от ста до двухсот тысяч ливров). Он лишился этого поста из-за своей оппозиционной политической деятельности.

Сальванди занялся сочинительством, опубликовал исторический роман, написанный в стиле Шатобриана, и несколько полемических произведений на тему свободы слова и экономического либерализма. Издавая газету «Журналь де Деба», он предчувствовал Июльскую революцию 1830 года, сбросившую с трона Карла X. 31 мая 1830 года, во время праздника в Пале-Рояле в честь короля Неаполя и Сицилии, Сальванди сказал герцогу Орлеанскому фразу, ставшую знаменитой: «Это чисто неаполитанский праздник: мы танцуем на вулкане!»

В 1835 году он был избран во Французскую академию, а в 1837-м стал министром народного просвещения. Находясь на этом посту, Сальванди учредил детские сады, ввел обязательное изучение живых языков в средней школе, увеличил количество часов, отведенных на изучение математики, и побуждал к организации профессионального образования в школах. Он улучшил финансовое положение учителей и раздавал пособия литераторам. В дальнейшем он боролся с монополией Университета, занимался реорганизацией юридических и медицинских факультетов, среднего образования. Революция 1848 года, покончившая с монархией во Франции, превратила его в частное лицо, но и тогда он не оставил политической и общественной деятельности, предпринимая попытки к объединению двух ветвей рода Бурбонов в надежде вновь увидеть их на французском троне.

Все люди разные, всем им свойственны свои слабости и пороки. Королевские мушкетеры далеко не всегда являли собой идеал. Гордыня, стяжательство, неуживчивость, вспыльчивость, грубость, легкомыслие — этот список можно продолжать, однако ни один трус, подлец, предатель или взяточник не мог похвалиться тем, что когда-то щеголял в голубом плаще с серебряным крестом. Куда бы их ни забросила судьба, они всегда бы откликнулись на призыв: «Один за всех, и все за одного!»

*Последнее «прости» красной
свите от черного мушкетера*

Нарцисс Ахилл де Сальванди

Пройдет еще несколько дней, и военная свита прекратит свое существование, а дело революции свершится до конца, ибо от нашей старой Франции останутся лишь обрывочные традиции, горькие воспоминания и перспектива монархии, неожиданно оторванной от ее древних корней. Отнюдь не такое будущее предвкушали наши сердца в счастливые дни возвращения, когда государь-отец после более чем двадцатилетнего отсутствия восстановил монархию на ее прежней основе, подтвердив ее Хартией, коей он облагодетельствовал благодарное отечество. О, тогда, гордые тем, что нас призвали возродить формирование, придавшее столь благородный блеск торжествующему великолепию века Людовика XIV, мы думали, что, поскольку реставрация трона сопровождается признанием нас самих, нам уготована доля от процветания, ожидающего августейшую династию королей. Однако именно тогда, когда королевская власть обрела достаточную силу, чтобы противостоять мятежникам и столетиям, когда нашим учреждениям гарантировано долгое и безопасное будущее, когда народное представительство старается окружить трон всем, что могло бы придать ему устойчивости, когда верные подданные надеются насладиться,

наконец, благодетельным отеческим правлением своих государей, именно тогда, стараниями одного министра*, наследника великих людей и имени Ришелье, который создал часть красной свиты, эта самая красная свита, победно прошедшая через дни былой славы и недавние бедствия Франции, уходит в небытие: значит, во время изгнания она окружала беглого монарха блеском, достойным королевского величия, лишь затем, чтобы утратить сегодня все права, заслуженные своею преданностью.

Наверное, в 1814 году, когда, присвоив себе чужие воспоминания, потомок Генриха IV окружил себя нашими старыми отрядами, правительство опасалось явить армии зрелище этих блестящих рот, увековечивших иные трофеи, чем ее собственные; легко было предугадать, что, гордясь своими победами, она не признает братства по оружию, зародившегося не на полях Маренго и Аустерлица.

Но можно ли опасаться тягостного соперничества сегодня? Войска переформированы, они не имеют нашего опыта и еще не знавали побед, новые отряды смогут увидеть в нас лишь наследников истинно национальной славы, славы лучших дней Людовика XIV, и они приветствовали бы в нашем лице своих предшественников на пути верности и чести.

В то время как со всех сторон поднимаются новые стяги, призывая храбрецов следовать за белым султаном, вожди этих легионов, чей героизм, происходящий из чисто французской храбрости, уравнивал их с римскими легионерами, не преминули бы явить воинам пример единственных боевых частей, еще оставшихся во Франции; они сказали бы: «Взгляните на эти доблестные роты! Они состоят чаще всего из ваших прежних товарищей времен опасностей и трудов, они остались непоколебимы в своей преданности лучшему из королей. Наверняка и вы тоже, как они, заслужили бы свою верностью славу своему отечеству, если бы, как они, имели счастье беспрестанно созерцать все добродетели»

* Арман Эмманюэль дю Плесси де Ришелье, внук маршала де Ришелье и потомок кардинала; в сентябре 1815 г. стал министром иностранных дел и главой правительства.

тели государей, ниспосланных нам Провидением. Отныне, когда их пример, вкупе с предостережениями судьбы, научит вас не признавать иных знамен, кроме стягов ваших отцов, пусть лишь они указывают вам путь, ибо они всегда идут по пути чести».

Да, вот какие речи могли бы звучать в армии, и когда пробил бы час битвы, когда судьба Франции доверила бы ее древние лавры новым знаменосцам, мы увидали бы, что Победа, знакомая и с другими армиями, узнала бы эти великолепные части, на которые некогда своими руками возлагала свой венец под стенами Валансьена или на поле под Касселем. Пустые сожаления! В тот день, когда желанный король* навсегда вернул себе скипетр своих отцов, рухнули все наши надежды, наша судьба и наше будущее. Этот день, когда сбылись мечты стольких людей и столько несчастных получили утешение, был отравлен горькими сожалениями только для самых ревностных защитников королевской власти; этот день, первый день счастья для Франции, оказался последним, когда нам было позволено, собравшись вокруг трона, получить награду за нашу верность; этот день, когда воссияло нежданное возрождение монархии, стал приговором последнему памятнику бывшего великолепия, еще остававшемуся у Франции. О вы, ставшие орудием губительной узурпации 20 марта**, прежде чем превратиться в жертв, солдаты Ватерлоо, — нам не следовало разделять вашу судьбу: нас постигла та же участь.

Сможет ли завтра ответить на сегодняшние надежды! Сможет ли добродетельный монарх, оказавшийся достаточно силен духом, чтобы не склонить голову под ударами стольких невзгод, ни разу не вспомнить, что революция началась с упразднения королевской гвардии, подготавливая для Франции ужасное зрелище кровавых сцен! Сможет ли он найти вокруг себя столько преданности и любви, чтобы ни разу не пожалеть о

* Людовик XVIII Желанный, брат казненного короля Людовика XVI, правил в 1814—1824 гг.

** 20 марта 1815 г. Наполеон, бежавший с острова Эльба, вернулся в Париж; начались «Сто дней» (20 марта—22 июня) его вторичного правления.

военной свите, коей его заставили пожертвовать! И хотя мы смирились со своей судьбой, впервые в жизни нам тяжело повиноваться приказу. Нас объединяло все: те же чувства любви и уважения к достойным командирам, которых давал нам король, та же преданность августейшей крови Людовика Святого, та же любовь к нашим государям и — увы! — те же надежды и те же мечты! Если бы горечь, которой разлука наполнила наши сердца, проникла в сердце короля, он сохранил бы при себе самых ревностных защитников своей короны.

Каким бы ни выпал наш жизненный путь, нам останется, по меньшей мере, одно сладкое утешение: мы будем уверены, что в трудных обстоятельствах, в которые нас поставило Провидение, мы заслужили короля. Вся Франция дает нам в сем доказательство, и до последнего вздоха мы будем с гордостью вспоминать, что получили его из августейших уст принцессы, призванной стать всеобщей утешительницей*. Они навсегда запечатлены в нашем сердце — эти слова, которые подсказала вам самая трогательная доброта, вам, которую судьба явила свету как самую благородную жертву ее превратностей, вам, прошедшей через столько бурь, чтобы наконец обрести тихую пристань в еще более ярком ореоле славы. Достоянная дочь Людовика XVI! Каждое из слов утешения, с которыми вы снизошли до нашей печали, вызывает в нас признательность; каждое из них — награда нам за наши жертвы и нашу преданность; каждое из них лишь усугубляет наше отчаяние, напоминая о том, что близок час, когда мы уже не сможем наслаждаться вашим августейшим присутствием, когда нам больше не будет позволено каждый день приносить к вашим ногам почтительное выражение нашей любви. Как памятен для всех французов день, в который вы родились дважды (день рождения Мадам стал днем ее ос-

* *Мария Тереза Шарлотта Французская* (1778—1851) — старшая дочь Людовика XVI и Марии-Антуанетты, единственная из их детей, оставшаяся в живых. Все свое отрочество провела в тюрьме, была освобождена в день своего семнадцатилетия (19 декабря 1795 г.), жила в Вене при дворе Франциска II. В 1814 г. вернулась во Францию, отстаивала монархию во время Реставрации и провозглашала «союз и забвение». Наполеон сказал, что она — «единственный мужчина в семействе Бурбонов».

вобождения): в первый раз — для жизни, чтобы позднее утешать Францию и вернуть ей все добродетели, коих она лишилась слишком рано, во второй — для свободы, чтобы поддержать старость и несчастье своей дочерней нежностью и героическим постоянством! И каким волнительным он был для нас, кто, единственные во Франции, не могли внести свой вклад в эту счастливую годовщину! Что я говорю, не только наша боль омрачала этот семейный праздник.

Августейший отец Марии Терезы, повторивший судьбу Генриха IV, не был чужд нашей печали, когда воскликнул: «Бедные красные!» И мы не смутились, угадав в глазах самого любимого из королей несколько драгоценных слезинок — трогательных доказательств самого нежного участия. Увы! Большому сердцу Людовика было пристойно растрогаться, как его деду при принесении в жертву его свиты, но когда Людовик XV плакал, давая герцогу де Ришелье согласие на разлуку, которая отзывалась в нем такой болью, наши предшественники не покидали своего короля навсегда! Они должны были показать себя достойными его и своей славы, они должны были вырвать победу у английских полков, им предстояло обессмертить поля Фонтенуа, утвердив во всех французских сердцах чувство национального превосходства. Но мы! Нас распускают, гонят, не позволив отметить наше возрождение ни единым подвигом, не дав нам новыми свершениями прославить наши имена, чтобы сохранить их в памяти потомков. Наши шпаги будут вложены в ножны, и мы ничего не добавим к лаврам, венчавшим роты королевской свиты.

Прощайте же, сверкающие шлемы, великолепные доспехи, которые некогда блистали во всех траншеях Европы, на всех полях сражений! Разящие молнии жандармов и легкой кавалерии, громовой голос мушкетеров — вас больше не увидят на войне, наша армия будет тщетно искать вас в своих рядах; вы больше не поведете за собой ее кипучую доблесть дорогой славы. Праздные трофеи нашей верности, вас передадут нашим детям в память и в поучение; вы станете напоминать им о великих испытаниях, через которые мы прошли; вы передадите им нашу любовь к крови наших королей; вы

вмените им в обязанность подражать непоколебимой преданности их отцов; и, навеки обратившись в прах, вы еще будете полезны для священного алтаря и трона. А вы, возлюбленное семейство королей, примите последнее выражение нашей неизменной привязанности и нашей вечной скорби. Вы можете распустить наши роты, но не сможете их уничтожить. Помимо того, что в наших сердцах вечно живут славные свидетельства вашей августейшей благосклонности, наш дух навеки пребудет с вами; и если отечество окажется в опасности, вам даже не нужно будет топнуть ногой: мы тотчас явимся в наших алых одеждах; семейства храбрецов, распыленные сегодня, соберутся вновь, охваченные воодушевлением, всегда готовые воскреснуть, несмотря на вас и ради вас, едва лишь прогремит гроза.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОСНОВНЫЕ ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И СРАЖЕНИЯ, В КОТОРЫХ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ КОРОЛЕВСКИЕ МУШКЕТЕРЫ

1621 — Поход Людовика XIII против гугенотов. После капитуляции Монпелье в 1622 году король сформировал роту конных мушкетеров под командованием господина де Монтале.

1627—1628 — Сражение на острове Ре; осада Ла-Рошели.

1629—1632 — Война за Мантуанское наследство.

1629 — штурм ущелья у города Сузы, во время которого де Тревиль чуть не захватил герцога Савойского.

1632—1633 — Вторжение в Лотарингию; сражение при Рувруа; оккупация Нанси.

1635 — Франция вступила в Тридцатилетнюю войну, объявив войну Испании.

1636 — Осада города Корби, захваченного испано-германскими войсками, под личным руководством короля. Победа ознаменовала собой перелом в войне.

1648 — Подписан Вестфальский мирный договор. Франция приобрела Эльзас (кроме Страсбурга), Брейзах, Пиньероль; аннексировала Три Епископства (Мец, Туль, Верден). Швейцария и Соединенные провинции вышли из состава Священной Римской империи.

1657 — Франция заключила с Англией союз против Испании. Сражения в Испанских Нидерландах: Мардейк, Дюнкерк («битва в Дюнах»); сражение при Стенэ.

1659 — Заключение Пиренейского мирного договора.

1667—1668 — Деволуционнная война: Людовик XIV требует Испанские Нидерланды и Франш-Конте.

1667 — Штурм Валансьена. Фландрский поход: взятие Шарлеруа, Турне и Дуэ, осада Лилля. Мирный договор в Ахене: король присоединил к Франции Франш-Конте и одиннадцать нидерландских городов.

1668 — Сражения с турками на Кандии.

1669 — Оккупация Лотарингии.

1670 — Восстание в Виварэ.

1672—1678 — Голландская война.

1673 — Осада Маастрихта, во время которой погиб д'Артаньян.

1674 — Захват Безансона, капитуляция Доля.

1675 — Восстание против гербовой бумаги, восстание красных колпаков в Бретани.

1677 — Осада Валансьена, Камбре и Сент-Омера; сражение при Касселе.

1678 — Мирный договор в Неймегене: Франция получила Франш-Конте и несколько крепостей во Фландрии.

1683 — Обстрел Алжира. Испания объявляет войну Франции.

1684 — Подписание Регенсбургского договора между Священной Римской империей и Испанией с одной стороны и Францией — с другой. Людовик XIV добился фактического (но не юридического) признания на двадцать лет всех своих аннексий с 1678 года, сделанных в рамках политики воссоединений, включая Страсбург и Люксембург.

1688—1697 — Война Аугсбургской лиги (также известная как война Большого альянса, война за Пфальцское наследство, война за Английское наследство и Девятилетняя война). Дочь пфальцкого курфюрста Карла Виттельсбаха, умершего в 1685 году, была замужем за братом Людовика XIV Филиппом Орлеанским. Франция предъявила претензии на большую часть Пфальца, против этого выступили император Священной Римской империи, Испания, Швеция, Бавария, Франкония, Саксония и Пфальц, образовавшие в 1686 году Аугсбургскую лигу. В сентябре 1688 года Людовик XIV ввел войска в Пфальц; боевые действия происходили в Германии, Испании и Нидерландах. Франция организовала экспедицию в Ирландию для поддержки антианглийского восстания 1688 года. Воевали также французские и британские колонисты в Северной Америке (индейцы поддерживали французов).

1691 — Осада Монса.

1692 — Осада Намюра (последнее сражение в присутствии Людовика XIV). Сражение при Стенкеркене. Битвы в Нормандии (Гавр, 1693) и на Рейне.

1697 — Мирный договор в Рисвике. Людовик признал Вильгельма III Оранского королем Англии, вернул большую часть Испанских Нидерландов, Каталонию и Барселону Испании, подписал торговые договоры с Соединенными провинциями; покинул Лотарингию при условии ее нейтралитета, аннексировал Саарский бассейн и четыре пятых Эльзаса, получил денежную компенсацию за утрату прав на Пфальц. Испания признала за Францией права за западную часть Сан-Доминго.

1701—1713 — Война за Испанское наследство. Испанский король Карл II завещал все свои владения внуку Людовика XIV Филиппу Анжуйскому. Император Леопольд I предъ-

явил свои права на испанские земли. Англия и Голландия, а также некоторые другие европейские страны приняли его сторону. Война происходила не только в Европе, но и в Северной Америке.

1704 — Сражение под Хохштадтом (французов вытеснили за Рейн, Савойя и Португалия перешли на сторону врага).

1706 — Битва при Рамильи (проиграна).

1708 — Сражение при Уденарде (проиграно).

1709 — Битва при Мальплаке (победное поражение).

1713 — Утрехтский мирный договор: Филипп Анжуйский признан королем Испании, но отказался от наследования французского престола. Испанские Нидерланды, Неаполь, Милан, Мантуя и Сардиния отошли к Австрии, Сицилия — к Савойе, Гибралтар и Минорка — к Англии. Французы признали господство Англии над Ньюфаундлендом, Гудзоном и Акадией. Войны против французской гегемонии в Европе на некоторое время прекратились.

1717—1721 — Война Четверного союза: Англия, Нидерланды, Франция и Австрия против Испании. Результат — блок Франция—Испания.

1733—1738 — Война за Польское наследство между Россией, Австрией и Саксонией — с одной стороны и Францией — с другой. Саксонский курфюрст Фридрих Август стал польским королем, тесть Людовика XV Станислав Лещинский получил Лотарингию.

1740—1748 — Война за Австрийское наследство: Австро-Венгрия, Англия, Голландия, Россия против Пруссии, Франции, Испании, Сардинии, Баварии и Саксонии.

1745 — сражение при Фонтенуа, 1746 — при Рокуре, 1747 — при Лауфельде. Результат: Франция «поработала на прусского короля».

1756—1763 — Семилетняя война. Главный военный конфликт XVIII века, который часто называют Первой мировой войной: он разворачивался на нескольких театрах военных действий (Европа, Северная Америка, Карибские острова, Индия, Филиппины) и привел к новой расстановке сил в Европе. В результате этой войны возникла Британская империя и практически исчезла первая система французских колоний. Участниками войны были с одной стороны — Пруссия, Англия, Португалия, Ганновер, Гессен-Кассель и Брауншвейг; с другой — Австрия, Франция, Россия, Испания, Саксония, Швеция, Неаполитанское королевство и Сардинское королевство. Война окончилась победой англо-прусской коалиции в результате полного истощения всех воюющих сторон.

КОМАНДИРЫ МУШКЕТЕРСКИХ РОТ

Первая рота

Жан де Берар, шевалье, маркиз де Монтале. Капитан роты с момента ее создания в 1622 году.

Эркюль Луи де Берар де Монтале Вистрик. Племянник маркиза де Монтале. Капитан роты с 1627 года. Был ранен при Кастельнодари в 1632 году и умер от ран.

Жан де Вьейшастель, господин де Монталан. Королевский камергер; назначен капитаном в 1632 году, вышел в отставку в октябре 1634 года и стал губернатором герцогства Бар.

Жан Арно дю Пейре, он же Арман Жан де Пейр, граф де Тревиль. В 1616 году в возрасте семнадцати лет поступил кадетом в гвардию; отличился при осаде Монтобана в 1621 году, был представлен королю; стал прапорщиком французской гвардии; в 1625-м — корнет королевских мушкетеров; капитан-лейтенант с 1634 по 1646 год.

Филипп Жюльен Манчини Мазарини, герцог де Невер и де Донзи. Рыцарь королевских орденов, генерал-губернатор Нивернэ, капитан-лейтенант первой роты с 1657 по 1667 год.

Шарль де Бац Кастельмор, граф д'Артаньян. Вступил в мушкетеры в 1644 году; после воссоздания мушкетерской роты в 1657 году был подпоручиком, осуществляя фактическое командование ротой. В 1667 году после добровольной отставки герцога де Невера стал капитан-лейтенантом.

Луи де Форбен (по прозвищу бальи де Форбен). Был майором лейб-гвардии, когда король назначил его капитан-лейтенантом первой роты мушкетеров. Был также генерал-лейтенантом королевской армии. Умер в 1684 году.

Луи де Мелен, маркиз де Мопертюи. Капитан кавалерии, вступил в мушкетеры сержантом в 1661 году, был корнетом, прапорщиком и поручиком, полковником кавалерии с 1674 года, затем бригадиром. С 1684-го — капитан-лейтенант первой роты; в 1686-м — губернатор Сен-Кантена; в 1693-м — бригадный генерал, затем генерал-лейтенант. На следующий год оборонял Гавр от англичан; благодаря принятым им мерам город не был разрушен до основания, как Дьеп. В 1706 году удостоен Большого креста ордена Людовика Святого. В 1714 году Людовик XIV восстановил ради него герцогство де Жуайез, дававшее своему владельцу титул герцога и пэра (династия герцогов де Жуайез угасла). Подал в отставку в 1716 году, умер в 1721 году.

Жозеф де Монтескью, граф д'Артаньян. Служил в мушкетерах с 1668 года; в 1684 году стал корнетом и полковником легкой кавалерии. Назначен капитан-лейтенантом первой роты в 1716 году, являясь генерал-лейтенантом королевской армии. Произведен в кавалеры королевских орденов в 1727 году. Умер в 1729 году.

Луи де Банн, граф д'Авежан. Был капитаном французской гвардии, когда купил должность поручика первой мушкетерской роты в 1716 году. В 1729 году, после смерти графа д'Артаньяна, назначен капитан-лейтенантом; был также генерал-лейтенантом королевской армии.

Пьер-Жозеф Шапель, маркиз де Жюмильяк. Поручик первой роты, сменил графа д'Авежана в 1736 году, был генерал-лейтенантом и губернатором Филиппвиля.

Франсуа де Порталес, шевалье, затем граф де ла Шез. Лейтенант гвардейских гренадер; в 1741 году назначен вторым корнетом первой мушкетерской роты в чине полковника кавалерии; с 1750-го — первый корнет, затем второй прапорщик, первый прапорщик, второй поручик, бригадный генерал, первый поручик с 1760-го и генерал-лейтенант с 1762 года. Был капитан-лейтенантом на момент упразднения мушкетерских рот в 1776 году.

Вторая рота

Де Марсак. Капитан мушкетеров кардинала Мазарини, сохранил за собой командование этой ротой, когда его высокопреосвященство подарил ее королю в 1660 году, и вплоть до ее роспуска в 1665 году.

Эдуар Франсуа Кольбер, граф де Молеврие. Кавалер королевских орденов, генерал-лейтенант королевской армии и губернатор Турне, младший брат министра Кольбера; назначен капитан-лейтенантом второй роты в 1665 году при ее создании.

Граф Франсуа де Монброн (Монберон). Поручик второй роты с 1665-го, капитан-лейтенант с 1672 года — после отставки графа де Молеврие. Через два года вышел в отставку; был губернатором Арраса, Гента, Турне и Камбре, генеральным заместителем во Фландрии. В 1688 году, благодаря покровительству Лувуа, стал кавалером королевских орденов; умер в 1708 году.

Анри де Офей, маркиз де Жонвель. Был полковником кавалерии к моменту своего назначения поручиком второй

роты (1672). Назначен капитан-лейтенантом в 1674 году — после отставки графа де Монбронна; генерал-лейтенант с 1688 года. Умер в 1692 году от болезни во время осады Намюра в возрасте более восьмидесяти лет.

Жан де Гард д'Агу, маркиз де Вен. Полковник кавалерии, поручик второй роты с 1671 года, назначен бригадиром, затем бригадным генералом; стал капитан-лейтенантом второй роты в 1692-м и генерал-лейтенантом в 1693 году. Вышел в отставку в 1716 году. Умер в 1732 году.

Жан де Монбуасье-Бофор-Каниллак, граф де Каниллак. Капитан-лейтенант с 1716-го, генерал-лейтенант и кавалер королевских орденов с 1724 года; скончался в том же году.

Филипп Клод де Монбуасье-Бофор-Каниллак, маркиз де Монбуасье. Бригадир королевской армии, капитан-лейтенант с 1729-го, бригадный генерал с 1734 года, генерал-лейтенант, сложил с себя командование ротой в 1754 году в возрасте восьмидесяти лет. Умер в девяносто один год.

Жозеф Ив Тибо Гиацинт де ла Ривьер, маркиз. Капитан-лейтенант с 1754 года. Вышел в отставку в 1766 году.

Филипп Клод де Монбуасье-Бофор-Каниллак, граф де Монбуасье. Сменил в 1766 году маркиза де ла Ривьера и был капитан-лейтенантом до 1776 года. Кавалер королевских орденов, генерал-лейтенант и губернатор Бельгарда.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ: ЛИЦА ЭПОХИ

Генрих IV (1553—1610). Первый представитель Бурбонов на французском троне.

Он родился в Беарне, в средневековом замке города По. По преданию, его крестили зубчиком чеснока и каплей вина Жюрансон, а его колыбель была из панциря черепахи. По воле своего деда Генриха д'Альбре, принц провел раннее детство в сельской местности, играя с крестьянскими детьми. Мать, суровая Жанна д'Альбре, воспитала его в строгих принципах кальвинизма, однако после смерти французского короля Франциска II в 1560 году отец, Антуан де Бурбон, привез его к французскому двору и приобщил к католической религии. Генрих жил в замке Сен-Жермен-ан-Лэ вместе с малолетним королем и его братьями, но после смерти отца, объехав с королевской семьей всю Францию, вернулся к матери — и к протестантской вере, официальной религии в Наварре.

В 1572 году он стал королем Генрихом Наваррским (этот титул он унаследовал от матери), но в том же году женился на

сестре Карла IX Маргарите Французской — «королеве Марго». Этот брак был задуман, чтобы примирить католиков и протестантов. Поскольку католичка Марго не могла принять благословение от пастора, а гугенот Генрих — войти в католический храм, бракосочетание состоялось на крыльце собора Парижской Богоматери. Однако через несколько дней разразилась Варфоломеевская ночь — множество гугенотов, приехавших в Париж на королевскую свадьбу, были перебиты; Генрих уцелел, однако был вынужден перейти в католичество, оказавшись на положении пленника французского короля.

Через четыре года после свадьбы он сумел бежать, вернулся в Наварру, вновь стал правителем Гиени и главой протестантов, соперничая в этом со своим родственником принцем Конде. Марго приехала к мужу, и оба супруга вели развеселую жизнь, возмущавшую протестантских пасторов, пока чрезмерное женолюбие Генриха не вызвало между ними ссоры.

В 1584 году французский король Генрих III, не имевший детей, назвал Генриха Наваррского своим законным наследником, но через несколько месяцев, под давлением Гизов, объявил всех протестантов вне закона и пошел на Генриха войной. Папа отлучил его от Церкви. Говорят, что за одну ночь усы и борода Генриха Наваррского наполовину поседели.

После убийства герцога де Гиза оба короля помирились и вместе выступили против католической Лиги, державшей под своим контролем Париж и большую часть французского королевства. В июле 1589 года они осадили столицу, а 1 августа монах-фанатик Жак Клеман заколол Генриха III кинжалом. Умирая, тот признал своего зятя своим наследником, и Генрих Наваррский стал Генрихом IV. Однако три четверти французов не признали его своим королем, и Генриху пришлось завоевывать собственную страну, проявляя на поле боя чудеса храбрости, а также «милость к падшим».

Во время военных действий он следил за тем, чтобы церкви оставались нетронуты, а жители городов не пострадали от пребывания в них его солдат. Благодаря этим проявлениям гуманизма все города от Тура до Ле Мана сдались без боя. Чтобы сохранить симпатии протестантов, Генрих обещал сохранить свободу культа, а чтобы не оттолкнуть католиков (и сделать приятное своей любимой — Габриель д'Эстре), перешел в католичество. Для привлечения на свою сторону городов и провинций (то есть их губернаторов) он раздал подарков на 25 миллионов ливров; последовавшее за этим увеличение налогов вызвало крестьянские восстания в провинциях, наиболее преданных королю.

27 февраля 1594 года Генрих IV был коронован в Шартрском соборе, через месяц вступил в Париж, а через полтора года получил отпущение грехов от папы Климента VIII.

Подарив измученной войнами стране долгожданный мир, король занялся восстановлением экономики страны; в истории осталась его фраза о том, что его мечта — чтобы у каждого французского крестьянина была на столе по воскресеньям курица в супе. Добившись развода с Марго, он женился на богатой невесте — Марии Медичи, которая родила ему шестерых детей. Генрих лично занимался их воспитанием, почти не проводя различия между законными отпрысками и внебрачными детьми от своих любовниц. Наряду с этим ему приходилось подавлять крестьянские восстания, бороться с заговорами, направляемыми из Испании и Савойи, усмирять банды из отпущенных со службы солдат, грабивших селян. Назревал новый конфликт с Испанией, гугеноты не ладили с католиками, а среди вельмож вызревала политическая оппозиция. 14 мая 1610 года Генрих был убит Равальяком: открытая карета, в которой ехал король, зацепилась осью за телегу с сеном на узкой улочке Ферронри, и убийца смог вскочить на подножку и нанести роковой удар. Добрый король Генрих ездил по Парижу без охраны.

Арман Жан дю Плесси де Ришелье (1585—1642). Великий кардинал, главный министр Людовика XIII.

Уроженец Пуату, он приехал в Париж под именем маркиза де Шиллу и, окончив Наваррский коллеж, готовил себя к военной карьере, поступив в академию Плювинеля. Однако его брат Альфонс-Луи, который должен был стать священником, неожиданно отказался от церковной карьеры и ушел в монахи. Мать, не желавшая терять доходов от церковного бенефиция, попросила Армана изменить свои жизненные планы. Послушный сын ушел из академии, поступил в Сорбонну, в кратчайшие сроки получил богословское образование и докторскую степень и в 21 год был назначен Генрихом IV епископом Люсонским. Следовало еще пройти утверждение у папы римского. Ришелье не исполнилось 23 лет, положенных по закону; на вопрос понтифика о возрасте он прибавил себе один год, а получив благословение, бросился ему в ноги, прося отпустить ему прегрешение. Говорят, что папа сказал: «Каков плут, далеко пойдет!» — и отпустил его с миром.

В своей епархии Ришелье развернул бурную деятельность, став первым французским епископом, который начал проводить в жизнь решения Тридентского собора. Тогда же он познакомился с монахом-капуцином Франсуа Леклерком дю

Трамбле, более известным как «отец Жозеф»; впоследствии монах стал доверенным лицом Ришелье и, благодаря цвету своей сутаны, заслужил прозвание «серого кардинала».

Ришелье было тесно в провинции. Он написал записку со своими предложениями государственных реформ королю Генриху IV, но того нехотели убить. Тогда епископ Люсонский стал добиваться внимания королевы-регентши Марии Медичи, не жалея лестии для ее фаворита Кончино Кончини. Благоприятный случай представился в 1614 году: Ришелье был избран депутатом от духовенства на Генеральные штаты и выступил там от имени своего сословия с похвалой королеве-регентше. Она ввела его в королевский Совет, однако честолюбивый епископ просчитался: в 1617 году юный Людовик XIII осуществил государственный переворот, захватив власть, которая должна была принадлежать ему по праву. Все фавориты его матери, с которой он вступил в войну, оказались в опале.

Однако мать и сын примирились... с помощью Ришелье, который постепенно возобновил свое восхождение по карьерной лестнице, вновь вошел в королевский Совет, стал кардиналом и мало-помалу сделался необходимым королю. Ему приходилось лавировать между королем и королевой, которая лишила его своей милости. Ситуация разрешилась в ноябре 1630 года: Мария Медичи требовала у сына прогнать кардинала, тот уже был готов уступить, но в разгар их беседы на повышенных тонах в кабинете королевы неожиданно появился сам кардинал (подкупленная им горничная провела его с черного хода). Это решило дело: король сделал свой выбор в пользу Ришелье, а уйти пришлось Марии. Этот день вошел в историю под названием Дня одураченных.

На службе короля Ришелье проявил себя как дипломат, стратег и военачальник (падение Ла-Рошели — полностью его заслуга), администратор, покровитель наук и искусств, создатель службы разведки и контрразведки, а также личный психолог Людовика XIII: кардиналу приходилось выслушивать жалобы короля на его фаворитов, утешать его и распутывать дворцовые интриги. Историки и писатели часто представляли кардинала истинным правителем Франции, однако он всегда помнил свое место. Больше всего на свете он боялся утратить благорасположение Людовика, который никогда не менял своих решений и отворачивался от бывшего фаворита раз и навсегда. Составляя записки для короля, главный министр излагал все «за» и «против», подводя монарха к единственно правильному выводу, но всегда оставляя решение за

ним самим. Рассказывают, что однажды Людовик, которому со всех сторон нашептывали про «манию величия» Ришелье, предложил тому первым пройти в дверь, как бы признавая его превосходство над собой. Кардинал схватил стоявший на столе канделябр и ответил: «Я пойду первым, ваше величество, чтобы освещать вам путь».

Ришелье не отличался крепким здоровьем и всю жизнь страдал от мигреней, к которым прибавились со временем разнообразные воспалительные процессы, фурункулы, нарывы, мочекаменная болезнь и геморрой. Несмотря на это, он отличался поразительной работоспособностью и цепкой памятью.

Когда кардинал умирал, исповедник призвал его простить своим врагам, на что Ришелье возразил: «У меня не было иных врагов, кроме врагов Франции».

Людовик XIII Справедливый (1601–1643). Старший сын Генриха IV, ставший королем в неполных десять лет после убийства отца.

Людовик XIII был уникальным королем в истории Франции. Он любил все делать сам — и не только заправлять постель или разрезать мясо на своей тарелке. Он использовал любую возможность, чтобы приобрести новые практические навыки: например, один из государственных секретарей научил его делать оконные рамы. В свободное от государственных дел, войны и охоты время король плавил железо и ковал его в кузнице, делал небольшие пушки, чинил оружие; работал на верстаке; вытачивал фигурки из слоновой кости; плел корзины; делал сети и клетки для птиц; печатал книги на ручном прессе, а также чеканил монету; шил одежду для своей обезьянки Робера (правда, с помощью своего портного Аршамбо); руководил изготовлением декораций для придворных балетов; делал фейерверки и духи; был неплохим каретником и кучером. Его страстью была кулинария, он хорошо усвоил уроки своего главного повара Жоржа и стал настоящим профессионалом.

Людовик рано проявил способности и любовь к музыке: научился играть на баскском барабане, затем на лютне и скрипке, на гитаре, а также петь. Танцы привлекали его меньше, но в 1615 году король вышел на сцену в образе бога Солнца, предвосхитив тем самым определяющую балетную роль своего будущего сына — Людовика XIV, Короля-Солнце. До самой своей смерти король занимался организацией балетов, которым он придавал красочности и торжественности, стараясь, чтобы в них не было ничего от бесстыдного буйства

карнавалов. Свою любовь к охоте он выразил в сочиненном им целиком и полностью Мерлезонском балете, исполненном в замке Шантильи 15 марта 1635 года (название балета происходит от слова *merle* — дрозд).

Людовик был прирожденным военным и с детских лет упражнялся во владении оружием — стрельбе из лука и аркебузы, маневрам с пикой, а также был отличным барабанщиком, выучив все сигналы. В своих детских играх он сначала использовал вместо солдатиков большие соломинки, выжженные из матраса, но очень скоро создал «потешный полк» из дворянских детей, составлявших его окружение, а после стал играть с настоящими солдатами из роты охраны, которые выполняли различные перестроения по его команде. Прочие науки юный король осваивал с меньшим рвением: в двенадцать лет перестал учить латынь, неохотно занимался геометрией и математикой, но вот историю любил. В четырнадцать лет он еще кое-как учился, но являлся на занятия в доспехах и шлеме. Зато позже, во время осады Ла-Рошели в 1627 году, он лично командовал артиллерией и учил пушкарей устанавливать прицел для более точной стрельбы; в ходе многочисленных военных кампаний он проявил себя если не великим стратегом, то хорошим тактиком и интендантом.

Людовик получил суровое воспитание: его пороли вплоть до самой женитьбы на Анне Австрийской в 1615 году. В отличие от своего отца Людовик придерживался в личной жизни строгих правил и питал к своим двум фавориткам чисто платонические чувства; он также был благочестив и богобоязнен. Рождения наследника ему пришлось ждать двадцать два года, отчаявшийся король вверил Францию покровительству Богородицы — это подействовало, поэтому новорожденный Людовик получил прозвание Богоданного. Сам же король заслужил прозвание Справедливого из-за своей принципиальности и неумолимости в исполнении закона, в которых убедились многие заговорщики, сложившие свои головы на плахе.

Роль Людовика XIII во французской истории долго не была оценена по достоинству, хотя он заложил основы абсолютизма, покончил с распрями католиков и гугенотов и начал основные реформы, способствовавшие укреплению Франции. Страдая хроническими заболеваниями, которые превратили его из жизнерадостного человека в мрачного и несносного брюзгу, он рано ушел из жизни, умерев от туберкулеза кишечника.

Антуан III де Грамон (1604—1678). Прообраз графа де Гиша из пьесы Э. Ростана «Сирано де Бержерак».

Происходил из славного наваррского рода, не уступавшего по древности и знатности роду французских королей. Его отец Антуан II де Грамон, вице-король Наварры, в свое время отказался жениться на любовнице Генриха IV, чтобы дать внебрачному сыну короля свое имя. Его первой женой была Луиза де Роклор. Уличив супругу в неверности, он убил ее любовника — своего оруженосца Нафризиана, после чего подал на него в суд и добился, чтобы того приговорили к смертной казни через отсечение головы. Герцог де Роклор сильно беспокоился о своей дочери; она умерла несколько месяцев спустя; ее мужа подозревали в отравлении, но на самом деле легкомысленная графиня скончалась «от горя и тоски». Через восемь лет граф снова женился — на Клод де Монморанси-Бутвиль.

Антуан де Грамон с юных лет носил оружие, участвуя в походах короля против гугенотов, но первый случай отличиться ему представился в 1630 году, во время войны за Мантуанское наследство, когда он был ранен. Кардинал Ришелье выдал за него замуж свою племянницу Франсуазу Маргариту де Шивре и занялся его карьерой. Грамон стал государственным советником, генеральным наместником короля в Нормандии и в Пикардии, губернатором Наварры и Беарна. При этом он сражался в Германии, Фландрии, Эльзасе, Пьемонте; своими подвигами во время осады Арраса и нескольких других городов заслужил себе маршальский жезл, после чего ковал победу под Филиппсбургом и при Лансе.

Участие в дуэли принудило его к изгнанию, но тут разразилась Фронда, во время которой Грамон, герцог и пэр, принял сторону малолетнего короля и главного министра Мазарини. Именно он организовал отъезд короля из Парижа, а затем, оставив двор, отправился в Байонну, губернатором которой являлся, поскольку там он «был нужнее королю». Принц Конде, принц Конти, герцогиня де Лонгвиль и остальные руководители Фронды находились в это время в Бордо; узнав о прибытии Грамона, они решили захватить его и утопить в Гаронне. По счастью, один советник парламента, узнав о заговоре, вскочил в лодку, за три часа добрался до города Блай и успел перехватить там Грамона: он сообщил о готовящемся покушении, и герцог не поехал в Бордо.

Грамона сделали дипломатом; в частности, он был послан к испанскому двору просить руки инфанты для Людовика XIV. По свидетельству современников, это был один из самых любезных людей при дворе Короля-Солнце, учтивый, остроумный, роскошно одетый, равно пригодный для службы на

поле брани и в министерстве. Впрочем, гасконские шутки Грамона, которые тогда передавали из уст в уста, сегодня кажутся грубоватыми. Например, однажды, во время спора о том, какое животное ближе всего к человеку, он сказал: «Мне кажется, это швейцарец». Он умер нераскаившимся грешником.

Его сын Арман де Грамон, граф де Гиш (1641—1720), был красивым, но развратным юношей — любимым «миньоном» Филиппа Орлеанского, брата Людовика XIV. Он держался с принцем настолько фамильярно, что это шокировало Великую Мадемуазель, его двоюродную сестру. Однажды во время бала-маскарада Филипп сделал вид, будто не узнал Грамона, а тот стал всячески над ним измываться и даже надавал ему пинков под зад. Более того, Грамон, известный соблазнитель, сделался любовником Генриетты Английской, супруги Филиппа Орлеанского, который, узнав об этом, устроил своему любимцу ужасную сцену. Людовик XIV запретил ему появляться при дворе, но не лишил должности вице-короля Наварры и Беарна. Грамон отправился в свои земли и занялся благоустройством замка Бидаш, снабдив его оранжереями, прудами, фонтанами и большими конюшнями. Впоследствии он погиб во время боев в Пфальце.

Наконец, внук маршала Антуан, герцог де Гиш и герцог де Грамон (1671—1725), в тринадцать лет поступил в королевские мушкетеры, через три года стал полковником пехотного полка своего имени, еще через десять лет — генерал-полковником драгун. Он отличился в сражении при Флерюсе в 1690 году, при осаде Монса в 1691 году, в битве при Рамильи и был ранен в сражении при Мальплаке; стал полковником французской гвардии и маршалом Франции, а после смерти отца вступил в наследную должность губернатора и наместника короля в Наварре и Беарне.

Джулио Мазарини (1602—1661). Преемник Ришелье и тайный супруг вдовы Людовика XIII Анны Австрийской.

Он родился в рубашке и уже с двумя зубами. Это предвещало младенцу счастливую судьбу, и впоследствии кардинал часто об этом рассказывал. Его дед был зажиточным ремесленником, отец — нотариусом, сумевшим снискать расположение благородного семейства Колонна, которому был обязан в жизни всем.

Когда в 1629 году началась война за Мантуанское наследство, Джулио добился своего назначением в армию капитаном, хотя до сих пор знал о военном искусстве лишь по книгам. Тем не менее он проявил себя способным военачальником.

Один представитель рода Колонна был назначен папским легатом для ведения переговоров о мире. Мазарини, ставший его секретарем, курсировал между двумя лагерями. Заметив, что маркиз де Санта-Крус, командовавший испанскими войсками, боится потерять свою армию, Джулио расписал ему мощь французов, не жалея преувеличений, в результате чего был заключен мирный договор, герцог Савойский признал права Карла Гонзага на Мантую, а Франция заняла Пиньероль. Ришелье обратил внимание на хитрого итальянца, обласкал его и подарил ему золотую цепь с портретом Людовика XIII и дорожную шпагу.

В 1639 году Мазарини принял французское подданство и принялся усердно служить французскому королю, а два года спустя стал кардиналом, хотя так и не был рукоположен в священники. Ришелье назначил его своим преемником, и после его смерти Мазарини стал главным министром. На этом посту он занимался также воспитанием малолетнего Людовика XIV (потерявшего отца в пятилетнем возрасте), приобщая его к управлению делами и ратному искусству.

Французская знать презирала его за то, что он итальянец, низкого происхождения и стяжатель, однако кардиналу удалось всех перехитрить и справиться с волнениями Фронды, разразившейся в 1643 году и закончившейся в 1652-м. В это время он потерял все свое состояние, однако быстро восстановил его менее чем за десять лет, набрав себе различных гражданских и церковных должностей, спекулируя на государственных фондах, занимаясь военными поставками через подставных лиц и выгодно выдавая замуж своих племянниц. Его огромным состоянием управляли Фуке и Кольбер; после смерти кардинал Мазарини оставил тридцать пять миллионов ливров, в том числе восемь миллионов наличными — столько же составляли активы Амстердамского банка, самого крупного в мире на тот момент. Чтобы избежать инвентаризации своего имущества, кардинал заблаговременно завещал его королю, который три дня колебался, прежде чем принять наследство, а затем оставил все родственникам покойного.

Людовик XIV Великий (1638—1715). Король-Солнце; находился на троне семьдесят два года и сто дней — абсолютный мировой рекорд.

В детстве Людовик Богоданный дважды «чудесным образом» избежал смерти: пяти лет от роду он чуть не утонул в одном из прудов Пале-Рояля, а в десять лет заболел оспой и неожиданно выздоровел, когда врачи уже признали свое бессилие.

Его образованием и воспитанием занимался кардинал Мазарини. Латынь, история, математика, итальянский — все эти предметы плохо давались юному королю, зато он оказался способным к живописи, архитектуре, музыке и в особенности к танцам, упражняясь в них ежедневно по два часа с семи до двадцати семи лет. Во время одного из придворных праздников он танцевал в образе солнца, чем и заслужил свое прозвание. Наставником короля в освоении военного дела был маршал Тюренн.

Небольшого роста (161 сантиметр), король был красив, элегантен и импозантен. Он никогда не выказывал усталости, не боялся ни жары, ни холода, ни дождя, ни града — и не понимал, почему другие от этого страдают. Он обладал поистине чудовищным аппетитом, поражавшим даже его современников.

Людовик интересовался всем на свете — наукой, литературой, искусством; кроме того, у него повсюду были «уши», и благодаря своим шпионам он был в курсе всего, что происходит в Версале и что о нем говорят. С другой стороны, вся его жизнь происходила на глазах у придворных, превращаясь в некое театральное действие. Его пунктуальность была образцовой; однажды, когда ему подали карету в тот самый момент, когда он спустился с крыльца, король заметил: «Мне чуть было не пришлось ждать».

Имея многочисленных любовниц (в официальном списке их шестнадцать), он всегда проводил ночь со своей супругой, находя время для любовных утех в дневные часы.

В 1655 году Людовик издал семнадцать эдиктов с целью пополнения казны. По преданию, во время их утверждения в парламенте секретарь начал было зачитывать документ: «Государство и король...», но Людовик перебил его: «Государство — это я». Впрочем, на смертном одре он изрек совершенно иную фразу: «Я ухожу, но государство остается навсегда».

После смерти Мазарини в 1661 году король отменил должность главного министра, заявив, что будет править сам. В доказательство своих слов он велел арестовать суперинтенданта финансов Никола Фуке, самого богатого и могущественного человека в королевстве. В дальнейшем все королевские министры, преимущественно выходцы из буржуазной среды (король, помня о волнениях Фронды, отравивших его детство, «зажимал» родовитое дворянство шпаги и мантий), были простыми исполнителями его воли. Свои решения король принимал сам, не подчиняясь влиянию со стороны своих родственников и фаворитов.

Он умер от старческой гангрены ноги, после агонии, длившейся несколько дней. Его кончина не слишком растрогала ни двор, ни народ, уставший от долгого царствования, конец которого был омрачен военными неудачами, неурожаем, голодом и разорением. Траурный кортеж даже освистали по дороге в Сен-Дени. Парижский парламент уже на следующий день признал его завещание недействительным; аристократия вновь подняла голову. Тем не менее многочисленные иностранные государи, даже заклятые враги Франции, осознали, что из жизни ушел исключительный человек. Курфюрст Саксонский просто и торжественно объявил своим министрам: «Господа, король умер».

Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн (1611—1675). Один из лучших военачальников Людовика XIII и Людовика XIV.

Его отец был первым маршалом Франции и другом Генриха IV. Рожденный католиком, он стал протестантом после Варфоломеевской ночи, а затем вновь отрекся от протестантской веры. Мать, Элизабет де Нассау, принцесса Оранская, была дочерью Вильгельма Молчаливого, основателя республики Соединенных провинций. Их сын получил домашнее воспитание в протестантском духе и хорошее образование; в пятнадцать лет поступил в военную академию в Париже и тогда же возглавил личный пехотный полк. Через год полк был распущен, и Анри четыре года сражался в Нидерландах простым солдатом.

«Он служил при четырех военачальниках: принце Оранском, своем дяде, который научил его выбирать место для лагеря и атаковать крепости; герцоге Веймарском, который умел творить великие вещи малыми силами; кардинале де Лавалетте, по примеру которого стал предпочитать лагерную жизнь ложному изяществу двора и любовным интригам; наконец, при графе д'Аркуре, от которого он узнал, что быстрота и энергичность — лучшие способы преуспеть в ратных делах», — писал о нем Наполеон Бонапарт.

Во время фронды Тюренн, нескладный, некрасивый и многословный, влюбился в сестру мятежного принца Конде, красавицу герцогиню де Лонгвиль — «тихий омут». Он перешел на сторону врага и согласился возглавить испанские войска, во главе которых одержал несколько побед. Но герцогиня променяла Тюренна на герцога де Немура, и тот со своим братом герцогом Бульонским решил примкнуть к французскому королю. 29 июня 1652 года в Париже с девяти утра до двух часов дня шел бой между войсками Конде, со-

орудившими баррикады, и Тюренна, обстреливавшего улицу Сент-Антуан из пушек. Конде был спасен только Великой Мадмуазель (двоюродной сестрой Людовика XIV, дочь Гастона Орлеанского), которая велела стрелять по королевским войскам из пушек Бастилии и открыть ворота Сен-Дени, чтобы побежденные могли бежать. Решающее поражение Конде Тюренн нанес в «битве в Дюнах» в 1657 году.

Сделавшись военным наставником юного короля, Тюренн вел переговоры с иностранными дворами, готовил планы Деволюционной войны и сам участвовал в сражениях. Он обратился в католичество, чтобы стать маршалом Франции. Говорили, что в его жилах вместо крови течет вода: он обладал «нордическим» характером и при всей своей личной храбрости был расчетливо осторожен.

В 1672 году он командовал одной из армий во время голландской кампании, когда голландцы прорвали дамбы, чтобы перекрыть дорогу захватчикам.

В 1675 году он захватил Баден. 27 июля должно было состояться сражение, обе армии разделял только узкий ручеек. В два часа дня Тюренн выехал на разведку к передним линиям, поднялся на холм вместе со штабными офицерами, среди которых был его племянник. Вражеский артиллерист, некто Кох, выстрелил наудачу по группе всадников. Тюренна разорвало ядром пополам; Кох подал императору ходатайство о присвоении ему дворянства.

Маршала похоронили в Сен-Дени; Бонапарт велел перенести его останки в собор Дома инвалидов.

Себастьян Ле Претр де Вобан (1633—1707). Маршал Франции, инженер, член Французской академии. Построил тридцать три новых крепости, восстановил около трехсот старых, руководил пятьюдесятью тремя осадами.

Сен-Симон называл его «самым честным и добродетельным человеком своего века, слывающим наиболее сведущим в искусстве осад и фортификации, но вместе с тем самым простым, искренним и скромным. Это был человек среднего роста, приземистый, с военной выправкой, но вместе с тем обладающий грубой и неотесанной наружностью. Это было обманчивое впечатление. Не было никого милее, приятнее, учтивее его, уважительного без заискивания, дорожащего жизнью других людей, не жалеющего ничего своего, чтобы отдать другим».

Он стал солдатом в семнадцать лет, во время Фронды. В двадцать лет, оставив войска Конде, который был готов сделать его офицером, он перешел под знамена короля и обу-

чился инженерному делу. За шесть лет он принял участие в четырех осадах и был ранен двенадцать раз. В 1656 году, во время своей первой осады под Валансьеном, который тогда удерживали испанцы, он был серьезно ранен в ногу. Его носили на носилках везде, где требовалось его присутствие.

Постоянно находясь на передовой, он с трудом выбрал время, чтобы жениться (все подготовил его кузен), и через несколько дней после свадьбы снова выехал на фронт. В день своего сорокалетия он подсчитал, что за шесть лет был в отпуске всего три дня, и то еще украдкой, выслушав затем нотации от военного министра Лувуа. Его единственный сын умер через две недели после рождения, и едва похоронив сына, он получил приказ отправляться на новую осаду.

Вобан изобрел стрельбу рикошетом и параллельные траншеи, внедрил использование штыка. Он всячески старался сохранить жизнь солдат и столь же гуманно относился к гражданскому населению. Находясь в Версале, он не скрывал перед королем горьких чувств, которые обуревали его при виде нищеты и разорения, сопутствовавших войнам.

Отмену королем Нантского эдикта приветствовало подавляющее большинство французов, включая Боссюэ, Расина, Лафонтена и Лабрюйера; Вобан и Сен-Симон принадлежали к меньшинству, высказавшемуся против.

Под конец жизни, будучи тяжело болен, он напечатал без позволения либеральный «Проект королевской десятины», который лично представил Людовику XIV: речь шла о едином налоге, которым облагались бы все без исключения и который следовало взимать натурой королевским уполномоченным. Весь тираж брошюры изъяли.

Антонен Номпар де Комон, герцог де Лозен (1633—1723). «О таком и мечтать было нельзя, а он так жил», — сказал о нем Лабрюйер.

Простой гасконский кадет, он приехал в Париж под именем маркиза де Пюигилема, поселился у своего родственника маршала де Грамона и поступил в одну из военных академий. Однако в скором времени он стал фаворитом Людовика XIV, который заметил его у графини де Суасон (своей тогдашней возлюбленной), назначил губернатором Берри и генерал-полковником специально созданной для него части королевских драгун. В 1669 году король пообещал Лозену должность главного смотрителя артиллерии, но хвастливый гасконец не сумел сохранить это обещание в тайне и проболтался одному придворному слуге, который не преминул донести обо всем Лувуа в надежде выслужиться перед министром. Досадуя

на несдержанность своего протеже, Людовик отменил свое решение. Во время объяснения между ними Лозен сломал свою шпагу, заявив, что не желает служить королю, который не держит своего слова; тогда Людовик выбросил в окно свою трость, чтобы не ударить ею дворянина. Лозена ненадолго отправили в Бастилию, но затем вернули ко двору, назначив капитаном лейб-гвардии. В 1670 году король сделал его генерал-лейтенантом, и он командовал всеми королевскими войсками во время похода во Фландрию.

Известный сердцеед, Лозен завоевал и сердце Великой Мадемуазель, которая получила у короля разрешение выйти за него замуж. Однако Людовик через три дня отменил свое решение под натиском королевы Марии Терезии и принцев крови. В результате интриг любовницы короля госпожи де Монтеспан и Лувуа Лозена снова арестовали и отправили в Пиньероль. Великая Мадемуазель добилась его освобождения ценой нескольких земельных владений, переданных ею внебрачному сыну короля, герцогу дю Мэну. Она все-таки вышла замуж за Лозена — тайно, но они постоянно ссорились и в конце концов расстались.

В 1688 году Лозен уехал в Англию играть в карты, но когда там произошла Славная революция, именно он сумел доставить жену и детей низложенного короля Якова II Стюарта в Сен-Жермен-ан-Лэ. Английская королева замолвила за него словечко перед Людовиком XIV, а король наградил орденом Подвязки. Годом позже Лозену доверили руководить экспедицией в Ирландию с целью восстановить Стюартов на троне, но она закончилась неудачей.

В 1692 году графа де Лозена сделали герцогом, а три года спустя, когда ему было шестьдесят два года, он женился на пятнадцатилетней Женевиэве Марии де Дюрмон, дочери герцога Делоржа. Лозен был желчным ворчливым стариком и до конца жизни не мог смириться с тем, что у него забрали командование ротой лейб-гвардии и что он не может поэтому принимать участие в парадах. Находясь на смертном одре, он вернул орден Подвязки английскому королю.

Филипп Орлеанский (1674—1723). Племянник Людовика XIV, был регентом при малолетнем Людовике XV.

Юный герцог де Шартр получил образование с военным и дипломатическим уклоном, как и положено члену королевской семьи. Особое предпочтение он отдавал истории, географии, философии и точным наукам. В отличие от дяди и отца, он был плохим наездником и танцором и не любил охоту, зато знал назубок генеалогию всех знатных родов,

представленных при дворе, обладал подвижным умом и большой работоспособностью.

Поскольку Франция воевала почти со всей Европой, принцу нельзя было подыскать невесту за границей; в 1688 году Людовик XIV намекнул ему, что хотел бы женить его на своей внебрачной дочери от госпожи де Монтеспан — мадемуазель де Блуа. Родители юного герцога — брат короля Филипп Орлеанский и принцесса Пфальцская — считали такой брак невозможным и возмутительным. Людовик повел себя решительно: позвал к себе племянника и объявил, что в знак своей любви хочет выдать за него свою родную дочь, на что растерявшийся герцог смог только пробормотать невнятную благодарность. Принцесса Пфальцская выразила свое неудовольствие тем, что, присев перед королем в глубоком реверансе, тотчас повернулась к нему спиной, а затем отвесила сыну пощечину при всем дворе. Брак был заключен в 1692 году и оказался несчастливым: Филипп называл свою жену «мадам Люцифер»; тем не менее у них родились восемь детей. Герцог обзавелся также несколькими внебрачными отпрысками.

Свою военную карьеру он начал в Голландии, отличившись при Монсе, Стенкеркене и Неервиндене. Герцог проявил себя хорошим офицером и снискал любовь солдат; он критиковал стратегию военачальников короля, причем его собственные военные инициативы неизменно приводили к успеху. При дворе его начали сравнивать с Великим Конде, что возбуждало ревность со стороны других принцев крови; чтобы положить этому конец, король отозвал с фронта всех принцев. Филипп воспринял это как личную обиду. Но во время неудач войны за Испанское наследство его снова призывали в армию, и он отличился под Турином в 1706 году.

Людовик XIV недолюбливал своего племянника: во-первых, тот с юных лет предавался в Париже разврату как с женщинами, так и с мужчинами, а во вторых, его нескрываемые амбиции и увлечение химией навлекли на него подозрения в том, что он был причастен к смерти дофина и его семьи.

После смерти короля герцог Орлеанский оказался старшим в роду и, естественно, стал регентом. Однако Людовик XIV в своем завещании указал состав регентского совета, поручив воспитание малолетнего Людовика XV своему побочному сыну герцогу дю Мэну. Филипп добился, что парламент не утвердил завещание и признал его единственным регентом, но за это ему пришлось вернуть парламенту право на ремонстрации, отнятое Королем-Солнце.

Регент повел политику, прямо противоположную политике Людовика XIV, стараясь завоевать симпатии народа: установил мир, поддерживал янсенистов, перестал бороться за права Стюартов на английский трон, попытался возродить экономику и восстановить финансы, установить более справедливую систему налогообложения. Но в своей личной жизни он ничего менять не пожелал и в компании «висельников» устраивал оргии в Пале-Рояле.

Когда на Францию обрушились самые разнообразные бедствия — пожары, чума в Марселе, крах финансовой системы Ла, — это приписали бесчинствам регента. Однако тот, благодаря своей неукротимой энергии и отсутствию политической оппозиции в стране, удержался и занял место главного министра при Людовике XV, питавшем к нему чувства нежной привязанности. Он рьяно принялся за дела, но тут уже начало подводить здоровье, к тому же герцог, невоздержанный во всем, сильно растолстел и порой засыпал во время заседаний совета.

В истории он остался еще и как автор двух опер, талантливый художник и гравер, а также владелец знаменитого алмаза «Регент», самого красивого в Европе. Изначально этот алмаз, найденный в Индии, весил 410 карат и был куплен за сто тысяч долларов губернатором Мадраса Томасом Питтом. В 1717 году Питт продал его Филиппу Орлеанскому за 650 тысяч фунтов стерлингов, тот велел огранить его, из-за чего алмаз уменьшился до 140,5 карата. Алмаз «Регент» красовался на короне Людовика XV во время его коронации в 1722 году.

Людовик XV Возлюбленный (1710—1774). Правнук Людовика XIV, ставший его преемником на французском троне; слыл самым красивым мужчиной в королевстве.

Он тоже стал королем в пятилетнем возрасте, однако при нем не было Мазарини, а регент Филипп Орлеанский был не самым удачным примером для подражания.

С 1743 года король решил править сам, однако, обладая умом скептического склада, был неуверен в себе, а потому его политике не хватало целостности и последовательности. Слабохарактерный, но ревнивый к власти, он испытывал на себе влияние фаворитов и любовниц, в частности маркизы де Помпадур.

Его женой стала Мария Лещинская, дочь низложенного польского короля, на семь лет его старше; изначально молодой супруг вознамерился хранить ей верность, однако, родив десятерых детей (из них выжили только шесть дочерей и один сын), она стала уклоняться от его ласк, и Людовик начал

искать их в объятиях любовниц. В отличие от своего прадеда он не признавал своих внебрачных детей, зато, переболев «нехорошей болезнью», велел приводить к себе только девственниц. Для королевских утех существовало гнусное заведение под названием «Олений парк». Его единственный сын был возмущен образом жизни своего отца; его младшая дочь ушла в монастырь, чтобы вымолить ему прощение.

Параллельная дипломатия, «тайные письма короля», без всяких объяснений отправлявшие указанного в них человека в Бастилию, которыми торговали при дворе и расплачивались с любовницами, финансовые проблемы, связанные, в частности, с невероятной роскошью двора, — все это ослабило монархию изнутри, а непредсказуемая внешняя политика подорвала позиции Франции на международной арене, хотя в эпоху Людовика XV Париж стал законодателем мод для всей Европы. Заключив «глупый» Регенсбургский мир, Людовик, по его мнению, поступил «как король, а не как торгош», но этот широкий жест не встретил понимания среди французов. Неслучайно ему приписали фразу, которую он (или маркиза де Помпадур) якобы произнес после сокрушительного поражения при Росбахе во время Семилетней войны: «После нас — хоть потоп».

Траурный кортеж с телом короля следовал по улицам Парижа при гробовом молчании собравшейся толпы. «Безмолвие народа — урок королям», — сказал на это известный проповедник Жан Батист де Бове.

Луи Франсуа Арман де Виньеро дю Плесси, герцог де Ришелье (1696—1788). Правнучатый племянник кардинала Ришелье, крестник Людовика XIV.

Был трижды женат: в первый раз — в пятнадцать лет, на Анне де Ноайль; во второй раз — в тридцать восемь, на Елизавете Лотарингской, в третий раз — в восемьдесят четыре года, на Жанне де Лаво.

Его прозвали французским Алкивиадом, он прославился своими дебошами, любовными похождениями и дуэлями, из-за которых в юности провел четырнадцать месяцев в Бастилии. Он вернулся туда за участие в заговоре Селламара — испанского посла во Франции; целью заговора было свержение Регента Филиппа Орлеанского. Заговорщики повели себя крайне неумело, все были арестованы, но никто не казнен.

Благодаря покровительству маркизы де При Ришелье был назначен послом в Вену, а потом в Дрезден, где проявил себя ловким дипломатом. Затем он получил придворную должность обер-камергера и стал губернатором Гиени; новый гу-

бернатор, открыв для себя бордоские вина, способствовал их продвижению на французский рынок.

Будучи доблестным воином, он отлично сражался во многих кампаниях с 1733 по 1758 год, именно благодаря ему битва при Фонтену закончилась победой французских войск. Через три года после Фонтенуа он стал маршалом Франции.

Блистательный придворный, он оказывал огромное влияние на Людовика XV, пока маркиза де Помпадур, оскорбленная его отказом женить своего сына, герцога де Фронсака, на ее дочери, мадемуазель д'Этиоль, не удалила его от короля; но и тогда он не утратил своего влияния полностью.

Как и его предок, маршал Ришелье прослыл щедрым меценатом, был другом Вольтера, которого часто принимал у себя в Париже, Версале и Фонтенбло. Хотя он писал с ошибками, его единогласно избрали во Французскую академию; свою вступительную речь ему пришлось заказать Фонтенелю, Кампастрону и Детушу. Десять лет спустя он стал почетным членом Академии наук.

ЛИТЕРАТУРА

- Птифис Ж.-К.* Д'Артаньян. М.: Молодая гвардия, 2004.
- Лабрюйер Ж. де.* Характеры, или Нравы нашего века. М.: АСТ, 2005.
- Бюизин А.* Казанова. М.: Палимпсест-Эстерна, 2007.
- Тараторин В.* Конница на войне. Минск: Харвест, 1999.
- Дюма А.* Три мушкетера. М.: Художественная литература, 1949.
- Ростан Э.* Сирано де Бержерак. М.: ЭКСМО, 2007.
- Гютье Т.* Капитан Фракасс. М.: Художественная литература, 1982.
- Chevalier, Pierre.* Louis XIII, roi cornélien. Paris, Fayard, 1979.
- Conte, Arthur.* Soldats de France; Paris, éditions de la Seine, 2001.
- Grand dictionnaire universel du XIXe siècle en 15 volumes, par Pierre Larousse. Paris, 1870.
- Mongrédien, Georges.* La vie quotidienne des comédiens au temps de Molière. Paris, Hachette, 1966.
- Cauchy, Eugène.* Du duel, considéré dans ses origines et dans l'état actuel des mœurs. Paris, Charles Hingray, 1846.
- Journal du marquis de Dangeau, 1684—1686. Paris, édition Firmin-Didot, 1854.
- Dumas, Alexandre.* Mes Mémoires. Paris, Alexandre Dumas et Lévy, 1863.
- Brioist, P., Drévilion, H., Serna, P.* Croiser le fer. Paris, Champ Vallon, 2002.
- Fournel, Victor.* Les rues du vieux Paris. Paris, Populaire, 1879.
- Mouillard, L.* Les régiments sous Louis XV. Paris, Editions de France, 1882.
- Monteilbet, André.* Les Maîtres de l'œuvre équestre. Paris, Odège, 1979.
- Pellisson, Paul.* Lettres historiques (1624—1693). Genève, Slatkine Reprints, 1971.
- Saint-Simon, L.* Mémoires. Paris, Gallimard, 1990.
- Colomès, Jean-Pierre.* L'histoire de la province et comté de Bigorre. Paris, H. Champion, 1886.
- Bluche, François.* Louis XIV. Paris, Editions France Loisirs, 1994.
- Favier, Jean.* Finance et fiscalité au bas Moyen Age. Paris, Presse universitaire, 1971.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel.* Histoire humaine et comparée du climat. Paris, Fayard, 2005.

- Ordre des Pharmaciens. Collections d'Histoire de la Pharmacie. Paris, Ex-libris, 2001.
- Madame de Sévigné: Lettres. Paris, Flammarion, 2003.
- Samaran, Charles*. D'Artagnan, capitaine des Mousquetaires du Roi. Paris, Flammarion, 1967.
- Lanchon, Stéphane*. Les révoltes populaires sous l'Ancien Régime, XVI—XVIII. Paris, Editions de France, 1991.
- Mussot-Goulard, Renée*. Histoire de la Gascogne. Paris, Presses Universitaires de France, 1996.
- Castarède, Jean*. Histoire de la Guyenne et de la Gascogne. Editions France-Empire, 1997.
- Larcade, Véronique*. Les Cadets de Gascogne. Bordeaux, Empreinte, 2000.
- Puech, Louis*. Histoire de la Gascogne. Auch, 1914.
- Tallemant des Réaux, Gédéon*. Historiettes. Paris, éditions Albert Guillot, 1850.
- Dupâquier, Jacques*. La population française aux XVIIe et XVIIIe s. Paris, Presses Universitaires de France, 1979.
- Cardinal de Retz*. Mémoires. Paris, LGF — Livre de Poche, 1999.
- Denise, Bruno*. La gastronomie, nouvel art de vivre du XVIIIème siècle en Lorraine. Nancy, Edition des Archives municipales, 2006.
- Massialot, François*. Le Nouveau cuisinier royal et bourgeois. Paris, 1717.
- Lenôtre, G*. Paris et ses fantômes. Paris, 1933.
- Bosson, Clément*. Les Mousquetaires du Roi et leurs armes. Gazette des Armes N°42, octobre 1976.
- Lilti, Antoine*. Socialibité et mondanité à Paris au XVIIIe s. Paris, Fayard, 2005.
- Eigeldinger, Frédéric S*. L'Armée au XVIIIe s. (1715—1789). Université de Provence, 1999.
- Ginisty, Paul*. Anthologie du Journalisme du XVIIe s. à nos jours. Paris, Delagrave, 1922.
- Mémoires de la Mlle de Montpensier. Paris, Foucault, 1824.
- Robou, Jean*. La sexualité dans la tragédie racinienne. Atala, hors série, 1999.
- Lamoral Le Pipre de Neuville, Simon*. Journal historique des deux Compagnies des Mousquetaires du Roi. Paris, 1889.
- Bendjebbar, André*. La gloire des armes. SCEREN-CNDP, 1997.
- Suzane (Général)*. Histoire de la Cavalerie Française, 3 vol., réed. Térana, 1989.
- Choppin (Capitaine Henri)*. Les origines de la Cavalerie Française, Berger-Levrault, 1905.

Corvier, André. Les contrôles de troupes de l'Ancien Régime. SHAT, 1970.

Autour du fil, l'encyclopédie des arts textiles. Paris, Editions Bonnier, 1989.

Steinberg, Sylvie. Un brave cavalier dans la guerre de sept ans, Marguerite dite Jean Goubler. Clio, N°10/1999.

Prébac, Jean de. L'Héroïne mousquetaire, ou Histoire véritable de Mlle Christine, comtesse de Meyrac. Amsterdam, chez Jean Pauli, 1728.

СОДЕРЖАНИЕ

Поле битвы — Европа

6

ЭЛИТНЫЕ ВОЙСКА

Военная свита короля. — Королевские мушкетеры. — Гвардейцы кардинала. — Младшие мушкетеры. — «Серые» и «черные». — Гасконские кадеты. — Происхождение и заслуги. — «Из грязи в князи». — Королевские ордена. — Люди и судьбы. — Символ чести

22

МУШКЕТЕРЫ В УЧЕЬЕ

Уроки фехтования. — Академия Плювиенля. — «Школа кавалерии» Ла Гериньера. — Военные училища. — Рота королевских мушкетеров — школа офицеров

49

МУШКЕТЕРЫ НА ПАРАДЕ

Мушкетерский стиль в моде XVII века. — Представительская роль. — «Война кружев». — Мушкетерские плащи. — Первые мундиры. — Знамена и музыка. — Военная форма XVIII века. — Кони на параде. — Последний наряд

64

МУШКЕТЕРЫ НА СЛУЖБЕ

Будни. — Деньги. — Жалованье. — Ростовищики и ломбарды. — Жилье. — Гигиена. — Слуги. — Оружие: шпага, мушкет, пистолеты, штык. — Кони. — Дороги. — Чины и расценки

80

МУШКЕТЕРЫ ЗА СТОЛОМ

За королевским столом. — «Французская система» сервировки. — Два пира Франсуа Вателя. — Обед в богатом семействе. — Гасконская кухня. — Десерты, пряности, соусы. — «Русская сервировка». — «Высокая кухня». — «Серебряная башня». — Шоколад, чай, кофе. — Цены на продукты. — Вино. —

Таверны

102

МУШКЕТЕРЫ НА ДОСУГЕ

Театр. — Парижские улицы. — Праздники. — Карусели. — Торжества в Версале. — Танцы. — Ярмарки. — Казни. — Игорные дома. — Игра в мяч, кегли, бильярд. — Салоны. — Пале-Рояль. — Средства передвижения. — Табак. — Газеты и журналы

118

МУШКЕТЕРЫ И ЖЕНЩИНЫ

Проститутки и содержанки. — «Кавалерист-девицы». — Стандарты красоты. — Содомия. — Законы о браке. — Семейная жизнь. — Женское воспитание. — Любовь и брак. — Развод

145

МУШКЕТЕРЫ НА ВОЙНЕ

Реформа армии: борьба с приписками, укрепление дисциплины. — Пайки. — Первые подвиги мушкетеров. — Осады. — Сражения. — Тактика кавалерии. — Пленные. — Фонтенуа: последняя битва

167

МУШКЕТЕРЫ НА ДУЭЛИ

Дуэль в начале XVII века. — Храбрец для кардинала. — Эдикты против дуэлей. — Дуэль: все дозволено. — Секунданты. — Вызов. — Дуэль в гарнизоне. — Превентивные меры. — Дело чести. — Военные и гражданские

200

МУШКЕТЕРЫ-КАРАТЕЛИ

Налоги. — Кроканы и босоногие. — Восстание в Виварэ. — Бунт против гербовой бумаги. — Мушкетеры-тюремщики. — Республика Оливье Миссона. — Подать для всех. — На пути к Революции

220

МУШКЕТЕРЫ В ЛАЗАРЕТЕ

Боевые раны. — Врачи, хирурги и аптекари. — Кровопускание и клистиры. — Спор о кровообращении. — Переливание крови. — Астрология и медицина. — Лихорадка и «нехорошая болезнь». — Растительные и минеральные препараты. — Помешательство. — Ветеринария

241

МУШКЕТЕРЫ В ЦЕРКВИ

*Католики и гугеноты. — Нантский эдикт. —
Государственная религия. — Драгонады. — Эдикт
Фонтенбло. — Декларация галликанской церкви. —
Век Просвещения: терпимость. — Власть Церкви. —
Благочестие военных. — Суеверия. — Из мушкетеров —
в монахи*

261

МУШКЕТЕРЫ В ОТСТАВКЕ

*Помещики. — Чиновники. — Придворные. — Тюремщики. —
Губернаторы. — Литераторы*

279

Вместо послесловия

Последнее «прости» красной свите от черного мушкетера

291

Приложения

Основные военные конфликты и сражения, в которых
принимали участие королевские мушкетеры

297

Командиры мушкетерских рот

300

Исторические портреты: лица эпохи

302

Литература

320

Глаголева Е.

Г 52 Повседневная жизнь королевских мушкетеров / Екатерина Глаголева. — М.: Молодая гвардия, 2008. — 325 [11] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03161-6

Людовик XIII отбирал их среди самых храбрых и проверенных воинов; при Людовике XIV один вид голубых плащей с серебряными крестами навел ужас на врага. На протяжении двух столетий роты королевских мушкетеров были гордостью французских королей и одним из национальных символов Франции. Но их жизнь состояла не только из сражений. Они делали карьеру, решали финансовые проблемы, дрались на дуэлях, лечились от ран, развлекались, влюблялись, обзаводились семьей... Автор ведет свой увлекательный рассказ о буднях королевских мушкетеров на широком фоне общественно-политической жизни Франции в XVII—XVIII веках.

**УДК 94(44)“15/16”
ББК 63.3(4Фра)**

Глаголева Екатерина

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КОРОЛЕВСКИХ МУШКЕТЕРОВ

Главный редактор А. В. Петров

Редактор Е. В. Смирнова

Художественный редактор И. И. Сулов

Технический редактор В. В. Пялкова

Корректоры Т. И. Маляренко, Л. М. Марченко

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 21.05.2008. Подписано в печать 18.09.2008. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гармон». Усл. печ. л. 17,64+0,84 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 84068.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-03161-6

БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВ
БЛИЗКОЕ ПРОШЛОЕ

*Мемуары и эпистолярное наследие
известных писателей, философов, художников,
музыкантов, театральных деятелей,
представителей творческой богемы*

Уже изданы и готовятся к печати:

Е. Герцык
«ЛИКИ И ОБРАЗЫ»

Т. Маврина
«ЦВЕТ ЛИКУЮЩИЙ.
ДНЕВНИКИ 1930—1990 ГГ.»

Н. Матвеева
«МЯЧ, ОСТАВШИЙСЯ В НЕБЕ»

М. Нестеров
«О ПЕРЕЖИТОМ. ВОСПОМИНАНИЯ»

С. Дурылин
«В СВОЕМ УГЛУ»

О. Гильдебрандт-Арбенина
«ДЕВОЧКА, КАТЯЩАЯ СЕРСО...»

А. Тахо-Голи
«ЖИЗНЬ И СУДЬБА: ВОСПОМИНАНИЯ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

Е. Глаголева

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КОРОЛЕВСКИХ МУШКЕТЕРОВ**

С. Зегидур

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПАЛОМНИКОВ В МЕККЕ**

Л. Реньё

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОТЦОВ-ПУСТЫННИКОВ IV ВЕКА**

И. Курукин, Е. Никулина

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ**

Н. Будур

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КОЛДУНОВ И ЗНАХАРЕЙ
В РОССИИ XVIII-XIX ВЕКОВ**

Г. Андреевский

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ
НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru>. dset@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

Ж. Каркопино

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНЕГО РИМА.
АПОГЕЙ ИМПЕРИИ**

Ж. Мартино

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ
ПРИ НАПОЛЕОНЕ**

Ж. Монгредьен

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КОМЕДИАНТОВ
ВО ВРЕМЕНА МОЛЬЕРА**

В. Бокова

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ В XIX ВЕКЕ**

О. Елисеева

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
БЛАГОРОДНОГО СОСЛОВИЯ
В ЗОЛОТОЙ ВЕК ЕКАТЕРИНЫ**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru>. dset@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

М. Чертанов
«КОНАН ДОЙЛ»

А. Русакова
«СЕРЕБРЯКОВА»

Э. Матонина, Э. Говорушко
«К. Р.»

С. Коваленко
«АННА АХМАТОВА»

А. Варламов
«МИХАИЛ БУЛГАКОВ»

К. Константины
«ФЕЛЛИНИ»

М. Тибальди-Кьеза
«ПАГАНИНИ»

Д. Быков
«ОКУДЖАВА»

С. Варга
«ЛОПЕ ДЕ ВЕГА»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

К. Ковалев-Случевский
«ЮРИЙ ЗВЕНИГОРОДСКИЙ»

Г. Матвеев
«ПИЛСУДСКИЙ»

Е. Анисимов
«ИВАН VI АНТОНОВИЧ»

А. Бондаренко
«МИЛОРАДОВИЧ»

Р. де Кастр
«МИРАБО»

Е. Морозова
«ШАРЛОТТА КОРДЕ»

В. Голованов
«НЕСТОР МАХНО»

И. Князький
«КАЛИГУЛА»

В. Федюк
«КЕРЕНСКИЙ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>. dset@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

В. Я. Голованов НЕСТОР МАХНО

Личность одного из лидеров российского анархизма Нестора Махно (1888—1934) и сегодня вызывает большой интерес в обществе. Обнародованные после долгого запрета документы позволяют увидеть в нем не анекдотическую фигуру, созданную советским агитпропом, а незаурядного полководца и организатора, пытавшегося воплотить на родной Украине идеалы свободы и справедливости. В огне Гражданской войны отряды Махно сражались против белых и красных, интервентов и петлюровцев. В неравной борьбе они были разбиты, их «батька» закончил жизнь в эмиграции, но его идеи не погибли. В последние годы появляется все больше трудов, авторы которых исследуют не только яркую личность Махно, но и его теорию и практику самоорганизации общества в противовес подавляющей власти государства. Книга писателя Василия Голованова — одно из лучших исследований феномена Махно, сочетающее строгую документальность с художественным мастерством изложения.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

При издательстве работает

книжный магазин:

8(499) 972-05-41; 8(495) 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru> dset@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. А. Кобринский ДАНИИЛ ХАРМС

Даниил Хармс (Ювачев) (1905–1942) – выдающийся поэт и писатель, основатель литературного сообщества ОБЭРИУ (Объединение реального искусства), прошедший путь от словотворческой «зауми» к произведениям, воплощавшим глубинную абсурдность человеческого существования. Абсурдной казалась вся его жизнь, сотканная из парадоксов: застенчивый донжуан, безукоризненно вежливый зачинщик скандалов, детский писатель, не любивший детей. Эти противоречия выводили из себя не только коллег по писательскому цеху, но и власть, которая всячески преследовала Хармса. После ареста и трагической гибели его произведения много лет были запрещены. Сегодня творчество Хармса широко известно как в России, так и за рубежом, однако его биография по-прежнему хранит немало загадок. Новым этапом на пути ее исследования является первая полная биография писателя, написанная доктором филологических наук, знатоком творчества обэриутов Александром Кобринским.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

При издательстве работает

книжный магазин:

8(499) 972-05-41; 8(495) 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Э. Е. Матонина, Э. Л. Говорушко
К. Р.

Сегодня известно, что поэт, укрывшийся под инициалами К. Р., — Великий князь Константин Константинович Романов, внук самодержца Николая I; на стихи К. Р. написано множество известных романсов и народных песен. Однако пока мало кто знает, что за инициалами К. Р. скрыт и большой государственный деятель — воин на море и на суше, Георгиевский кавалер, командир знаменитого Преображенского полка, Президент Российской Академии наук, организатор научных экспедиций в Кара-Кум, на Шпицберген, землю Санникова, создатель знаменитого Пушкинского Дома, первого в России высшего учебного заведения для женщин — «Высших женских курсов», а также первых комиссий помощи нуждающимся литераторам, ученым, музыкантам. Документальное повествование о К. Р. охватывает все сферы его жизни — от сердечных до общественных, не минует и те заблуждения и потрясения, которые пережила Россия в начале XX века.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

При издательстве работает

книжный магазин:

8(499) 972-05-41; 8(495) 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. И. Кудря ВАЛЕНТИН СЕРОВ

Широкое привлечение редких архивных документов, уникальной семейной переписки Серовых, редко цитируемых воспоминаний современников художника позволило автору создать жизнеописание одного из ярчайших мастеров Серебряного века Валентина Александровича Серова. Ученик Репина и Чистякова, Серов прославился как непревзойденный мастер глубоко психологического портрета. В своем творчестве Серов отразил и внешний блеск рубежа XIX—XX веков и нараставшие в то время социальные коллизии, приведшие страну на край пропасти. Художник создал замечательную портретную галерею всемирно известных современников — Шалаяпина, Римского-Корсакова, Чехова, Дягилева, Ермоловой, Станиславского, передав таким образом их мощные творческие импульсы в грядущий век.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

При издательстве работает

книжный магазин:

8(499) 972-05-41; 8(495) 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

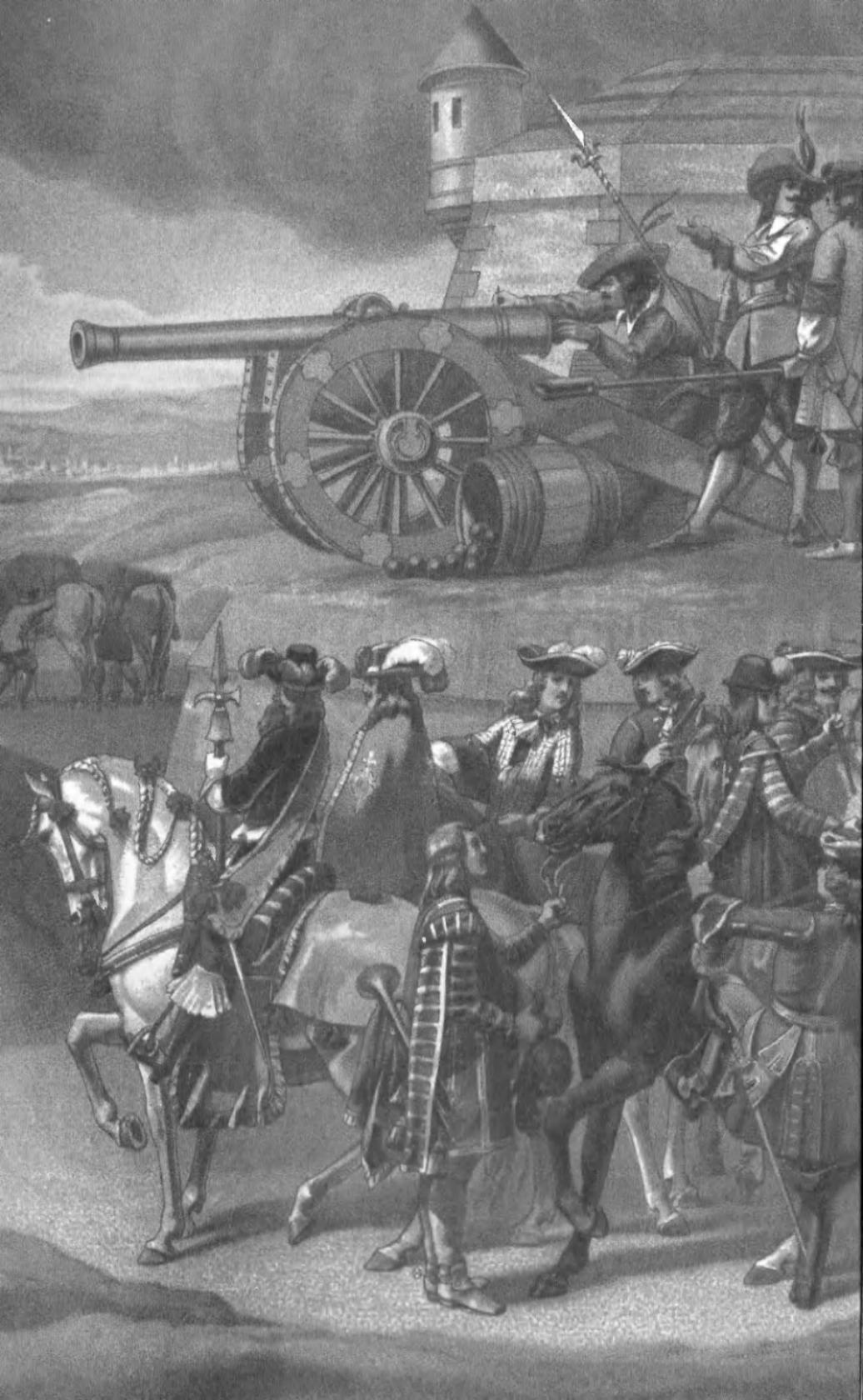
открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 8(499) 972-05-41, 8(495) 787-64-77.
<http://mg.gvardiya.ru> E-mail: mol_gvard@mail.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Г. Андреевский

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ
В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ.
1920—1930-е

Г. Андреевский

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ
В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ.
1930—1940-е

Н. Будур

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КОЛДУНОВ И ЗНАХАРЕЙ

Ф. Данинос

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЦРУ.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ.
1947—2007

Д. Меекс, К. Фавар-Меекс

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЕГИПЕТСКИХ БОГОВ

Л. Ивченко

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ОФИЦЕРА
ЭПОХИ 1812 ГОДА

интернет-магазин

OZON.RU

19773296

ISBN 978-5-235-03161-6

9 785235 031616 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ